

ISSN 2587-9510 (print)
ISSN 2782-4632 (online)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

№ 4 (59) 2025

- Лингвистика
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

№ 4 (59) 2025

- Linguistics
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-70532 от 25.07.2017.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал выходит четыре раза в год.

Подписной индекс в электронном каталоге Почты России ПД037

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – С.А. Скуридина, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Н.Б. Бугакова, доктор филологических наук

Ответственный секретарь – О.В. Сулемина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Е.А. Акелькина – доктор филологических наук – Омск, Россия; **В.Р. Аминева** – доктор филологических наук – Казань, Россия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Л.Н. Верховых** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **А.Э. Еремеев** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.Л. Каминская** – доктор филологических наук – Великий Новгород, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.М. Кольцова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Э.И. Коптева** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **Е.В. Косинцева** – доктор филологических наук – Ханты-Мансийск, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **С.М. Махмудова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Р.О. Муталов** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.С. Обухова** – доктор филологии – Скопье, Северная Македония; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **С.С. Распопова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.К. Рева** – доктор филологических наук – Пенза, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **Р.Б. Унарокова** – доктор филологических наук – Майкоп, Россия; **Е.А. Шаронова** – доктор филологических наук – Саранск, Россия; **В.И. Шульженко** – доктор филологических наук – Пятигорск, Россия; **Г.Н. Ягафарова** – доктор филологических наук – Уфа, Россия.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal «Actual Issues of Modern Philology and Journalism» is included into the list of leading scientific publications which publishes the results of thesis for the degree of doctor of science and PhD.

Subscription index in the electronic catalog of the Russian Post ПД037.

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – S.A. Skuridina, doctor of philology

Deputy chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology

N.B. Bugakova, doctor of philology

Executive secretary – O.V. Sulemina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

E.A. Akelkina – doctor of philology – Omsk, Russia; **V.R. Amineva** – doctor of philology – Kazan, Russia; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **L.N. Verkhovyykh** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **A.E. Ereemeev** – doctor of philology – Omsk, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.L. Kaminskaya** – doctor of philology – Velikiy Novgorod, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.M. Koltsova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.I. Kopteva** – doctor of philology – Omsk, Russia; **E.V. Kosintseva** – doctor of philology – Hanty-Mansiysk, Russia; **E.O. Kuzminykh** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **D. Lesnevska** – PhD – Sophia, Bulgaria; **S.M. Makhmudova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **R.O. Mutalov** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.S. Obukhova** – doctor of philology – Skopje, Northern Makedonia; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **Yu.S. Popova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **S.S. Raspopova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.K. Reva** – doctor of philology – Penza, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongol; **R.B. Unarokova** – doctor of philology – Maykop, Russia; **E.A. Sharonova** – doctor of philology – Saransk, Russia; **V.I. Shulzhenko** – doctor of philology – Pyatigorsk, Russia; **G.N. Yagafarova** – doctor of philology – Ufa, Russia.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Address of the founder and publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

© Voronezh State Technical University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Скуридина С.А.</i> Вступительное слово главного редактора.....	8
Лингвистика	
<i>Саенко О.А., Степанова Н.П.</i> Реализация стратегий в письменном педагогическом дискурсе (на материале французского учебника «Cosmopolite»).....	9
<i>Птушкина Е.В.</i> Принципы составления коммуникативного словаря тематически мотивированной лексики фигурного катания.....	19
<i>Салькова В.В.</i> Анализ вопросительных предложений при определении формы выражения негативных сведений в лингвокриминалистике.....	26
Аспекты изучения художественного текста	
<i>Твердохлеб О.Г.</i> Лексика со значением ‘сверхъестественные существа’ в поэзии Николая Гумилева: комплексный анализ.....	35
<i>Кучина И.А., Боровкова К.Д.</i> Метод анализа жанровых особенностей современного романа на примере романа Марины Степновой «Сад».....	46
<i>Королева А.С., Скуридина С.А.</i> Образ чёрта в медиаинтерпретации В. Мирзоева «Преступление и наказание» по мотивам творчества Ф.М. Достоевского.....	52
<i>Миннуллина Ф.Х.</i> Татарские комедии начала XXI века: эволюция жанра в контексте социокультурных трансформаций.....	60
Писатели-юбиляры: М.А. Шолохов	
<i>Яковлева О.И., Кайзер-Данилова Н.В.</i> Антропонимия рассказа «Наука ненависти» М.А. Шолохова.....	69
Лингвокультурология	
<i>Самойленко Н.С., Сухова К.И.</i> Разработка практических рекомендаций совершенствования коммуникативного этикета в условиях удаленного взаимодействия.....	77
<i>Недоступова Л.В.</i> Оригинальность речевого портрета сельских жителей Воронежской области века: фонетический аспект.....	82
<i>Смышляев Е.А., Колесников М.А.</i> Биографический миф о Виталии Кальпиди.....	92
Межкультурная коммуникация	
<i>Чечетка В.И., Пашиковская Н.Д., Рыжков О.И.</i> Страноведческие и идеологические коннотации периферийных онимов (на примере немецкого и английского языков).....	98
<i>Матвеева Н.В., Жигалова Я.И.</i> Способы передачи культурных реалий в автопереводе (на материале рассказа В. Набокова «Весна в Фиальте»).....	104
Журналистика в историко-теоретическом аспекте	
<i>Алексеева Т.В.</i> Доминанты современной телевизионной документалистики о деятелях культуры.....	111
<i>Сяобинь Цинь, Дорошук Е.С.</i> Жанровый канон и его трансформация: адаптация рецензии к условиям XXI века в китайских «толстых журналах».....	120
<i>Керимова Д.Ф.</i> Особенности формирования информационной повестки на городском телевидении.....	129
<i>Воронова Т.А., Хугаев И.И.</i> Зрительская оценка кинотрилогии П. Джексона «Властелин колец» в медиасфере.....	134
<i>Шкода Ю.Д.</i> Функциональные особенности лингвистического хеджирования в англоязычном и русскоязычном спортивных дискурсах (на материале репортажей Формулы 1).....	143

Язык СМИ

Ерофеева И.В., Михалёва Л.И. Социокультурные ценности в структуре языковой личности военного журналиста (на примере новых медиа Евгения Поддубного и Юлии Андриенко)..... 151

Мисюра С.М. Языковые инструменты конструирования конфликта в англоязычном дискурсе отмены..... 161

События, обзоры, рецензии

Алейников О.Ю., Бугакова Н.Б. Из истории научного освоения творчества Андрея Платонова в Воронеже. Памяти Т.А. Никоновой..... 167

Ахметова М.А. Третьи Международные Пастернаковские чтения в Татарстане..... 174

Скуридина С.А. Ненормативная лексика русского языка в юрислингвистическом аспекте (рецензия на монографию В.М. Баранова, В.Е. Замальдинова «Ненормативная лексика русского языка: юрислингвистический анализ», Москва, 2025)..... 182

Гурова И.В. Лингвистические феномены в синхронии и диахронии: региональный методологический семинар научной школы профессора Е.П. Иванян..... 185

Правила оформления статей..... 195

CONTENTS

<i>Skuridina S.A.</i> Opening remarks of the chief editor	8
Linguistics	
<i>Saenko O.A., Stepanova N.P.</i> Implementation of strategies in written pedagogical discourse (based on the French textbook «Cosmopolite»).....	9
<i>Ptushkina E.V.</i> Principles of compiling a communicative dictionary of thematic motivated vocabulary of figure skating.....	19
<i>Salkova V.V.</i> Analysis of question sentences in determining the form of expression of negative information in forensic linguistics.....	26
Literary text: aspects of study	
<i>Tverdokhlebov O.G.</i> Vocabulary with the meaning of ‘supernatural beings’ in the poetry of Nikolai Gumilev: a comprehensive analysis.....	35
<i>Kuchina I.A., Borovkova K.D.</i> A method of genre features analysis of modern novel “The garden” by Marina Stepanova.....	46
<i>Koroleva A.S., Skuridina S.A.</i> The image of the devil in V. Mirzoev’s media interpretation “Crime and punishment” based on the work of F.M. Dostoevsky.....	52
<i>Minnullina F.Kh.</i> Tatar comedies of the early XXI century: evolution of the genre in the context of socio-cultural transformations.....	60
Jubilee writers: M.A. Sholokhov	
<i>Yakovleva O.I., Kaiser-Danilova N.V.</i> Anthroponyms in the story “The science of hate” by M.A. Sholokhov.....	69
Language and culture studies	
<i>Samoilenko N.S., Sukhova K.I.</i> Development of practical recommendations for improving communication etiquette in remote interaction.....	77
<i>Nedostupova L.V.</i> The originality of the speech portrait of rural residents of Voronezh region in the 21 st century: phonetic aspect.....	82
<i>Smyshlyaev E.A., Kolesnikov M.A.</i> The bibliographical myth of Vitaly Kalpidi.....	92
Intercultural communication	
<i>Chechetka V.I., Pashkovskaia N.D., Ryzhkov O.I.</i> Geographical and ideological connotations of peripheral onyms (on the example of German and English languages).....	98
<i>Matveeva N.V., Zhigalova Ya.I.</i> Ways of rendering cultural realias in auto-translation (based on V. Nabokov’s story “Spring in Fialta”).....	104
Journalism in historical and theoretical aspect	
<i>Alekseeva T.V.</i> The dominants of modern television documentaries about cultural workers.....	111
<i>Xiaobin Qin, Doroshchuk E.S.</i> The genre canon and its transformation: adaptation of the review to conditions of the 21 st century Chinese “thick magazines”.....	120
<i>Kerimova D.F.</i> Features of forming the information agenda on city television.....	129
<i>Voronova T.A., Hugaev I.I.</i> Audience reviews of P. Jackson’s “The lord of the rings” film trilogy in the media.....	134
<i>Shkoda Y.D.</i> Functional features of linguistic hedging in English and Russian sports discourses (on the material of Formula 1 running commentaries).....	143
Language of mass media	
<i>Erofeeva I.V., Mikhaleva L.I.</i> Sociocultural values in the structure of the linguistic personality of a military journalist (based on the example of new media by Evgeny Poddubny and Yulia Andrienko).....	151
<i>Misyura S.M.</i> Linguistic tools for conflict construction in the English-language discourse of cancel culture.....	161

Events and reviews

<i>Aleinikov O.Yu., Bugakova N.B.</i> From the history of the scientific study of Andrey Platonov's works in Voronezh. In memory of T.A. Nikonova.....	167
<i>Akhmetova M.A.</i> The third International Pasternak readings in Tatarstan.....	174
<i>Skuridina S.A.</i> Profanity of the Russian language in the legal linguistic aspect (review of the monograph by V.M. Baranov, V.E. Zamaldinov "Profanity of the Russian language: a legal linguistic analysis", Moscow, 2025).....	182
<i>Gurova I.V.</i> Linguistic phenomena in synchrony and diachrony: regional methodological seminar of the scientific school of professor E.P. Ivanyan.....	185
<i>Layout of the articles</i>	195

Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей пятьдесят девятый выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» Воронежского государственного технического университета. Выпуск включает работы, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Лингвистика», II – «Аспекты изучения художественного текста», III – «Писатели-юбиляры: М.А. Шолохов», IV – «Лингвокультурология», V – «Межкультурная коммуникация», VI – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VII – «Язык СМИ», IX – «События, обзоры, рецензии».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 24 научные работы.

Раздел «Лингвистика» включает статьи, анализирующие реализацию стратегий в письменном педагогическом дискурсе на материале французского учебника «Cosmopolite» (*О.А. Саенко, Н.П. Степанова*), описывающие принципы составления коммуникативного словаря тематически мотивированной лексики фигурного катания (*Е.В. Птушкина*), выявляющие специфику вопросительных предложений при определении формы выражения негативных сведений в лингвокриминалистике (*В.В. Салькова*). Раздел «Аспекты изучения художественного текста» содержит статьи, авторы которых проводят комплексный анализ лексики со значением 'сверхъестественные существа' в поэзии Николая Гумилева: (*О.Г. Твердохлеб*), определяют жанровые особенности современного романа на примере романа Марины Степновой «Сад» (*И.А. Кучина, К.Д. Боровкова*), рассматривают образ чёрта в медиаинтерпретации В. Мирзоева «Преступление и наказание» по мотивам творчества Ф.М. Достоевского (*А.С. Королева, С.А. Скуридина*), описывают татарские комедии начала XXI века с точки зрения эволюция жанра в контексте социокультурных трансформаций (*Ф.Х. Миннуллина*). В раздел «Писатели-юбиляры» включена работа, посвященная антропонимии рассказа «Наука ненависти» М.А. Шолохова (*О.И. Яковлева, Н.В. Кайзер-Данилова*). Раздел «Лингвокультурология» представляет разработку практических рекомендаций совершенствования коммуникативного этикета в условиях удаленного взаимодействия (*Н.С. Самойленко, К.И. Сухова*), статью об оригинальности речевого портрета сельских жителей Воронежской области века (фонетический аспект) (*Л.В. Недоступова*) и исследование биографического мифа о Виталии Кальпиди (*Е.А. Смышляев, М.А. Колесников*). В разделе «Межкультурная коммуникация» представлены работы, выявляющие страноведческие и идеологические коннотации периферийных онимов (на примере немецкого и английского языков) (*В.И. Чететка, Н.Д. Паиковская, О.И. Рыжков*), и способы передачи культурных реалий в автопереводе (на материале рассказа В. Набокова «Весна в Фиальте») (*Н.В. Матвеева, Я.И. Жигалова*). В разделе «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» рассматриваются доминанты современной телевизионной документалистики о деятелях культуры (*Т.В. Алексеева*), адаптация рецензии к условиям XXI века в китайских «толстых журналах» и «новостная заметка интернет-платформы» как речевой жанр (*Сяобинь Цинь, Е.С. Дорошук*), приводятся особенности формирования информационной повестки на городском телевидении (*Д.Ф. Керимова*), анализируется зрительская оценка киносериологии П. Джексона «Властелин колец» в медиасфере (*Т.А. Воронова, И.И. Хугаев*), на материале репортажей Формулы 1 выявляются функциональные особенности лингвистического хеджирования в англоязычном и русскоязычном спортивных дискурсах (*Ю.Д. Шкода*). В разделе «Язык СМИ» анализируются социокультурные ценности в структуре языковой личности военного журналиста (на примере новых медиа Евгения Поддубного и Юлии Андриенко) (*И.В. Ерофеева, Л.И. Михалёва*), описываются языковые инструменты конструирования конфликта в англоязычном дискурсе отмены (*С.М. Мисюра*). В разделе «События, обзоры, рецензии» представлена статья памяти Т.А. Никоновой (*О.Ю. Алейников, Н.Б. Бугакова*), подводятся итоги Третьих Международных Пастернаковских чтений в Татарстане (*М.А. Ахметова*), регионального методологического семинара научной школы профессора Е.П. Иванян (*И.В. Гурова*), публикуется рецензия на монографию В.М. Баранова, В.Е. Замальдинова «Ненормативная лексика русского языка: юрислингвистический анализ», Москва, 2025 (*С.А. Скуридина*).

Содержащиеся в выпуске 4 (59) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, концептологии, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ. Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук

С.А. Скуридина

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 811.133.1

DOI 10.36622/2587-9510.2025.59.4.001

*Иркутский государственный университет
Канд. филол. наук, доцент кафедры
романо-германской филологии
Саенко О.А.
Россия, г. Иркутск,
e-mail: olsa7@list.ru*

*Irkutsk State University
The chair of Romance and German philology
PhD, associate professor
Saenko O.A.
Russia, Irkutsk
e-mail: olsa7@list.ru*

*Иркутский государственный университет,
Канд. филол. наук, доцент кафедры
романо-германской филологии
Степанова Н.П.
Россия, г. Иркутск,
e-mail: natalia.stepanova05@list.ru*

*Irkutsk State University,
The chair of Romance and German philology
PhD, associate professor
Stepanova N.P.
Russia, Irkutsk
e-mail: natalia.stepanova05@list.ru*

О.А. Саенко, Н.П. Степанова

РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЙ В ПИСЬМЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО УЧЕБНИКА «COSMOPOLITE»)

Статья посвящена изучению стратегий и реализующих их тактик на материале учебника французского языка «Cosmopolite». Обучение в общеобразовательной школе, на среднем профессиональном уровне и на высшей ступени образования меняется под влиянием не только постоянно развивающихся информационных технологий, но и возникающих в обществе вызовах. Анализ современных учебно-методических изданий по французскому языку необходим для понимания их роли в процессе обучения, их вклада в эффективность коммуникации учителя, обучающихся, разработчиков учебников для достижения поставленных цели и задач по освоению иностранного языка. Для изучения стратегии использовались метод контент-анализа, методы моделирования и контекстуального анализа. Результаты исследования показывают, что роль обучающегося определяется как ведущая: он нацелен на результат; он активный участник процесса, часто самостоятельно инициирующий общение; он мотивирован на освоение французского языка; открыт для культур других франкоязычных стран; он готов к взаимодействию и обмену знаниями с другими участниками, задействованными в процессе обучения. Преподавателю отводится роль координатора процесса. Учебник в свою очередь остается основным инструментом письменной коммуникации при обучении иностранному языку. В статье рассматриваются три ведущие стратегии: объясняющая, оценивающая, организующая. Каждая из них реализуется посредством тактик. Объясняющая стратегия, являясь ведущей в письменном педагогическом дискурсе, представлена тактиками «презентация», «фокус», «активизация познания». Тактики «рефлексия» и «(само)контроль» реализуют оценивающую стратегию. Организующая стратегия отражена тактиками «взаимодействие», «структурирование», «отсылка». Представленный анализ показывает, что учебник, как вид письменной коммуникации остается значимым элементом.

Ключевые слова: педагогический дискурс, письменный текст, коммуникация, стратегии, тактики, учебник французского языка, мыслительная деятельность, взаимодействие, самоконтроль, проблемное обучение.

О.А. Saenko, N.P. Stepanova

IMPLEMENTATION OF STRATEGIES IN WRITTEN PEDAGOGICAL DISCOURSE (BASED ON THE FRENCH TEXTBOOK «COSMOPOLITE»)

This article considers the study of strategies and tactics realized by them. The article is based on the material of

the French textbook «Cosmopolite». Education in secondary schools, at the secondary professional level, and in universities is changing under the influence of not only constantly developing information technologies, but also challenges in society. The analysis of modern French textbooks is necessary to understand their role in the learning process, their contribution to the effectiveness of communication between teachers, students, and textbook developers to achieve the goals and objectives of learning a foreign language. To study the strategy, the method of content analysis, modeling and contextual analysis methods were used. The results of the study show the leading role of a student. He is focused on results; he is an active participant in the process often initiating communication; he is motivated to learn French; he is open to cultures of other French-speaking countries; he is ready to interact and share knowledge with other participants involved in the learning process. A teacher has the role of a process coordinator. A textbook remains the main tool of written communication in teaching a foreign language. The article discusses three leading strategies: explanatory, evaluative, and organizing. Each of them is implemented through tactics. The explanatory strategy, leading in written pedagogical discourse, is represented by such tactics as «presentation», «focus», and «cognitive activation». The tactics «reflection» and «(self)control» realize an evaluation strategy. The organizing strategy is presented by such tactics as «interaction», «structuring», and «reference».

Keywords: pedagogical discourse, written text, communication, strategies, tactics, the French textbook, mental activity, interaction, self-control, problem-based learning.

Изменения в обществе, научно-технический и технологический прогресс ставят перед школой в широком смысле и перед педагогическим сообществом новые задачи. Процесс обучения в средней школе и в высшем образовательном учреждении меняется. Меняется и содержание обучения, и роль учителя, и применяемые им технологии. Поэтому закономерен интерес как исследователей – педагогов, психологов, лингвистов, так и практиков – учителей, преподавателей, методистов, к рассмотрению широкого круга вопросов, образующих проблематику педагогического дискурса [1; 2]. Детальное изучение отдельных составляющих педагогического дискурса необходимо для того, чтобы процесс обучения, применяемые технологии и материалы, в том числе учебники, отвечали вызовам времени, были актуальны запросам общества и эффективными в решении поставленных перед образованием задач.

Учебники и другие письменные формы педагогического дискурса обычно относят к прецедентным текстам [3, с. 265]. Однако, в целом типология письменных жанров педагогического дискурса остается недостаточно разработанной, нет однозначности в определении места и роли в педагогическом дискурсе разных элементов, которыми пользуются учитель и обучающийся, таких как учебник, тетрадь упражнений, книга для учителя, сборники контрольных и тестовых заданий, образующих единую систему.

В современных исследованиях учебник, электронный или печатный, изучается как форма креолизованного текста, как единение вербальных и невербальных знаков [4, с. 79; 5, с. 223; 6, с. 442], что в целом открывает новые возможности использования учебника для решения разных задач в образовательном процессе. При этом исследователи отмечают незамеченную роль учебника при обучении иностранному языку. Анализируя функциональное предназначение учебника французского языка, С.А. Герасимова подчеркивает его «главенствующую роль в организации учебного процесса», и указывает познавательную функцию в качестве его основной [7, с. 155-156]. По словам Н.В. Шуваловой, «изучение иностранного языка невозможно представить без ряда инструментов, которые помогают сделать данный процесс содержательнее и удобнее», а именно без учебно-методических комплектов [6, с. 441]. Разделяя мнение исследователей об особой роли учебника в учебном взаимодействии между учителем и обучающимися, предлагаем рассмотреть учебник иностранного языка как самостоятельный вид письменной коммуникации, в котором находят реализацию стратегии и тактики.

По определению В.И. Карасика, целью педагогического дискурса является «социализация нового члена общества (объяснение устройства мира, норм и правил поведения, организация деятельности нового члена общества в плане его приобщения к ценностям и видам поведения, ожидаемым от ученика, проверка понимания и усвоения информации, оценка результатов)» [3, с. 254]. К коммуникативным стратегиям педагогического дискурса В.И. Карасик относит следующие: объясняющая, контролирующая, оценивающая, организующая [8, с. 125].

Занимаясь исследованием речевых стратегий, О.С. Иссерс определяет стратегию следующим образом: она «представляет собой когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действии партнера» [9, с. 100]. Иными словами, под стратегией можно представить некоторую последовательность действий или некий план, который организован в зависимости от цели взаимодействия участников общения.

Реализация стратегий возможна через выбор тактик и ходов. Если стратегия – это набор действий, то тактика – это уже конкретное действие. Общая цель задает стратегию или стратегии, а ее тактики способствуют выбору действий или определенных ходов. Всех их объединяет динамичный и гибкий характер, то есть возможность выбора для корректировки нежелательных последствий и достижения соответствующего результата.

Поясним значение терминов, используемых для представления французских учебников, изучив толкования и переводы в онлайн-словарях [10; 11]. Учебные комплекты для обучения французскому языку как иностранному во Франции традиционно называют «*méthode*». Слово является многозначным, трактуется французским словарем Le Robert и как «правила, принципы, на которых опирается обучение, деятельность», а также как «руководство, учебник, в котором они представлены». Калька «методика», прижившаяся в русском языке, указывает не только на учебник в классическом понимании, но и на подход обучения французскому языку как иностранному (далее – ФКИ), который лежит в основе учебника. Корректнее в данном случае говорить об учебно-методическом комплексе (далее – УМК), поскольку речь идет о комплексе учебных и методических материалов, где в качестве обязательных единиц обычно выступают учебник, тетрадь упражнений, книга для учителя, аудио- и/или видеоматериалы. К этому могут отдельно прилагаться тестовые задания и другие материалы в печатном, электронном или онлайн-формате. В УМК «Cosmopolite 1» входит три основных элемента: 1) *Méthode de français*, или учебник в соответствии с принятой в России терминологией; 2) *Cahier d'activités* – «сборник заданий», «учебная тетрадь», элемент, традиционно называемый по-русски «тетрадь упражнений»; 3) *Guide pédagogique* – издание, которое соотносится с общепринятым названием в русском языке «Книга для учителя», хотя по определению французского словаря Le Robert, это – элемент, задачей которого является предоставить сведения учителю, дать ему руководство по организации процесса обучения.

УМК «Cosmopolite» представлен в виде серии комплектов 5 последовательных уровней, которые соотносятся с общеевропейской шкалой уровней владения иностранным языком (CECRL – *cadre européen commun de référence pour les langues*): A1, A2, B1, B2, C1-C2. УМК «Cosmopolite 1», по словам его авторов, представляет собой обобщение собственного опыта работы в качестве преподавателей и методистов ФКИ, опыта зарубежных командировок. Методика адресована на широкий круг обучающихся: от учеников старших классов до взрослых [12].

В предисловии к учебнику и книге для учителя авторский коллектив объясняет систему, заложенную в УМК. В качестве основополагающего берется деятельностный подход в обучении ФКИ. Методические принципы, по замыслу авторов, могут быть кратко представлены следующим образом:

- поставить обучение в фокус «французский язык – международный язык»;
- предложить «кругосветное путешествие» в страны, где в той или иной степени представлен французский язык;
- представить аутентичный французский язык (без купюр и «чистки») в реальных ситуациях общения;
- предложить актуальные темы и аутентичные материалы, учитывая реальные запросы обучающихся для установления контактов и общения с французами и франкоговорящими [13].

Коммуникативные стратегии и тактики, как известно, применяются, исходя из коммуникативной ситуации, участников коммуникации, а также коммуникативных интенций для решения конкретных задач.

Так как в коммуникации существует несколько способов достижения цели, то стратегии могут повлиять на выбор этих способов. Следовательно, выбор наиболее эффективных стратегий будет оцениваться по результату достигнутой цели. Найти баланс между целью и стратегиями не всегда просто, поэтому стратегии должны быть гибкими, динамичными и тогда, говорящий (в нашем случае авторы методики) может корректировать их выбор для достижения запланированного результата.

Стратегии и тактики довольно давно являются объектом исследования лингвистов. Наиболее широко они изучены в рекламном дискурсе на примере разных областей деятельности человека (торговля, медицина, туризм и т.д.) [14; 15; 16]. Это можно объяснить необходимостью кратко, привлекательно, доступно представить продукт. Мы бы хотели рассмотреть реализацию стратегий и тактик в письменном педагогическом дискурсе на примере учебника французского языка.

Используя методы моделирования, контент-анализа и контекстуального анализа, изучим задачи, структуру, подходы к подаче материала, виды и типы заданий методики «Cosmopolite 1», проанализируем, каким образом реализуются объясняющая, оценивающая и организующая стратегии.

Деятельностный подход реализуется авторами методики посредством решения следующих задач: - создавать условия для формирования у обучающихся и/или использования обучающимися следующего: навыки, умения, умения действовать, универсальные, языковые и культурные компетенции; - предлагать задания, предполагающие рефлекссию обучающихся и самокоррекцию языкового и социо-культурного поведения; - создавать условия для прогрессивного обучения: использование обучающимися уже освоенных навыков и умений, обогащение словарного запаса и освоение грамматических конструкций для активного употребления в соответствующих ситуациях общения; - поддерживать активность обучающихся, развивать взаимодействие в группах; - предлагать задания на осмысление языковых явлений и формирование понятий; - предлагать преимущественно задания на развитие индуктивного и дедуктивного мышления при знакомстве с языковым материалом и конструкциями иностранного языка; - придать преподавателю роль «посредника», взаимодействующего с обучающимися, и «организатора» процесса обучения [13, с. 4-5].

На основании данных задач смоделируем образы участников: обучающегося и учителя. В системе материалов и заданий французской методики «Cosmopolite 1» предполагается «образец обучающегося», обладающего следующими характеристиками:

- нацелен на результат: устанавливать контакт и общаться на французском языке с французами и франкоговорящими;
- мотивирован на освоение французского языка как международного;
- толерантен к приобщению к культурам франкоговорящих стран;
- представляет культуру/культуры своей страны;
- нацелен на взаимодействие и взаимообмен опытом и знаниями;
- активен в изучении и использовании языкового материала;
- осознает важность развития своих когнитивных способностей.

Образ учителя соответствует представлению о «*enseignant stratégique* – стратегический преподаватель, учитель», в терминологии Ж. Тардифа [17, с. 304-310]. Это – думающий, принимающий решения, мотивирующий, направляющий преподаватель-медиатор. При этом ему скорее отводится роль координатора и куратора.

Рассмотрим реализацию стратегий в учебнике и сборнике заданий для ученика [12; 18].

Объясняющая стратегия является основополагающей в письменном педагогическом дискурсе. Обучение предусматривает в обязательном порядке объяснение, которое реализуется в учебнике «Cosmopolite 1» посредством следующих тактик: тактика «презентация», тактика «фокус», тактика «активизации познания».

Тактика «презентация» реализуется посредством представления языкового материала (форм, конструкций, слов и выражений, правила образования и употребления форм) в виде

таблиц, кратких обзоров, например, *focus langue* – языковое явление в центре внимания; *sons du français* – звуки французского языка; *précis grammatical* – краткий справочник по грамматике; *précis de phonétique* – краткий справочник по фонетике; *expressions utiles* – список полезных выражений; *carte mentale* – ментальная карта.

Тактика «фокус» предполагает концентрацию на изучение одного отдельного явления, грамматического, лексического или фонетического. При этом разработчики методики предлагают сосредоточиться только на одном из аспектов изучаемого явления, на одной из функций грамматической формы. Представление самого себя предполагает уметь сообщить разную информацию. Авторы методики предлагают сначала освоить только *dire son prénom* – назвать свое имя и *demande le prénom* – спросить у собеседника его имя. Так, изучение глагола *avoir* начинается с употребления данного глагола для того, чтобы сообщить свой возраст: *le verbe avoir pour dire l'âge*. В фокусе представлены грамматические формы и конструкции, лексические единицы:

(1) *Le genre des noms de pays* – род существительных-названий стран.

(2) *Le masculin, le féminin et le pluriel des adjectifs qualificatifs pour caractériser une ou des personne(s)* – мужской/женский род, множественное число качественных прилагательных для характеристики одного человека или нескольких людей.

(3) *Les verbes pronominiaux pour parler de ses habitudes quotidiennes* – возвратные глаголы, чтобы рассказать о своих ежедневных действиях.

Грамматические формы и конструкции, лексические единицы, фонетические явления изучаются поэтапно, представлены в аутентичных конкретных контекстах, а не во всем разнообразии значений и функций. Тактика «фокус» позволяет осуществлять прогрессивное обучение, поэтапное формирование навыков использования языковых единиц в соответствующих ситуациях коммуникации.

Тактика «активизация познания» реализуется посредством заданий, направленных на активизацию мыслительных процессов и действий: анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, конкретизация, обобщение. В формулировках заданий доминируют глаголы мыслительной деятельности, такие, как:

associer – соединять, сочетать, связывать;

classer – классифицировать, относить к какому-л. разряду, распределять (по классам, разрядам);

comparer – сравнивать;

identifier – определять, устанавливать;

observer – изучать; *réfléchir* – размышлять, думать, обдумывать;

relever – отметить, обнаружить, подчеркнуть;

repérer – определить, установить, отметить.

В соответствии с формулировкой задания предлагается выполнить следующее:

(4) *Associez les légendes aux dessins* – подберите подписи к рисункам.

(5) *Trouvez un moyen de mémoriser les jours de la semaine et les mois de l'année* – найдите способ запоминания названий дней недели и месяцев года.

(6) *Trouvez un exemple de profession pour chaque catégorie dans le programme du festival [doc. 3]* – подберите пример профессии для каждой категории в программе фестиваля [док. 3].

(7) *Listez les habitudes de la classe pour bien commencer et bien terminer la journée.* – Составьте список привычек класса для хорошего начала и завершения дня.

Коммуникативные ходы данной тактики включаются также при объяснении функционирования языковых единиц и конструкций в рубрике «Focus langue»:

(8) «*Les prépositions pour indiquer un mode de déplacement*». *Observez. Complétez avec «en» ou «à».* *Classez les moyens de transport.* – «Предлоги для указания способа перемещения». Изучите. Дополните предлогами «en» или «à». Распределите по разрядам транспортные средства.

(9) «*Le futur simple pour présenter le programme d'un séjour*». *Lisez ces extraits du programme [doc. 1]. Complétez avec les verbes à l'infinitif. Complétez la règle. Complétez avec les terminaisons du*

futur simple. – «Простое будущее время для представления программы пребывания». Прочитайте отрывки программы [док. 1]. Дополните глаголами в неопределенной форме. Дополните правило. Дополните окончаниями простого будущего времени.

В заданиях на знакомство с языковыми единицами, на формирование навыка их употребления в речи глаголы мыслительной деятельности включены в ряд последовательных действий:

(10) *Observez les nombres en vert et en bleu. Complétez le tableau. Écoutez pour vérifier*. – Изучите числительные, выделенные зеленым цветом и синим цветом. Дополните таблицу. Прослушайте, чтобы проверить.

(11) *Observez le calendrier des cours. Repérez: - les quatre sessions de cours, - les mois pour chaque session. Complétez avec les mois de l'année (le printemps, l'été, l'automne, l'hiver)). Comparez avec les saisons de votre pays*. – Изучите расписание курсов. Определите: четыре потока занятий, месяцы для каждого потока. Дополните названиями месяцев (весна, лето, осень, зима). Сравните с временами года в вашей стране.

К наиболее частотным относятся следующие задания: *observez la carte mentale* – изучите ментальную карту; *associez les phrases aux photos* – соотнесите реплики с фотографиями; *complétez le tableau* – дополните таблицу; *complétez avec d'autres exemples* – дополните другими примерами; *faites des hypothèses* – выдвиньте предположения.

Подобные задания являются частью проблемного обучения. Как отмечает А.И. Дунев, они активизируют мышление, стимулируют развитие познавательных способностей, активируют знания из других предметных областей и, являются одним из самых продуктивных видов учебной деятельности при формировании лингвистической компетенции [19].

Оценивающая стратегия предусматривает следующие тактики: «рефлексия» и «(само)контроль».

Как мы знаем, рефлексия – это процесс анализа своих действий или мыслей. Рефлексия помогает осмыслить свои поступки, если требуется, проанализировать ошибки, сделать выводы и в дальнейшем работать на заданный результат.

Рассмотрим реализацию тактики «рефлексия» на примере двух заданий. Авторы предлагают, например, ознакомиться с несколькими вариантами определения термина, выбрать правильный и обосновать свой выбор:

(12) *Lisez la définition de «au pair». Vrai ou faux ? Pourquoi ?* – Прочитайте определение «au pair». Верно или неверно? Почему?

a. *Les «au pair» sont des jeunes femmes*. – Няни – это молодые девушки (женщины).

b. *Il n'y a pas d'âge maximum pour être au pair*. – Для того, чтобы стать няней, нет возрастных границ.

c. *Les jeunes au pair gardent les enfants d'une famille d'accueil*. – Молодые няни присматривают за детьми семей, в которых они проживают.

d. *Ils habitent et travaillent à l'étranger*. – Они живут и работают за границей.

e. *Ils parlent la langue de leur pays d'accueil*. – Они разговаривают на языке страны, в которой находятся.

Перечню определений предшествует небольшой информационный текст, изучив который, обучающийся может сопоставить варианты ответов с содержанием текста. Сравнив имеющиеся данные, правильный ответ будет найден.

В другом случае в задании приводится рассказ Рашель с ошибками, выделенными синим цветом, и указаны грамматические явления, на которые допущены ошибки (*le présent d'habitude* – настоящее время для указания повторяющихся действий, *le passé composé pour parler d'événements passés* – прошедшее сложное для указания на прошедшие события). Обучающимся предлагается сначала проанализировать и исправить ошибки, а затем подумать над тем, как не допускать подобного рода ошибок:

(13) *Aidez Rachel à corriger ses erreurs. Réfléchissez à un moyen de ne pas faire ce type d'erreurs*. – Помогите Рашель исправить ошибки. Подумайте, как не допускать подобные ошибки.

Таким образом, тактика «рефлексия» реализуется через определенные логические операции, которые авторы методики предлагают обучающимся в заданиях: *que pensez-vous de...? – что вы думаете о...?; relevez les informations sur... – найдите информацию о...; expliquez – объясните; retournez aux pages... et répondez à nouveau aux questions – вернитесь к стр. ... и снова ответьте на вопросы.*

Перечисленные формулировки встречаются не только в заданиях, ориентированных на речевое продуцирование, но и в тех, которые направлены на освоение грамматических форм или звуков. То есть задания способствуют развитию мыслительных навыков при обучении разным видам речевой деятельности. Таким образом, обучающийся анализирует свои действия, а не просто выполняет задания.

Тактика «(само)контроль» направлена на оценку своих действий, действий коллег (одногогруппников) и оценку эффективности усвоения изученного материала. Она реализуется в заданиях типа: *écoutez et vérifiez vos hypothèses – прослушайте и проверьте правильность ваших предположений; vérifiez avec la transcription – сверьте с транскрипцией; vérifiez avec la classe – проверьте все вместе.*

Последние страницы каждого раздела посвящены составлению проекта. Здесь обучающийся в полной мере может оценить то, что ему удалось усвоить в процессе изучения не только в области французского языка, но и на примере разных форматов: статья, видеосюжет, комментарий (блог) на сайте и т.д. Так, при выполнении проекта обучающиеся создают слоганы, сообщения в мессенджере, мини-диалоги, которые после презентации оцениваются одногруппниками:

(14) *Présentez vos slogans à la classe. La classe vote pour les meilleurs slogans. – Представьте ваши слоганы всему классу. Класс оценивает и выбирает лучшие.*

Авторы методики также предлагают проконтролировать себя, выполнив ряд типичных заданий экзамена DELF, направленных на проверку отдельных компетенций: понимание устной/письменной речи и ее продуцирование.

Организирующая стратегия отражена тактикой «взаимодействие», «структурирование» и тактикой «отсылка».

Тактика «взаимодействие» предусматривает совместную работу преподавателя и обучающегося, или работу двух-трех-четырех обучающихся в группе. Ее реализацию можно встретить в следующем типе заданий:

(15) *À nous! Nous comparons nos pratiques de lecture. – Действуем! Сравниваем досуг «чтение».*

En petits groupes. – В мини-группах.

a. *Faites des recherches sur le lecteur moyen de votre pays: âge moyen, lieu de vie, niveau d'études etc. – Найдите информацию о типичном читателе вашей страны: средний возраст, место проживания, уровень образования и т.д.*

b. *Créez son portrait-robot. – Создайте его портрет-робот.*

c. *Comparez le portrait-robot de votre groupe avec celui du lecteur moyen de votre pays. – Сравните портрет-робот вашей группы с портретом-роботом типичного читателя вашей страны.*

d. *Partagez vos résultats avec la classe. – Представьте ваши результаты всему классу.*

Задание предполагает работу в малых группах. От обучающихся требуется описать по заданным параметрам среднестатистического читателя своей страны, создать его портрет-робот, сравнить получившийся портрет с читателем и поделиться полученными результатами с классом. Каждый этап задания предусматривает взаимодействие в группе для получения и представления совместного продукта. Такой вид деятельности способствует выявлению сильных или, наоборот, слабых сторон обучающихся, учит работе в команде.

Реализацию этой тактики можно видеть и в названии разделов методики, где присутствует местоимение 1 лица множественного числа: *Nous apprenons le français pour – Мы изучаем французский язык для; Nous parlons de notre quotidien – Мы говорим о повседневных делах; Nous organisons une soirée française – Мы организуем мероприятие «по-французски».* Употребление

настоящего времени в сочетании с неопределённым глаголом позволяет подчеркнуть «протекание процесса», что соответствует деятельностному подходу, заложенному в учебнике.

В большинстве учебников по иностранным языкам в формулировках заданий используется форма глагола во 2 лице множественного или единственного числа [20, с. 686]. Спецификой анализируемой методики является присутствие в формулировках заданий *nous – мы: nous racontons/parlons – мы говорим/рассказываем; nous imaginons – мы придумываем; nous rédigeons un article sur – мы пишем статью.*

Методика Cosmopolite предназначена для разных уровней обучения. В каждом из них есть непосредственно сам учебник (*Méthode de français*), тетрадь упражнений (*Cahier d'activités*) и книга преподавателя (*Guide pédagogique*). Для каждого уровня предусмотрены цифровые учебники для обучающихся и для преподавателя, где можно найти разные задания в том числе на аудирование и просмотр видео. Учебник структурирован по разделам и видам речевой деятельности, а также по цвету. Фото, таблицы, указательные знаки, цвет – все это позволяет лучше ориентироваться в учебнике, находить нужный материал или упражнение. В этом проявляется тактика «структурирование» организующей стратегии.

Тактика «отсылка» проявляется в том, что при изучении отдельных языковых явлений, при изучении страниц «Знакомимся с разными культурами», при работе над проектом, даются ссылки на страницы в учебнике, упражнения или приложения. Это позволяет найти необходимую информацию, например, *expressions utiles – список нужных слов и выражений; sons du français – звуки французского языка*, а также грамматические формы (формы артикля, личные местоимения, спряжение глаголов).

Таким образом, письменная коммуникация выполняет важную функцию во взаимодействии учителя/преподавателя и обучающихся. Учебнику в УМК «Cosmopolite 1» отводится значимая роль, поскольку он является основой для занятий по французскому языку (ФКИ), для формирования и дальнейшего развития навыков и компетенций обучающихся во французском языке. Как вид креолизованного текста, представляя собой набор вербальных знаков и невербальных компонентов в виде таблиц, фотографий, карт и т.д., учебник способствует прогрессивному обучению на основе аутентичного материала. Подобранные задания и предлагаемые виды деятельности реализуют стратегический подход, решая поставленные задачи, помогая тем самым достичь намеченную цель обучения.

Библиографический список

1. Прагматика профессионального дискурса: коллективная монография [Электронный ресурс] / под ред. Е.В. Комлевой. Оренбург: ОГПУ, 2022. 240 с. URL: <https://e.lanbook.com/book/265883> (дата обращения: 19.03.2025).
2. Педагогический дискурс: в современной научной парадигме и образовательной практике: материалы III Всероссийской конференции / под общ. ред. Л.Г. Викуловой. Москва: МГПУ; Языки Народов Мира, 2023. 586 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2004. 390 с.
4. Лысова О.Р., Первухина С.В. [Электронный ресурс]. Подкаст как адаптированный текст в учебно-педагогическом дискурсе. Русский лингвистический бюллетень. 2021. № 4(28), 78-83. URL: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.32> (дата обращения: 11.03.2025)
5. Петрова В.В. Электронные учебные пособия как жанр педагогического дискурса // Педагогический дискурс: в современной научной парадигме и образовательной практике: материалы III Всероссийской конференции (Москва, 28 февраля – 01 марта 2023) / под общ. ред. Л.Г. Викуловой. Москва: МГПУ; Языки Народов Мира, 2023. С. 292-297.
6. Шувалова Н.В. Учебник французского языка как объект исследования учебно-педагогического дискурса // Педагогический дискурс: в современной научной парадигме и образовательной практике: материалы III Всероссийской конференции (Москва, 28 февраля –

01 марта 2023) / под общ. ред. Л.Г. Викуловой. Москва: МГПУ; Языки Народов Мира, 2023. С. 441-447.

7. Герасимова С.А. Учебник французского языка: функциональное предназначение в системе иноязычного образования // Романские тетради: Романия как цивилизационное понятие: Сборник научных статей / отв. ред. Л.Г. Викулова. Т.2. Москва: Языки Народов Мира, 2022. С. 154-160.

8. Карасик В.И. [Электронный ресурс]. Лингвокультурные характеристики педагогического дискурса // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 2023. № 2(50). С. 118-129. URL: <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.10> (дата обращения: 04.03.2025).

9. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Едиториал УРСС, 2003. 284 с.

10. Le Robert: dico en ligne. [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/> (дата обращения: 10.03.2025).

11. Academic: Academic Dictionaries and Encyclopedias. [Электронный ресурс]. URL: <https://academic.ru/> (дата обращения: 14.03.2025).

12. Hirschsprung N., Tricot T. Cosmopolite 1. Méthode de français A1. Paris: Hachette Livre, 2017. 222 p.

13. Antier M., Garcia E., Gaudel A., Mous N., Veillon-Leroux A. Cosmopolite 1. Méthode de français A1. Guide pédagogique. Hachette Livre. Paris: Hachette Livre, 2017. 288 p.

14. Фокина Ю.М. Особенности реализации коммуникативных тактик в рекламном дискурсе (на материале медицинской рекламы) // Гуманитарные исследования. 2021. № 4(80). С. 116-121.

15. Федорова А., Спектор Л.А. Коммуникативные стратегии и тактики в рекламном дискурсе (на материале сайта японского бренда Uniqlo) // Казанская наука. 2023. № 7. С. 143-146.

16. Бронникова О.В., Самофалова А.С. Имиджеобразующая стратегия в рекламном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2023. № 2(53). С. 239-247.

17. Tardif J. Pour un enseignement stratégique: l'apport de la psychologie cognitive. Montréal: Les Éditions logiques, 1992. 474 p.

18. Hirschsprung N., Mater A., Mathieu-Benoît É., Mous N., Tricot T. Cosmopolite 1. Méthode de français A1. Cahier d'activités. Paris: Hachette Livre, 2017. 127 p.

19. Дунев А.И. Жанр, форма и метод в организации педагогического дискурса: лингвистические задачи [Электронный ресурс] // Научно-практический журнал «Magister». 2022. № 1. С. 27-33. URL: <http://magister-spb.ru/#rec413083764> (дата обращения: 16.03.2025).

20. Charaudeau P. Grammaire du sens et de l'expression. Paris: Hachette Livre, 1992. 927 p.

References

1. Pragmatics of professional discourse: Collective monograph / Ed. by E.V. Komleva. Orenburg: Izdatel'stvo OGPU, 2022. 240 p. URL: <https://e.lanbook.com/book/265883> (date of application: 19.03.2025).

2. Pedagogical discourse: in the modern scientific paradigm and educational practice: Materials of the III National Conference / Ed. by L.G. Vikulova. Moscow State Pedagogical University, 2023. 586 p.

3. Karasik V.I. Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena, 2004. 390 p.

4. Lysova O.R., Pervukhina S.V. [Electronic resource]. Podcast as an adapted text in educational and pedagogical discourse // Russian linguistic bulletin. 2021. No. 4(28). P. 78-83. URL: <https://doi.org/10.18454/RULB.2021.28.4.32> (date of application: 11.03.2025).

5. Petrova V.V. Electronic textbooks as one of the genres of a pedagogical discourse // Pedagogical discourse: in the modern scientific paradigm and educational practice: Materials of the III National Conference / Ed. by L.G. Vikulova. Moscow State Pedagogical University, 2023. P. 292-297.

6. Shuvalova N.V. The French language textbook as a object of educational and pedagogical discourse // Pedagogical discourse: in the modern scientific paradigm and educational practice: Materials of the III National Conference / Ed. by L.G. Vikulova. Moscow State Pedagogical University, 2023. P. 441-447.
7. Gerasimova S.A. The French language textbook: functional purpose in foreign language education // Romanic research papers: Romania as a concept of civilization: Collection of Scientific Articles / Ed. by L.G. Vikulova. Moscow, 2022. Vol. 2. P. 154-160.
8. Karasik V.I. Linguistic and cultural characteristics of pedagogical discourse. [Electronic resource] // Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Theory of Linguistics. Linguistic Education. 2023. Iss. 2(50). P. 118-129. URL: <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.10> (date of application: 4.03.2025).
9. Issers O.S. Communication strategies and tactics of Russian speech. Moscow, 2003. 284 p.
10. Le Robert: dico en ligne. [Electronic resource]. URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/> (date of application: 10.03.2025).
11. Academic: Academic Dictionaries and Encyclopedias. [Electronic resource]. URL: <https://academic.ru/> (date of application: 14.03.2025).
12. Hirschsprung N., Tricot T. Cosmopolite 1. French method A1. Paris: Hachette Livre, 2017. 222 p.
13. Antier M., Garcia E., Gaudel A., Mous N., Veillon-Leroux A. Cosmopolite 1. Méthode French method A1. Educational guide. Hachette Livre. Paris: Hachette Livre, 2017. 288 p.
14. Fokina J.M. Realization of communicative tactics and strategies in advertising discourse (based on medical advertising) // Humanitarian research. 2021. Iss. 4(80). P. 116-121.
15. Fedorova A., Spector L.A. Communicative strategies and tactics in advertising discourse (based on the website of the Japanese brand UNIQLO) // Kazan science. 2023. Iss. 7. P. 143-146.
16. Bronnikova O.V., Samofalova A.S. Image forming strategy in advertising discourse // Cognitive language research, 2023. Iss. 2(53). P. 239-247.
17. Tardif J. For strategic teaching: the contribution of cognitive psychology. Montréal: Les Éditions logiques, 1992. 474 p.
18. Hirschsprung N., Mater A., Mathieu-Benoît É., Mous N., Tricot T. Cosmopolite 1. French method A1. Activity book. Paris: Hachette Livre, 2017. 127 p.
19. Dunev A.I. Genre, form and method in the organization of pedagogical discourse: linguistic tasks. [Electronic resource] // Scientific and practical journal «Magister». 2022. Iss. 1. P. 27-33. URL: <http://magister-spb.ru/#rec413083764> (date of application: 16.03.2025).
20. Charaudeau P. Grammar of meaning and expression. Paris: Hachette Livre, 1992. 927 p.

УДК 81`374

DOI 10.36622/2587-9510.2025.59.4.002

*Ростовский институт (филиал)
федерального государственного бюджет-
ного образовательного учреждения выс-
шего образования "Всероссийский государ-
ственный университет юстиции (РПА
Минюста России)" в г. Ростове-на-Дону
кандидат филологических наук,
доцент кафедры гуманитарных и
социально-экономических дисциплин
Птушкина Е.В.
Россия, г. Ростов-на-Дону,
тел. +79287529831
eptushkina@yandex.ru*

*Rostov Institute (branch)
of the federal state
budgetary
educational institution of higher
education "All-Russian State
University of Justice (RPA of the Ministry of Jus-
tice of Russia)"
in Rostov-on-Don
candidate of philological sciences,
associate professor of the department of humani-
tarian and
socio-economic disciplines
Ptushkina E.V.
Russia, Rostov-on-Don,
tel. +79287529831
eptushkina@yandex.ru*

Е.В. Птушкина

ПРИНЦИПЫ СОСТАВЛЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО СЛОВАРЯ ТЕМАТИЧЕСКИ МОТИВИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ ФИГУРНОГО КАТАНИЯ

Цель исследования – определить и описать принципы составления коммуникативного словаря тематически мотивированной лексики фигурного катания. Для достижения указанной цели решены три задачи: 1) произведен отбор и систематизация лексических единиц – терминов фигурного катания, профессионализмов, жаргонизмов, газетизмов, встречающихся как в речи представителей данного вида спорта, так и в средствах массовой информации; 2) собраны и описаны единицы тематически мотивированной лексики данного вида спорта; 3) составлен коммуникативный словарь ТМЛ фигурного катания. Рассматривается структура словарной статьи; описываются обозначения, вводимые для краткости и простоты описания словарных статей. Проанализированы примеры описания номинативных единиц из каждого пласта ТМЛ рассматриваемого вида спорта. Актуальность темы заключается в том, что проведенное исследование позволяет не только получить информацию о каждом термине анализируемого вида спорта и нетерминированной лексической единице, относящейся к фигурному катанию, но и дать характеристику соответствующей терминосистеме. Научная новизна работы проявляется в механизме составления и преподнесения соответствующей информации. Показан и проанализирован процесс взаимосвязи терминологических единиц. В результате не только описан процесс составления предлагаемого для рассмотрения словаря, но и подготовлен анализируемый словарь в полном объеме для его последующего издания. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в деятельности спортивных журналистов, редакторов; лексикографической практике; при подготовке журналистов; литературном редактировании текстов о данном виде спорта; в преподавании дисциплин «Литературное редактирование», «Лексикография», «Лексикология», «Язык спортивной журналистики», «Язык средств массовой информации», а также всеми любителями фигурного катания.

Ключевые слова: терминосистема, родо-видовые отношения, словарь, лексика, термин, профессиональная лексика, газетизмы.

E.V. Ptushkina

PRINCIPLES OF COMPILING A COMMUNICATIVE DICTIONARY OF THEMATIC MOTIVATED VOCABULARY OF FIGURE SKATING

The aim of the study is to define and describe the principles of compiling a communicative dictionary of thematically motivated vocabulary of figure skating. To achieve this goal, three tasks were solved: 1) a selection and systema-

tization of lexical units was made - figure skating terms, professionalisms, jargonisms, newspaperisms, encountered both in the speech of representatives of this sport and used in the media; 2) units of thematically motivated vocabulary of this sport were collected and described; 3) a communicative dictionary of TML of figure skating was compiled. The structure of a dictionary entry is considered; designations introduced for brevity and simplicity of description of dictionary entries are described. Examples of description of nominative units from each layer of TML of the considered sport are considered. The relevance of the topic lies in the fact that the conducted study allows not only to obtain information about each term of the analyzed sport and a non-terminated lexical unit related to figure skating, but also to characterize the corresponding terminology system. The scientific novelty of the work is manifested in the mechanism of compilation and presentation of the relevant information. The process of interrelation of terminological units is shown and analyzed. As a result, not only the process of compilation of the dictionary proposed for consideration is described, but the analyzed dictionary is also prepared in full for its subsequent publication. The results of the conducted research can be used in the activities of sports journalists, editors; lexicographic practice; in training journalists; literary editing of texts about this sport; in teaching the disciplines "Literary Editing", "Lexicography", "Lexicology", "Language of Sports Journalism", "Language of Mass Media", as well as by all fans of figure skating.

Keywords: terminology system, generic-specific relations, dictionary, vocabulary, term, professional vocabulary, newspaperisms.

Создание словарей различных видов – одно из важнейших практических направлений терминологической работы. В данной статье рассмотрены принципы составления коммуникативного словаря тематически мотивированной лексики фигурного катания.

Актуальность темы заключается в том, что проведенное исследование позволяет не только получить информацию о каждом термине анализируемого вида спорта и нетерминированной лексической единице, относящейся к фигурному катанию, но и дать характеристику соответствующей терминосистемы.

Цель исследования – определить и описать принципы составления коммуникативного словаря тематически мотивированной лексики фигурного катания (как терминированной, так и нетерминированной).

Для достижения указанной цели решены три задачи: 1) произведен отбор и систематизация лексических единиц – терминов фигурного катания, профессионализмов, жаргонизмов, газетизмов, встречаемых как в речи представителей данного вида спорта, так и в средствах массовой информации; 2) собраны и описаны единицы тематически мотивированной лексики данного вида спорта; 3) составлен коммуникативный словарь ТМЛ фигурного катания.

В процессе работы над статьей применены метод контент-аналитического исследования, метод сплошной выборки, метод лингвистического описания, а также исследовательские приемы наблюдения, сопоставления, обобщения, классификации. В качестве источников исследования использован следующий материал: научная, научно-популярная, публицистическая литература по фигурному катанию, учебные пособия, газетные и журнальные публикации, телевизионные репортажи по данному виду спорта; анкетирование фигуристов, тренеров; устная речь представителей данного вида спорта, анализ которой сделан на основе речевых высказываний фигуристов, тренеров во время их тренировочного процесса. Из вышеуказанных источников выписано 700 терминов фигурного катания, а также более 300 соответствующих нетерминированных лексических единиц.

Теоретической базой исследования послужили работы С.Г. Бархударова, Л.Т. Борисовой, В.В. Бурцевой, Ю.Д. Апресян, И.Н. Волковой, А.С. Герд, Г.Ф. Богачёвой, В.В. Морковкина, В.Н. Немченко, В.А. Козырева, В.Н. Сергеева, Е.В. Убоженко, Г.Р. Чумариной, Е.В. Птушкиной, в которых рассматривается проблематика определений терминов в словарях разных типов [1]; анализируются профессионализмы и профессиональные жаргонизмы в отраслевом терминологическом словаре [2], профессионализмы в словарях [3], профессиональная лексика в толковых словарях [4]; описывается стандартизация научно-технической терминологии [5], основы научно-технической лексикографии [6], идеографические словари [7]; анализируется определение понятия термина как объекта лексикографического описания [8], профессионализмы как объект лексикографии [9]. В статье «Особенности создания и функционирования электронного словаря терминированной лексики» описан принцип систематизации терминологических единиц фигурного катания; составлен словник терминов;

построена общая классификационная схема; введены и систематизированы кодовые обозначения терминологических единиц, показывающие иерархические отношения терминов данной лексики данного вида спорта и дающие ее полную характеристику; описана структура словарной статьи словника [10]. В работах обозначенных выше авторов исследована также семантика и лексикография [11]; проанализированы русский тематический словарь [12] и отечественная лексикография [13]; описаны достоинства и недостатки бумажного и электронного словаря [14] и дана сравнительная характеристика электронных и бумажных словарей [15].

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты проведенного исследования могут быть использованы в деятельности спортивных журналистов, редакторов; лексикографической практике; при подготовке журналистов; литературном редактировании текстов о данном виде спорта; в преподавании дисциплин «Литературное редактирование», «Лексикография», «Лексикология», «Язык спортивной журналистики», «Язык средств массовой информации», а также всеми любителями фигурного катания.

В предлагаемый коммуникативный словарь включено 1015 номинативных единиц тематически мотивированной лексики (ТМЛ) фигурного катания – термины, профессиональная лексика (профессионализмы и жаргонизмы), газетизмы (собственнозначимые, нарицательнозначимые и встречающиеся в текстах на разные темы).

При описании словарных статей использованы такие исходные понятия, как тематически мотивированная лексика, ее виды; коммуникативный анализ тематически мотивированной лексики (КАТМЛ); коммуникативные группы авторов (КГА), их виды; взаимосвязь ТМЛ и КГА; жанры, функции. Каждая словарная статья состоит из четырех частей: названия, помет системности, дефиниции и коммуникативных помет. При описании помет системности указаны принадлежность к определенной группе тематически мотивированной лексики, родо-видовой уровень, родовая группа (у терминов). При рассмотрении коммуникативных помет обозначены степень употребляемости лексической единицы (активная, пассивная или потенциальная), коммуникативная группа авторов, предпочитающая использовать определенную номинативную единицу, сфера применения (жанр, вид средств массовой информации), функции. Терминологические единицы распределены в соответствии с возрастанием конкретизации принадлежащих к нему терминов по 6-ти родо-видовым уровням: например, первый родо-видовой уровень – «парное катание», второй – «короткая программа», третий – «вращение», четвертый – «прыжок сальхов», пятый – «прыжок тулуп в 3 оборота», шестой – «закрытый маховый чоктау». Среди терминов встречаются номинативные единицы, обозначающие общие понятия (например, высота, скорость), которые употребляются и в других видах спорта.

В словарные статьи введены следующие обозначения: Т – термины, ТО – общеспортивные терминологические единицы, входящие в терминсистемы и других видов спорта, РГ – родовая группа, П – профессиональная лексика, Г – газетизмы. Определенные родо-видовые уровни терминов обозначены соответственно 1, 2, 3, 4, 5, 6. Например, Т.3 или Т.5, где Т показывает принадлежность к терминованной лексике, а 3 и 5, соответственно, 3-й и 5-й родо-видовые уровни.

Профессиональная лексика подразделяется на профессионализмы и жаргонизмы, обозначенные, соответственно, П и Ж, то есть ПП – профессионализмы, ПЖ – жаргонизмы.

Среди газетизмов выделены две подгруппы: 1) газетизмы, которые используются в публикациях только о фигурном катании (подразделяются на нарицательнозначимые и собственнозначимые); 2) газетизмы, встречающиеся в текстах на разные темы. Введены следующие обозначения данных нетерминованных лексических единиц: газетизмы – Г, встречающиеся в текстах только о фигурном катании – ГФ, употребляющиеся в публикациях и на другие темы – ГД, нарицательнозначимые газетизмы – ГФН, собственнозначимые – ГФС.

Степень употребляемости лексической единицы обозначена через А – активная, ПС – пассивная, ПТ – потенциальная.

Коммуникативные группы авторов обозначены посредством следующих сокращений: журналисты, специализирующиеся по фигурному катанию, – ЖС; журналисты, по данному виду спорта не специализирующиеся, – ЖНС; бывшие фигуристы, занимающиеся журналистикой профессионально, – ЖФ; фигуристы, журналистикой не занимающиеся и выступающие в средствах массовой информации (СМИ) в единичных случаях, – Ф; анонимные авторы – АА; авторы, не являющиеся ни журналистами, ни фигуристами, – А.

Жанры и сфера применения тематически мотивированной лексики (ТМЛ) фигурного катания обозначены через: ИФ – информация, ИТ – интервью, Р – репортаж, К – корреспонденция, СТ – статья, ОБ – обзор, ЗР – зарисовка, ОЧ – очерк, ГЗ – газеты, Ж – журналы, РД – радио, ТВ – телевидение, Л – литература, УЛ – учебная литература, НЛ – научная литература, НПЛ – научно-популярная литература.

Для обозначения функций ТМЛ фигурного катания введены следующие сокращения: ИЗ – изобразительная функция, СК – создание колорита, Н – номинативная функция, ТХ – техническая характеристика, С – сигнификативная функция.

Для наглядности рассмотрим по одному примеру описания номинативных единиц из каждого пласта ТМЛ фигурного катания, взятых выборочно из составленного коммуникативного словаря тематически мотивированной лексики анализируемого вида спорта. В конце каждой словарной статьи приведено пояснение употребляемых сокращений.

ТОДЕС (от нем. Tod – «смерть» и Spirale – «спираль») – Т.3 (РГ специфические парные элементы); сложная обводка (элемент парного катания), при выполнении которой партнерша описывает круг (не менее одного оборота) вокруг партнера, скользя на одной ноге почти в горизонтальном положении, партнер при этом держит ее за руку, выполняя циркуль назад-наружу. Существует 4 варианта тодеса, соответствующих четырем ходам скольжения (вперед-наружу, вперед-внутри, назад-наружу, назад-внутри) и их комбинации.

А; ЖС, ЖФ; Р; ГЗ, ТВ, УЛ, НЛ, НПЛ; С.

Н. Мишуктенок и А. Дмитриев в своих программах всегда исполняют придуманные ими же новые разновидности тодеса.

Т.3 – термин «тодес» принадлежит к 3-му родо-видовому уровню;

РГ – родовая группа.

А – степень употребляемости термина «тодес» активная.

Наиболее часто рассматриваемую лексическую единицу в своих материалах используют:

ЖС – журналисты, специализирующиеся по фигурному катанию;

ЖФ – бывшие фигуристы, занимающиеся журналистикой профессионально.

Термин «тодес» наиболее часто вводится в

Р – репортажи, как в

ГЗ – газетные, так и в

ТВ – телевизионные.

Данная номинативная единица постоянно употребляется в

УЛ – учебной литературе;

НЛ – научной литературе;

НПЛ – научно-популярной литературе.

Термин «тодес» в контексте выполняет, в основном, сигнификативную функцию (С).

ТРЕНЕРСКАЯ «БИРЖА» – ГД; место у бортика катка (или другой спортивной арены), откуда тренеры выводят своих учеников на лед и наблюдают за их выступлениями.

ПС; ЖНС; Р; ГЗ; ИЗ.

Одни («звезды» минувших лет) сидели за микрофонами радио- и телекомпаний, другие страдали у тренерской «биржи».

ГД – газетизм, встречающийся в текстах и на другие темы.

Степень употребляемости газетизма «тренерская «биржа» пассивная (ПС); чаще других используют его журналисты, не специализирующиеся по фигурному катанию (ЖНС) в газетных (ГЗ) репортажах (Р).

Рассматриваемая номинативная единица в контексте выполняет изобразительную функцию (ИЗ).

УРОК ЧИСТОПИСАНИЯ – ГФН; соревнования по обязательной программе фигуристов-одиночников.

ПС; ЖНС; Р; ГЗ; ИЗ.

Увереннее всех на уроке чистописания чувствовал себя А. Фадеев.

ГФН – нарицательнозначимый газетизм, встречающийся в текстах только о фигурном катании;

ПС – пассивная степень употребляемости;

ЖНС – журналисты, не специализирующиеся по фигурному катанию;

Р – репортажи;

ГЗ – газеты;

ИЗ – изобразительная функция.

БЕЛЫЕ ПТИЦЫ – ГФС; так журналисты окрестили двукратных Олимпийских чемпионов, многократных чемпионов мира и Европы Е. Гордееву и С. Гринькова, подчеркивая легкость, виртуозность их катания, лиричность композиций.

ПС; ЖНС; Р; ГЗ; ИЗ.

Белыми птицами парили Катя и Сергей над столь же белым с чуть голубоватым оттенком льдом Дворца.

ГФС – собственнзначимый газетизм, встречающийся в текстах только о фигурном катании.

Степень употребляемости данного газетизма пассивная (ПС).

Используют его в основном журналисты, не специализирующиеся на фигурном катании (ЖНС), в Р – репортажах, чаще всего газетных (ГЗ).

Функция рассматриваемого собственнзначимого газетизма в контексте изобразительная (ИЗ).

ЯЗЫК ФИГУРНОГО КАТАНИЯ – ПП; специальные средства (элементы фигурного катания, жесты, движения и т.п.), передающие определенный смысл при катании на коньках и используемые для раскрытия замысла конкретной программы.

ПС; ЖФ; Р; ГЗ; ИЗ.

Анненко и Сретенский не сумели в полной мере воплотить на языке фигурного катания всю глубину и драматизм музыки Чайковского.

ПП – профессионализм, степень употребляемости которого пассивная (ПС). Наиболее часто используют его бывшие фигуристы, занимающиеся журналистикой профессионально (ЖФ). Чаще всего данный профессионализм употребляется в репортажах (Р). Основная сфера его применения – газеты (ГЗ). Функция, выполняемая рассматриваемой профессиональной лексической единицей в тексте, изобразительная (ИЗ).

ДЕНЬ ГАМЛЕТА – ПЖ; день исполнения фигуристами оригинальной программы, когда решается вопрос – быть фигуристу в призерах (или занять какое-либо определенное место) или не быть, поскольку за малейшую допущенную ошибку снимается несколько баллов.

ПС; ЖНС, ЖС, ЖФ, Ф; Р, ОЧ; ГЗ, ТВ; СК.

День, когда исполняется оригинальная программа, фигуристы называют «днем Гамлета», поскольку решается главный вопрос – «быть или не быть» в глазах арбитров на высоте, оказаться ли на подступах к пьедесталу.

ПЖ – жаргонизм, степень употребляемости которого пассивная (ПС). Коммуникативные группы авторов, наиболее часто использующие жаргонную лексическую единицу «День Гамлета», – журналисты, специализирующиеся на фигурном катании (ЖС), неспециализирующиеся авторы (ЖНС), фигуристы-журналисты (ЖФ) и фигуристы, не занимающиеся

журналистикой профессионально (Ф). Данная номинативная единица встречается в основном в репортажах (Р), очерках (ОЧ). Сфера ее применения – газеты (ГЗ), телевидение (ТВ). Рассматриваемый жаргонизм выполняет функцию создания колорита (СК).

Таким образом, в предлагаемой статье показаны принципы составления коммуникативного словаря тематически мотивированной лексики фигурного катания, описана структура словарной статьи. Показано, что посредством коммуникативного словаря можно создать полную информационную картину относительно данного вида спорта. В процессе исследования терминированной и нетерминированной тематически мотивированной лексики фигурного катания был составлен коммуникативный словарь тематически мотивированной лексики анализируемого вида спорта, предназначенный фигуристам, тренерам, журналистам, любителям данного вида спорта.

Библиографический список

1. Бархударов С.Г. Проблематика определений терминов в словарях разных типов. Л.: Наука, 1976. 270 с.
2. Борисова Л.Т. Профессионализмы и профессиональные жаргонизмы в отраслевом терминологическом словаре // Термины и их функционирование: межвуз. сб. / Горьк. ун-т им. Н.И. Лобачевского. Горький, 1987. С. 34-40.
3. Бурцева В.В. Профессионализмы в словарях // Русская речь. 1975. № 3. С. 96-100.
4. Бурцева В.В. Профессиональная лексика в толковых словарях // Русская речь. 1978. № 3. С. 69-74.
5. Волкова И.Н. Стандартизация научно-технической терминологии. М.: Изд-во стандартов, 1984. 199 с.
6. Герд А.С. Основы научно-технической лексикографии. Л.: Издательство ЛГУ, 1986. 72 с.
7. Морковкин В.В. Идеографические словари. М.: Издательство Московского университета, 1970. 71 с.
8. Немченко В.Н. К определению понятия термина как объекта лексикографического описания // Термины в языке и речи: межвуз. сб. / Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Горький, 1985. С. 14-21.
9. Сергеев В.Н. Профессионализмы как объект лексикографии // Современная русская лексикография. Л., 1981. С. 97-105.
10. Птушкина Е.В. Особенности создания и функционирования электронного словаря терминированной лексики // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 91. № 2. С. 76-86. doi: 10.18522/2070-1403-2022-91-2-76-86
11. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. 1: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.
12. Богачёва Г.Ф., Ольховская А.И. Русский тематический словарь: традиции и новации // Русский язык за рубежом. 2016. № 4. С. 49-55.
13. Козырев В.А. Современные ориентации отечественной лексикографии // Вопросы лексикографии. 2014. № 1 (5). С. 5-15.
14. Убоженко Е.В. Бумажный и электронный словарь: достоинства и недостатки // Новые технологии преподавания русского языка в школе и вузе. Минск : Изд-во БГУ, 2011. С. 181.
15. Чумарина Г.Р. Сравнительная характеристика электронных и бумажных словарей в функциональном аспекте // Вестник Чувашского университета. 2009. № 4. С. 265-270.

References

1. Barkhudarov S.G. Problems of definitions of terms in dictionaries of different types. L.: Nauka, 1976. 270 p.
2. Borisova L.T. Professionalisms and professional jargon in the industry terminological dictionary // Terms and their functioning: interuniversity. collection / Gorky. University named after N.I. Lobachevsky. Gorky, 1987. Pp. 34-40.
3. Burtseva V.V. Professionalisms in dictionaries // Russian speech. 1975. No. 3. Pp. 96-100.
4. Burtseva V.V. Professional vocabulary in explanatory dictionaries // Russian speech. 1978. No. 3. Pp. 69-74.
5. Volkova I. N. Standardization of scientific and technical terminology. M.: Publishing house of standards, 1984. 199 p.
6. Gerd A. S. Fundamentals of scientific and technical lexicography. L.: Publishing house of Leningrad state university, 1986. 72 p.
7. Morkovkin V.V. Ideographic dictionaries. M.: Publishing house of Moscow university, 1970. 71 p.
8. Nemchenko V.N. On the definition of the concept of a term as an object of lexicographic description // Terms in language and speech: interuniversity. collection / Gorky state university named after N. I. Lobachevsky. Gorky, 1985. Pp. 14-21.
9. Sergeev V.N. Professionalisms as an object of lexicography // Modern Russian lexicography. L., 1981. Pp. 97-105.
10. Ptushkina E.V. Features of the creation and functioning of an electronic dictionary of termed vocabulary // Humanities and social sciences. 2022. Vol. 91. No. 2. Pp. 76-86. doi: 10.18522/2070-1403-2022-91-2-76-86
11. Apresyan Yu.D. Research in semantics and lexicography. Vol. 1: Paradigmatics. M.: Languages of Slavic cultures, 2009. 568 p.
12. Bogacheva G. F., Olkhovskaya A. I. Russian Thematic Dictionary: Traditions and Innovations // Russian Language Abroad. 2016. No. 4. P. 49-55.
13. Kozyrev V.A. Modern Orientations of Domestic Lexicography // Lexicography Issues. 2014. No. 1 (5). P. 5-15.
14. Ubozhenko E.V. Paper and Electronic Dictionary: Advantages and Disadvantages // New Technologies for Teaching Russian at School and University. Minsk: BSU Publishing House, 2011. P. 181.
15. Chumarina G. R. Comparative Characteristics of Electronic and Paper Dictionaries in the Functional Aspect // Bulletin of the Chuvash University. 2009. No. 4. P. 265-270.

УДК 81'33

DOI 10.36622/2587-9510.2025.59.4.003

*Воронежский государственный университет
Аспирант 2 года обучения кафедры
общего языкознания и стилистики
Салькова В. В.
Россия, г. Воронеж
тел.: +7 (909) 264-75-30
e-mail: vvs3061@ya.ru*

*Voronezh State University
Postgraduate student of the 2nd year of
study of the Department of General
Linguistics and Stylistics
V. V. Salkova
Russia, Voronezh
tel.: +7 (909) 264-75-30
e-mail: vvs3061@ya.ru*

В. В. Салькова

АНАЛИЗ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ НЕГАТИВНЫХ СВЕДЕНИЙ В ЛИНГВОКРИМИНАЛИСТИКЕ

Статья посвящена обсуждению специфики анализа вопросительных предложений при определении формы выражения негативных сведений в рамках проведения лингвистической экспертизы текста по искам в рамках дел по статьям 152 «Защита чести, достоинства и деловой репутации» Гражданского кодекса Российской Федерации, 5.61 «Оскорбление» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, 128 «Клевета» Уголовного кодекса Российской Федерации. Цель исследования – определение специфики анализа вопросительных конструкций при определении формы выражения негативных сведений (оценочное мнение/фактологическое утверждение). В первой части статьи приводятся и сопоставляются основные классификации вопросительных предложений, разработанные Н. Ю. Шведовой, Д. Э. Розенталем, В. А. Белошапковой, С. В. Вяткиной, О. Б. Сиротининой, П. Адамцом, Ш. Балли. На основе анализа классификаций выдвигается предположение о том, какие именно виды вопросительных предложений всегда выступают маркерами оценки/мнения, а какие при определенных условиях могут содержать фактологическое утверждение. Так, анализ показал, что маркерами оценочного высказывания будут выступать вопросительно-эмоциональные, вопросительно-побудительные предложения; маркерами фактологичности будут являться следующие типы вопросительных предложений: собственно вопросительные, вопросительно-отрицательные, риторические, вопросительно-утвердительные. Во второй части статьи приводятся примеры анализа спорных текстов, в составе которых есть вопросительные конструкции. На практическом материале подтверждаются теоретические выводы и демонстрируется, какие вопросительные конструкции и в каких условиях могут передавать фактологическую информацию при определении формы выражения негативных сведений.

Ключевые слова: вопросительное предложение, лингвистическая экспертиза текста, унижение чести и достоинства, клевета, умаление деловой репутации, языковые маркеры оценочных высказываний, оценочное высказывание, фактологическое утверждение.

V.V. Salkova

ANALYSIS OF QUESTION SENTENCES IN DETERMINING THE FORM OF EXPRESSION OF NEGATIVE INFORMATION IN FORENSIC LINGUISTICS

The article is devoted to the discussion of the specifics of the analysis of interrogative sentences in determining the form of expression of negative information within the framework of the linguistic examination of the text for claims in cases under Articles 152 «Protection of Honour, Dignity and Business Reputation» of the Civil Code of the Russian Federation, 5.61 «Insult» of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences, 128 «Libel» of the Criminal Code of the Russian Federation. The purpose of the study is to determine the specifics of analysing question constructions when determining the form of expression of negative information (evaluative opinion/factual statement). The first part of the article presents and compares the main classifications of interrogative sentences developed by N. Y. Shvedova, D. E. Rosenthal, V. A. Beloshapkova, S. V. Vyatkina, O. B. Sirotinina, P. Adamets, and Ch. Bally. On

the basis of the analysis of classifications, an assumption is made about which types of interrogative sentences always act as markers of evaluation/opinion, and which ones can contain a factual statement under certain conditions. Thus, the analysis shows that the markers of evaluative utterance will be question-emotional, question-expressive sentences; the markers of factuality will be the following types of interrogative sentences: interrogative proper, interrogative-negative, rhetorical, interrogative-affirmative. The second part of the article provides examples of analyses of controversial texts that include question constructions. The practical material is used to confirm the theoretical conclusions and demonstrate which question constructions and under what conditions can convey factual information when determining the form of expressing negative information.

Key words: question sentence, linguistic expertise of the text, humiliation of honor and dignity, libel, diminution of business reputation, linguistic markers of evaluative statements, evaluative statement, factual assertion.

При анализе спорного текста в рамках дел по искам об унижении чести и достоинства, умалении деловой репутации, а также в рамках дел по искам об оскорблении и клевете перед лингвистом-экспертом ставится задача разграничения фактологического утверждения и оценочного мнения, так как соответствии с постановлением Пленума Верховного суда РФ от 24.02.2005 только утверждения о фактах могут быть верифицированы в отличие, например, от мнения оценки, предположения. В лингвокриминалистике под утверждением о фактах понимается информация, выраженная в грамматической форме повествовательного, невосклицательного предложения [1, с. 31], в отличие от императивных и вопросительных конструкций, «утверждение выражается повествовательным предложением и противопоставляется императивам и вопросам» [2, с. 60]. Однако в спорных текстах, особенно в публицистических, нередко встречается негативная информация, выраженная при помощи вопросительного предложения. Перед лингвистом возникает сложная задача: как квалифицировать то или иное спорное высказывание, содержащее негативную информацию, если оно имеет форму вопроса.

В некоторых текстах по лингвокриминалистике вопросительные конструкции рассматриваются как маркеры мнения. Так, например, в статье Т. Губаевой, М. Муратова и Б. Пантелеева [3] указано, что вопросительным предложениям не свойственна предикативность, они направлены на получение информации и не сообщают о событиях и фактах. В книге «Цена слова» указывается, что «вопросительные предложения утвердительными суждениями не являются» [4, с. 198], их стоит рассматривать как суждение о чем-либо, которое не содержит ни утверждения, ни отрицания. Однако стоит отметить, что в названной работе говорится об исключениях в виде вопросительно-отрицательного и вопросительно-риторического предложений: «отдельные разновидности вопросительного предложения, которые могут выражать утверждение или отрицание: а) вопросительно-отрицательное предложение, в котором под видом вопроса выражается отрицание; б) вопросительно-риторическое предложение, содержащее утверждение или отрицание в форме вопроса, на который не ожидается ответ» [4, с. 198].

Актуальность рассматриваемой проблемы также подтверждается анализом экспертной практики. Например, в заключении лингвиста-эксперта при рассмотрении спорного текста с вопросительными конструкциями *«"Коррупция" уральских рейдеров нашлась у олигарха ФИО6. ФИО7, известный участием в рейдерских захватах, и свердловский бизнесмен ФИО12 «борются с коррупцией» при помощи местного депутата ФИО8 и телепродюсера ФИО9?»* [5] можно встретить такую формулировку: «вторая часть фрагмента выражена в форме вопроса, который также не является предметом судебной защиты в порядке ст. 152 ГК РФ» [5]. Подобный вывод основывается исключительно на формальном подходе к вопросительной конструкции. Если же рассматривать данное вопросительное предложение как объект лингвистического экспертного анализа, можно отметить, что в спорном высказывании не ставится под сомнение информация, содержащаяся в первой части предложения, она [первая часть] имеет утвердительный характер; вопрос касается только содержания последней части – в ней спрашивается, при помощи кого происходит «борьба с коррупцией»: местного депутата и телепродюсера или кого-то другого. Как показывает анализ экспертной практики, в

некоторых вопросительных конструкциях может вычленяться фактологическая/ ассертивная часть.

Использование вопросительных предложений в спорных текстах стремительно растет, особенно в журналистской среде, так как сложилось мнение, что данные конструкции не могут содержать утверждения о событии, и использование их в качестве способа передачи негативной информации поможет избежать правовой ответственности. Именно поэтому определение статуса вопросительного предложения является чрезвычайно важной задачей для современной лингвокриминалистики.

Обратимся к лингвистической литературе для определения понятия вопросительного предложения.

В Русской грамматике 1980 «вопросительными называются предложения, в которых специальными языковыми средствами выражается стремление говорящего узнать что-л. или удостовериться в чем-л. Вопросительные предложения, таким образом, информируют о том, что хочет узнать говорящий» [6, с. 386]. В Краткой русской грамматике под вопросительным предложением понимают «предложения, в которых специальными языковыми средствами – частицами, порядком слов, особыми конструкциями, всегда в сопровождении соответствующей интонации выражается стремление говорящего узнать что-л. или удостовериться в чем-л.» [7]. Ряд лингвистических словарей указывает, что под вопросительным предложением подразумевается предложение, выражающее вопрос [8], [9].

В Русской грамматике 1980 указывается, что вопросительное предложение имеет субъективно-модальное значение, однако подчеркивается, что «вопрос может совмещаться также с теми значениями, которые обычно выражаются невопросительными предложениями» [6, с. 386].

Таким образом, под вопросительным предложением следует понимать такое предложение, которое содержит вопрос, выражающий при помощи различных языковых средств стремление говорящего узнать что-либо.

Все вопросительные предложения по функции разделяются на первичные, для которых характерно выражение стремления получить информацию от собеседника, и вторичные, которые характеризуются отсутствием «вопросительного значения или совмещением в предложении вопроса и другого коммуникативного задания (например, побуждения к действию, несогласия)» [7].

В лингвистической литературе есть большое количество классификаций вопросительных предложений. Именно их [классификаций] анализ может помочь развести те вопросительные предложения, которые могут содержать в той или иной форме утверждения, и те, которые выражают мнение говорящего. Приведем некоторые из классификаций.

Так, в Краткой русской грамматике вопросительные предложения разделяются на общие, частные и альтернативные (разделительные) вопросы. Альтернативные вопросы представляют выбор между альтернативными возможностями (напр., *Вам чай или кофе?*). Частные вопросы направлены на получение сведений не о ситуации в целом, а о каком-то аспекте ситуации, так, например, можно узнать о месте, цели, времени и т. д. (*Когда придет мой друг?*). Под общими же понимаются такие вопросы, для которых характерно получение сведений о всей ситуации в целом (*Вы умеете кататься на велосипеде?*).

Н.Н. Логвинова, рассуждая об общих вопросах, пишет, что их целью «является установление истинностного статуса пропозиции. Иными словами, общий вопрос представляет собой суждение, истинностный статус которого («верно / неверно») не установлен» [10]. Также исследователь подчеркивает, что общие вопросы (или информативные в терминологии автора) являются подтипом директивов. Однако к этому типу также относятся предложения, которые находятся на стыке директивов и ассертивов (директивно-ассертивные вопросы, напр., в предложении *«ты знаешь, что сосед купил машину?»* утверждается наличие у соседа новой машины). Ученый указывает, что их целью является сообщение новой информации собеседнику или проверка его осведомленности о некотором факте [10].

Д. Э. Розенталь разделяет вопросительные предложения на собственно вопросительные (*Когда ты впервые увидел рассвет?*), вопросительно-утвердительные (*Куда ты придешь? Ведь брат здесь?*), вопросительно-отрицательные (*Разве можно так говорить?*), вопросительно-побудительные (*Возьмешься ли ты довести меня до ночлега? (Пушк.) (т. е. доведи)*), вопросительно-риторические (*Зачем я это сделала?*) [8, с. 41]. В. А. Белошапкова членит вопросительные конструкции также, как и Д. Э. Розенталь, дополнительно выделяя вопросительно-эмоциональные предложения (*Неужели правда отцвели сады?*) [11, с. 297]. Под собственно вопросительными понимаются такие предложения, которые используются только в диалоге. Вопросительно-утвердительные предложения состоят из двух предложений: в первом содержится вопрос, а во втором мыслится ответ на ранее заданный вопрос. Строится такой тип предложений при помощи частиц *ведь, же, да ведь* и др. Вопросительно-отрицательное предложение отрицает то, о чем спрашивают. Вопросительно-побудительное предложение содержит косвенное побуждение. Вопросительно-риторическое предложение содержит утверждение, выраженное в вопросительной форме, для такого типа предложений не подразумевается ответ. Вопросительно-эмоциональное предложение содержит различные эмоциональные и модальные оттенки.

И. А. Вяткина разделяет вопросительные предложения на два типа: собственно вопросительные, которые требуют ответа (к ним исследователь относит общевопросительные, частновопросительные) и несобственно вопросительные, которые ответа не требуют (к такому учений относит риторический вопрос-утверждение, риторический вопрос-отрицание, вопрос-побуждение) [12, с. 78].

Также есть классификации, построенные на соотношении вопросительных конструкций с типами высказываний. К таким классификациям можно отнести классификацию, которую предложил чешский ученый П. Адамец. Исследователь указывает, что общие вопросы соответствуют обще-верификативным высказываниям, а частные – частно-информативным, при этом подчеркивает, что «при такой классификации отсутствуют вопросы, соответствующие <...> обще-информативным и частно-верификативным [предложениям]» [13, с. 29]. Под обще-верификативными понимаются такие предложения, которые описывают предмет речи в целом и являются реакцией собеседника на описываемую ситуацию. Под частно-информативными понимаются такие предложения, которые состоят из информации, с одной стороны, известной собеседнику, а другой, неизвестной собеседнику.

Ш. Балли классифицирует вопросительные предложения, опираясь на виды повествовательных предложений. Так, ученый выделяет частичные диктальные, полные диктальные, полные модальные, частные модальные. П. Адамец проводит аналогию с классификацией Ш. Балли, указывая, что частичные диктальные соответствуют частично-информативным, полные диктальные – обще-информативным, полные модальные – обще-верификативным, частные модальные – частично-верификативным [13, с. 29]. Данная классификация, являясь более полной, показывает, что, как и повествовательные предложения, вопросительные конструкции могут также содержать фактуальный компонент, который в определенных условиях можно верифицировать. Похожую классификацию предлагает О. Б. Сиротина. Ученый разделяет вопросительные предложения на обще-верификативные, частно-верификативные, обще-информативные, частно-информативные [14, с. 119-121].

В данной статье будем опираться на классификацию, предложенную Д. Э. Розенталем и дополненную В. А. Белошапковой, так как она является наиболее дифференцированной, что существенно для задачи лингвистической экспертизы вопросительных предложений.

Итак, анализ основных классификаций вопросительных предложений позволяет предположить, что содержать оценку/ мнение могут следующие типы вопросительных предложений: обще-верификативные (полные модальные), обще-информативные (полные диктальные), вопросительно-эмоциональные, вопросительно-побудительные; содержать фактологическую информацию при определенных условиях могут следующие типы вопросительных предложений: частно-верификативные (частичные модальные), частно-информативные (ча-

стичные диктальные), собственно вопросительные, вопросительно-отрицательные, риторические, вопросительно-утвердительные.

Грамматическими средствами реализации вопросительного предложения выступают вопросительная интонация, порядок слов, собственно вопросительные слова [8, с. 41]. Выбор средств будет зависеть от вида вопросительного предложения. Так, например, для частного вопроса главным средством выражения будет являться специальная вопросительная интонация, в отличие, например, от общего вопроса, для которого основными средствами выступают вопросительное слово и интонация.

Как было сказано выше, анализ вопросительных конструкций представляет особую сложность в связи с их статусом неистинностных высказываний. Так, например, в кратком словаре по логике А. А. Ивина указано, что «постановка вопросительного знака, как правило, связана с тем, что данное предложение содержит в себе вопрос – особую форму рассуждения, не являющуюся суждением о чем-либо, т. е. не содержащую ни утверждения, ни отрицания чего-либо» [15, с. 24]. Однако, по мнению Г. С. Иваненко, есть некоторые виды вопроса, которые способны выражать утверждение: «вопросительная форма предложения не исключает реализации им утверждения в гносеологическом и прагматическом аспектах». К таким конструкциям ученый предлагает относить, например, частно-информативные, собственно вопросительные и риторические вопросы. Рассматривая верификативные и общеинформационные вопросы, исследователь предполагает, что они не могут содержать утверждения по ряду причин [16, с. 154]. Иллюстрируя свои рассуждения, ученый приводит в качестве примера следующую конструкцию: *«Какое она имела право распространять доверенные ей по роду деятельности сведения? (в предложении утверждается распространение лицом сведений и выражается возмущение этим фактом)»* [16, с. 154-155].

В качестве подтверждения мысли о том, что вопросительная конструкция может содержать фактологическое утверждение, приведем и проанализируем несколько примеров из экспертной практики.

Так, первым примером может служить текст, взятый из монографии Г. С. Иваненко [16, с. 33]. Ученый анализирует спорное высказывание (в котором содержится негативная информация), имеющие форму риторического вопроса: *«Вот и растрезвонили близкие к Головлеву и примкнувшему к нему депутату Юревичу СМИ о том, что Галкина недавно даже избили якобы по политическим мотивам. Знающие люди лишь усмеваются и пытаются угадать: сколько долларов заплатили Герману за пару синяков? Вся эта шумиха, думается, рассчитана на людей с некритическим мышлением ...»* [16, с. 33]. Г. С. Иваненко указывает, что вопросительное предложение (спорное высказывание относится к риторическому вопросу) в данном тексте имеет тему и рему, в нем отсутствуют маркеры мнения/оценки, а также утверждается, что «Г. Галкину заплатили за «пару синяков» и спрашивается, сколько» [16, с. 34]. Исследователь приходит к выводу, что сообщение «фактуально и позорит честь истца в глазах окружающих, а потому должно быть проверено на предмет соответствия действительности и в случае недоказанности признано порочащим и опровергнуто» [16, с. 34].

Мнение ученого представляется небесспорным: приведенная конструкция действительно содержит утверждение, однако, на наш взгляд, оно не является фактологическим. Если глагол *заплатить* можно соотнести с действительностью, он выражает конкретное действие, то с выражением *пара синяков* это представляется затруднительным, поскольку из контекста неясно, что именно под ним подразумевается.

Следующим примером является спорное высказывание, взятое из статьи «Суд оправдал полицейского, побившего двух подростков» Г. Онучиной, опубликованной в газете «Комсомольская правда» в 2012 г. [17]. Так, во фрагменте *«Признался, что в подъезде его и Лешу схватил какой-то незнакомый мужчина и со всей силы треснул головами друга о друга, да еще пинков и затрепачин надавал. Просто кошмар! На том, что сын ограбил чужого ребенка, мама не стала акцентировать внимание. — Мы его, конечно, отругали, но какое право имел сотрудник полиции поднимать руку на детей?»* имеется негативная информация следую-

щего характера: сотрудник полиции ударил/побил ребенка, а также задается вопрос о правомерности его действий. В данном высказывании есть признаки как оценочности, которые создаются фразеологическим сочетанием *поднимать руку на* – «фразг., экспресс. замахиваться на кого-либо, пытаться ударить; бить кого-либо» [18, с. 485], так и признаки фактологичности, которые подтверждаются общим контекстом спорного текста: сотрудник полиции ударил ребенка, надавал пинков и затрещин. Вопрос, приведенный в спорном тексте, относится к вторичным по функции и вопросительно-отрицательным по типу. Таким образом, на примере данного спорного высказывания можно продемонстрировать, что вопросительно-отрицательные предложения при наличии так называемой подтверждающей семантики контекста могут выражать фактологическую информацию.

Еще одним примером может служить фрагмент экспертизы, взятый из решения Арбитражного суда Иркутской области от 12 февраля 2024 г.: *«Хотя компания «Байкальский Бриз» (ОГРН <***>) и называет себя туристической, занимается она обычной сдачей внаем недвижимости. А вот ее учредители крайне интересны. Это Сатия Карм Пуния и ФИО4. Вы же понимаете, кто такой ФИО5? Это президент «Рус Биофарм» и родной брат владельца «Фармасинтеза» Викрама Пуния. А вот гендиректор «Рус Биофарм» - супруга ФИО5, ФИО6 - родная дочь мэра Байкальска. Она же, кстати, владеет и компанией с эпичным названием «Илим Лтд» (ОГРН <***>). Ну а у мэра Байкальска жесткий конфликт с ФИО7. Мы одни видим здесь махровую коррупцию и использование служебного положения в личных целях?»* [19]. В спорном тексте содержится негативная информация, выраженная в форме вопросительного предложения следующего характера: учредители ООО ФТК «Байкальский бриз» используют родственные связи и служебное положение в личных целях. Приведенная негативная информация не ставится под сомнение, вопрос автора текста направлен на уточнение того, кто еще усматривает коррупционную составляющую в деятельности ООО ФТК «Байкальский бриз». Такой вывод подтверждается тем, что в начале спорного текста обсуждаются родственные связи лица. Вопросительное предложение относится к вторичным по функции, к вопросительно-отрицательным по типу. Итак, анализ данного спорного высказывания подтверждает вывод, сделанный ранее: при наличии подтверждающего негативную информацию контекста, вопросительно-отрицательное предложение может содержать утверждение о факте.

Другим примером может служить спорное высказывание *«Вы забыли, что были в ДТП, где являлись виновником?!»* [20], которое было взято из текста, являющегося объектом исследования при производстве заключения специалиста по иску об унижении чести и достоинства. Данное спорное высказывание оформлено в виде вопросительного предложения, однако цель высказывания не влияет на фактологичность. Так, автор отсылает ответчика к воспоминаниям (это выражается в фрагменте «Вы забыли, что были»), но при этом не ставит под сомнение его виновность в дорожно-транспортном происшествии (Вы были в ДТП, вы являлись виновником). Данное вопросительное предложение относится к вторичным по функции, к собственно вопросительным по типу. Итак, данный тип вопросительных предложений может передавать фактологическую информацию.

Таким образом, вопросительное предложение может выступать формой выражения мнения, однако в некоторых вопросительных предложениях может вычленяться фактологическая часть и, соответственно, информация, сообщаемая в таком предложении, может быть подвергнута верификации. Предполагаем, что вопросительно-эмоциональные, вопросительно-побудительные предложения будут являться маркерами оценочного высказывания. Собственно вопросительные, вопросительно-отрицательные, риторические, вопросительно-утвердительные предложения могут выражать фактологическую информацию при определенных условиях. Поэтому каждое конкретное вопросительное предложение необходимо анализировать с учетом типа вопроса, общего смыслового содержания спорного текста.

Библиографический список

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. 2 изд. М. : Флинта, Наука, 2022. 592 с.
2. Стернин И. А., Антонова Л. Г., Карпов Д. Л., Шаманова М. В. Основные понятия лингвокриминалистической экспертизы: справочное пособие. /Под науч. ред. проф. И.А. Стернина. Ярославль: Изд-во «Канцлер», 2013. 80 с.
3. Губаева Т., Муратов М, Пантелеев Б. Экспертиза по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации. // Российская юстиция, 2002. № 4. С.64-65. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/5223> (дата обращения: 22.01.2025).
4. Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. / Под ред. проф. М. В. Горбаневского. Изд. 3, испр. и доп. М. : Галерея, 2002. 423 с.
5. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 11 марта 2024 г. № Ф10-367/24 по делу № А83-5760/2023 URL: <https://base.garant.ru/40302669/>(дата обращения: 22.01.2025).
6. Русская грамматика: в 2 т. Синтаксис / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 2. М. : Наука, 1980. 710 с.
7. Краткая русская грамматика / Белоусов В. Н., Ковтунова И. И., Кручинина И. Н. и др. // Под ред. Шведовой Н. Ю. и Лопатина В. В. М. : 2002. 726 с. URL: <https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=168> (дата обращения: 22.01.2025).
8. Розенталь Д. Э. Теленкова М. А. Словарь лингвистических терминов. Пособие для учителей. М. : Просвещение, 1976. 543 с.
9. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Изд-во «Пилигрим», 2010. URL: <https://rus-lingvistics-dict.slovaronline.com/591-вопросительное%20предложение> (дата обращения: 22.01.2025).
10. Логвинова Н. Н. Вопросительные конструкции // Корпусная русская грамматика. 2022. URL: http://rusgram.ru/new/chapter/clause/interrogative_constructions/ (дата обращения: 22.01.2025).
11. Белошапкова В. А. Современный русский язык: учеб. для филол. спец. ун-тов/ В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Зеская и др. под ред. В. А. Белошапковой. 2-е изд. испр. и доп. М. : Высш.шк., 1989. 800 с.
12. Вяткина С. В. Синтаксис современного русского языка : учебник для студ. высш. учеб. заведений / Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В. П. Казаков, Д. В. Руднев// под ред. С. В. Вяткиной. СПб. : СПбГУ; М. : Академия, 2009. 346 с.
13. Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Praha : Academia, 1966. 96 с.
14. Сиротинина О. Б. Лекции по синтаксису русского языка: учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов. М.: Высш. школа, 1980. 141 с.
15. Ивин А. А. Основания логики оценок. М. : Изд-во МГУ, 1970. 230 с.
16. Иваненко Г. С. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации: монография. М. : Флинта, 2018. 247 с.
17. Официальный сайт газеты «Комсомольская правда». Очунина Г. Суд оправдал полицейского, побившего двух подростков. Вып. 3 октября 2012 г. URL: <https://www.yar.kp.ru/daily/25960/2900179/> (дата обращения: 26.01.2025).
18. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц / А. И. Федоров. 3-е изд., испр. М. АСТ : Астрель, 2008. 878 с.
19. Решение Арбитражного суда Иркутской области от 12 февраля 2024 г. по делу № А19-5933/2023 URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/J6pUgXGdsJrN/?page=2&arbitral-txt=лингвистическая+экспертиза&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=Статья+152.+Защита+честь%2C+достоинства+и+деловой+репутации%28ГК+Р

[Ф%29&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&snippet_pos=4236#snippet](#)

20. Саломатина М. С. Заключение специалиста по иску об унижении чести и достоинства от 23.04.2018.

References

1. Baranov A. N. Linguistic expertise of the text: theory and practice. 2 ed. M. : Flinta, Nauka, 2022. 592 c.
2. Sternin I. A., Antonova L. G., Karpov D. L., Shamanova M. V. Basic concepts of linguistic criticism: theory and practice. V. Basic concepts of linguo-criminalistic expertise: a reference manual. / Under the scientific editorship of Prof. I.A. Sternin. Yaroslavl: «Chancellor», 2013. 80 c.
3. Gubaeva T., Muratov M., Panteleev B. Expertise in cases on the protection of honour, dignity and business reputation. // Russian Justice, 2002. № 4. C.64-65. URL: <https://www.lawmix.ru/comm/5223> (date of reference: 22.01.2025).
4. The price of a word. From the Practice of Linguistic Expertise of Media Texts in Legal Proceedings for the Protection of Honour, Dignity and Business Reputation. / Edited by Prof. M. V. Gorbanevsky. Ed. 3, revised and supplemented. Moscow : Galeria, 2002. 423 c.
5. Resolution of the Arbitration Court of the Central District of 11 March 2024, № F10-367/24 on the case № A83-5760/2023 URL: <https://base.garant.ru/40302669/> (date of circulation: 22.01.2025).
6. Russian Grammar: in 2 vol. Syntax / Edited by N. Y. Shvedova. T. 2. M. : Nauka, 1980. 710 c.
7. Concise Russian grammar / Belousov V. N., Kovtunova I. I., Kruchinina I. N. et al. / Edited by Shvedova N. Yu. and Lopatin V. V. M. : 2002. 726 c. URL: <https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=168> (date of reference: 22.01.2025).
8. Rosenthal D. E. Telenkova M. A. Dictionary of Linguistic Terms. Manual for Teachers. M. Prosveshchenie, 1976. 543 c.
9. Zherebilo T. V. Dictionary of linguistic terms. Nazran: «Pilgrim», 2010. URL: <https://rus-lingvistics-dict.slovaronline.com/591-вопросительное%20предложение> (date of reference: 22.01.2025).
10. Logvinova N. N. Questioning constructions // Corpus Russian Grammar. 2022. URL: http://rusgram.ru/new/chapter/clause/interrogative_constructions/ (date of address: 22.01.2025).
11. Beloshapkova V. A. Modern Russian language: textbook for philological specialties of the university / V. A. Beloshapkova, E. A. Bryzgunova, E. A. Zeskaya et al. ed. by V. A. Beloshapkova. A. Beloshapkova. 2nd ed. revised and supplemented. M. : High School, 1989. 800 c.
12. Vyatkina S. V. Syntax of the modern Russian language : a textbook for students of higher educational institutions / G. N. Akimova, S. V. Vyatkina, V. P. Kazakov, D. V. Rudnev // ed. by S. V. Akimova. B. Vyatkina. SPb. St. Petersburg State University; Moscow. Academy, 2009. 346 c.
13. Adamets P. Word order in the modern Russian language. Praha : Academia, 1966. 96 c.
14. Sirotnina O. B. Lectures on the syntax of the Russian language: textbook for philological specialties of universities. Moscow: High School, 1980. 141 c.
15. Ivin A. A. Foundations of the Logic of Estimates. M. : MSU, 1970. 230 c.
16. Ivanenko G. S. Linguistic expertise in the processes for the protection of honour, dignity, business reputation: a monograph. M. : Flinta, 2018. 247 c.
17. Official website of the newspaper «Komsomolskaya Pravda». Ochunina G. The court acquitted the policeman who beat two teenagers. Issue. 3 October 2012. URL: <https://www.yar.kp.ru/daily/25960/2900179/> (date of address: 26.01.2025).
18. Fedorov A. I. Phraseological Dictionary of the Russian language: about 13000 phraseological units / A. I. Fedorov. 3rd edition, revised. M. AST : Astrel, 2008. 878 c.

19. Decision of the Arbitration Court of the Irkutsk Region dated 12 February 2024 in case №. A19-5933/2023 URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/J6pUgXGdsJrN/?page=2&arbitral-txt=лингвистическая+expertise&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=Article+152.+Protection+of+honour%2C+dignity+and+business+reputation%28GC+RF%29&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&snippet_pos=4236#snippet

20. Salomatina M. S. Specialist's opinion on the claim on humiliation of honour and dignity of 23.04.2018.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 81.366

DOI 10.36622/2587-9510.2025.59.4.004

*Оренбургский государственный
педагогический университет
канд. филол. наук, доц. кафедры
русского языка и методики
преподавания русского языка
Твердохлеб О.Г.
Россия, г. Оренбург,
тел. (906) 846-87-11
e-mail: ogtwr@gmail.com*

*Orenburg State Teacher
Training University
PhD, assistant Professor
the department of Russian language
methodology of teaching Russian language,
Tverdokhleb O.G.
Russia, Orenburg,
Tel. (906) 846-87-11
e-mail: ogtwr@gmail.com*

О.Г. Твердохлеб

ЛЕКСИКА СО ЗНАЧЕНИЕМ ‘СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА’ В ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА: КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ

Данное исследование представляет собой первый в отечественной науке полный анализ лексики, обозначающей сверхъестественные существа, в поэтическом творчестве Николая Гумилева. Анализируются семантические, стилистические и культурно-мифологические аспекты употребления данной группы слов, их роль в создании образного пространства произведений. Исследование выявляет сложную многоуровневую систему мифопоэтических образов (более 500 употреблений 100 лексических единиц, составляющих 0,8% поэтического словаря), играющих ключевую роль в формировании авторской картины мира. Материал структурирован в восемь тематических групп по убыванию частотности: христианские (53%), античные/общеευропейские (21%), астральные/абстрактные (14%), восточные (11%), демонические (9%), люди со сверхъестественным даром (8%), славянские (4%) и экзотические (1%) образы. Особое внимание уделяется доминированию сакрально-христианских образов с выраженной гендерной асимметрией (соотношение 14 : 1 для «бог» / «богиня»), что отражает героико-мужественную доминанту поэтики Николая Гумилева. Подчеркивается парадоксальное сочетание христианской традиции с иными религиозными системами при почти полном отсутствии русских сказочных персонажей, что объясняется акмеистической программой и глобальными культурными ориентациями поэта. Выделены ключевые функции исследуемых образов: создание многомерного мифопоэтического пространства, экспликация философско-эстетических идей, организация бинарных оппозиций и репрезентация концепта творчества. Особый интерес представляют авторские мифологизмы («Дама Смерть», «Ужас брат») и редкие синкретические образы, создающие зоны «инаковости». В работе сочетаются количественные и качественные методы анализа: корпусная лингвистика и семантико-стилистический анализ. Результаты вносят вклад в гумилёведение и изучение поэтики Серебряного века, демонстрируя, как система сверхъестественных образов отражает индивидуальные особенности творчества Гумилева в контексте общелитературных процессов эпохи.

Ключевые слова: Николай Гумилев, поэзия, лексика, сверхъестественные существа, мифопоэтика, символизм, Серебряный век, демонология, частотный анализ.

O.G. Tverdokhleb

VOCABULARY WITH THE MEANING OF ‘SUPERNATURAL BEINGS’ IN THE POETRY OF NIKOLAI GUMILYOV: A COMPREHENSIVE ANALYSIS

This study is the first in Russian science to provide a complete analysis of the vocabulary denoting supernatural beings in the poetic works of Nikolai Gumilyov. The article analyzes the semantic, stylistic, and cultural-mythological aspects of the use of this group of words, as well as their role in creating the figurative space of the works. The study

reveals a complex multi-level system of mythopoetic images (more than 500 uses of 100 lexical units, constituting 0.8% of the poetic vocabulary), which play a key role in shaping the author's picture of the world. The material is structured into eight thematic groups in descending order of frequency: Christian (53%), ancient/pan-European (21%), astral/abstract (14%), oriental (11%), demonic (9%), people with supernatural gifts (8%), Slavic (4%), and exotic (1%) images. Particular attention is paid to the dominance of sacred Christian images with pronounced gender asymmetry (the ratio is 14:1 for “god” / “goddess”), which reflects the heroic-masculine dominant of Nikolai Gumilyov's poetics. The paradoxical combination of the Christian tradition with other religious systems with an almost complete absence of Russian fairy-tale characters is emphasized, which is explained by the acmeistic program and global cultural orientations of the poet. The key functions of the studied images are highlighted: the creation of a multidimensional mythopoetic space, the explication of philosophical and aesthetic ideas, the organization of binary oppositions and the representation of the concept of creativity. Of particular interest are the author's mythologisms (“Lady Death”, “Brother Horror”) and rare syncretic images that create zones of “otherness”. The work combines quantitative and qualitative methods of analysis: corpus linguistics and semantic-stylistic analysis. The results contribute to Gumilev studies and the study of the poetics of the Silver Age, demonstrating how the system of supernatural images reflects the individual characteristics of Gumilev's work in the context of the general literary processes of the era.

Keywords: Nikolay Gumilev, poetry, vocabulary, supernatural beings, mythopoetics, symbolism, Silver Age, demonology, frequency analysis.

Поэтическое творчество Николая Гумилева, одного из наиболее ярких представителей Серебряного века русской литературы, уже более столетия находится в центре научного внимания. Исследования последних лет обычно носят общезнаменательный характер ([1]; [2]; [3]; [4] и др.), но обращается внимание и на лексику сверхъестественного, либо с акцентом на демонические образы в драматургии [5], либо при анализе лексем *ангел* и *демон* [6], сверхъестественной лексики как часть художественной системы [7] или сакральных лексем *серафим* *херувим* [8]. Однако при всем многообразии исследований лексики, обозначающей сверхъестественные существа в поэзии Н. Гумилева, до сих пор не становилась предметом специального системного исследования. Между тем, этот пласт лексики занимает значительное место в его поэзии, т. к. интерес поэта к экзотическим культурам, мистике и фольклору нашел отражение в его произведениях, которые представляют собой уникальный пример синтеза христианской традиции с мифопоэтическими образами различных культур и где значительное место занимают образы, связанные с миром сверхъестественного. О важности сверхъестественного в его поэтическом мире свидетельствуют и номинации сверхсущностей в заглавиях ряда стихотворных творений, созданных им в разные годы: «Пророки» (1905); «Умный дьявол» (1908); «Влюбленная в дьявола» (1908); «Русалка» (1905), «Колдунья» (1910); «Христос» (1910); «Ангел-хранитель» (1912); «Ангел боли», (1917—1918). **Цель** данной статьи — выявить, систематизировать и проанализировать лексические единицы со значением ‘сверхъестественные существа’ в поэзии Гумилева. **Актуальность** настоящего исследования определяется важностью изучения языковых средств создания образов сверхъестественного для понимания художественного мира поэта, поскольку в специфике функционирования сверхъестественных персонажей, культурный смысл которых отражает народные представления о реальном и ирреальном бытии [9], проявляется лингвокреативная деятельность автора. **Предметом** рассмотрения стало более 500 поэтических единиц, обнаруженных: 1) в поэтическом подкорпусе НКРЯ; автор: Н.С. Гумилев (включает 67 452 слова) по запросу: S, gr:S & r:concr & t:hum:supernatS, gr:S & r:concr & t:hum:supernat [10] (далее все примеры даны по этому источнику) и затем проверенных в контекстах для выделения только релевантных значений у многозначных лексем (напр., у лексемы *дух*); и 2) в перечнях сверхъестественных существ в лингвистической ([11]; [12]) и словарной литературе ([13; с. 655-658]; [14; с. 198-205]), и затем также проверенных по запросу в том же подкорпусе НКРЯ.

В поэзии Н. Гумилева нами выявлено 100 языковых единиц (однословные лексемы и многословные единицы), репрезентирующих сверхъестественные существа в 538 случаях употребления (приводим по алфавиту; количество наиболее частотных словоупотреблений выделено жирным шрифтом): *Азраил* (1), *Аллах* (5), *амазонка* (1), *амур* (3), *ангел* (**31**), *архангел* (2), *бог* (**128**), *богиня* (9), *Богородица* (1), *божество* (4), *Будда* (4), *валькирия* (1), *Вельзе-*

волх (1), волхв (1), волшебник (1), волшебница (2), Всевышний (2), гений (8), гидра (1), гном (8), **Господь (18)**, гурия (4), демон (6), джинн (1), див (1), домовой (2), дракон (**33**), дух (в знач. 'бесплотное сверхъестественное существо') (44), дух ада (1), дух башен (1), Горный дух (6), звездный дух (1), дух Лесов (2), дух неба (1) / дух Небесный (1), дух стихии (1), дьявол (**12**), Иуда (2), змей (10), заклинатель (1), колдун (6), колдунья (5), лесовик (1), Люцифер (**11**), маг (9), Магомет (1), Мадонна (6), мандрагора (1), Мария (4), дева Мария (1), Муза (**17**), Муза Дальних Странствий (5), наяда (9), нимфа (3), оборотень (2), пальмы святыи (1), пан (3), папа (3), Петр (1) / Апостол Петр (4), полубог (1), полужверь (1), привидение (1), призрак (7), Пророк (11), русалка (**10**), сатана (3), святой (в знач. 'носитель чудодейственной силы'), (1), святой Антоний (1), святой Георгий (1), святая дева (1), святые папы (1), святой Петр (1), святой Пантелеймон (2), святая Цецилия (1), серафим (17), сивилла (1), сирена (2), сириин (1), Смерть (5) / Дама Смерти (1), Создатель (1), сфинкс (2), Сын (4), Творец (6), тигры святыи (1), титан (2), тритон (4), тролль (2), Ужас брат (1), ундина (4), фавн (2), феникс (1), фея (8), херувим (1), химера (1), хиромант (1), Христос (9), Царь Небесный (1), чародей (3), черт (3), чудище (1), чудовище (7), шайтан (1). Как показывает приведенный список, среди них наиболее частотными являются (приводим в порядке убывания частности): бог (128), дух (44), ангел (31), дракон (33), Господь (18), Муза (17), серафим (17), дьявол (12), Люцифер (11), русалка (10). Доминантной лексемой является лексема бог. В целом лексика сверхъестественного составляет 0,8% от общего поэтического словаря Гумилёва.

В поэзии Гумилева можно выделить несколько тематических групп лексики, обозначающей сверхъестественных существ (проценты в скобках округлены до целых чисел):

1) сакрально-христианские (35 единиц; количество употреблений — 284 случая; 53% от 538 общих случаев употребления), среди которых частотные лексемы (приводим по алфавиту; более частотные выделяем жирным): **ангел (31)**, архангел (2), **Бог (128)**, богиня (9), Богородица (1), божество (4), Всевышний (2), **Господь (18)**, дух неба (1) / дух Небесный (1), Иуда (2), Мадонна (6), Мария (4), дева Мария (1), папа (3), Петр (1) / Апостол Петр (4), полубог (1), **Пророк (11)**, святой (1), святой Антоний (1), святой Георгий (1), святая дева (1), святые папы (1), святой Петр (1), святой Пантелеймон (2), святая Цецилия (1), **серафим (17)**, Создатель (1), Сын (4), Творец (6), херувим (1), Христос (9), Царь Небесный (1), Христос (9);

2) античные / общеевропейские (22 / 113 / 21%): амур (3), валькирия (1), гидра (1), гном (8), **дракон (33)**, **Муза (21)**, Муза Дальних Странствий (1), наяда (9), нимфа (3), пан (3), сивилла (1), сирена (2), сириин (1), сфинкс (2), титан (2), тритон (4), тролль (2), ундина (4), фавн (2), феникс (1), фея (8), химера (1);

3) астральные / абстрактные (15 / 80 / 14%): **дух (45)**, дух ада (1), Горный дух (6), звездный дух (1), дух Лесов (2), дух неба (1) / дух Небесный (1), дух стихии (1), привидение (1), призрак (7), Смерть (5) / Дама Смерти (1), Ужас брат (1), чудище (1), чудовище (7);

4) восточные, в том числе исламско / буддийские (10 / 61 / 11%), в том числе исламские / буддийские: Азраил (1), Аллах (5), Будда (4); гурия (4), джинн (1), див (1), **дракон (33)**, змей (10), Магомет (1), шайтан (1);

5) демонические, злые (10 / 50 / 9%): Вельзевул (1), демон (6), дух ада (1), **дьявол (12)**, змей (10), Люцифер (11), оборотень (2), сатана (3), черт (3), шайтан (1);

6) люди со сверхъестественным даром (10 / 47 8%): волшебник (1), волшебница (2); гений (8), заклинатель (1); колдун (6), колдунья (5), маг (9), **Пророк (11)**, хиромант (1), чародей (3),

7) славянские (7 / 28 / 4%): русалка (**10**), а также волхв (1), домовой (2), лесовик (1), русалка (**10**), сириин (1), черт (3);

8) экзотические и синкретические образы (5 / 6 / 1%): мандрагора (1), Муза Дальних Странствий (1), пальмы святыи (2), полужверь (1), тигры святыи (1).

Указанные проценты скорректированы с учетом того, что некоторые образы встречаются в нескольких категориях (напр., дракон может относиться к западной и китайской тра-

диции; *дух ада* относится к астральным и демоническим образам; *дух неба/ дух Небесный* — к сакрально-христианской и к астральной; *змей* — к демоническим и восточным лексемам; *Муза Дальних Странствий* — и к античным, и к синкретическим образам; *Пророк* — и к сакрально-христианским лексемам, и к номинациям людей со сверхъестественным даром; *сирин* — и к славянской, и к античной традиции; *чёрт* может — и к славянской, и к христианской традиции; *шайтан* — и к восточным, и к демоническим образам).

Выделенные группы сверхъестественных существ имеют особенности употребления в поэзии Н.С. Гумилёва.

1. Уникальность идиостиля Н. Гумилева характеризуется доминированием **сакрально-христианской** лексики. Сакрально-христианские образы связаны с христианской традицией, Библией и житиями святых, с символами духовного пути, божественного вмешательства, святости. Приведем полный перечень сакральных лексем с частотностью: ● имена Бога и Троицы: *Бог* (128); *Господь* (18); *Творец* (6); *Всевышний* (2); *Создатель* (1); *Царь Небесный* (1); ● ангельская иерархия: *ангел* (31); *серафим* (17); *архангел* (2); *херувим* (1); ● христологические образы: *Христос* (9), *Сын* (4), *Иуда* (2); ● богородичные образы: *Богородица* (1); *Мадонна* (6); *святая дева* (1); ● святые и апостолы: *Апостол Петр* (4); *святой* (1); *святой Антоний* (1); *святой Георгий* (1); *святой Пантелеймон* (2); *святая Цецилия* (1); *святые папы* (1); ● сакральные абстракции: *дух* (44); *дух Небесный* (1); *Пророк* (11).

Тринитарные образы более частотны: *Бог* (128), *Господь* (18), *Христос* (16). Преобладают абстрактные обозначения Божественного начала с наиболее частотным *Бог* (128 случаев): *Мне Бог бороться силы дал* («Я в лес бежал...», 1902); *Русь бредит Богом...* (Старые усадьбы, 1916). Образ *Господа* (18 употреблений) несёт более личностный характер, часто появляясь в молитвенных обращениях: *Дай мне, Господи, дай мне знак* (Канцона вторая, 1918). Имена Бога (теонимы) представлены и лексемами *Творец*; *Всевышний*; *Создатель*: *Что лик жены подобен раю, / Обетованному Творцом* (Андрей Рублев, 1918); *И просто разубрал Всевышний небеса* (Разговор, 1916); *Создав, навсегда уступил меня року Создатель* («Я верил, я думал ...», 1912). Возможны перифраз Бога: *...не эти жатвы / Собирает Царь Небесный* («Он поклялся в строгом храме...», 1910) и символика божественного присутствия: *Сын придет и Дух придет Небесный* (Новая встреча, 1917).

Вторую по частотности подгруппу составляют ангельские образы: *ангел* (31), *архангел* (2), *серафим* (17), *херувим* (1). Ангельская иерархия строго дифференцирована по чинам. Наиболее частотен *ангел* (31). «Его принципиальная причастность к переживаниям и свершениям человека в «посюстороннем», земном мире» [15; с. 33] проявляется в функции посредника-охранителя: *Милый ангел, приходи скорее, / Защити от крысы и помилуй!* (Крыса, 1908). Но ангелы в поэтическом мире Гумилева не просто небесные посланники, а символы света, тревоги, надежды и нездешней гармонии. Часто акцентируется связь ангелов с крыльями, которые то трепетные, как шепот молитвы: *Только ангел шевельнул крылами* (Рассвет, 1908), то ослепительные, как отблеск вечности: *Песнь ангелов и блеск их крыл* («Я до сих пор не позабыл...», 1911), то пугающе недостижимы между миром и надмирным: *...встать еще страшнее. / Где он, где он, ангел светлокрылый?* (Крыса, 1908), то близки, как весенний сон: *А весною на крыльях сна / Прилетают ангелы к нам* (Канцона вторая, 1918). Канонические святые и библейские фигуры обычно обозначены именным словосочетанием с адъективом *святой*, ср.: *Святой Антоний может подтвердить* (Рай, 1916), где *святой Антоний* — отшельник (символ аскезы); *Вот речь начинает святой Пантелеймон* (Видение, 1916), где *святой Пантелеймон* — целитель.

Образ Христа встречается 16 раз, обычно в ожидаемом синтагматическом окружении: *В трехъярусном сиянье / Мадонну и Христа* (Искусство, 1912). Христос у Гумилева не догма, а живой символ, явление, которое всегда в движении: как путник он плывёт в ладье: *...Ладью, в которой плыл Христос* («Как труп, бессилен небосклон...», 1907); идет по воде как «младенец», не в славе, а в хрупком сиянии розового рая: *Пройдет Христос-младенец*

по водам, / Блеснет сиянье *розового* *рая* (Баллада, 1912). Он не судит — отдыхает: *Где с Христом отдыхала Мария* (Вступленье, 1921). Этот Христос — поэтический, а не церковный, он — часть природы (*лодка, вода, розовый рассвет*), он не спасает мир — он его очаровывает.

Немногочисленны, но значимы богородичные образы (13 случаев) Поэтическая Дева Мария тесно связана с Иисусом Христом и выступает не просто как Богородица, не как царица небесная, но как земная мать, усталая путница: *Мария держит Сына Своего* (Фра Беато Анджелико, 1916); *Дай скончаться под той сикоморою, / Где с Христом отдыхала Мария* (Вступленье, 1921). Гендерное распределение показывает в текстах Н. Гумилева абсолютное доминирование мужских образов, напр., лексема *бог* представлена 128-ю употреблениями, а *богиня* только 9-ю (что составляет: 14:1).

В поэтических строках сакральное теряет абсолютность, становясь частью человеческой драмы, где Бог выступает как условность, а дьявол как необходимость, где вера в Бога требует веры в дьявола (то есть добро и зло взаимообусловлены): *Будьте правдивы и верьте в дьяволов, / если Вы верите в Бога* (Наталье Владимировне Анненской, 1906); где Боги слабы и тленны: *...мы переплывали океаны, / Позор для Бога* («Нас было пять...», 1908); *И сами боги тленны* (Искусство, 1912) и где стирается грань между людьми и божествами: *И кто живет в ней, наконец, / — Простые смертные или боги?»* (Два сна, 1918). Порой в неожиданном контексте образ Христа, в соединении с восточными мотивами, размывает границы между религиями: *Кто видит сон Христа и Будды?* (Гончарова и Ларионов, 1917), становясь метафорой, а не объектом культа. И это очень в духе эпохи: 1917 год — время, когда рушатся все прежние «скрижали», и поэзия ищет новую духовность вне систем.

2. В анализируемых текстах **античные и общеевропейские** мифологические образы составляют значимый пласт (21% от общего числа), демонстрируя их устойчивую роль в поэтической картине мира. Наиболее частотной оказывается • *Муза* (17 упоминаний), что подчеркивает рефлексию автора о природе творчества и вдохновения: *Хотя у музы легкие шаги, / Она богиня, а не танцовщица* (Поэт, 1908); *Сквозь бронзу Сиракуз / Глядится / Надменный облик муз* (Искусство, 1912). Этот образ, восходящий к классической традиции, может приобретать новые черты в авторском неологизме: *Музе Дальних Странствий*, что указывает на синтез античного канона и романтического поиска: *Чье название — Муза Дальних Странствий* (Открытие Америки, 1912). Заметное место занимают • персонификации природных стихий — образы, связывающие миф с пейзажной лирикой. Ср. образы: *В священных рощах девственных наяд* (Любовники, 1908); *Не была ль сестрою мне наяда, / Нежным братом лапчатый тритон?* (Тоска по морю, 1911); *Бродят нимфы забытых времен < ... > трубят мальчика-тритон* (Райский сад, 1911), где утрачивается однозначная «греческая» привязка, становясь частью условного европейского фольклорного пространства. Интерес поэта не только к античности, но и к средневековым, кельтским и скандинавским мотивам отражают лексемы *гном, фея, валькирия*: *Фея гор и властительно-пурпурный Гном* (Сказка о королях, 1905); *И валькирией надо мною, / Ольга, Ольга, кружишь ты* (Ольга, 1921). Среди • хтонических (порой и демонических) существ высокочастотны репрезентации *дракона* с символикой борьбы, хаоса и преодоления: *И оголенный утес, / Где распростерся дракон* (В пути, 1910); *Пред ней свивается дракон* (Персей, 1916). • *Сфинксы* и *сирены*, появляясь в контексте загадочности, искушения или недостижимости, особенно в творчестве, наследуют их архетипическую роль в мифе: *Поэт, лишь ты единый в силе / Постичь ужасный тот язык, / Которым сфинксы говорили* (Естество, 1919). • Редкие, но смыслоемкие образы *феникса, сивиллы, титанов* отсылают к идеям возрождения, пророчества и богоборчества: *Как феникс из пламени, встал Андрогин* (Андрогин, 1910). Античные образы у Гумилева не копируют канон, а переосмысливаются, смешиваясь с другими традициями. Доминируют персонификации творчества (*Муза*) и природных сил, что подчеркивает интерес к диалогу культуры и стихии; чудовища (*драконы, химеры*) часто связаны с темами внутренней борьбы; их «европейская» версия (*тролли, гномы*) смягчает античный фатализм, добавляя фольклорной

игры. Это позволяют говорить о мифологическом синкретизме, где античность — не эталон, а один из источников в полифонии культурных отсылок.

3. Группа **астральных и абстрактных** мифологических образов представлена универсальными концептами (*дух, призрак, Смерть*) и этнически маркированными образами (африканские природные духи), что свидетельствует о синтетическом характере мифопоэтического сознания автора. Центральное место в этом ряду занимает лексема • *дух* (44 употребления), многозначность которой позволяет ей функционировать в различных семантических полях: от обозначения потусторонних существ: *И дух его сонный летит над лугами* (Сон Адама, 1910) до выражения творческого начала: *В нас дух века загубил* («У скалистого ущелья...» (1903). На анимистические истоки поэтического мировосприятия указывает конкретизация этого абстрактного образа через связь с персонифицированными с экзотическими ландшафтами. Являясь отражением путешествий Гумилёва, образ *Горного духа*, связанного с кавказской и африканской тематикой, вносит в текст элементы этнографической специфики: *Но Горный Дух из влажной мглы / Глядит...* (Ключ в лесу, 1911). Образ *Дух Лесов* имеет славянский / европейский контекст: *Сам Дух Лесов ее хранит < ... > Но был разгневан Дух Лесов* (Мик, 1918); образы *Дух башен* и *звёздный дух* передают урбанистический и космический мотивы, а *дух стихии* обозначают абстрактную природную силу: *...духи темных башен / Те речи слушают* (Пророки, 1905); *И звёздные духи, и духи стихий, < ... > Влекут его челн* (Сон Адама, 1910). В этих поэтических сверхсуществах соединяются фольклорный (*лес*) и авторский (*башни*) образы. Образы • *призрака* и *Смерти* образуют особую подгруппу, связанную с темой потустороннего. В отличие от персонифицированных мифологических персонажей, они сохраняют свою абстрактную природу, одновременно приобретая черты мифологических существ, напр., в составе сравнительных конструкций: *...призраком горящим < ... > Солнце...* (Открытие Америки, 1912); *...как призрак растаяли стены* (Освобождение, 1911). Абстракции • *дух неба / дух Небесный* употребляются как символ божественного присутствия, а • *Дух ада* как инфернальный персонаж: *Сын придет и Дух придет Небесный* (Новая встреча, 1917); *Духи ада любят слушать* (Волшебная скрипка, 1910). Единичное употребление лексемы *Ужас* и *Даме Смерти* с заглавной буквы свидетельствует о тенденции к персонификации абстрактных понятий, характерной для мифологического мышления: *...устроил / Даме Смерти и Ужасу брату!* (Судан, 1921). Астральные и абстрактные образы в исследуемом корпусе не образуют строгой системы, а, существуя как элементы подвижного мифопоэтического пространства, свободно взаимодействуют как с персонажами классической мифологии, так и с образами авторского мифотворчества. Несмотря на свою нематериальную природу, эти образы играют значительную роль в формировании художественной картины мира, выступая посредниками между миром людей и потусторонней реальностью (медиаторная функция); воплощая абстрактные понятия и философские категории (символическая функция) и маркируя связи с определенными мифологическими традициями (культурно-идентификационная функция).

4. **Восточные** мифологические образы, включая исламские и буддийские, составляют значимый пласт (11% от общего числа мифологем). • Ядро восточных образов образуют ключевые религиозные концепты: *Аллах* (5 упоминаний), *Будда* (4) и связанные с ними персонажи *гурии* (4) – небесные девы исламской традиции: *Сонм гурий в розах и шелку* (Мадригал полковой даме, 1914). Поэтический интерес к восточной культуре и философии находит отражение в творениях Гумилева через использование образов и мотивов, связанных с восточными религиями и мифологией, включая концепцию высшего божества: «*Один пророк / Внимал Аллаху* (Паломник. «Ахмет-Оглы берет свою клюку...», 1912); *У пагоды ветхой сидел Будда* (Возвращение: «Я из дому вышел, когда все спали...», 1916). Эти образы функционируют не столько как объекты религиозного культа, сколько как элементы поэтической картины мира, вступающие в диалог с другими мифологическими системами. Примечательно, что образ *Будды* появляется в одном контексте с *Христом* (об этом см. выше) или с *драконом*: *А дракон плясал уже без сил, / Даже Будда начал шевелиться* («В этот мой благосло-

венный вечер...», 1917), что свидетельствует о тенденции к синкретизму в осмыслении духовных традиций. Демонические существа • исламской мифологии (*Азраил* — ангел смерти, *джинн*, *шайтан*, а также заимствованный из персидской традиции *див*), сохраняя свою культурную специфику, включаются в общепозитическую систему символов, связанных с темой потусторонних сил и зла: *В пещеры джиннов и волков* (Ослепительное, 1912) *В свои объятия примет Азраил* (Паломник, 1912). Значительное место занимают образы *дракона* и *змея*, которые, будучи • универсальными мифологемами, приобретают восточную семантику: *Позабыв Золотую Орду, / Пестрый грохот равнины китайской, / Змей крылатый в пустынном саду* (Змей, 1918). (Еще о лексеме *дракон* см. выше). Описанные образы *Аллаха* и *Будды* выступают маркерами восточной культурной традиции (культурно-символический уровень); образы *дракона* и *змея* включаются в систему авторской мифологии (мифопозитический уровень), а синтез образов *Христа* и *Будды* становится частью размышлений о природе бытия (философско-рефлексивный уровень).

5. **Демонические**, злые мифологические образы (9% от общего числа мифологем) отражают важность архетипической оппозиции добра и зла в художественной картине мира Н. Гумилева. Часто связанные с темой искушения и роковой страсти, они отличаются сложной внутренней организацией канонических религиозных образов и фольклорно-мифологических персонажей, в чем прослеживается взаимодействие различных культурных традиций в индивидуальном поэтическом сознании. • Центральными образами здесь являются как семантически близкие *дьявол* и *Люцифер*, становясь либо персонификацией злого начала (в его народно-религиозном понимании), либо сохраняя романтическую традицию (при акценте на мотивы гордыни и метафизического бунта): *Если ж Вы верите в дьяволов, тех, / что веселое, нежное губят* (Наталье Владимировне Анненской, 1906); *Люцифер распахнул мне ворота во тьму* (Сказка о королях, 1905). Образ *змея*, восходящий к библейской традиции, но имеющий параллели в различных мифологических системах, занимает пограничное положение между конкретным мифологическим персонажем и универсальным символом искушения (об этой лексеме см. выше). Группа демонических персонажей • среднего уровня частотности включает *демона* и *сатану*, которые дифференцируются по степени абстрактности: первый с индивидуальными чертами: *Глаза нагнувшегося демона* («На льдах тоскующего полюса...», 1908), второй остается скорее символом зла: *Как сатана на огненном коне* (Норвежские горы, 1918). Единичные упоминания • *Вельзевула* и *шайтана* вводят в поэтический мир элементы разных демонологических традиций — от христианской до исламской, ср.: *Мы побеждаем Вельзевула* (Средневековье, 1916); *Но ни шайтан, ни вор, ни зверь лесной* (Паломник, 1912). • Образы *оборотня* и *черта* связывают демоническую тематику с народной мифологией, привнося фольклорные мотивы: *Ворон, оборотень и гиена* (Сказка, 1916). Демонические образы Н. Гумилева, связанные с формированием диалектической картины мироздания, выступают как необходимое дополнение божественного начала, (мировоззренческий аспект); как персонификация темных сторон человеческой природы (психологический аспект); как отражение взаимодействия различных демонологических традиций: христианской, исламской, народной (культурно-исторический аспект); как образы со значительным художественным потенциалом эстетический аспект).

6) **Образы лиц, обладающих магическими способностями, осуществляющих оккультные действия** (8% от общего числа мифологем), характеризуются внутренней дифференциацией как сакральных, так и профанных образов носителей сверхъестественного знания и силы. Они отражают устойчивый интерес к природе исключительности, к пограничным состояниям человеческой природы, где смыкаются естественное и магическое, земное и потустороннее. • Центральное место в этой группе занимает образ *Пророка* (11 упоминаний), приобретающий в поэтическом контексте дополнительные смысловые измерения: *...тропою, разрешенной / Для демонов, пророков и светил* (Паломник, 1912); *Мыши съели / Три волоска из бороды Пророка* (Ислам, 1916). • Образы *мага* и *гения* образуют промежуточную группу между сакральным и мирским пониманием сверхъестественного дара, либо

сохраняя связь с эзотерическими традициями: *Юный маг в пурпуровом хитоне / Говорил нездешние слова* (Заклинание, 1908), либо тяготея к романтической концепции творческой исключительности: *Ты во всем / Подобен гениям неба* (Счастье, 1918). Эта дихотомия отражает двойственную природу поэтического осмысления сверхъестественного — как магического дара и как творческого потенциала. • Традиционные носители магического знания *колдун, чародей, волшебник* связывают тему сверхъестественного дара с фольклорной традицией: *Ведь голодные тигры лизали / Колдуну запыленные ноги* (Игры, 1908). Единичные • образы *заклинателя* и *хироманта* расширяют спектр представлений о сверхспособностях: *Хиромант < ... > Мне предсказывал...* («Хиромант, большой бездельник...», 1911). Образы людей, наделенных сверхъестественными силами, выступают медиаторами между разными уровнями бытия, подчеркивая проницаемость границ между мирами (мировоззренческий аспект); позволяют выразить идею творческого вдохновения (эстетический аспект) и отражают взаимодействия разных традиций понимания сверхъестественного — от религиозных до фольклорных (культурно-исторический аспект).

7) **Славянские** мифологические образы в поэзии Н. Гумилева важны для создания национального колорита. • Основу этой группы составляют фольклорные существа, связанные с конкретными локусами природы и человеческого жилья. Образ *Русалки* (10 случаев), сохраняя фольклорную связь с водным пространством, лишается сказочной условности и приобретает черты мифологической реальности: *В пруду перед усадьбою / Русалкам бледным плохо ль жить?* (Старые усадьбы, 1916). *Лесовик* является олицетворением лесной стихии: *И угадать нельзя по голосу, / То человек иль лесовик* (Старые усадьбы, 1916), а *домовой* как хранитель домашнего очага, но без бытовой конкретики фольклорных прототипов: *Глухо крикнул домовой* (Леопард, 1921). • Славянский демонический *черт* представлен в различных контекстах, от народно-комических, типа: *Игрою ратных перемен / Они, отчаянные черти, / Побезжены и взяты в плен* («Взгляните: вот гусары смерти!..», 1917), до философских, напр.: *Не страшны ни Бог, ни черти* (Загробное мщенье, 1918). Единичные упоминания • *волхва* и *сирина* включают в поэтическую систему элементы древнерусской и общеславянской мифологии.: *Ему дорожке нищий Лазарь / Великолепного волхва* (Счастье, 1916); *Два вещей сириня* (Андрей Рублев, 1918). Данная категория демонстрирует парадоксальную ситуацию: при наличии устойчивого пласта славянской демонологии (*русалки, лешие, домовые*) в поэзии Н. Гумилева полностью отсутствуют • ключевые персонажи русского сказочного эпоса (типа: *Кощей Бессмертный, Баба-яга, Снегурочка, Чудо-юдо, Змей Горыныч*), что объясняется: а) эстетикой акмеизма (сознательный отказ основателя акмеизма от фольклорной стилизации, характерной для символизма; предпочтение универсальных античных, библейских, восточных мифологем национально-специфическим; ориентация на реальную действительность вместо сказочной условности); б) культурной позиции автора (глобализм художественного мировоззрения с приоритетными африканским, европейским, восточным пространствами; интерес к мифологическим системам в противовес народной сказке). Славянские мифологические образы представляют собой не систему, а скорее отдельные элементы, включённые в более широкий контекст авторской мифологии, где славянская мифология становится особым культурным фильтром, через который автор осуществляет свой творческий выбор, руководствуясь эстетическими принципами акмеизма и индивидуальной картиной мира.

8) Концептуально значимые **экзотические** и **синкретические** образы (1%), объединяя разнородные культурные традиции и мифологические пласты, служат организации художественного универсума, создавая зоны «инаковости» и культурного синкретизма. Выделяются мифофитонимы и мифозоонимы. • Сакральные растения, сочетая экзотичность с религиозной семантикой, создают эффект сакрализации природного пространства: *Поклонился мечети и пальмам святым* (Галла, 1921); *Но рощи полны мандрагорами, / Цветами ужаса и зла* (Одиночество, 1910), где *мандрагора* — мифологизированный растительный символ, восходящий к средневековым трактатам о чудодейственных растениях и сохраняющий ауру таин-

ственности. В ● сакральном животном парадоксально соединяется экзотический хищник с атрибутами сакральным, преобразуясь из зооморфного образа в религиозный символ: *Что есть тигры и пальмы святы* (Девочка, 1917). ● Архетипический образ гибридного существа стирает границы между человеческим и животным мирами: *Он — полубог, я — полузверь, / Но с одинаковой отвагой* (В пустыне, 1910). ● Авторский синкретический образ *Музы Дальних Странствий* представляет собой не только трансформацию античного архетипа под влиянием романтической традиции, но и персонификацию поэтического вдохновения через призму экзотики (об этом образе см. также выше). В целом, экзотические и синкретические образы в поэтической системе Н. Гумилева выполняют функции культурного медиатора (гибридные существа, объединяющие разные культурные традиции) и символического маркера «инаковости» (создание «чуждого» поэтического пространства), становясь точками роста новой мифопоэтики, где традиционные архетипы переосмысливаются через призму глобального культурного сознания.

Таким образом, лексика, обозначающая сверхъестественные существа в поэтическом творчестве Н.С. Гумилева, представляет собой не случайный набор мифологических реминисценций, а сложную, многоуровневую, систему мифопоэтических образов, органично связанную с его эстетическими принципами и философско-художественными исканиями. Лексика сверхъестественного (более 500 употреблений 100 лексических единиц) составляет 0,8% от общего поэтического словаря Гумилева и структурируется в восемь тематических групп, различающихся семантике и культурным источникам. Каждая тематическая группа имеет глубинные закономерности функционирования в поэтической системе автора: а) доминирующее положение занимают сакрально-христианские образы (53% от общего числа употреблений), что отражает глубинные связи поэтического мира Гумилева с христианской традицией, хотя и подвергающейся существенной трансформации; б) гендерное распределение этих образов демонстрирует преобладание мужских персонажей (соотношение 14:1 для *бог / богиня*), что отражает героико-мужественную доминанту поэтического мира Гумилева; в) преобладают абстрактные обозначения Божественного начала; г) христологические образы сравнительно редки и возможны в неожиданных контекстах; д) христианские образы свободно сочетаются с иными религиозными традициями; е) античные и общеевропейские образы демонстрируют синтез классической традиции с романтическими и фольклорными мотивами; ж) астральные и абстрактные образы выполняют медиативную функцию, связывая различные уровни художественной реальности; з) восточные и демонические образы отражают интерес поэта к иным культурным традициям и архетипическим представлениям о зле; и) демонические и античные образы формируют контрастную оппозицию сакральному; к) специфической особенностью системы сверхъестественных существ является отсутствие русских сказочных персонажей при богатстве восточных и африканских образов, что объясняется эстетической программой акмеизма, биографией и культурным контекстом Серебряного века. Основными художественными функциями образов сверхъестественного являются: а) создание многомерного мифопоэтического пространства; экспликация ключевых философско-эстетических идей; организация оппозиций (свое / чужое, земное / потустороннее, божественное / демоническое) и репрезентация концепта творчества и вдохновения. Система описанных в статье образов отражает как индивидуальные особенности творчества поэта, так и общие тенденции развития литературы Серебряного века, что делает ее изучение важной частью современного литературоведения.

Библиографический список

1. Параскева Е.В. Образный мир книги Н.С. Гумилева «Жемчуга» // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 3. С. 155-162.

2. Попова А.Р., Самошкина М.Ю. Текстовое время в лирике Н.С. Гумилева как средство выражения авторского идиостиля // Ученые записки Орловского государственного университета. 2020. № 2 (87). С. 105-109.
3. Сотова Т.О. Античные образы в поэтическом сборнике Н.С. Гумилева «Романтические цветы» (1908) // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 3 (36). С. 299-302.
4. Шунейко А.А., Чибисова О.В. Сто лет «Заблудившегося трамвая» Н.С. Гумилева в отражении отечественной аналитики // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 71. С. 294-309.
5. Параскева Е.В. Драматическая поэма Н.С. Гумилева «Гондла» (к вопросу об эстетической концепции писателя) // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 2. С. 94-103.
6. Кошемчук Т.А., Бондарев А.В. Апокалипсические образы и их вариации в поэзии Н.С. Гумилева // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2021. Т. 9. № 2 (18). С. 53-73.
7. Погодина Ю.Ю. Элементы мистического реализма в поэзии Николая Гумилева // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 1 (104). С. 565-567.
8. Кучинский Р.Ю. Библейская образность в поэтических текстах Н.С. Гумилева // Амурский научный вестник. 2022. № 4. С. 37-42.
9. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М.: Издательство: Издательская группа «Прогресс», 1995. – 621 с.
10. Национальный корпус русского языка. URL: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения – 26.07.2025).
11. Северина Е.А. Синхронно-диахронный анализ тематической группы «Сверхъестественные существа в религиозных культурах» (на материале русского языка) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 47-56.
12. Шпаковская Н.Г. Из мифа в сказку: трансформация сверхъестественных персонажей скандинавского фольклора // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2018. №1. С. 21-24.
13. Баранов О.С. Идеографический словарь русского языка. М.: ЭТС, 1995. 820 с.
14. Русский семантический словарь. Толковый словарь. систематизированный по классам слов и значений / Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1. Москва: ГУЛ, 2002. 807 с.
15. Чевтаев А.А. «Ангел-хранитель» как стихотворение-пролог в поэтической книге Н.С. Гумилева «Чужое небо» // Art Logos. 2023. №1 (22). С. 28-49.

References

1. Paraskeva E.V. The figurative world of N.S. Gumilyov's book "Pearls" // Humanitarian Scientific Bulletin. 2021. No. 3. Pp. 155-162.
2. Popova A.R., Samoshkina M.Yu. Text time in N.S. Gumilyov's lyrics as a means of expressing the author's idiosyncrasy // Scientific notes of the Oryol State University. 2020. No. 2 (87). Pp. 105-109.
3. Sotova T.O. Antique images in the poetry collection of N.S. Gumilyov "Romantic Flowers" (1908) // Scientific notes of the Novgorod State University. 2021. No. 3 (36). Pp. 299-302.
4. Shuneiko A.A., Chibisova O.V. One Hundred Years of N.S. Gumilyov's "The Lost Tram" in the Reflection of Domestic Analytics // Bulletin of Tomsk State University. Philology. 2021. No. 71. Pp. 294-309.
5. Paraskeva E.V. Dramatic Poem by N.S. Gumilyov "Gondla" (to the Issue of the Writer's Aesthetic Concept) // Philological Bulletin of Surgut State Pedagogical University. 2020. No. 2. Pp. 94-103.

6. Koshemchuk T.A., Bondarev A.V. Apocalyptic Images and Their Variations in the Poetry of N.S. Gumilyov // Research Journal of the Russian Language and Literature. 2021. Vol. 9. No. 2 (18). Pp. 53-73.
7. Pogodina Yu.Yu. Elements of mystical realism in the poetry of Nikolai Gumilyov // The world of science, culture, education. 2024. No. 1 (104). Pp. 565-567.
8. Kuchinsky R.Yu. Biblical imagery in the poetic texts of N.S. Gumilyov // Amur scientific bulletin. 2022. No. 4. Pp. 37-42.
9. Toporov V.N. Myth. Ritual. Symbol. Image. Moscow: Publisher: Publishing group "Progress", 1995. 621 p.
10. National corpus of the Russian language. URL: <http://search.ruscorpora.ru/> (date of access - 07/26/2025).
11. Severina E.A. Synchronic-diachronic analysis of the thematic group "Supernatural beings in religious cultures" (based on the Russian language) // Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Philology. Journalism. 2025. Vol. 25, issue 1. Pp. 47-56.
12. Shpakovskaya N.G. From myth to fairy tale: transformation of supernatural characters of Scandinavian folklore // Journal of the Belarusian State University. Philology. 2018. No. 1. Pp. 21-24.
13. Baranov O.S. Ideographic dictionary of the Russian language. Moscow: ETS. 1995. 820 p.
14. Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary. systematized by classes of words and meanings / N.Yu. Shvedova (gen. ed.). T. 1. Moscow: GUL, 2002. 807 p.
15. Chevtaev A.A. Guardian "Angel" as a prologue poem in the poetry book of N.S. Gumilev "Alien Sky" // Art Logos. 2023. No. 1 (22). Pp. 28-49.

УДК 82.0

DOI 10.36622/2587-9510.2025.59.4.005

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Лицей «Многоуровневый образовательный комплекс №2».

Кучина И.А.

Россия, г. Воронеж,

e-mail: inna-kuchina@yandex.ru

Municipal Budgetary Educational Institution "Multilevel Educational Complex Lyceum No. 2"

Kuchina I.A.

Russia, Voronezh,

e-mail: inna-kuchina@yandex.ru

студент 1 курса

направления «Прикладная цифровая филология»

Боровкова К.Д.

Россия, г. Москва

e-mail: ksuawae@gmail.com

The Russian language institute,

first year student

Borovkova K.D.

Russia, Moscow

e-mail: ksuawae@gmail.com

И.А. Кучина, К.Д. Боровкова

МЕТОД АНАЛИЗА ЖАНРОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО РОМАНА НА ПРИМЕРЕ РОМАНА МАРИНЫ СТЕПНОВОЙ «САД»

В статье рассмотрены особенности романа Марины Степновой «Сад» с позиции жанрообразующих категорий и выведен метод определения жанровой разновидности произведения, близкий по своей сути к формалистскому. Понимание жанра как совокупности общих признаков для ряда произведений, то есть как определённой системы ярлыков, отличающих один текст от другого, позволяет задуматься о том, что формальный подход является наиболее эффективным для выявления этих особенностей, а значит, для определения жанровой принадлежности того или иного литературного произведения. В связи с этим произведён анализ тех или иных точек зрения литературных критиков на жанровую принадлежность «Сада» и каждая из них подвергнута критическому осмыслению и сравнению с общепринятыми представлениями о жанровых категориях. Выяснено, что «Сад» не может быть пародийным, поскольку автор не только иллюстрирует новый опыт отношения к жизни с использованием некоторых сторон текстов предшественников, но и подводит некий художественный итог деятельности авторов-предшественников. Также «Сад» нельзя назвать историческим романом, из-за наличия исторической аллегории, предполагающей интеллектуализм и экспериментальность, а не просто историзм. Помимо этого, «Сад» – в большей степени семейный роман, нежели роман воспитания, поскольку: главная героиня как личность не эволюционировала и не сталкивалась с препятствиями, наоборот, она получала все, что хотела. Наряду с этим в романе прослеживаются черты романа-деконструкции, так как в «Саде» искусственно пересоздан XIX век через нелинейное повествование, язык и игру с историческими деталями. Повествователь, пропуская прошлое через призму современности, разбирает и заново собирает его, чтобы переосмыслить и выявить связь с реалиями XXI века. И также «Сад» можно считать романом идей, поскольку читатель обнаруживает авторскую оценку того или иного времени, тех или иных идей, их переосмысление через логику построения романа, внутренние монологи героев, а также религиозные вставки и образ Бога. На основании этого сформулирован вывод о жанровой разновидности произведения Марины Степновой – постмодернистский семейный роман-деконструкция идей. В дальнейшем можно реализовать метод в компьютерной программе, которая могла бы определять жанровую разновидность произведения по его особенностям, сравнивая их с ярлыками, закреплёнными за каждой жанровой разновидностью.

Ключевые слова: жанр, метод, деконструкция, постмодернизм, «Сад».

I.A.Kuchina, K.D. Borovkova

A METHOD OF GENRE FEATURES ANALYSIS OF THE MODERN NOVEL "THE GARDEN" BY MARINA STEPNOVA

This article examines the specifics of Marina Stepnova's novel The Garden from the perspective of genre-

forming categories and proposes a method for determining the work's genre that is fundamentally similar to the Formalist approach. Understanding genre as a set of common features for a range of literary works—that is, as a specific system of labels distinguishing one text from another—suggests that a formal approach is the most effective for identifying these features and, consequently, for determining the genre of a given literary work. In this regard, the article analyzes various viewpoints of literary critics on the genre of *The Garden*, subjecting each to critical examination and comparing them with established notions of genre categories. It is established that *The Garden* cannot be considered a parody, as the author not only illustrates a new attitude towards life using certain aspects of her predecessors' texts but also draws a kind of artistic summary of the work of preceding authors. Furthermore, *The Garden* cannot be labeled as a historical novel due to the presence of a historical allegory that implies intellectualism and experimentalism, rather than simple historicism. In addition, *The Garden* is more of a family saga than of brining up as the character does not evolve as a personality nor face significant obstacles; on the contrary, she receives everything she desires. In addition to this, the novel exhibits features of a deconstructionist novel, as *The Garden* artificially reconstructs the 19th century through non-linear narrative, language, and the manipulation of historical details. The narrator, filtering the past through the prism of modernity, deconstructs and reassembles it to reinterpret and reveal its connection to the realities of the 21st century. *The Garden* can also be considered a novel of ideas, as the reader reveals the author's evaluation of specific eras and ideas, along with their reinterpretation, through the novel's structural logic, the characters' internal monologues, as well as religious inserts and the image of God. Based on this analysis, the article concludes that Marina Stepnova's work belongs to the genre of a postmodern deconstructionist family novel of ideas. In the future, the proposed method could be implemented in a computer program capable of determining a work's genre by comparing its specific features with the labels assigned to each genre variety.

Keywords: genre, method, deconstruction, postmodernism, "The Garden".

В наше время возвращение к идеям формализма является не только тенденцией, но и важным этапом в поиске нового подхода к анализу литературного произведения. Формализм помогает упорядочить литературоведческие знания и ввести их в поле логики, через призму которой каждое произведение открывается с другой стороны. Изучая формальные аспекты произведения, можно прийти к новому пониманию всей его сущности.

Идеи формализма хорошо коррелируют с системой жанрового деления. Понимание жанра как совокупности общих признаков для ряда произведений, то есть как определённой системы ярлыков, отличающих один текст от другого, позволяет задуматься о том, что формальный подход является наиболее эффективным для выявления этих особенностей, а значит, для определения жанровой принадлежности того или иного литературного произведения.

Современный этап литературного процесса требует совершенно новых методов для определения жанрового своеобразия произведений. В результате анализа романа Марины Степновой родился метод, способный наиболее точно обозначить жанровую специфику произведения. Суть метода заключается в выделении особенностей произведения, и (в случае признания их жанрообразующими) их сравнение с признаками тех или иных жанровых разновидностей.

«Сад» [1], так точно попавший в русло общественных запросов, получил совершенно разные оценки его жанровой принадлежности от литературных критиков, что может иллюстрировать процесс эволюции жанра, его усложнение и модификацию, а значит, необходимость иначе смотреть на произведение как таковое. Помимо этого, наличие разных оценок рождает потребность привести их в систему и сформулировать жанровую разновидность «Сада» более точно, чем просто «роман». Именно поэтому «Сад» можно использовать в качестве объекта, благодаря которому выработка основ искомой методологии станет возможной. Отметим, что исследуемое произведение относится к романному виду эпоса, поэтому в нашем исследовании осуществлена попытка сформулировать его жанр именно с позиции романного начала произведения.

Для реализации нашего метода возьмём за основу мнения литературных критиков и выясним, как каждый из них определяет этот роман. Так, Анна Жучкова называет его романом идей и указывает на его пародийность [2], Елена Погорелая именует его условно историческим [3], Галина Ребель отмечает роль мысли семейной [4], Майя Кучерская отмечает совершённую в нём деконструкцию [5], Сергей Лебеденко также указывает на сотворение

нового мира в рамках романа, то есть, на его деконструктивность [6], Михаил Турбин говорит, что «Сад» вырос в роман о воспитании» [7]. Сама Марина Степнова считает, что «Сад» – роман не исторический, а модернистский в декорациях XIX века [8]; «это роман в первую очередь о воспитании» [8].

Беря во внимание приведённые выше точки зрения, проанализируем резонность утверждений о той или иной жанровой принадлежности романа путём сравнения усреднённого представления о жанровой разновидности с воплощением этой разновидности в романе «Сад».

РОМАН ИДЕЙ: В «Саде» прослеживаются признаки романа идей. Через логику построения романа, внутренние монологи героев, религиозные вставки и образ Бога читатель обнаруживает авторскую оценку того или иного времени, тех или иных идей, их переосмысление и даже перестройку. Более того, идейный пласт произведения настолько масштабен, что одни идеи сталкиваются с другими (например, неработающая в реалиях XIX века идея осознанного материнства вступает в противоречие с культурными особенностями той эпохи: «Светской женщине после сорока лет надлежало заниматься благотворительностью, а не любовью» [1; с. 26]). Выходит, что «Сад», действительно, является романом идей.

ПАРОДИЙНЫЙ РОМАН: Обилие литературных, культурных и библейских отсылок, безусловно, заставляет задуматься о пародийности романа. Однако сама Степнова называет «Сад» современным романом «в одеждах романа исторического» [9]. «Сад» – это результат синтеза разных способов литературного взаимодействия, а именно сращения типов влияния и концентрации. Это значит, что автор не только иллюстрирует новый опыт отношения к жизни с использованием некоторых сторон текстов предшественников, но и подводит некий художественный итог деятельности авторов-предшественников.

Важно, что концентрация применена не с целью сделать тексты предшественников неинтересными и указать на утрату их актуальности, а наоборот обратить внимание читателя на эти произведения, побудить его обратиться к классике хотя бы для лучшего понимания «Сада». Выходит, что пародийность романа нетипична: она нужна для других целей и не является пародийностью как таковой. Мы видим элементы пародии, вплетённые в ткань произведения, которые расширяют масштаб произведения, но не составляют его сущность.

Более того, пародийность романа можно рассматривать не как жанрообразующую категорию, а как один из признаков эпохи постмодернизма. Ещё один признак «постмодернистскости» романа – это язык. Беря во внимание не его функции в романе, а его сущность, можно заметить, что он не является языком XIX века так же, как и языком века XXI. Степнова комментирует: «Мы пишем для современного читателя! Значит, надо самим придумать язык, который бы только выглядел как язык XIX века» [8]. Язык, как и декорации, историческое время и ряд других категорий, показывает иллюзорность происходящего и служит подспорьем для раскрытия авторского замысла. Выходит, что роман постмодернистский, и о его пародийности говорить можно, но не в контексте жанрообразующей категории.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН: Существует мнение, что роман «Сад» является историческим. Сама Степнова опровергает это, однако не все с этим согласятся. Важно отметить, что на уровне сюжета виден не историзм, а историческая аллегория. Отличие в том, что в произведении-«литературной аллегории» исторический сюжет нужен не для изображения жизни прошедшей эпохи, а ради её переосмысления под призмой взгляда нарратора. Степновой историческая аллегория нужна для того, чтобы переложить принципы современной беспокойной общественной жизни на спокойное начало правления Александра III, чтобы посмотреть, как будут вести себя герои в контексте, противоположном нынешнему. Эта экспериментальность, а также следы интеллектуализма и ряд других приёмов (например, искажение фамилии Барятинских, переделка их истории, раскрытие характера Саши Ульянова, о котором мало что известно) не делают роман историческим, хотя историческое начало в нём присутствует. Важно отметить, что ценность романа не исчерпывается его историко-познавательным значением, последнее скорее служит внутренней логике романа. На фоне

другой эпохи острее звучит вопрос о релевантности неограниченной свободы современного человека, что даёт право сделать вывод о целях автора, недостаточно коррелирующих с характером целей исторического романа как такового. Поэтому согласимся с формулировкой Е.А. Погорелой («условно исторический роман» [3]), но включать в жанровое определение не будем.

РОМАН-ДЕКОНСТРУКЦИЯ: Пересмотр реалий XIX века – вот, что лежит в основе «Сада». Нелинейное повествование, размышления повествователя – всё служит представлению эпохи сквозь четкую, но всё же индивидуальную оптику. Язык XIX века адаптирован под XXI (если не наоборот). К тому же, возникает ясное ощущение погружённости нарратора в то информационное поле, которое он описывает: от медицинских подробностей лечения больных Мейзелем до описания исторической действительности (гимназистки, покушение на Александра III, холерный бунт). Всё это наводит на мысль о том, что эпоха, в которой происходят описываемые события, иллюзорна, игрушечна, специально сконструирована. Повествователь играет с подробностями эпохи, отсылками и аллюзиями, нанизывая их, как бусины, на нить времени, в конце которой окажутся реалии XXI века. Выходит, что роман – это не только пересмотр, но и своеобразный художественный итог, переосмысление событий минувшего столетия.

Эта декоративность в «Саде» – ключ к постижению авторского замысла, который не ограничивается воспитательными, историческими и иными интересами. Поэтому в Саду при всём тематическом многообразии преобладают черты романа-деконструкции.

СЕМЕЙНЫЙ РОМАН: Безусловно, названия глав и обилие родственных связей в системе персонажей говорят о наличии мысли семейной (пусть и узконаправленной), которая наблюдается не только в форме, но и в содержании «Сада». Читатель пролеживает историю рода Борятинских, а также рода Мейзелей и Радовичей. К тому же, многие персонажи родственно связаны друг с другом (так, Виктор Радович становится мужем Туси, а Мейзель негласно становится частью семьи Борятинских). «Сад» – это история о семье, о сложности взаимоотношений её членов, поэтому семейный роман – вполне подходящая для него характеристика.

РОМАН ВОСПИТАНИЯ: И правда, ведущей идеей романа предстаёт идея осознанного материнства, захватившая княгиню Борятинскую. Марина Степнова признаётся в ряде интервью в том, что изначально замысел произведения был совершенно не связан с воспитанием и был сопряжён с вопросом о женских правах. Однако в процессе написания романа Марина Степнова стала матерью, что повлияло на её личность и заставило пересмотреть идейный пласт произведения (так, главным героем является не Туся, а Мейзель в роли воспитателя) и сделало основным предметом внимания и одновременно источником авторских вопросов именно тему воспитания ребёнка (цитата из интервью: «В процессе написания этого романа я стала мамой, это переворачивает твою жизнь в одну минуту. Изначально я хотела, чтобы роман «Сад» был о свободе и рамках, ее ограничивающих, но, когда появилась Маруся (дочь Степновой. – Прим. ред.), все изменилось» [10]).

И правда, роман в большей степени о воспитании. Однако роман воспитания ли это? Воспитание легло в основу темы, но тема не до конца соотносится с содержанием, которое является одним из двух «слонов», на которых основывается жанр: формы и содержания. Идейный пласт романа не ограничивается проблемами воспитания и семейных отношений, обретая религиозное, философское и культурное звучание, а значит, романом воспитания его назвать можно, но с оговоркой.

«Сад» – в большей степени семейный роман, нежели роман воспитания, поскольку: а) Туся как личность не эволюционировала и не сталкивалась с препятствиями, наоборот, она получала все, что хотела; б) в романе важны не столько характеры, сколько отношения между героями (например, мы считаем «отцом» Туси именно Мейзеля, посвятившего остаток жизни воспитанию девочки; рождение Туси вызвано изменением в отношениях князей Борятинских, пусть и мимолетным).

Индивидуальный жанр «Сада» – постмодернистский семейный роман-деконструкция идей. Метод, близкий по своей сути к формалистскому (а именно выделение особенностей конкретного произведения и их сравнение с усреднёнными понятиями о жанровых вариациях), действительно помогает уточнить жанровую специфику произведения. Это означает, что может существовать некоторая система ярлыков, при наличии которых произведение стоит относить к той или иной жанровой разновидности (разновидностям). В дальнейшем можно реализовать метод в компьютерной программе, которая могла бы определять жанровую разновидность произведения по его особенностям, сравнивая их с ярлыками, закреплёнными за каждой жанровой разновидностью.

Библиографический список

1. Степнова М.Л. Сад. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. 412 с.
2. Жучкова А.В. Де Сад. О романе Марины Степновой „Сад“ (2020) / Анна Владимировна Жучкова // Вопросы литературы. 2021. №1. С. 99–110.
3. Погорелая Е.А. История как эксперимент. Лирическая пародия, или Преодоленный постмодернизм // Учительская газета. 2 марта 2021. №09.
4. Ребель Г.М. Сад обречённый: „Прогулка по садам российской словесности“ Марины Степновой // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия 3, Гуманитарные и общественные науки. 2022. №1. С. 112–121.
5. Кучерская М.А. Книгой года для меня стал роман «Сад» Марины Степновой. Редакция Елены Шубиной. 2021. URL: <https://www.livelib.ru/publisher/27631/post/71185-majya-kucherskaya-napisala-o-romane-mariny-stepnovoj-sad> (дата обращения - 15.01.2025)
6. Лебеденко С.В. История одержимостей: Марина Степнова «Сад». «Прочтение». URL: <https://prochtenie.org/reviews/30315> (дата обращения - 15.04.2024)
7. Турбин М. Но почему кругом колокола звонят? // Знамя : ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. 2021. №1. С. 218–220.
8. Снегова Д., Степнова М.Л. Писательница Марина Степнова в Воронеже: «Я росла под копытами рысаков в Хреновом». riavrn.ru. 2021. 10 июня. URL: <https://riavrn.ru/news/pisatel'nica-marina-stepnova-v-voronezhe-ya-ros-la-pod-kopytami-rysakov-v-hrenovom/> (дата обращения - 19.01.2025)
9. Александров Н., Степнова М.Л. Передо мной стояла задача написать абсолютно современный роман в одеждах романа исторического. Фигура речи (телеканал «ОТР»). 2020. 23 декабря. URL: <https://otr-online.ru/programmy/figura-rechi/marina-stepnova-peredo-mnoy-stoyala-zadacha-napisat-absolyutno-sovremenny-roman-v-odezhdah-romana-istoricheskogo-47759.html> (дата обращения - 15.01.2025)
10. Писарева Е., Степнова М.Л. Отрубить в СМИ культуру – это оставить организм без селезенки. Афиша Daily. 2021. 7 апреля. URL: <https://daily.afisha.ru/culture/19347-marina-stepnova-otrubit-v-smi-kulturu-eto-ostavit-organizm-bez-selezenki/> (дата обращения - 26.01.2025)

References

1. Stepnova, M.L. The Garden. Moscow: AST: Elena Shubina's Publishing House, 2021. 412 p.
2. Zhuchkova, A.V. "De Sad. On Marina Stepnova's Novel 'The Garden' (2020)" by Anna Vladimirovna Zhuchkova. Voprosy Literatry, no. 1 (2021): 99–110.
3. Pogorelaya, E.A. "History as an Experiment. Lyrical Parody, or Overcome Postmodernism." Uchitelskaya Gazeta, March 2, 2021, no. 09.
4. Rebel, G.M. "The Doomed Garden: Marina Stepnova's 'A Walk Through the Gardens of Russian Literature'." Perm State Humanitarian Pedagogical University Bulletin. Series 3, Humanities and Social Sciences, no. 1 (2022): 112–121.

5. Kucherskaya, M.A. "The Book of the Year for Me Was Marina Stepnova's Novel 'The Garden'." Elena Shubina's Publishing House, 2021. URL: <https://www.livelib.ru/publisher/27631/post/71185-majya-kucherskaya-napisala-o-romane-mariny-stepnovoj-sad> (date of reference –15.01.2025)
6. Lebedenko, S.V. "A History of Obsessions: Marina Stepnova's 'The Garden'." Prochtenie. URL: <https://prochtenie.org/reviews/30315> (date of reference – 15.04.2024)
7. Turbin, M. "But Why Are the Bells Ringing All Around?" Znamya: A Monthly Literary, Artistic, and Socio-Political Journal, no. 1 (2021): 218–220.
8. Snegova, D., and Stepnova, M.L. "Writer Marina Stepnova in Voronezh: 'I Grew Up Under the Hooves of Trotters in Khrenovoe'." riavrn.ru, June 10, 2021. URL: <https://riavrn.ru/news/pisatelnica-marina-stepnova-v-voronezhe-ya-ros-la-pod-kopytami-rysakov-v-hrenovom/> (date of reference –19.01.2025)
9. Alexandrov, N., and Stepnova, M.L. "My Task Was to Write an Absolutely Modern Novel in the Guise of a Historical One." Figura Rechi (OTR TV Channel), December 23, 2020. URL: <https://otr-online.ru/programmy/figura-rechi/marina-stepnova-peredo-mnoy-stoyala-zadacha-napisat-absolyutno-sovremennyy-roman-v-odezhdah-romana-istoricheskogo-47759.html> (date of reference –15.01.2025)
10. Pisareva, E., and Stepnova, M.L. "To Cut Off Culture in the Media Is to Leave an Organism Without a Spleen." Afisha Daily, April 7, 2021. URL: <https://daily.afisha.ru/culture/19347-marina-stepnova-otrubit-v-smi-kulturu-eto-ostavit-organizm-bez-selezenki/> (date of reference – 26.01.2025)

УДК 82.1

DOI 10.36622/2587-9510.2025.59.4.006

*Воронежский государственный
технический университет*

магистрант 1 курса

направления «Журналистика»

Королева А.С.

Россия, г. Воронеж

e-mail: mewithhoney@yandex.ru

доктор филологических наук, профессор

зав. кафедрой русского языка

и межкультурной коммуникации

Скуридина С.А.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(920)404-04-48;

e-mail: saskuridina@ya.ru

Voronezh State Technical University

1st year Master's student

in Journalism,

A.S. Koroleva.

Russia, Voronezh

e-mail: mewithhoney@yandex.ru

Doctor of Philology, professor,

department chairman, the chair of Rus-

sian language and cross-cultural com-

munication,

Skuridina S.A.

Russia, Voronezh, +7(920)404-04-48

e-mail: saskuridina@ya.ru

А.С. Королева, С.А. Скуридина

ОБРАЗ ЧЁРТА В МЕДИАИНТЕРПРЕТАЦИИ В. МИРЗОЕВА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» ПО МОТИВАМ ТВОРЧЕСТВА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье проводится анализ образа Чёрта как новаторского элемента в сериальной адаптации романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866), осуществленной режиссером В. Мирзоевым в 2024 году. Исследование сосредоточивается на трансформации традиционного символа дьявола в фигуру «тени» – призрачного спутника героев, отражающего их внутренние конфликты, подавленные страхи и моральные дилеммы. Методологическая основа включает юнгианский подход, семиотику и психоаналитический анализ, дополненные контекстуальным изучением визуального и диалогического ряда сериала. Особое внимание уделяется роли Чёрта как архетипа Тени в контексте индивидуальной и коллективной психики, а также его функции как связующего звена между личными трагедиями персонажей и вечными философскими вопросами о добре, зле и искуплении. Анализ ключевых эпизодов (сцены в супермаркете, на улице Петербурга, у Невы, в особняке Свидригайлова, в публичном доме, на корабле с Лужиным, а также финальные сцены) демонстрирует, как образ Чёрта обогащает нарратив, адаптируя классический текст к реалиям XXI века. Визуальное воплощение Чёрта, сыгранного Борисом Хвошнянским, подчеркивает его амбивалентную природу: чёрный костюм, короткая борода и темные кудрявые волосы создают образ современного трикстера, одновременно ироничного и зловещего. Чёрт в сериале выступает не как антагонист, а как катализатор процесса индивидуации, ведущий героев к осознанию собственной тени и, потенциально, к целостности личности. Полученные результаты имеют научную значимость для исследования современных экранизаций русской литературы, интерпретации художественных образов и эволюции символики дьявола в медийной культуре.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Преступление и наказание», Чёрт, Тень, экранизация, медиаинтерпретация, В. Мирзоев, современный нарратив.

A.S. Koroleva, S.A. Skuridina

THE IMAGE OF THE DEVIL IN V. MIRZOEV'S MEDIA INTERPRETATION "CRIME AND PUNISHMENT" BASED ON THE WORK OF F.M. DOSTOEVSKY

The article analyzes the image of the Devil as an innovative element in the serial adaptation of F. M. Dostoevsky's novel Crime and Punishment (1866), directed by V. Mirzoev in 2024. The research focuses on the transformation of the traditional symbol of the devil into the figure of a "shadow" – a ghostly companion of the

characters, reflecting their internal conflicts, suppressed fears and moral dilemmas. The methodological framework includes the Jungian approach, semiotics and psychoanalytic analysis, complemented by a contextual study of the visual and dialogical series of the series. Special attention is paid to the role of the Trait as an archetype of the Shadow in the context of the individual and collective psyche, as well as its function as a link between the personal tragedies of the characters and the eternal philosophical questions about good, evil and redemption. An analysis of key episodes (scenes in a supermarket, on St. Petersburg Street, near the Neva River, in Svidrigailov's mansion, in a brothel, on a ship with Luzhin, as well as the final scenes) demonstrates how the image of the Devil enriches the narrative, adapting the classical text to the realities of the 21st century. The visual embodiment of the Trait played by Boris Khvoshnyansky highlights his ambivalent nature: a black suit, short beard and dark curly hair create the image of a modern trickster, both ironic and sinister. The devil in the series does not act as an antagonist, but as a catalyst for the process of individuation, leading the characters to realize their own shadow and, potentially, to the integrity of the personality. The results obtained have scientific significance for the study of modern film adaptations of Russian literature, the interpretation of artistic images and the evolution of the devil's symbolism in media culture.

Keywords: F.M. Dostoevsky, "Crime and Punishment", Devil, Shadow, film adaptation, media interpretation, V. Mirzoev, modern narrative.

Художественный текст, являясь авторским, отражает модель мира писателя или поэта, которая проявляется в определенных доминантах, мировоззренческих константах, сформировавшихся в результате освоения и трансформации мифопоэтических универсалий, отражающих историко-культурные тенденции человеческого бытия: «Миф, намеренно или инстинктивно введенный в художественное произведение, с легкой руки писателя обрастает новыми смыслами, авторское мышление, взаимодействуя с мышлением мифопоэтическим, перерабатывает существующий миф, создавая новый, который в каждом случае, безусловно, отличен от первоначального» [1; с. 119]. По мнению, С.М. Телегина, художественный «текст оказывается реалистичным именно потому, что в него входит миф – сакральная реальность <...> Подлинный реализм <...> возможен только как <...> мифореализм» [2; с. 406].

Обращаясь к творчеству Ф.М. Достоевского, исследователи отмечают, что «в художественной космологии Ф.М. Достоевского доминирует мифологический образ мира, расщепленного на антагонистические начала»: мира-космос противопоставлен миру окружающему как миру хаоса [3], а «художественное сознание Ф.М. Достоевского коррелирует с областью бессознательного мифологического континуума, где последний имплицитно реализуется на всех семантических уровнях его произведений» [4; с. 109], в связи с чем художественные тексты писателя могут быть по-разному интерпретированы при создании на их основе произведений других видов искусства – театральных постановок и экранизаций.

В 2024 году российский кинематограф представил новую интерпретацию романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866) в формате сериала, снятого режиссером Владимиром Мирзоевым. Эта экранизация, одновременно сохраняя философскую глубину оригинала и вкладывая в него новые смыслы, переносит мучительный поиск истины Родионом Раскольниковым из XIX века в реалии современного Санкт-Петербурга. Урбанистический пейзаж, пропитанный мрачной палитрой – серыми улицами, неоновыми огнями, громадными, но словно пустыми особняками, – становится не просто фоном, а активным участником нарратива, отражающим внутренний хаос героев. Сериал, следуя традициям В. Мирзоева, известными своими экспериментальными подходами к русской классике, переосмысливает не только сюжет, но и символическую систему произведения, вводя новые образы, среди которых выделяется фигура Чёрта.

Цель настоящей статьи, продолжающей наше исследование медиаинтерпретации как современного направления киноискусства [5], – проанализировать образ Чёрта в сериале В. Мирзоева, рассматривая его как инструмент адаптации классического текста к медийной парадигме XXI века. Семиотический подход, предложенный Ю.М. Лотманом, позволяет анализировать образ Чёрта как знаковый элемент нарратива: «Художественный текст – это семиотическая структура, где каждый элемент несёт смысловую нагрузку, связывая индивидуальное с универсальным» [6; с. 23]. Психоаналитический метод, в основе которого работы З. Фрейда и К.Г. Юнга, предполагает исследование Чёрта как проявления бессознательного, а

его взаимодействие с героями – как зеркало их подавленных желаний и страхов: «Бессознательное проявляется в символах и образах, которые кажутся внешними, но на деле являются частью психики» [7].

Чёрт в телеадаптации В. Мирзоева радикально отличается от традиционного рогатого демона христианской иконографии, однако сохраняет виртуозное владение словом, которым наделен Черт в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», сыплющий каламбур за каламбуром, среди которых немало ономастических [8]. Роль Черта в сериале играет Борис Хвошнянский, чей образ – мужчина средних лет в строгом чёрном костюме, с короткой чёрной бородой и кудрявыми чёрными волосами – воплощает современного трикстера, балансирующего между иронией и зловещей глубиной. Выбор режиссёра обусловлен стремлением создать Чёрта, который был бы одновременно узнаваемым для современной аудитории и глубоко укоренённым в психологической реальности героев. Чёрный костюм символизирует мрак и загадочность – его элегантность подчёркивает амбивалентность персонажа: он не просто воплощение зла, а отражение внутренней тьмы, которую герои боятся признать. Кудрявые волосы и борода добавляют нотку божественности, связывая Чёрта с городской культурой мегаполиса, где он становится частью повседневности, но сохраняет зловещую ауру. Средний возраст, выбранный режиссёром для Чёрта и свидетельствующий об уже имеющемся жизненном опыте, делает его универсальной фигурой, близкой разным героям медиаинтерпретации, что усиливает вневременной, архетипический характер образа. Как отмечает Л.П. Гроссман, «образы дьявола у Достоевского всегда амбивалентны, они одновременно притягивают и отталкивают, заставляя героев взглянуть в лицо собственной природе» [9; с. 245]. Таким образом, можно сказать, что режиссер, вводя образ Черта, следует за самим Ф.М. Достоевским, включившим образ Черта в свой последний роман «Братья Карамазовы».

Чёрт предстает в медиаинтерпретации как призрачная «тень» – неуловимая фигура, видимая лишь в моменты душевного надлома персонажей, подобно шепоту совести или галлюцинации. Этот образ выходит за рамки классического антагониста, становясь зеркалом, отражающим подавленные страхи, желания и моральные дилеммы героев. Через язвительные диалоги, пропитанные цинизмом и народной мудростью, а также глубокий юнгианский подтекст («Тень – это не только зло, но и всё то, что человек не хочет видеть в себе, но что составляет его сущность» [10; с. 144]) Чёрт превращается в связующее звено между личными трагедиями персонажей и вечными вопросами о добре, зле и искуплении. Визуально он воплощён как эфемерная сущность, не фиксируемая камерами наблюдения и зеркалами, что подчёркивает его иллюзорность и внутреннюю природу. Тёмно-жёлтые, коричневые и синие тона сериала создают траурную атмосферу, где тень Чёрта расцветает, подобно призраку безумия. Его реплики в духе Черта из романа «Братья Карамазовы» – от насмешек над кражей кефира до размышлений о существовании Бога – балансируют между абсурдом и пугающей жесткостью, отражая дух современной России.

На улицах Петербурга Раскольников становится свидетелем разговора двух молодых людей. Один из них с жаром рассуждает о «глупой, бессмысленной, злой старушонке», чьё убийство и ограбление можно оправдать «тысячами добрых дел». Он говорит: «Одна смерть и сто жизней взамен. Да тут арифметика. Молодые свежие силы пропадают даром без всякой поддержки, это повсюду. Убить её, взять её деньги, чтобы с их помощью посвятить себя людям и общему делу» (Мирзоев В. Преступление и наказание, 2024). Собеседник скептически спрашивает: «Ты её убивать не будешь?», на что первый отвечает: «Нет». В этот момент появляется Чёрт, указывая на Раскольникова, и произносит: «Он убьёт». Эта реплика становится зловещим предзнаменованием, подхватывая мысль, уже зреющую в сознании героя. Чёрт здесь выступает как эхо внутреннего монолога Раскольникова, усиливая его теорию о праве «необыкновенных людей» преступать мораль ради высшей цели. Визуально тень растворяется в сером пейзаже, подчеркивая её иллюзорность, но её слова оставляют след в психике героя. Этот эпизод подтверждает роль Чёрта как провокатора, выявляющего сокровенные мысли Раскольникова.

Следующей встречей, связанной с появлением Чёрта, становится сцена в супермаркете, где он выступает как проводник мелкого, но символического преступления. Раскольников бродит среди прилавков с корзиной, избегая камер наблюдения. Он выпивает кефир из бутылки, и в этот момент за его спиной возникает тень Чёрта, шепча: «Погоди... Теперь можно. Через 20 секунд сюда заглянет охранник» [11]. Прерывание тишины начинается с реплики Чёрта: «Наполеон и Магомед в одном лице, а что? Раздавлен бедностью, кефир крадёшь – так это поправимо». Раскольников отвечает: «Я Наполеоном себя не считаю», на что Чёрт отвечает: «Да ладно, кто ж у нас на Руси себя Наполеоном не считает?». Герой, охваченный лихорадочным раздражением, отрицает его существование: «Ты ложь, ты сон, ты моя болезнь, ты призрак, ты галлюцинация, уйди, тебя нет». Чёрт, с язвительной улыбкой, отвечает: «Гонишь? А гонишь – значит, веришь. Гомеопатические доли самые сильные». Раскольников настаивает: «На сотую долю не верю», но Чёрт продолжает: «А на тысячную хотя бы веришь? Больно видеть, на что молодые люди, надежда отечества, тратят свежие силы». Когда герой требует: «Так убраться не собираешься? Давай тогда ври что-нибудь весёлое», Чёрт отвечает: «Вот мне прям нравится, что мы с тобой уж на ты стали... Ты ни что, ты чёрт, вот что» [11]. Эта сцена задаёт тон: Чёрт – это не внешний враг, а внутренний голос, усиливающий сомнения и страхи героя. Реплика о Наполеоне и Магомед отсылает к теории Раскольникова о «необыкновенных людях», а кража кефира символизирует мелкое нарушение, на которое идет студент юридического факультета и которое становится предвестником более тяжкого преступления. Напряжение нарастает, когда охранник замечает кефир на усах Раскольникова. В порыве бреда герой бросает: «Вы знаете, кто я? Я Родион Раскольников, а вы кто? Вы вошь. Вот вы кто» [11]. Чёрт, исполняя двусмысленный жест, вытирает ему усы платком – акт, балансирующий между насмешкой и сочувствием, после чего произносит: «Вот ты мне поминутно тычешь, что я глуп, друг мой, разве ж в одном уме дело?» [11]. Камеры фиксируют лишь Раскольникова, пробивающего на кассе шоколадный батончик и бормочущего в лихорадочном состоянии: «Всё по-новому будет, всё переломится надвое, я не преступник, не скрываюсь» [11]. Кассирша отвечает: «Иди от греха», а охранник, видя упавшие бутылки, решает, что это полтергейст [11].

Ночной эпизод у Невы представляет собой философскую кульминацию взаимодействия Раскольникова и Чёрта. Они везут тележку по улицам и останавливаются у реки под оранжево-чёрным светом фонарей, где устраивают импровизированную трапезу с вином. Раскольников, в отчаянии, бросает: «Ты эдак себя до смерти доведёшь, и охота ведь. Я не боюсь тебя, я тебя преодолею, ни в какой сумасшедший дом я не поеду, понял?». Чёрт с сарказмом отвечает: «Ну да, ты скорее сам себя голодными обмороками доконаешь». Герой упорно отрицает его реальность: «Дешевые фокусы, всё меня чудесами какими-то прельстить хочешь, я всё равно ни на минуту не верю, что ты реален». Тень отвечает: «А и не верь. Что за вера насилием? При том, что в вере ни одно доказательство не помогает, особенно материальное. Тот свет и материальные доказательства – ну, это же правда, ай-люли» [11]. Раскольников ест гранат, и красный сок, текущий по его усам как кровь, становится визуальным символом вины. На вопрос героя: «Какова цель твоя?» Чёрт с насмешливой мечтательностью отвечает: «Мечтаю воплотиться в семипудовую купчиху, богу свечку поставить. Хотя если доказан чёрт, доказан ли бог?». Раскольников повторяет: «Бог?», и Чёрт добавляет: «Ну, не дурно сказано» [11]. Этот диалог отражает юнгианскую идею Тени как зеркала, заставляющего героя столкнуться с собственными сомнениями в вере, совести и смысле существования. Как отмечает Бахтин, «герои Достоевского всегда находятся в диалоге с самими собой, и этот диалог часто принимает форму спора с внутренним демоном» [12; с. 88].

В диалоге с Раскольниковым, который происходит в лодке, Чёрт рассуждает о природе мучений: «Ну что, скажешь, духи не мёрзнут? А в горних высях знаешь, какой холод? Сто пятьдесят градусов ниже нуля. В деревне девки на морозе предлагают новичку лизнуть топор, язык сразу примерзает и он сдирает его в кровь. Это на обыкновенном-то морозе, а в космосе... Прежде было и так, и сяк, а нынче всё больше нравственные пошлости, угрызания

совести и весь подобный вздор. Тоже, между прочим, от вас завелось. От смягчения нравов. И кто, скажи, от этого выиграл? Одни бессовестные и выиграли» [11]. Раскольников отвечает: «Так а ты чего привязался ко мне? Говоришь моими словами, мысли мои повторяешь, причём самые глупые». Чёрт возражает: «Иной раз весь мир забудешь, а к одному вот такому прилепишься, потому что бриллиант. Иная душа целого созвездия стоит... Сколько душ надо загубить, опорочить честных репутаций, чтобы получить одного праведного Иова... Из иного грешника такой праведник может вырасти – залюбуешься» [11]. Так, в сериале возникает характерный для авторского мифа Ф.М. Достоевского мотив двойничества: «Герои-двойники приобретают вселенское значение, превращаясь в последователей или божественного космоса, или демонического хаоса» [4; с. 110].

В романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» Черт, возникая в тяжёлом бреду больной души Ивана, является его двойником. По наблюдению М.С. Альтмана, «исконный казуист, черт не может не играть словами. К зигзагам мыслей, к намекам и экивокам имеет черт склонность неодолимую, и недаром Достоевский вкладывает ему в уста каламбур за каламбуром, анекдот за анекдотом», таким образом, «весь прозаический «черт» Достоевского – нарочитое «снижение поэтических Мефистофеля Гете и Демона Лермонтова. От этих двух он «отталкивается»; «приближается» же он к «чертовщине» Гоголя: не случайно и внешнестью черт похож на «поседелого Хлестакова» и Гоголя цитирует охотно» [13; с. 221, 269].

Введение в современную экранизацию Черта из романа «Братья Карамазовы», по-прежнему мечтающего воплотиться в семипудовую купчиху, но уже освоившегося в современном хронотопе, позволяет режиссеру не только связать художественные тексты Ф.М. Достоевского воедино и углубить образ Раскольникова, но и по-новому представить образы других персонажей: Чёрт выходит за пределы истории Раскольникова, вторгаясь в драму Дуни и Свидригайлова. В саду особняка, снятом в траурных тонах (тёмно-жёлтые и синие оттенки), Свидригайлов, одетый в белое как символ ложной чистоты, пристаёт к Дуне. Она упрекает его: «Умер человек», но он, игнорируя, целует её в шею, шепча: «Ваше дьявольско-ангельское целомудрие – это скорлупа, которую надо раздавить». Дуня отвечает: «К чему эти пошлости? Наверное, вы ей тоже говорили все те же самые слова». Свидригайлов возражает: «Вы ревнуете? Уверяю вас, я с ней вообще не говорил». Дуня настаивает: «Не юродствуйте, погибла девушка, из-за нас. Ударь меня, ударь меня!» [11]. Чёрт, стоя на горизонте, подначивает: «Ударь её, ударь». Позже, во время чоканья бокалами, тень транслирует мысли Дуни: «Отчего тебе не бросить всё и не увезти меня? Неужели я недостаточно хороша, чтобы забыть обо всём и преступить всё?» [11]. Во время их поцелуя Чёрт курит кальян, наблюдая за происходящим, как режиссёр греха. Свидригайлов обещает Дуне уехать в Америку, добавляя: «Вам бы, Авдотья Романовна, родиться в третьем веке, где-нибудь в Малой Азии. Были бы вы мученицей, жгли бы тебе грудь раскалёнными щипцами, а ты бы смеялась». Чёрт подхватывает: «Так и жаждете какую-нибудь муку принять, и не дай вам этой муки, так вы, пожалуй, в окошко выскочите» [11]. Эта сцена раскрывает Чёрта как проекцию внутренней борьбы Дуни между целомудрием и влечением, а также порочности Свидригайлова. В юнгианском контексте Тень Дуни проявляется в её подавленных желаниях, связанных со Свидригайловым, скрывающим под безупречным внешним видом (белый костюм-тройка) внутренний духовный распад. В эпизоде с Марфой Петровной, женой Свидригайлова, Дуня пытается признаться в связи с её мужем, но Марфа, понимая суть, отказывает ей в увольнении, говоря с иронией: «Я готовлю вам совсем другой подарок». Их диалог подчёркивает напряжение, которое Чёрт усиливает, оставаясь невидимым, но присутствующим в подтексте.

В эпизоде в публичном доме Чёрт манипулирует слабостями героев, усиливая их внутренние конфликты. Он уводит Раскольникова и Разумихина со словами: «Фараоны, полиция», демонстрируя свою роль проводника, который знает больше, чем герои. В беседе с женщиной в том же публичном или игорном доме Чёрт говорит: «Я никогда бы ничего не получил, если бы не был так порочен», рассказывая, как развратил непорочную девушку,

внушив ей, что она невинна и не виновата в том, что он ее использует, и получил желаемое, оставив её в ощущении прежней чистоты [11]. Эта реплика подчёркивает амбивалентность Чёрта: он одновременно соблазнитель и моралист, вскрывающий пороки общества. Как отмечает З.М. Агеева, «образы дьявола у Достоевского всегда связаны с разоблачением общественных пороков, которые герои проецируют на внешний мир» [14; с. 112]. Чёрт приводит Раскольникова к Порфирию Петровичу, следователю, который сидит в маске, а рядом мужчина по кличке *Сокол* рассуждает о том, что его «глохнет какое-то существо» и спрашивает у следователя о существовании беса. Черт сидит рядом и улыбается. Наутро Порфирий приглашает Раскольникова и Разумихина пройти по его дому, где они трапезничают, и следователь спрашивает о теории Раскольникова. Чёрт шепчет: «Он тебе подмигнул», вызывая у героя гнев и уход. В сцене в подземном переходе Раскольников по наставлению Сони признаётся в убийстве, но никто не обращает внимания. Соня говорит: «Ты отошёл, и Бог тебя поразил, дьяволу предал. Как же сделать, чтобы ты стал сильнее своей слабости?» [11]. Эта фраза подчёркивает роль Чёрта как воплощения слабостей, которые герой должен преодолеть. Когда Раскольников просит у Марата оружие, заявляя: «Если Бога нет, то я сам Бог, потому что если Бог есть, то на всё воля Его, а значит, я не смогу себя убить. А если я смогу себя убить, значит, на всё воля моя», Чёрт визуально в картине не присутствует, он находится в душе героя, усиливая конфликт между свободой воли и предопределением.

После убийства старухи Чёрт возвращается, усиливая мучения Раскольникова. В сцене, где герой смотрит на труп под белой простынёй, Черт отсутствует физически, но его присутствие ощущается в лихорадочном бреде. Видение лица старухи как отражения вины подтверждает предсказание Чёрта, подталкивая героя к осознанию содеянного. В седьмой серии Чёрт появляется на корабле рядом с Лужиным, комментируя его обиду: «Чёрные змеи ужасного самолюбия». Лужин жалуется: «Вот просчитался я, больно она образованная, смотрит на меня как на вошь. Мне от родителей одно осталось в наследство – завет: не дури, не поясничай, всё больше угождай учителям и начальникам. Таланту Бог не дал, так хитростью и прилежанием всех опередишь. Копи, береги копейку. Копейка никогда не предаст» [11]. После монолога Лужин достаёт из карманов мелкие монеты и вместе с чёртом они высыпают их в реку. Здесь он предстает перед зрителями в роли рационализатора и помогает Петру Петровичу избавиться от того, что всю его жизнь тянуло ко одну. Мелкие монеты в большом количестве – цена и откуп за все пошлости и гадости, совершенные Лужиным в течение жизни. Эта сцена также раскрывает Чёрта как комментатора коллективной психики, где Лужин воплощает мелочное самолюбие и материализм. Как отмечает О.М. Фрейденберг, «образы соблазнитель в литературе часто служат для разоблачения ложных ценностей общества» [15; с. 203]. После самоубийства Свидригайлова, падающего в Неву рядом с равнодушным рыбаком, Чёрт подчёркивает одиночество героя перед собственной тьмой, повторяя: «Россия живёт чувствами». Эта фраза становится эпитафией, связывающей личную трагедию с коллективной [11].

Как видим, Чёрт в сериале В. Мирзоева воплощает двойника не только Раскольникова, но и других персонажей, вскрывая амбивалентность их образов. Раскольникову Черт одобряет теорию «необыкновенных людей», культивирует его гордыню и рационализирует убийство старухи, в образах Дуни и Свидригайлова Чёрт вскрывает страсти и пороки. Появляющийся в сериале в критические моменты выбора между добром и злом Черт подтверждает мысль, высказанную Ф.М. Достоевским в романе «Преступление и наказание»: «Во всем есть черта, за которую перейти опасно; ибо, раз переступив, воротиться назад невозможно» [16; т. 6, с. 230].

Библиографический список

1. Скуридина С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского: монография. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2022. 343 с.
2. Телегин С.М. Жизнь мифа в художественном мире Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / Телегин Сергей Маратович. Москва 1996.
3. Ренанский А.Л. Метафизика антиамериканизма у Ф.М.Достоевского / А.Л. Ренанский // Материалы глобального партнерства по развитию научного сотрудничества. М.: ООО «Глобальное партнерство по развитию научного сотрудничества», 2015. С.163-186.
4. Кулибанова О.С. Миф как способ художественной организации произведений Ф.М. Достоевского // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. №4-2. С. 108-111.
5. Королева А.С. Антропонимы второстепенных женских образов в сериале В. Мирзоева «Преступление и наказание» (2024) // Ономастический вестник. 2025. №4(4) С. 55-64.
6. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
7. Фрейд З. Введение в психоанализ. М.: АСТ, 2018. 672 с.
8. Скуридина С.А. Ономастические каламбуры Ф.М. Достоевского // Ономастика Поволжья. материалы XVIII Международной научной конференции. Кострома. В 2 т.. Кострома, 2020. С. 282-287.
9. Гроссман Л. П. Достоевский. Человек и писатель. М.: Молодая гвардия, 1965. 480 с.
10. Юнг К. Г. Aion: Исследования о символике самости. М.: Академический проект, 1996. 392 с.
11. Мирзоев В. Преступление и наказание [электронный ресурс] // Кинопоиск. 2024. URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/5028535/> (дата обращения: 28.10.2025).
12. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 470 с.
13. Альтман, М.С. По вехам имен. Саратов, 1975. 280 с.
14. Агеева З. М. Федор Достоевский. Болезнь и творчество. М.: Алгоритм, 2016. 320 с.
15. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 445 с.
16. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л.: Наука, 1972–1988.

References

1. Skuridina S.A. The onomastic code of F.M. Dostoevsky's literary texts: a monograph. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2022. 343 p.
2. Telegin S.M. The life of myth in the artistic world of F.M. Dostoevsky and N.S. Leskov: dis. ... Doctor of Philology: 01/10/2011 / Telegin Sergey Maratovich. Moscow, 1996.
3. Renansky A.L. Metaphysics of anti-Americanism in F.M.Dostoevsky / A.L. Renansky // Materials of the Global Partnership for the Development of scientific cooperation. Moscow: Global Partnership for the Development of Scientific Cooperation, 2015. Pp.163-186.
4. Kulibanova O.S. Myth as a way of artistic organization of F.M. Dostoevsky's works // Bulletin of Vyatka State University for the Humanities. 2009. No.4-2. Pp. 108-111.
5. Koroleva A.S. Anthroponyms of secondary female images in V. Mirzoev's series "Crime and Punishment" (2024) // Onomastic Bulletin. 2025. No. 4(4) pp. 55-64.
6. Lotman Yu.M. The structure of a literary text. Moscow: Iskuststvo, 1970. 384 p.
7. Freud Z. Introduction to psychoanalysis. Moscow: AST, 2018. 672 p.
8. Skuridina S.A. Onomastic puns by F.M. Dostoevsky // Onomastics of the Volga region. proceedings of the XVIII International Scientific Conference. Kostroma. In 2 volumes .. Kostroma, 2020. Pp. 282-287.

9. Grossman L. P. Dostoevsky. A man and a writer. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1965. 480 p.
10. Jung, K. G. Aion: Studies on the symbolism of the self. Moscow: Akademicheskiy proekt, 1996. 392 p.
11. Mirzoev V. Crime and punishment [electronic resource] // Kinopoisk. 2024. URL: <https://www.kinopoisk.ru/series/5028535/> (date of access: 28.10.2025).
12. Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's poetics. Moscow: Fiction, 1972. 470 p.
13. Altman, M.S. On the milestones of names. Saratov, 1975. 280 p.
14. Ageeva Z. M. Fyodor Dostoevsky. Illness and creativity. M.: Algorithm, 2016. 320 p.
15. Freudenberg O.M. The poetics of plot and genre. Moscow: Labyrinth, 1997. 445 p.
16. Dostoevsky F.M. Complete works in 30 volumes. L.: Nauka, 1972-1988.

УДК 821.512.145

DOI 10.36622/2587-9510.2025.59.4.007

*Институт языка, литературы
и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник отдела
Литературоведения
Миннуллина Ф.Х.
Россия, г. Казань,
e-mail: minnullina77@mail.ru*

*G. Ibragimov Institute of Language,
Literature and Art, Tatarstan Academy of
Sciences
Candidate of Philology, Senior Researcher,
Department of Literary Studies
Minnullina F. Kh,
Russia, Kazan,
e-mail: minnullina77@mail.ru*

Ф.Х. Миннуллина

ТАТАРСКИЕ КОМЕДИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА: ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

(«Работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан»)

Статья посвящена исследованию эволюции жанра комедии в татарской драматургии начала XXI века в контексте социокультурных трансформаций. Предметом анализа выступают ключевые произведения современных татарских драматургов, отражающие процессы жанрового синтеза и новаторские художественные решения. Цель работы заключается в выявлении специфики развития комедийного жанра, интегрирующего элементы абсурда, трагикомедии и социальной сатиры для осмысления актуальных проблем современного социума. Методология исследования основана на структурно-семантическом анализе драматургических текстов, а также на культурно-историческом подходе, позволяющем рассмотреть произведения в контексте постсоветских трансформаций способов художественного письма. Особое внимание уделяется творчеству М. Гилязова, А. Халима, Ф. Садриева и других авторов, чьи работы демонстрируют переход от традиционной комедии к сложным жанровым гибридам. Результаты исследования свидетельствуют о превращении комедии в инструмент философского осмысления кризиса идентичности в социуме, морального разложения отдельных категорий людей и поиска автором новых ценностных ориентиров. Выявлены ключевые тенденции: синтез комического и трагического, использование приемов игры и абсурда, переосмысление традиционных образов и сюжетов. Полученные результаты могут быть применены в дальнейших исследованиях постсоветской драматургии, а также в практике театральных постановок и учебных курсов по татарской литературе.

Ключевые слова: жанр, комедия, межжанр, герой, трагикомедия, юмор, ирония, сатира.

F.Kh. Minnullina

TATAR COMEDIES OF THE EARLY 21ST CENTURY: EVOLUTION OF THE GENRE IN THE CONTEXT OF SOCIO-CULTURAL TRANSFORMATIONS

("The work was carried out at the expense of a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, provided to young candidates of sciences (postdoctoral fellows) for the purpose of defending their doctoral dissertation, performing research, as well as performing labor functions in scientific and educational organizations of the Republic of Tatarstan within the framework of the state program of the Republic of Tatarstan "scientific and technological development of the Republic of Tatarstan")

The article is devoted to the study of the evolution of the comedy genre in the Tatar drama of the early XXI st century in the context of socio-cultural transformations. The subject of analysis is the key works of contemporary Tatar playwrights, reflecting the processes of genre synthesis and innovative artistic solutions. The purpose of this work is to identify the specific features of the development of the comedy genre, which combines elements of absurdity, tragicomedy, and social satire to address current issues. The research methodology is based on a structural-semantic analysis of dramatic texts, as well as a cultural-historical approach that allows for the examination of works in the context of post-Soviet transformations. Special attention is given to the works of M. Gilyazov, A. Khalim, F. Sadriev, and other authors whose works demonstrate

Keywords: genre, comedy, intergenre, hero, tragicomedy, humor, irony, satire.

Татарская драматургия, преодолев период общественного кризиса и потрясений конца XX века, вступила в начале XXI столетия в эпоху кардинальных изменений. Современный этап развития татарской драмы характеризуется поиском новых форм, что находит отражение как в тематико-жанровом разнообразии, так и в способах художественного изображения действительности. В этом плане особо выделяется жанр комедии, которая, по мнению исследователя А. Ахмадуллина, представляет собой: «самый универсальный жанр драматургии, жанровую доминанту реалистической сценической литературы» [1; с. 213]. Эта тенденция сохраняется и в современной сценической литературе, что подтверждается как количественными показателями создаваемых произведений, так и жанровым анализом репертуара театральных постановок.

Для современных комедий характерно представление комических ситуаций, неприглядных явлений социальной действительности, недостатков человеческих характеров через увлекательные сценические композиции и динамичное развитие событий. В результате прослеживается активизация различных форм игры как объекта художественного изображения и литературного приема. Это особенно заметно в пьесах, нацеленных на критику социальных пороков, коррупции и абсурдности постсоветской реальности. Комедийные произведения З. Хакима, Х. Ибрагимова, Амануллы, И. Зайниева и других современных драматургов заслуживают особого внимания благодаря тонкому ощущению духа времени, национальному колориту, передаваемых через игру. Авторы используют игру как литературный прием. Иной подход использован в таких сценических произведениях как «Баскетболист» М. Гилязова, «Артисты из Алепле», «Волосатое чудо» Амануллы: в них игра полностью заменила художественную действительность.

Как отмечает А.М. Закирзянов, «современная драматургия переживает период интенсивных поисков новых художественных решений, осваивая эстетические возможности постмодернизма, абсурдизма и других направлений, сохраняя при этом национальную специфику» [2; с. 28]. В татарской драматургии начиная с 1990-2000-х годов активно развивается направление, для которого характерно обращение к эстетике театра абсурда и игровой поэтике. Яркими образцами являются пьесы «Алла каргаган йорт» («Богом проклятый дом», 1990) Д. Салихова, «Жүләрләр йорты» («Сумасшедший дом», 1995) З. Хакима, «Баскетболист» (2002) М. Гилязова, а также более поздняя работа «Кияү урлау» («Кража жениха», 2006) А. Халима. Эти произведения демонстрируют новаторские подходы к трансформации комедийного жанра, «органично соединяющем условно-метафорический и реалистический планы изображения, что позволяет осветить острые социальные проблемы времени» [3; с. 11]. Пьеса М. Гилязова «Баскетболист» (2001), например, представляет собой уникальный опыт философского осмысления кризиса идентичности в условиях социального распада идеологически единого советского пространства. В ней жанровый синтез, сочетающий элементы комедии, трагедии и драмы, превращает текст в сложное многоуровневое произведение. Комическое начало не ограничивается исключительно развлекательной функцией, но и выполняет важную социально-критическую роль, направленную на разоблачение пороков. Данная особенность обуславливает трансформацию центрального персонажа и кардинальное

переосмысление значимости юмористических элементов сюжета. В итоге комическое и трагическое переплетаются, создавая сложную картину человеческого бытия. Сквозь призму иронии и сатиры автор обнажает свою глубокую, искреннюю боль за судьбу человека в современном ему мире. Произведение отражает ключевую тенденцию искусства XX столетия, согласно которой комический типаж зачастую указывает на экзистенциальную трагедию индивида в условиях современного общества. Судьба героев становится олицетворением драмы «маленького человека» XX века, его беспомощности перед лицом глобальных исторических процессов и обстоятельств.

Критик А. Закирзянов определяет эту пьесу как произведение, «обогащённое элементами абсурда», полагая, что её сценическая интерпретация режиссёром М. Салимджановым знаменует собой становление «абсурдного театра» в татарской драматургии [4; с. 29]. Однако А. Ахмадуллин предлагает иную точку зрения, не соглашаясь с такой категоричной оценкой. С его позиции, навязчивую идею бывшего сельского педагога Сократа, мечтающего о карьере баскетболиста и победах своей команды правильнее трактовать не как абсурд, а как намеренное художественное преувеличение – гротеск или гиперболу. Этот приём служит скорее метафорой, обличающей беспросветную рутину и духовную бедность существования в деревне. Аналогичным образом, эпизод с падением воздушного шара в болото представляет собой не абсурдистский трюк, а аллереорию, характерную для комедийной фантастики. Это символ тщетной попытки бегства от угнетающей реальности, где болото олицетворяет собой косность общественного уклада, засасывающего любую инициативу. В этом же ключе следует рассматривать и остальные элементы пьесы: хроническое пьянство Диогена, вызванное невозможностью найти работу по душе; брак дочери Сократа Венеры с темнокожим баскетболистом; а также гротескные злоключения «женихов», откликнувшихся на газетное объявление. Все эти элементы составляют единую систему сатирических и метафорических средств, а не приёмов театра абсурда в его чистом виде [5; с. 433].

Вместе с тем, приходится констатировать: в отличие от традиционного подхода, где комические эпизоды служили для создания настроения, в современной драматургии они становятся инструментом глубинного анализа общественных противоречий. Это приводит к появлению нового типа protagonista – часто маргинальной или социально дезориентированной личности, чьи недостатки и противоречия высвечивают системные проблемы общества. Параллельно происходит переоценка роли комической ситуации: из второстепенного элемента она превращается в ключевой структурный компонент, сквозь призму которого раскрывается основная идея произведения. Юмористические сцены начинают выполнять двойную функцию, сочетая развлекательный компонент с серьёзной социальной сатирой, что придает произведению многомерность и философскую глубину. Данное положение полностью применимо к анализируемому произведению. Если в классической комедии герой часто был условно-положительным «резонером» или простаком, то здесь он усложняется. Он может быть **маргиналом** (Сократ в «Баскетболисте»), чья абсурдная мечта высвечивает абсурд реальности. В соответствии с концепцией М.М. Бахтина о «смеховой культуре», комическое в пьесе М. Гилязова обладает амбивалентной природой, сочетая в себе разрушительное и созидательное начала [6; с. 15]. Это позволяет драматургу исследовать экзистенциальные проблемы через призму комедийного жанра, создавая особую художественную модель мира.

Пространственно-временная организация пьесы «Баскетболист» представляет собой сложную семиотическую систему. Центральным локусом произведения является деревня Балчыклы (в переводе с татарского – «болотистая»), которая, функционирует как метафора социокультурного состояния всего общества. Окружающая деревню атмосфера, символизируемая болотом и непрекращающимся дождем, создает многоуровневый символический контекст. Данный природный образ приобретает устойчивую коннотацию социально-политического характера: дождь становится метафорой непрекращающегося давления обстоятельств; создает ощущение безысходности, подчеркивает тщетность усилий героев и одновременно служит элементом очищения, катарсиса. Герои пьесы, носящие имена антич-

ных философов (Сократ, Диоген, Платон) и мифологических персонажей (Венера), представляют собой, по определению Ю.М. Лотмана, «текст в тексте» – они функционируют как культурные коды, создающие дополнительный семантический план произведения [7; с.148].

Особого внимания заслуживает также фантастическая трагикомедия А. Халима «Кража жениха» («Кияу урлау», 2006), представляющая собой уникальный эксперимент в контексте эволюции национальной драматургии. Произведение, созданное в русле эстетики театра абсурда, демонстрирует значительное расширение художественного инструментария татарской драматургии начала XXI века. Как справедливо отмечает А. Ахмадуллин, данное произведение, «обогащённое сюрреалистическими элементами, является одним из первых успешных опытов в национальной драматургии» в освоении постмодернистской эстетики [8; с. 247]. Исследователь подчеркивает новаторский характер драматургического эксперимента А. Халима, который органично интегрирует в канву национальной драматургической традиции элементы западноевропейского абсурдизма. Такой тип художественности можно определить как «метажанровое образование», где традиционные жанровые каноны подвергаются деконструкции с целью создания принципиально нового типа художественного высказывания. Анализ текста позволяет выявить в пьесе сложную систему культурных кодов, функционирующих в контексте постмодернистской игры. Как отмечает Ю.М. Лотман в работе «Структура художественного текста» [9; с. 281], подобные тексты отличаются повышенной энтропийностью и многозначностью, что обеспечивает множественность интерпретаций.

Трагикомедия А. Халима «Кража жениха» органично вписывается в контекст тех инновационных процессов, которые наблюдаются в татарской драматургии начала XXI века, демонстрируя способность национальной литературы к активному диалогу с мировыми художественными тенденциями при сохранении этнокультурной самобытности. Сюжетно-композиционная структура пьесы разворачивается в фантастическом хронотопе будущего, что позволяет драматургу, создать особую модель художественного универсума, где пространственно-временные отношения приобретают философско-метафорический характер [10; с. 234]. Центральный конфликт произведения строится вокруг похищения молодого человека по имени Карфаген (Камиль) тремя девушками – Зилей, Дилей и Вилей, принимающими фантазмагорический облик баранов. Подобная трансформация является примером «остранения» – художественного приема, позволяющего увидеть привычные явления в неожиданном ракурсе. Система персонажей в пьесе формирует сложное полифоническое единство, включающее доктора философии Рамазана Галиевича, беглого юриста Сервилада, отца девушек Наби и его супругу Закию, мать Камилы Даиму и робота Айзек. Особенно значимым в идейно-философском плане является образ робота Айзек, который под воздействием Любви обретает человечность и становится ключевым фактором в предотвращении глобальной катастрофы. Кульминационный момент пьесы – план Зили и её сестер по уничтожению Земли и его предотвращение – может быть интерпретирован через призму концепции Ж. Бодрийяра о «симуляции апокалипсиса» как характерной черте постмодернистского сознания [11; с. 157]. Дом, построенный девушками с целью создания нового мироустройства, был разрушен. «Создавая собственный художественный мир в фантастическом произведении, автор, естественно, вынужден выстраивать его структуру, продумывать его «взаимоотношения» с нефантастической реальностью, задавать времяпространственные координаты. При этом мир должен быть при самых невероятных допущениях непротиворечивым внутри себя, подчиненным пусть и фантастической, но логике» [12; с. 15]. Таким образом, фантастическая трагикомедия А. Халима представляет собой многоуровневое художественное произведение, в котором синтез фантастики, комического и трагического элементов служит средством философского осмысления фундаментальных проблем человеческого существования в эпоху технологических и социальных трансформаций.

Для литературы конца XX – начала XXI веков характерен синтез мифологического, романтического и символического типов художественного сознания. Этот синтез проявляется в обращении к архетипам и мифологемам, что позволяет драматургам раскрыть сущностные

противоречия бытия и создать многомерный образ социально-экзистенциального героя. «Миф становится способом отражения в пространственных образах, в локальных текстах отношения автора к месту не просто как к локации, а как к определенной реальности, окружающей его. Некоторые поэты конструируют мифологию пространства, обращаясь к традиционным ее аспектам: ритуально-церемониальным и мистико-экстатическими мотивам» [13; с. 71]. Такой синкретический подход позволяет художникам слова создавать многомерные художественные миры, где переплетаются историческая реальность, мифологическое наследие и символические обобщения, что способствует углубленному философскому осмыслению современности. В трагикомедии Р. Латыпова «Кит, китмэ» («Уходи... Или останься!», 2017) образ смерти обретает принципиально новое художественное воплощение. В данном произведении смерть утрачивает роль абсолютного антагониста жизни, превращаясь в активного участника сложной системы межличностных взаимоотношений. Персонаж Смерти, представленный в женском облике, облаченный в желтое платье и появляющийся в момент грозы, символизирует собой божественное вмешательство и подчеркивает амбивалентную природу этого феномена. Подобная трактовка представляет собой авторское новаторство, вступающее в творческий диалог с традиционными мифопоэтическими представлениями и акцентирующее переход к более гуманистическому восприятию конечности человеческого существования. В сюжетную канву вплетается мотив воскрешения и исцеления, знаменующий символическое преодоление смерти и отсылающий к архетипическим фольклорным сюжетам, где смерть оказывается побежденной благодаря хитрости. Значимым элементом произведения становится внедрение любовного треугольника Юлдуз – Раушан – Смерть, позволяющего пересмотреть бинарную оппозицию «жизнь-смерть» и представить смерть не в качестве абсолютного конца, но как неотъемлемый компонент диалектического единства с жизнью. Финальные сцены пьесы возвращают зрителя к традиционной концепции смерти как перехода в инобытие и возможности воссоединения с ушедшими, однако эти элементы получают новое прочтение сквозь призму предшествующей деконструкции, что формирует многомерную семантическую структуру и открывает новые перспективы для осмысления образа смерти в современной драматургии.

Специфика рассмотренных комедий заключается в их способности через **синтез жанров и амбивалентность комического** (соединение смешного и трагического) исследовать глубокие философские и социальные проблемы. Это превращает пьесы не просто в развлекательные произведения, а в **многоуровневые художественные системы**, где смех становится инструментом критики, рефлексии и поиска идентичности.

Сквозными темами для современных татарских комедий становятся такие **нравственно-этические проблемы как** распад семей, утрата традиционных ценностей (уважение к старшим, национальные обряды), мещанство, жажда наживы, **социальная критика** коррупции, бюрократии, **национальная идентичность** (проблемы ассимиляции, утраты культурного кода, судьба татарского народа), обнищание внутреннего мира человека, торжество низменных инстинктов над высокими моральными принципами. Традиционно в комедиях изображаются недостатки и комические аспекты повседневной жизни, особенности характеров отдельных личностей, социальные конфликты и типичные ситуации. Однако произведения данного периода характеризуются тематическим разнообразием, жанровым синкретизмом и новаторскими художественными приемами, что позволяет осуществить их систематизацию по ключевым идейно-тематическим направлениям. В центре внимания многих драматургов оказываются вопросы морального состояния общества, разрушения традиционных ценностей и трансформации межличностных отношений. Особенно остро эта тема звучит в комедиях Ф. Садриева. В его комедии «Жәмиләненң женләнуе...» («Помешательство Джамили») исследуется разрушительное влияние сплетен и недоверия на семейные отношения. Экспозиция комедии начинается с лирической сцены, изображающей взаимную любовь и игривый, наполненный смехом диалог между Джамилей и Сабитом. На данном этапе автор мастерски использует **прием юмора**, с теплотой и симпатией подшучивая над своими героями. В даль-

нейшем развитии сюжета драматург переходит от юмора к **приему сатиры**, прибегая к разоблачению пороков своих персонажей и акцентируя внимание на их недостатках.

По утверждению А.Б. Есина, сатирический пафос базируется на условных формах и описании. Первое качество сатирического пафоса позволяет ярче выразить авторскую мысль, изображая ее в комическом и негативном ключе, а второе – способствует более полному раскрытию отрицательных качеств объекта осмеяния. Для создания сатирического эффекта активно используются такие средства, как **сарказм** и **гротеск** [14; с. 195]. Вышеназванные приемы помогают драматургу раскрыть идейный замысел произведения, демонстрируя, как сила сплетен способна разрушить даже искреннюю любовь между Сабиром и Джамилей. Резкое разрушение их теплых и прекрасных отношений автор связывает с образом матери юноши – Минлебики. Ее беспричинные придирки к невестке и распространение слухов порождают сложный конфликт между супругами. В целом, образы Минлебики и Гайльменисы становятся символами морального разложения старшего поколения, которое, по национальной традиции, должно выступать хранителем нравственных устоев. Автор мастерски использует приемы юмора и сатиры для разоблачения пороков персонажей, показывая, как отсутствие доверия разрушает даже самые крепкие чувства. Драматург с тревогой указывает на то, что наша жизнь продолжает погружаться в трясину безнравственности. Художественное отображение таких фундаментальных понятий, как справедливость, милосердие, критическое осмысление негативных тенденций современного общества и трагических последствий их укоренения в человеческом сознании составляют сильные стороны творчества драматурга.

Ф. Садриев в комедии «Аяз көнне яшен» («Гроза в ясный день») продолжает исследование нравственного разложения общества через изображение отношений двух семей в контексте сватовства. Образы Науширвана и Жилиак, одержимых статусом и богатством, служат средством разоблачения лицемерия и корыстолюбия. Автора тревожит исчезновение таких исконных качеств, как уважение, терпение и справедливость, что мастерски передается через прием саморазоблачения персонажей. Главные герои – руководитель строительной бригады колхоза Науширван, его супруга Гаушура и их друзья-соседи Зайнулла и Жилиак – поглощены хлопотами по сведению своих детей. **Конфликт** между Науширваном и Зайнуллой, мастером-плотником, возникает на почве служебных злоупотреблений первого (он выписывает другу наряд по заниженной расценке – 80 рублей). Это порождает непримиримость и борьбу между семьями, создавая комедийные ситуации. Жилиак стремится выдать дочь Санию за Эдика, сына председателя райпо. Зайнулла, в отличие от других, стремится остаться в стороне от интриг, разоблачает истинную сущность близких и в итоге уходит вместе с дочерью, оставляя одержимых жадой статуса и богатства Науширвана и Жилиак ни с чем.

В комедии драматурга «Хуршида, Муршида, Рашида» представлено противопоставление традиционных ценностей (трудолюбие, честность, верность) – существующим в современном обществе порядкам. Образ Ганильхаят воплощает мудрость и нравственную силу, становясь центром авторской концепции. Через нее автор утверждает вечные ценности добра и справедливости. Автор сознательно выстраивает систему образов, обращаясь к эстетике прекрасного и безобразного. **Прекрасное** воплощается в образах Рашиды, Хуршиды, Муршиды и самой Ганильхаят. Эти героини олицетворяют собой не только духовную красоту, но и **новый тип лидера** – истинную личность, способную взять на себя ответственность. Их попытки своими силами поднять забытое властями село, их трудолюбие и самостоятельность – наглядное тому доказательство. Им противопоставлены носители **безобразного** – персонажи, забывшие или отвергающие национальные традиции и моральные устои, как Чумарис.

В современной татарской драматургии ярко проявляется тенденция глубокого социального анализа через призму человеческих взаимоотношений. Рассматривая тематические параллели между произведениями татарской комедиографии начала XXI века, можно обнаружить устойчивую закономерность в обращении авторов к проблематике семейных отношений, брака и гендерных ролей в меняющемся обществе. Примечательно, что данные вопросы

получают многогранное освещение через различные художественные призмы. Две знаковые пьесы – «Тәрәзгә егет килгән» («Загляни, любовь, в окошко», 2007) Ф.Садриева и «Диләфруз – Remake» («Диляфруз – Remake», 2010) Т. Миннуллина – демонстрируют уникальный подход к исследованию морально-нравственных трансформаций общества. Трагикомедия «К окну пришел парень» затрагивает фундаментальный кризис института семьи и брака. Центральное место занимает объявление героини Зубайды о поиске потенциального партнера, что становится своеобразным «социологическим срезом» мужского населения. Четверо претендентов выступают как воплощение различных социально-нравственных деформаций: **Халиль** живет в мире иллюзий, книжных фраз, он – персонаж с ярко выраженными женскими чертами; **Шагит** считает, что прекрасные создания созданы лишь для услады мужчин; **Сабир** – аморальный тип, забывший о вере и нравственности, поклоняющийся только богатству; **Павел**, рожденный вне брака от случайной связи, не адаптирован к жизни. Через эти образы драматург показывает, насколько низко могут пасть те, кого называют «сильными мира сего». Перед читателем ставятся роковые вопросы: **«Во что мы превратились? Куда мы идем?»**.

В обновленной версии известной пьесы «Диляфруз – Remake» образ главной героини также подвергается значительной трансформации. Если первоначально создавался образ современной независимой женщины, что символизировала её появление в журнале «Азат хатын» («Свободная женщина»), в новой редакции выясняется, что героиня снималась для издания «Плейбой» под именем Дженнифер. Подобное изменение придает её образу провокационный характер. В дальнейшем оказывается, что эта информация была недостоверной: один из претендентов на руку героини, начитанный Галим, ошибся, спутав её с другой девушкой. Данный эпизод служит ироничным комментарием о распространении ложных стереотипов и недостоверной информации в обществе. Несмотря на комичную путаницу, Диляфруз сохраняет свой статус первой красавицы села и одновременно предстает высококвалифицированной телятницей на агрофирме (в более ранней версии – в колхозе). Это сочетание внешней привлекательности и профессиональной компетентности подчеркивает многогранность её характера, демонстрируя гармоничное сочетание традиционных ценностей и современной самостоятельности. В комедии представлены три кандидата: местный хулиган Шакур, стилиста Исмагил из соседнего села и скромный труженик Джамиль. Финал произведения подтверждает победу последнего, что символизирует торжество искренности, доброты и честности над поверхностными качествами остальных претендентов. Таким образом, сюжет акцентирует primacy внутренних качеств над внешней эффектностью и социальными амбициями.

Пьесы «Загляни, любовь, в окошко», «Диляфруз – Remake» представляют собой значимые произведения татарской драматургии, которые, несмотря на различия в сюжетах и персонажах, демонстрируют яркое тематическое сходство. Оба произведения поднимают актуальные социально-нравственные вопросы, связанные с проблемами создания семьи, кризисом идентичности, искажением моральных ориентиров в современном обществе, а также ролью стереотипов и иллюзий. Принципиальная разница заключается в подходе к раскрытию персонажей. «Загляни, любовь, в окошко» демонстрирует жесткую социальную критику через мужские характеры, а «Диляфруз – Remake» предлагает более мягкий, ироничный взгляд через женский образ. Обе пьесы используют прием «галереи женихов», однако с разными художественными задачами. В «Загляни, любовь, в окошко» четверка претендентов воплощает социальную критику, демонстрируя упадок мужской идентичности. Драматург задается экзистенциальными вопросами о будущем нации через показ дисфункциональных мужских типажей. В «Диляфруз – Remake» «галерея женихов» становится фоном для представления концепции сильной женщины.

Таким образом, стремление к многогранному и полному отображению современной реальности привело к усилению внимания татарской драматургии к социальной несправедливости, снижению внимания к человеку и росту в обществе безнравственных явлений. Харак-

тер комического эволюционировал от мягкого юмора к более острой сатире и социальной критике. Появились элементы черного юмора, абсурда и постмодернистской иронии. В комедийном жанре, как и раньше, доминируют семейно-бытовая и духовная проблематика. Но герои порождаются социальной средой, и, описывая их поступки, драматурги разоблачают господствующие негативные явления, делая их объектом сатиры. Обращаясь к общечеловеческим проблемам, авторы раскрывают суть социальных явлений и общественных настроений эпохи. С помощью игровых приемов утверждается тезис о том, что пороки прошлых времен продолжают жить в новых формах, а общество погружается в трясину безнравственности. Широко используются приемы языковой игры, иронии, импровизации и неожиданности, которые успешно применяются для уничтожающей критики общества и представителей власти.

Татарская комедия начала XXI века представляет собой динамично развивающийся жанр, чутко реагирующий на социокультурные трансформации общества. Сохраняя связь с национальными традициями, она обогащается новыми темами, художественными приемами и выразительными средствами. Эволюция жанра комедии отражает сложные процессы, происходящие в татарском обществе: поиск баланса между сохранением национальной идентичности и интеграцией в глобальное культурное пространство, переосмысление традиционных ценностей в контексте современности, адаптация к новым социально-экономическим условиям. Дальнейшее развитие татарской комедии будет, вероятно, определяться как внутренними процессами в татарской культуре, так и влиянием общероссийских и мировых тенденций в искусстве, сохраняя при этом свою национальную специфику и самобытность.

Библиографический список

1. Әхмәдуллин А. Күнелләргә уятыр: Хәзерге татар драматургиясе. Казан: Мәгариф, 2007. 233 б.
2. Закиржанов Ә. Рухи таяныч. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 287 б.
3. Аминев В.Р. Национальные литературы республик Поволжья как «межлитературная общность» // Национальные литературы республик Поволжья (1980–2010 гг.): коллективная монография. Барнаул: ИГ «Си-пресс», 2012. С. 5–13.10. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Изд-во Советская Россия. 1979. 318 с.
4. Закиржанов Рухи таяныч. Казан: Татар. кит. нәшр., 2011. 287 б.11. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Пер. с фр. А. Качалова. М.: Постум, 2015. 238 с.
5. Ахмадуллин А.Г. Татарская драматургия: история и проблемы. Казань: Татар. кн. изд-во. 2012. 511 с.
6. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С.234-407.
7. Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. ТОМ I.: Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин. Изд-во «Александр», 1992. 248 с.
8. Ахмадуллин А.Г. Татарская драматургия: история и проблемы. Казань: Татар. кн. изд-во. 2012. 511 с.
9. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
10. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Изд-во Советская Россия. 1979. 318 с.
11. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / Пер. с фр. А. Качалова. М.: Постум, 2015. 238 с.
12. Иванова И.Н., Сазонова А.С. Поэтика фантастического пространства в киноповести И. Лагутенко и В. Авченко «Владивосток-3000» и романе Э. Веркина «остров сахалин. // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики № 4(55) 2024. С. 67/72.

13. Смышляев Е.А., Шолохов М.А. Мифологизация как вектор авторской стратегии в поэзии В.О. Кальпиди // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики № 1(48) 2023. С. 70-75.

14. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учеб.пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 244 с.

References

1. Akhmadullin A.G. At the Crossroads of Centuries. Kazan: Magarif Publishing House. 2007. 223 p.

2. Zakirzyanov A.M. Spiritual Support. Kazan: Tatar Book Publishing House. 2011. 287 p.

3. Amineva V.R. National Literatures of the Volga Region Republics as a "Interliterary Community" // National Literatures of the Volga Region Republics (1980–2010): A Collective Monograph. Barnaul: Si-Press Publishing House, 2012, pp. 5–13.

4. Zakirzyanov A.M. Spiritual Support. Kazan: Tatar Book Publishing House. 2011. 287 p.

5. Akhmadullin A.G. Tatar Drama: History and Problems. Kazan: Tatar Book Publishing House. 2012. 511 p.

6. Bakhtin M.M. Questions of literature and aesthetics. Moscow: Fiction, 1975. pp.234-407.

7. Lotman Yu.M. Selected articles in three volumes. VOLUME I: Articles on semiotics and topology of culture. Tallinn. Publishing House «Alexandra», 1992. 248 p.

8. Akhmadullin A.G. Tatar Drama: History and Problems. Kazan: Tatar Book Publishing House. 2012. 511 p.

9. Lotman Yu.M. The Structure of a Literary Text. Moscow: Iskusstvo, 1970. 384 p.

10. Bakhtin M. M. Problems of Dostoevsky's poetics. Moscow: Publishing House of Soviet Russia. 1979. 318 p.

11. Baudrillard J. Simulacra and Simulation / Translated from French by A. Kachalov. Moscow: Postum, 2015. 238 p.

12. Ivanova I.N., Sazonova A.S. The Poetics of Fantastic Space in the Film Story by I. Lagutenko and V. Avchenko "Vladivostok-3000" and the Novel by E. Verkin "Sakhalin Island. // Actual Issues of Modern Philology and Journalism No. 4(55) 2024S. 67/72.

13. Smyshlyaev E.A., Sholokhov M.A. Mythologization as a Vector of the Author's Strategy in the Poetry of V.O. Kalpidi // Actual Issues of Modern Philology and Journalism No. 1(48) 2023. Pp. 70-75.

14. Yesin A. B. Principles and Methods of Literary Analysis: Textbook. Moscow: Flinta: Nauka, 2007. 244 p.

ПИСАТЕЛИ-ЮБИЛЯРЫ: М.А. ШОЛОХОВ **JUBILEE WRITERS: M.A. SHOLOKHOV**

УДК 81

DOI 10.36622/2587-9510.2025.59.4.008

*Тюменский государственный университет
аспирант кафедры языкознания
и литературоведения
Яковлева О.И.
Россия, г. Тюмень,
тел. +7(912)079-37-92
e-mail: yakovleva.tmn@yandex.ru*

*Tyumen State University
postgraduate student of the Department
of Linguistics and Literary Studies,
Yakovleva O.I.
Russia, Tyumen,
tel. +7(912)079-37-92
e-mail: yakovleva.tmn@yandex.ru*

*Тюменский государственный университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры языкознания
и литературоведения
Кайзер-Данилова Н.В.
Россия, г. Тюмень,
тел. +7(904)887-73-60
e-mail: n.v.kajzer-danilova@utmn.ru*

*Tyumen State University
the Department of Linguistics and Liter-
ary Studies,
PhD, associate professor
Kajzer-Danilova N.V.
Russia, Tyumen,
tel. +7(904)887-73-60
e-mail: n.v.kajzer-danilova@utmn.ru*

О.И. Яковлева, Н.В. Кайзер-Данилова

АНТРОПОНИМИЯ РАССКАЗА «НАУКА НЕНАВИСТИ» М.А. ШОЛОХОВА

В статье предпринято многоаспектное изучение и системное описание антропонимии рассказа М.А. Шолохова «Наука ненависти», поскольку имена персонажей этого произведения ранее не становились объектом системного изучения. Цель работы заключается в системном описании антропонимии рассказа «Наука ненависти» М.А. Шолохова. Анализ литературных антропонимов позволяет заглянуть в художественную мастерскую писателя, выявить мотивы выбора языкового знака, приемы его интерпретации, передать скрытые смыслы, выступающие дополнительной характеристикой персонажей произведения. В работе используются различные классификации антропонимов по структурному, словообразовательному, семасиологическому и функциональному принципам, также выявляются морфологические особенности имен собственных. Авторы статьи убеждаются в уникальности антропонимии исследуемого текста, обнаруживают связи с другими художественными текстами как М.А. Шолохова, так и И.С. Тургенева, отмечают случаи, когда образ персонажа дополняется за счет сочетания этимологии и семантики нескольких компонентов антропонимической формулы. Смысловое наполнение фамилий героев рассказа «Наука ненависти» оказывается стилистически значимым, определяет роль персонажей в произведении. В результате исследования фамилий выявляется, что семантика фамилий персонажей обладает метафоричностью.

Ключевые слова: антропоним, поэтоним, язык художественного текста, М.А. Шолохов, «Наука ненависти».

O.I. Yakovleva, N.V. Kaiser-Danilova

ANTHROPONYMS IN THE STORY «THE SCIENCE OF HATE» BY M.A. SHOLOKHOV

The article presents a multidimensional study and systematic description of the anthroponymy of Mikhail Sholokhov's short story "The Science of Hatred," as the names of the characters in this work have not previously been the subject of systematic analysis. The purpose of this study is to provide a systematic description of the anthroponymy of Mikhail Sholokhov's short story "The Science of Hatred." The analysis of literary anthroponyms allows us to gain insight into the writer's artistic process, identify the motivations behind the choice of linguistic signs, and explore the techniques used to interpret them, thereby revealing hidden meanings that serve as additional characteristics of the characters in the work. The paper uses various classifications of anthroponyms based on structural, word-formational, semasiological, and functional principles, and identifies the morphological features of proper names. The authors of the article confirm the uniqueness of the anthroponymy in the studied text and identify connections with other literary works by both M.A. Sholokhov and I.S. Turgenev. They also note instances where the character's image is enhanced through

Keywords: anthroponym, poetonim, the language of artistic text, M.A. Sholokhov, «The Science of Hate».

Поэтонимы не только художественно воссоздают реальную картину жизни общества в описываемый период, но и предоставляют читателям и исследователям дополнительные ключи к раскрытию замысла произведения.

Антропонимия произведений классика отечественной литературы М.А. Шолохова достаточно глубоко исследована учёными. В.В. Громова, Н.К. Фролов, Н.В. Кайзер-Данилова, Е.Н. Лоскутова внесли существенный вклад в изучение антропонимов шолоховских художественных текстов. Это становится очевидным при рассмотрении библиографического описания поэтической антропонимии М.А. Шолохова [1]. Так, поэтонимосферы «Тихого Дона», «Поднятой целины», «Донских рассказов», «Судьбы человека» подвергались многоаспектному и системному анализу в диссертационных исследованиях и многочисленных научных статьях, тем временем предшественников в системном изучении антропонимии шолоховского рассказа «Наука ненависти» нами не зафиксировано.

Военная проза М.А. Шолохова включает рассказ «Наука ненависти», главы из романа «Они сражались за Родину» и рассказ «Судьба человека». Одним из авторов данной статьи уже описаны формулы именования персонажей военной прозы М.А. Шолохова [2]. Также нам удалось найти классификацию имен персонажей рассказа «Наука ненависти» в разделе «Алфавитный указатель персонажей» «Шолоховской энциклопедии», в которой персонажи разделены на две группы: поименованные и безымянные [3; с. 1133]. Но в указателе есть неточность – жена главного героя отнесена к безымянным персонажам, хотя у нее есть имя, что еще раз указывает на необходимость нашего исследования. Цель нашей работы заключается в системном описании антропонимии рассказа «Наука ненависти» М.А. Шолохова.

Рассказ «Наука ненависти» был опубликован 22 июня 1942 года в газете «Правда». В его основе – реальные события, происходившие с солдатами Юго-Западного фронта (сохранилось несколько страниц из фронтового блокнота Шолохова) [4; с. 339]. В произведении поднимается одна из непростых проблем военного времени – тема плена. Шолохов одним из первых заговорил о советском военном служащем в этом ключе. Солдаты Красной армии были наслышаны о жестокости врага, но только Шолохов, имея «живые» доказательства, смог мастерски переработать их в литературную форму. Мысли о судьбах попавших в плен защитников Родины не покинут писателя и после войны. С 1946 года он будет вынашивать идею рассказа «Судьба человека» (1956) [4; с. 366].

Под термином «антропоним» имеется в виду «антропоним поэтический», то есть «антропоним художественного произведения, который несет, кроме номинативной функции, стилистическую; может иметь социальную и идеологическую нагрузку, обычно служит характеристикой героя произведения» [5; с. 31]. «Антропоним поэтический» синонимичен «литературному антропониму», определяемому как «личное имя действующего лица, рассматриваемое с точки зрения выражения индивидуально-эмоциональной, психологической, типологической, социальной и других значимых характеристик» [6; с. 110].

Методом сплошной выборки выявляется материал исследования: 3 поименованных персонажа (*Виктор Герасимов, Надя, Гончар*), 4 реальных исторических лица, упомянутых в рассказе (*Гитлер, Стrogанов, Барков, Половинкин*), 1 групповой антропоним (*Герасимовы*).

Количество антропонимов объясняется небольшим объемом рассказа и сосредоточенностью писателя на образе главного героя.

Согласно словарю Н.В. Подольской «антропоним поэтический может относиться к категории вымышленных имен, но часто писателем используются и реально существующие антропонимы» [5; с. 31]. М.А. Шолохов как писатель-реалист выбирает имена собственные из существующего именника, поэтому в антропонимиконе отсутствуют окказионализмы.

Системный анализ антропонимии рассказа «Наука ненависти» подразумевает использование различных классификаций. Систематизация и классификация антропонимов описывается по структурному (формулы именования), словообразовательному, семасиологическому и функциональному принципу, также выявляются морфологические и фонетические особенности имен собственных.

В системе антропонимикона рассказа представлены личные имена собственные (*Виктор, Витя, Надя*) и фамилии (*Герасимов, Герасимовы, Гончар и др.*).

Тематика художественных текстов М.А. Шолохова находит свое отражение в системе имен персонажей. Если в прозе, иллюстрирующей быт донского казачества («Донские рассказы», «Тихий Дон», «Поднятая целина»), широко представлен мужской, женский и детский именник, то в текстах о Великой Отечественной войне (в том числе и в рассказе «Наука ненависти»), по понятным причинам, доминируют мужские антропонимы. Часто к фамильному имени персонажа присоединяется апеллятив, указывающий на его воинское звание: *лейтенант Герасимов, старшина Гончар*.

В антропонимическом пространстве рассказа «Наука ненависти» М.А. Шолохова встречаются только модели однокомпонентного («личное имя собственное» / «фамилия») именования персонажей.

При выборе вариантов антропонимической формулы М.А. Шолоховым учитываются степень родства и знакомства, социальная иерархия. В официально-деловой обстановке к персонажу обращаются по фамилии: «По пути забежал в райком партии. <...>. “Садись, Герасимов, – говорит мой секретарь, – перед дорогой посидим минутку по старому обычаю”» [4; с. 10-11]. Жена называет мужа сокращенным именем: «И вот уже поезд тронулся, а она идет рядом с моим вагоном, руку мою из своей не выпускает и быстро так говорит: “Смотри, Витя, береги себя, не простудись там, на фронте”» [4; с. 17].

В русском языке употребление полного имени по отношению к своим детям не принято, за исключением случаев, «когда таким образом достигается какая-то цель (выражается гнев, гордость или какие-то торжественные чувства)» [7; с. 112]. Подтверждение этому можно наблюдать в следующем эпизоде: «Ну на проводах, как полагается, жена и поплакала и напутствие сказала <...> Отец, тот, конечно, покрепче, но без наказа и тут не обошлось: «Смотри, – говорит, – Виктор, фамилия Герасимовых – это не простая фамилия» [4; с. 10]. Следовательно, применение различных вариантов именования главного героя используется писателем еще и для создания эмоциональных оттенков.

Фонетические особенности антропонимов в исследуемом произведении не фиксируются. Это объясняется общерусской направленностью рассказа и «потребностью современности: вдохновить бойцов на ненависть и месть захватчикам, на упорное сопротивление» [3; с. 499]. Рассказ нужен был «здесь и сейчас», поэтому писатель не уделял большое внимание разработке сложной фонетической системы. Например, известно, что лейтенант Герасимов родом из Западной Сибири, но ни в его фамилии (финали -их/-ых относятся к типично сибирскими [Цит. по: 8, с. 114]), ни в его речи не проявляются фонетические особенности сибиряков (оканье, долгие твердые «ж», «ш» и др.).

Формообразование фамильных имён собственных рассказа находится в рамках реальных национальных антропонимических систем и отличается стереотипностью: русской – *Герасимов (финаль -ов)*, украинской – *Гончар (отсутствие фамильного форманта)*.

В прозе М.А. Шолохова наряду с *полными* календарными личными именами собственными (*Виктор*) мы находим примеры их *гипокористических*, или *сокращенных форм* (*Витя*, *Надя*).

Сокращенная форма личного имени собственного образуется путем присоединения к усеченной основе, оканчивающейся на гласный, финали -ТЯ (*Витя* – Ви-ктор) или путем присоединения к усеченной основе, оканчивающейся на согласный, финали -Я (*Надя* – Надежда).

Поэтические антропонимы являются важным смыслообразующим элементом в ономастической системе не только определённого текста, но и всего творчества писателя [9; с. 56]. При выборе антропонимов М.А. Шолохов ориентировался на этимологию личных имён собственных, которую можно обнаружить в церковных календарях. О том, что в процессе работы над антропонимическим пространством писатель использовал элементы православной культуры, свидетельствуют работы многих исследователей [10; 11; 12; 13].

В произведениях на военную тематику («Они сражались за Родину» и «Судьба человека») М.А. Шолохов подбирает героям имена собственные, содержащие семы «победа», «защита», «мужество»: *Николай* (греч. «победоносный»), *Никифоров* (← *Никифор* – греч. «победитель, победоносец»), *Александр* (греч. «защитник людей»), *Андрей* (греч. «мужественный»). Не стало исключением и личное имя собственное главного персонажа рассказа «Наука ненависти» – *Виктор* (лат. «победитель»). Этот факт указывает на то, что автор знаком с церковным месяцесловом.

Этимология личного имени собственного помогает понять роль, отводимую писателем тому или иному персонажу в ряду других, и его функциональную роль в раскрытии сюжета. В военной прозе М.А. Шолохова используются антропонимы с богатым ассоциативным полем. С.А. Ефремовым [11; с. 222] и Н.К. Фроловым [12; с. 184] отмечалось, что имена главных героев рассказа «Судьба человека» являются именами-антиподами: мужское ↔ женское, война ↔ мир, *Андрей* (греч. «мужественный, храбрый») ↔ *Ирина* («мир, покой»). В «Науке ненависти» этот смысловой ряд продолжают личные имена супругов Герасимовых: *Виктор* (лат. «победитель») ↔ *Надежда* (калька греч. Ελπίς «надежда») [14; с. 203]. Провожая мужа на фронт, Надежда говорит: «Защищай родину и нас крепко. Если понадобится – жизнь отдай, а чтобы победа была нашей» [4; с. 10]. Виктор отвечает: «Я сам большой, а что касается победы, так мы ее у фашистов вместе с горлом вынем, не беспокойся!» [4; с. 10]. Из наших наблюдений следует, что параллель между рассказами «Судьба человека» и «Наука ненависти» прослеживается не только в композиции и сюжете, как написано в статье Е.О. Шацкого [3; с. 501], но и в антропонимиконах рассказов.

Антропонимические пары рассказов «Судьба человека» и «Наука ненависти» помогают раскрыть писательский замысел. Если этимология личных имен собственных мужских персонажей отражает качества солдата, необходимые для победы (*Андрей* – греч. «мужественный» и *Виктор* – лат. «победитель»), то этимология личных имен собственных жен этих героев противопоставлена семантическому полю «война» (*Ирина* – греч. «мир, спокойствие», «богиня мирной жизни»; *Надежда* (← Ελπίς греч. «надежда»). Эти антропонимы являются именами-антиподами: мужское ↔ женское, война ↔ мир.

Фамилия *Герасимов* происходит от христианского имени *Герасим* (из греч. *Герасимос*: *герарос* почтенный, *герасмиос* почетный: *герас* почать) [15; с. 154]. Семантика фамилии имплицитно указывает на почтенный род *Герасимовых*, а также помогает понять позицию автора – побывавший в плену русский солдат не должен преследоваться властью страны, он должен быть в почете, так как является защитником Родины.

Таким образом, семантика имени главного героя дополняется семантикой его фамилии. Великая Отечественная война стала самым суровым испытанием советского народа. Благородство, сила духа, способность побеждать в самых трудных и неравных схватках – всё это присуще русскому солдату и находит отражение в образе *Герасимова Виктора*, «достойного уважения победителя» (*Виктор* – латинское «победитель»).

Ассоциативные связи между личным именем собственным и образом персонажа могут быть лингвистическими, основанными на этимологии антропонима: *Виктор* – лат. *victor* «победитель», и внелингвистическими, базирующимися на фоновых знаниях, общекультурной информации: *Виктор Дамасский* (II век), *Виктор Никомидийский* (IV век), *Виктор Марсельский* (III век), *Виктор Римский* (I век), *Виктор Халкидонский* (III век). Все эти люди были воинами, христианскими святыми мучениками. *Виктор Герасимов*, будучи военнопленным, подвергся различным истязаниям и мучениям, описание которых мы находим на страницах «Науки ненависти».

Все они в художественной прозе семантически наполнены, но мотивированы по-разному. С семантикой антропонима непосредственно связана функция индивидуальной характеристики, которая может проявляться в нескольких вариантах: функция прямой характеристики и функция косвенной характеристики.

«На войне деревья, как и люди, имеют каждое свою судьбу», – с этих слов начинается рассказ «Наука ненависти» [4; с. 7]. М.А. Шолохов сравнивает судьбу человека на войне с разными деревьями: сосны срезаются огнем артиллерии, расщепляются снарядами, береза может чудом уцелеть, но будет «изранена осколками», пораженный снарядом дуб расщепляется на две части – одна часть иссыхает, а вторая, «пригнутая разрывом к воде», оживает и покрывается молодой листвой. Но не только с деревьями писатель сравнивает судьбы людей. Скрытое сравнение с материалами обнаруживается в семантике фамилий персонажей. Так, фамилия эпизодического персонажа *Гончар* происходит от профессии (*гончар* – *мастер по изготовлению глиняной и керамической посуды*). Судьба персонажа оказывается хрупкой, как и изделия, которые изготавливает гончар. Персонаж оказался слабым духом, не способным справиться с испытанием голодом: «Мы шли через картофельное поле. Старшина, по фамилии *Гончар*, украинец по национальности, поднял эту проклятую картофелину и хотел спрятать её. Унтер заметил. Ни слова не говоря, он подошёл к *Гончару* и выстрелил ему в затылок» [4; с. 23-24]. Здесь реализуется функция прямой характеристики персонажа.

Выживший в мясорубке немецкого плена главный герой выступает антиподом *Гончару*. Он находит силы сбежать оттуда и продолжить воевать: «...не хотел я умирать, воля к сопротивлению была сильна. Я должен был вернуться в строй бойцов за Родину, и я вернулся, чтобы мстить врагам до конца!» [4; с. 20]. Функция косвенной характеристики обусловлена общезыковыми и общекультурными ассоциациями, которые связаны с именем в языковом сознании большинства носителей языка. *Герасимов* родом из династии металлургов. В Советском Союзе представители рабочего класса пользовались уважением и почётом: «...фамилия *Герасимовых* – это не простая фамилия. Ты – *потомственный* рабочий; прадед твой ещё у *Строганова* работал; наша фамилия сотни лет железо для родины делала, и чтобы ты на этой войне был железным» [4; с. 10].

Несмотря на то, что главный герой рассказа остался жив, он уже не будет прежним, война оставила свой отпечаток на его судьбе: «А я впервые заметил, что у этого тридцатидвухлетнего лейтенанта, надломленного пережитыми лишениями, но все еще сильного и крепкого, как дуб, ослепительно белые от седины виски» [4; с. 26]. Похожую мысль мы находим в романе «Тихий Дон», она вложена в слова Бунчука: «Я крепок... Ты не думай, что есть люди из железа. Все мы из одного материала литы... В жизни нет таких, которые не боются на войне, и таких, кто бы, убивая людей, не носил... не был нравственно исцарапанным» [16; с. 371].

В рассказе «Наука ненависти» М.А. Шолохова представлены имена собственные четырёх исторических лиц: *Гитлер*, *Строганов* (знаменитый промышленник в дореволюционной России), *Барков* и *Половинкин* (советские географы). Несмотря на то, что автор в конструировании этих антропонимов не участвует, он окружает их определенным контекстом: «Мы-то тоже к сорок первому году были не лыком шиты. <...>, но никогда не думал, что придётся воевать с такой бессовестной сволочью, какой оказалась армия *Гитлера*» [4; с. 12], «...кругом валялись залитые кровью ученические тетради и учебники <...>, а я стоял и, пом-

ню, как иступленный, шептал: “*Барков, Половинкин. Физическая география. Учебник для неполной средней и средней школы*”. Это я прочитал на одном из учебников, валявшихся там же, в траве, а учебник этот мне знаком. Моя дочь тоже училась в пятом классе» [4; с. 13]. Данные имена вводятся автором в текст рассказа с целью достоверного отражения эпохи.

Реминисцентная функция связана с отсылкой к объекту исторической или художественной реальности за счёт совпадения с именем собственным этого объекта. Реминисценциями могут стать имена персонажей, ставшие символами. Так, фамилия центрального персонажа созвучна с именем главного героя рассказа «Муму» И.С. Тургенева, но на этом сходство не заканчивается. Оба героя сильны физически. *Герасим* И.С. Тургенева «считался едва ли не самым исправным тягловым мужиком. Одаренный необычайной силой, он работал за четверых – дело спорилось в его руках» [17; с. 246]. «Силища у него лошадиная...», – такую характеристику дает своему герою М.А. Шолохов [4; с. 9], сам герой рассказывает о себе следующее: «До войны, когда я еще не был механиком, а работал грузчиком на Каме, я на разгрузке носил по два куля соли, в каждом – по центнеру. Силенка была, не жаловался...» [4; с. 20]. Внешнее сходство героев тоже присутствует: *Герасим* – «мужчина двенадцати вершков роста, сложенный богатырем» [17; с. 246], *Герасимов* – «высокий, немного сутулый, с приподнятыми, как у коршуна, широкими плечами» [4; с. 8]. Как известно, *Герасим* был глухонемым, шолоховский герой тоже не обладает многословностью: «...он привык сидеть вот так, скрестив пальцы, часами молчать и тягостно, бесплодно думать...» [4; с. 23].

Эти персонажи похожи еще и тем, что их тонкое восприятие мира контрастирует с их внешним видом. Таким видит рассказчик лейтенанта *Герасимова*: «Он говорил надтреснутым баском, изредка скреживая крупные узловатые пальцы рук, и странно не вязался с его сильной фигурой, с энергическим, мужественным лицом этот жест, так красноречиво передающий безмолвное горе или глубокое и тягостное раздумье» [4; с. 8]. Большому и могучему *Герасиму*, всем сердцем полюбившему маленькую Муму, не нашлось места в мире городских жителей. Предав друга, но исполнив приказ барыни, с глубоким шрамом на сердце герой возвращается в деревню.

Прослеживаются параллели и в судьбах героев. В финалах рассказов представлены герои, изменившиеся вследствие трагических событий: «...здоров и могуч по-прежнему, и работает за четырех по-прежнему, и по-прежнему важен и степенен. Но соседи заметили, что со времени своего возвращения из Москвы он совсем перестал водиться с женщинами, даже не глядит на них, и ни одной собаки у себя не держит» [17; с. 272], «...а я впервые заметил, что у этого тридцатидвухлетнего лейтенанта, надломленного пережитыми лишениями, но все еще сильного и крепкого, как дуб, ослепительно белые от седины виски» [4; с. 26].

По мнению Г.Ф. Ковалева, выбор имени персонажа обуславливается авторским сознанием, значением онима, системностью имени и хронотопа [18; с. 11-12]. В рассказе «Наука ненависти» находим соответствие всему перечисленному. Таким образом, с помощью исследования антропонимов в произведении обнаруживаются образы персонажей других писателей, мотивы их творчества, прослеживается связь с биографией автора. Смысловое наполнение антропонимов шолоховских героев характеризует внутренний мир персонажей, определяет их роль в произведении. В большей степени писатель опирается на этимологию и функциональные особенности антропонимов. Исследование антропонимии художественного текста позволяет увидеть особенности идиостиля и оценить уровень мастерства писателя.

Библиографический список

1. Кайзер-Данилова Н.В., Яковлева О.И. Поэтическая антропонимия М.А. Шолохова (библиографическое описание) // Мир Шолохова. 2022. № 2(18). С. 162-168.
2. Яковлева О.И. Формулы именования персонажей М.А. Шолохова в прозе о Великой Отечественной войне // Ономастический вестник. 2025. № 4(4). С. 86-93.

3. Шолоховская энциклопедия / Гл. ред. Ю.А. Дворяшин. Москва: Синергия, 2012. 1215 с.
4. Шолохов М.А. Собрание сочинений. В 10 томах. Том 8. Наука ненависти. Они сражались за Родину. Судьба человека. Москва: Советский писатель, 2005. 512 с.
5. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А.В. Суперанская. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Наука, 1988. 192 с.
6. Скуридина С.А. Специфика терминологии литературной ономастики // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 1(36). С. 105-117.
7. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Москва: Русские словари, 1996. 412 с.
8. Данилова Н.В. Семантико-функциональная структура антропонимии в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон»: специальность 10.02.01 Русский язык: дис. канд. филол. наук. Тюмень, 2002. 248 с.
9. Фоякова О.И. Имя собственное в художественном тексте: учебное пособие. Ленинград: ЛГУ, 1990. 104 с.
10. Данилова Н.В. Проблемы мотивации и семантизации антропонимов в романе-эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. Воронеж: ВГУ, 2005. №2. С. 7-10.
11. Фролов Н.К. Судьба человека – имя и образ // Шолоховские чтения: сборник научных трудов. Москва: МГОПУ, 2005. С. 182-184.
12. Ефремов С.А. Имена и судьбы в рассказе М.А. Шолохова «Судьба человека» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. Тверь: ТВГУ, 2013. Вып. 2. С. 218-225.
13. Яковлева О.И., Скуридина С.А. Семантический потенциал антропонимов романа М.А. Шолохова «Они сражались за Родину» // Неофилология. 2025. Т. 11. № 4. С. 844-854.
14. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен: более 3000 единиц. Москва: Русские словари: Астрель: АСТ, 2005. 477 с.
15. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М.: Изд-во Эксмо, 2004. 544 с.
16. Шолохов М.А. Собрание сочинений. В 10 томах. Том 3. Тихий Дон. Роман в четырех книгах. Книга вторая. Москва: Советский писатель, 2003. 624 с.
17. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. В 30 томах. Том 4. М.: Наука, 1980. 687 с.
18. Ковалев Г.Ф. Хронотоп и автобиографизм, как они понимаются в литературной ономастике // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2017. № 3 (26). с. 10-21.

References

- 1.Kaiser-Danilova N.V., Yakovleva O.I. Poetic Anthroponymy of M.A. Sholokhov (bibliographic description) // Sholokhov's World. 2022. No. 2(18). Pp. 162-168.
- 2.Yakovleva O. I. Formulas for Naming Characters in M.A. Sholokhov's Prose about the Great Patriotic War // Onomastic Bulletin. 2025. No. 4(4). Pp. 86-93.
- 3.Sholokhov Encyclopedia / Ed. by Yu.A. Dvoryashin. Moscow: Synergy, 2012. 1215 p.
- 4.Sholokhov, M.A. Collected Works. In 10 volumes. Volume 8. The Science of Hatred. They Fought for Their Motherland. The Fate of a Man. Moscow: Sovetsky Pisatel, 2005. 512 p.
- 5.Podolskaya N.V. Slovar russkoi onomasticheskoi terminologii / отв. ред. А.В. Суперанская. 2nd ed., revised. and added. Moscow: Nauka, 1988. 192 p.
- 6.Skuridina S.A. Specifics of the Terminology of Literary Onomastics // Actual Issues of Modern Philology and Journalism. 2020. No. 1(36). Pp. 105-117.
- 7.Wierzbicka A. Language. Culture. Cognition. Moscow: Russkiye Slovarei, 1996. 412 p.

8. Danilova N.V. Semantic and Functional Structure of Anthroponymy in M.A. Sholokhov's Novel "The Quiet Don": Speciality 10.02.01 Russian Language: PhD Dissertation. Tyumen, 2002. 248 p.
9. Fonyakova O.I. Proper Names in Literary Texts: A Study Guide. Leningrad: Leningrad State University, 1990. 104 p.
10. Danilova N.V. Problems of Motivation and Semantization of Anthroponyms in M.A. Sholokhov's Epic Novel "The Quiet Don" // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. Voronezh: VSU, 2005. No. 2. Pp. 7-10.
11. Frolov N.K. The Fate of a Person - Name and Image // Sholokhov Readings: Collection of Scientific Papers. Moscow: MGOPU, 2005. Pp. 182-184.
12. Efremov S.A. Names and Destinies in M.A. Sholokhov's Story "The Fate of a Man" // Bulletin of Tver State University. Series: Philology. Tver: TVSU, 2013. Issue 2. Pp. 218-225.
13. Yakovleva O.I., Skuridina S.A. Semantic potential of anthroponyms in M.A. Sholokhov's novel "They Fought for the Motherland" // Neofilologiya. 2025. Vol. 11. No. 4. Pp. 844-854.
14. Petrovsky, N.A. Dictionary of Russian Personal Names: More than 3,000 Entries. Moscow: Russian Dictionaries: Astrel: AST, 2005. 477 p.
15. Superanskaya, A.V. Dictionary of Russian Personal Names. M.: Eksmo, 2004. 544 p.
16. Sholokhov, M.A. Collected Works. In 10 volumes. Volume 3. The Quiet Don. A novel in four books. Book two. Moscow: Sovetsky Pisatel, 2003. 624 p.
17. Turgenev, I.S. Complete Works and Letters. In 30 volumes. Volume 4. Moscow: Nauka, 1980. 687 p.
18. Kovalev, G.F. Chronotope and Autobiography as They Are Understood in Literary Onomastics // Actual Issues of Modern Philology and Journalism. 2017. No. 3 (26). pp. 10-21.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 808.51

DOI 10.36622/2587-9510.2025.59.4.009

*Московский международный университет
канд. филол. наук, доцент кафедры рекламы
и связей с общественностью
Самойленко Н. С.
Россия, г. Москва, +7(960)113-89-80
e-mail: samoilenkons@gmail.com*

*Moscow International University Department of
Advertising and Public Relations
PhD
Samoilenko N. S.
Russia, Moscow, +7(960)113-89-80
e-mail: samoilenkons@gmail.com*

*Воронежский государственный технический
университет
канд. филол. наук, доцент кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации
Сухова К.И.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(950)778-42-24
e-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
PhD in Philology, Associate Professor of the
Department of Russian Language and Intercul-
tural Communication
K.I. Sukhova
Russia, Voronezh, tel. +7(950)778-42-24 e-mail:
ksyu.kushnir.93@mail.ru*

Н.С. Самойленко, К.И. Сухова

РАЗРАБОТКА ПРАКТИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ЭТИКЕТА В УСЛОВИЯХ УДАЛЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В условиях стремительного развития цифровых технологий и расширения практики дистанционного взаимодействия вопросы делового общения приобретают особую значимость. Настоящее исследование посвящено изучению особенностей коммуникативного этикета в IT-компаниях, функционирующих в формате удалённой занятости. Цель работы заключается в разработке практических рекомендаций по совершенствованию культуры онлайн-коммуникации и организации деловых встреч. Эмпирическую базу исследования составили результаты серии углублённых интервью с десятью специалистами из России и Республики Беларусь, участвующими в процессах корпоративного взаимодействия. На основе анализа полученных данных и ранее проведённого исследования были уточнены принципы эффективного ведения онлайн-совещаний, предложены стандарты подготовки, проведения и завершения встреч, направленные на оптимизацию деловой коммуникации и повышение продуктивности командной работы. Разработанные рекомендации способствуют формированию единого этического и организационного подхода к коммуникации, сокращению неэффективных форм взаимодействия, укреплению корпоративной культуры и повышению прозрачности профессионального общения. Результаты исследования представляют практическую ценность для компаний, активно использующих цифровые технологии, и могут быть применены при разработке внутренних регламентов, программ корпоративного обучения и систем развития soft skills сотрудников.

Ключевые слова: цифровая коммуникация, удалённая работа, деловое общение, IT-индустрия, видеоконференции, профессиональный этикет, мягкие навыки.

N.S. Samoilenko, K.I. Sukhova

DEVELOPMENT OF PRACTICAL RECOMMENDATIONS FOR IMPROVING COMMUNICATION ETIQUETTE IN REMOTE INTERACTION

In the context of rapid digital transformation and the growing adoption of remote interaction, the issues of busi-

ness communication have become increasingly significant. This study focuses on the features of communication etiquette in IT companies operating under remote employment conditions. The aim of the research is to develop practical recommendations for improving the culture of online communication and the organization of business meetings. The empirical basis of the study consists of a series of in-depth interviews with ten specialists from Russia and the Republic of Belarus involved in corporate communication processes. Based on the analysis of the collected data and previous research, the study clarifies the principles of effective online meetings and proposes standards for their preparation, conduct, and completion, aimed at optimizing business communication and enhancing team productivity. The developed recommendations contribute to the formation of a unified ethical and organizational approach to communication, the reduction of ineffective interactions, the strengthening of corporate culture, and the improvement of transparency in professional collaboration. The findings of this study have practical value for IT companies actively using digital technologies and can be applied in the development of internal regulations, corporate training programs, and systems for enhancing employees' soft skills.

Keywords: digital communication, remote work, business interaction, IT industry, video conferencing, professional etiquette, soft skills.

Сегодня, когда интернет-пространство стало неотъемлемой частью жизни современного социума, предсказуемым следствием является использование дистанционного формата в качестве формы организации образовательной и трудовой деятельности, затрагивающей частичную или полную формы занятости. В настоящее время одним из основных инструментов профессионального взаимодействия выступает онлайн-коммуникация. Вопросы делового этикета, культуры речевого поведения и коммуникативных компетенций находятся в центре внимания многих исследователей, поскольку отражают тенденции развития общественного взаимодействия, что особенно важно в условиях стремительно развивающейся цифровой среды. Здесь выделим работы Е.О. и Н.А. Кузьминых [1], Н.Б. Бугаковой, Ю.С. Поповой, О.В. Сулеминой [2], К.И. Суховой, Е.Н. Карташовой, С.А. Скуридиной, Е.О. Кузьминых [3], В.И. Гвазава [4], Т.Г. Анистраненко [5], и др.

Так, вопросы культуры речевого поведения и коммуникативного этикета востребованы современной наукой и остаются актуальными на протяжении многих лет. Кроме того, отметим, что сегодня цифровая среда оказывает большое влияние на функционирование делового общения: необходимость освоения новых платформ и соответствующих инструментов способствует формированию специфических норм коммуникации в онлайн-среде.

Настоящее исследование продолжает работу «Особенности коммуникативного этикета в IT-компаниях с применением технологий удалённого взаимодействия» [6], в рамках которой было выявлено, что специфические черты профессионального общения IT-специалистов относятся к категории так называемых «мягких навыков» (от англ. soft skills). Данная работа развивает предыдущее исследование, основываясь на его результатах, и направлена на создание практических рекомендаций по совершенствованию коммуникативного этикета в условиях удалённого взаимодействия.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью формулирования конкретных практических рекомендаций, способствующих совершенствованию коммуникативного этикета в условиях удалённого взаимодействия. Эмпирическая база данной работы представлена образцами коммуникативных процессов внутри компаний, использующих технические средства для удаленного взаимодействия.

Методологической основой изучения послужило проведение серии углубленных интервью с семью специалистами из России, тремя из Республики Беларусь, направленных на формирование конкретных практических рекомендаций для улучшения коммуникативных процессов внутри компании.

В предыдущей работе «Особенности коммуникативного этикета в IT-компаниях с применением технологий удалённого взаимодействия» были выявлены основные рекомендации по ведению видеоконференций в среде IT компаний, к которым относятся следующие:

1. Использование видеокамер.
2. Выключение микрофона при отсутствии речи.
3. Минимизация отвлечений заднего фона.

4. Отсутствие посторонних лиц в поле зрения камеры.
5. Обеспечение понимания всеми участниками используемого языка.
6. Привлечение внимания собеседников посредством «поднятия руки».
7. Четкое придерживание установленных временных рамок.
8. Отправка резюме встречи.
9. 9. Готовность к записи встречи.
10. Отключение уведомлений на персональном компьютере.
11. Использование адекватного оборудования для видео и аудио.

Анализ результатов предыдущего исследования, а также серия углублённых интервью со специалистами, ответственными за бизнес-коммуникационные процессы внутри компаний, позволили в рамках настоящей работы сформулировать практические рекомендации по совершенствованию организации и культуры проведения деловых встреч.

Предлагаемые стандарты могут рассматриваться как базовые принципы делового взаимодействия, направленные на повышение эффективности коммуникации, оптимизацию времени и улучшение командной продуктивности.

Рекомендации даны в виде законченного документа, разъяснительные комментарии приведены в виде сносок.

1. Перед назначением совещания необходимо

- Определить чёткую цель, задачи и повестку встречи.
- Заранее определить ключевых участников, принимающих решения.
- Проверить расписание и занятость участников.
- По возможности предоставить материалы для предварительного ознакомления.
- Планировать встречи продолжительностью 25 или 55 минут с целью обеспечения перерывов между сессиями.

● Пригласить только тех, чьё участие действительно необходимо, ограничивая количество необязательных присутствующих. При отсутствии чёткой цели или повестки участник вправе отклонить приглашение на встречу.

2. Во время совещания необходимо

- Назначить ответственного за ведение заметок.
- Начинать встречу с обзора цели и повестки совещания.
- По возможности включать камеры, если нет уважительных причин этого не делать (например, при встрече с очень большим количеством участников).
- Участникам приходиться вовремя — регулярные опоздания снижают эффективность работы команды.

● Завершать встречи вовремя. Избегать неплановых продлений; при необходимости назначать отдельное продолжение обсуждения.

● Соблюдать структуру встречи, оставляя место для дискуссий; по возможности ограничивать время, отводимое на отдельные пункты повестки.

● Обеспечивать возможность каждому участнику внести вклад в достижение целей встречи.

● В завершение подвести итоги, обозначить результаты и дальнейшие шаги.

● При желании завершить встречу коротким обсуждением преимуществ и замечаний, с целью конструктивного подведения итогов (также в асинхронном формате после завершения основной встречи).

● Покинуть встречу, если участие в данной видеоконференции не предполагает активного вклада или не приносит пользы.

*Цели и задачи отправляются текстовым сообщением вместе с приглашением на встречу Программное обеспечение для организации встреч позволяет **отмечать участников как обязательных** — без которых достижение целей встречи невозможно, и **опциональных**, чьё присутствие не является обязательным. Современное программное обеспечение для прове-

дения онлайн-встреч (например, Пачка, Microsoft Teams и др.) позволяет отображать в виде таблицы свободные и занятые временные слоты сотрудников, что упрощает планирование встреч и предотвращает конфликты в расписании. В современных условиях активно тестируются инструменты с использованием искусственного интеллекта, которые позволяют сформулировать краткое резюме встречи на основе расшифровки переговоров. Подразумевается использование иллюстративного материала, презентаций, демонстрации экрана. В случае опоздания необходимо уведомить участников встречи с помощью сообщения в чат встречи. В большинстве случаев задержка встречи означает, что участники встречи могут опоздать на следующую. В случае если участников более 4-х необходимо использовать возможность “поднять руку”, чтобы высказать позицию по обсуждаемому вопросу.

3. После совещания важно

- При необходимости соберите обратную связь для повышения качества будущих встреч.

- Разместить заметки и список действий в общем рабочем пространстве или командном чате, где это уместно и не способствует отвлечению других сотрудников.

- Назначить ответственных исполнителей и установите сроки выполнения; при необходимости согласовать формат последующих шагов.

Дополнительные рекомендации

Определенное время должно быть объявлено как время без встреч. Например, вторая половина дня во вторник — время без встреч.

Планируйте в календаре время для глубокой работы и обеденного перерыва, обозначая это соответствующим статусом.

Перед назначением совещания задайте себе вопрос: «Действительно ли оно необходимо?». Возможно, поставленные цели можно решить другими способами, например, с помощью короткого сообщения или совместной работы в документе.

Проведённое исследование подтвердило, что процессы цифровизации и перехода к удалённым форматам работы существенно трансформировали деловое общение в IT-сфере, сделав онлайн-коммуникацию неотъемлемой частью профессиональной деятельности. Анализ теоретических источников и эмпирических данных показал, что эффективность коммуникации в удалённой среде во многом определяется уровнем сформированности коммуникативного этикета и развитостью soft skills специалистов.

Результаты серии углублённых интервью со специалистами, ответственными за внутренние бизнес-коммуникации, позволили уточнить и конкретизировать требования к профессиональному поведению в цифровом пространстве, а также выявить ключевые проблемы и зоны роста. На основе этих данных были разработаны практические рекомендации, направленные на оптимизацию структуры и содержания деловых совещаний, формирование устойчивой культуры онлайн-взаимодействия и повышение общей продуктивности команд.

Внедрение предложенных стандартов способствует:

- 1) формированию единого этического и организационного подхода к проведению встреч;

- 2) сокращению неэффективных коммуникаций и потери времени;

- 3) укреплению корпоративной культуры в условиях дистанционной занятости;

- 4) повышению прозрачности и результативности совместной работы.

Таким образом, представленное исследование не только развивает предыдущие теоретические положения о специфике коммуникативного этикета в IT-компаниях, но и предлагает практические инструменты, применение которых может повысить качество делового взаимодействия и адаптивность профессионального общения в условиях удалённой работы.

Библиографический список

1. Кузьминых Е.О., Кузьминых Н.А. Лингвистические особенности чат-коммуникации (на материале сообщений в социальной сети вконтакте). / Е.О. Кузьминых, Н.А. Кузьминых. // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы IV Международной научной конференции. Отв. редактор С.А. Скуридина. Воронеж, 2023. С. 277-282.
2. Бугакова Н.Б., Попова Ю.С., Сулемина О.В. Из опыта онлайн-преподавания РКИ на начальном этапе в Воронежском государственном техническом университете. / Н.Б. Бугакова, Ю.С. Попова, О.В. Сулемина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Воронеж, 2022. № 1 (44). С. 44-48.
3. Сухова К.И., Карташова Е.Н., Скуридина С.А., Кузьминых Е.О. Русский язык и культура делового общения. Практикум. Электронный ресурс / Воронеж, 2024.
4. Гвазава В.И. Коммуникативная компетентность специалиста сервиса / В.И. Гвазава // Записки Горного института, 2011. Т. 193. С. 111-114.
5. Анистратенко Т.Г. Специфика и деловые стандарты общения в бизнескоммуникации. / Т.Г. Анистратенко // Гуманитарий Юга России, 2019. Т. 8. № 6. С. 114-125.
6. Самойленко Н.С., Сухова К.И. Особенности коммуникативного этикета в IT-компаниях с применением технологий удалённого взаимодействия / Н.С. Самойленко, К.И. Сухова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. Воронеж, 2025. № 3 (58). С. 201-206.

References

1. Kuzminykh E.O., Kuzminykh N.A. Linguistic Features of Chat Communication (Based on Messages on the VKontakte Social Network). / E.O. Kuzminykh, N.A. Kuzminykh. // Linguocultural Universals in the Global Space. Proceedings of the IV International Scientific Conference. Editor-in-Chief S.A. Skuridina. Voronezh, 2023. Pp. 277-282.
2. Bugakova N.B., Popova Yu.S., Sulemina O.V. From the Experience of Online Teaching Russian as a Foreign Language at the Initial Stage at Voronezh State Technical University. / N.B. Bugakova, Yu.S. Popova, O.V. Sulemina // Current Issues in Modern Philology and Journalism. Voronezh, 2022. No. 1 (44). Pp. 44-48.
3. Sukhova K.I., Kartashova E.N., Skuridina S.A., Kuzminykh E.O. Russian language and culture of business communication. Workshop. Electronic resource / Voronezh, 2024.
4. Gvazava V.I. Communicative competence of a service specialist / V.I. Gvazava // Notes of the Mining Institute, 2011. Vol. 193. Pp. 111-114.
5. Anistratenko T.G. Specificity and business standards of communication in business communications. / T.G. Anistratenko // Humanitarian of the South of Russia, 2019. Vol. 8. No. 6. Pp. 114-125.
6. Samoylenko N.S., Sukhova K.I. Features of communicative etiquette in IT companies using remote interaction technologies / N.S. Samoylenko, K.I. Sukhova // Current issues of modern philology and journalism. Voronezh, 2025. No. 3 (58). P. 201-206.

УДК 811.161.1+81'282

DOI 10.36622/2587-9510.2025.59.4.010

*Воронежский государственный
технический университет
канд. филол. наук, доцент кафедры русско-
го языка и межкультурной коммуникации
Недоступова Л.В.
Россия, Воронеж, 9204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and Intercul-
tural communication
PhD, associate professor
Nedostupova L.V.
Russia, Voronezh, 9204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

Л.В. Недоступова

ОРИГИНАЛЬНОСТЬ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ XXI ВЕКА: ФОНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Настоящая работа посвящена демонстрации качеств говоров Чернозёмной зоны. Объектом статьи становится живая речь деревенских жителей. Предметом изыскания выступают фонетические черты диалектоносителей. Цель исследования состоит в определении особенностей, составляющих оригинальный портрет речи представителей сельского социума Воронежского края XXI века. Изучение характеристик происходит на полевом материале посредством методов: интервьюирования, стационарного наблюдения, описания и анализа. В процессе подготовки научного сочинения установлены 33 качества русских говоров Воронежской области: ассимилятивно-диссимилятивное яканье; сильное аканье; сохранение *е, не перешедшего в [’о]; переход *е в [’о]; иканье; переход [а] в [о]; утрата гласного в начале слова и его возникновение; появление гласного между согласными; ассимиляция гласных; диссимиляция гласных; фрикативный γ; йотация; выпадение согласного [в] и его появление; возникновение вставного согласного; использование долгих твёрдых и долгих мягких согласных; регулярное изменение [к’] в [т’]; прогрессивная ассимиляция заднеязычного [к]; полная ассимиляция согласного; диссимиляция согласного по способу образования; оглушение глухих согласных; замены: [г] на [и] в начале слова, [х], [хв] на месте [ф]; различающиеся [ц] и [ч]; утрата начального согласного; удлинение основы слова; эпитеза; упрощение групп согласных, некоторых согласных или гласных; слова с неполногласием; метатеза; ударение, отличное от литературного языка и др. Заключение, что житель воронежского села, являясь носителем говора, в процессе коммуникации создаёт оригинальный речевой продукт. Он сочетает в себе ярко выраженные черты южнорусских говоров, а также элементы литературного языка, просторечные и разговорные слова. Уровень их присутствия в речи сельского жителя различен: чем старше носитель народного языка, тем чётче в его речи проявляются диалектные особенности. Жизненный уклад социума и образ мыслей позволяют селянину иначе ословливать действительность в существующих реалиях и творчески рисовать свою картину мира.

Ключевые слова: лингвокреативность, речевой портрет, селяне, диалектный дискурс, фонетические особенности, русские говоры.

L.V. Nedostupova

THE ORIGINALITY OF THE SPEECH PORTRAIT OF RURAL RESIDENTS OF VORONEZH REGION IN THE 21ST CENTURY: PHONETIC ASPECT

This work is devoted to demonstrating the qualities of the dialects of the Black Earth Zone. The object of the article is the living speech of villagers. The subject of the research is the phonetic features of dialect speakers. The aim of the study is to determine the features that form an original portrait of the speech of representatives of the rural society of the Voronezh region in the 21st century. The study of the characteristics is carried out on field material using the following methods: interviewing, stationary observation, description and analysis. In the process of preparing the scientific paper, 33 qualities of Russian dialects of the Voronezh region were identified: assimilative-dissimilative yakanye; strong akanye; preservation of *e, which has not changed to [’o]; transition of *e to [’o]; hiccup; transition of [a] to [o]; loss of a vowel at the beginning of a word and its appearance; appearance of a vowel between consonants; assimilation of vowels; dissimilation of vowels; fricative γ; iotation; loss of the consonant [v] and its appearance; The emergence of an ejective consonant;

the use of long hard and long soft consonants; the regular change of [k'] to [t']; progressive assimilation of the velar [k]; complete assimilation of a consonant; dissimilation of a consonant by the method of formation; devoicing of voiceless consonants; substitutions: [g] for [i] at the beginning of a word, [kh], [khv] in place of [f]; different [ts] and [ch]; loss of the initial consonant; lengthening of the word stem; epithesis; simplification of consonant clusters, some consonants or vowels; words with incomplete consonance; metathesis; stress different from the literary language, etc. It is concluded that a resident of a Voronezh village, being a native speaker of a dialect, creates a creative speech product in the process of communication. It combines clearly expressed features of southern Russian dialects, as well as elements of the literary language, colloquial and colloquial words. And the level of their presence in rural discourse varies: the older the native speaker, the more pronounced dialectal features become in their speech. The social way of life and way of thinking allow the villager to interpret reality differently within existing realities and creatively paint their own picture of the world.

Key words: linguocreativity, speech portrait, villagers, dialectal discourse, phonetic features, Russian dialects.

Воронежская область «расположена на юго-западе Европейской части России. На юго-западе граничит с Украиной. Входит в Центральный федеральный округ (ЦФО). Площадь 52,2 тыс. км²» [1]. Согласно сведениям Росстата за 2024 год, «численность населения области составляет 2 273 417 человек» [2].

Следует обратить внимание на то, что «территория Воронежской области имеет длительный период заселения. Первые люди появились здесь много тысяч лет назад. Их стоянки найдены в Донском Белогорье. Славянские поселения возникли уже в середине I тысячелетия новой эры. На берегах реки Воронеж и реки Дон сохранилось много славянских городищ IX-X веков <...>.

Во время монголо-татарского нашествия в первой половине XIII века древнерусские поселения были разрушены, и воронежская земля на несколько столетий превратилась в так называемое «дикое поле», по которому проходили главные татарские дороги (шляхи). <...>

В XV веке ряд районов до реки Хопёр, реки Ворона и устья реки Воронеж входил в состав Рязанского княжества, но русские поселения здесь были малочисленны. <...> Подчинение Рязанского княжества Московскому в 1521 году открыло возможности для начала русской колонизации территорий. В 1586 году был построен город Воронеж, который стал крепостью на юге Русского государства <...>. Более 50 лет Воронеж был единственным городом на территории современной Воронежской области. Под защитой крепости вокруг него возникают деревни и сёла.

В XVII веке началось массовое переселение на восток, в Подонье, украинцев (малороссов) <...>. Украинские переселенцы заселяли южную часть области и во многом обезопасили Русь от набегов татар <...>. В тот же период Московское государство стало раздавать вотчины и населенные земледельцами поместья боярам и служилым людям. В XVIII веке началось освоение всего Воронежского края» [3].

В XVII веке Петр I «именно в Воронеже положил начало созданию российского военно-морского флота, именно здесь он построил свой первый линкор "Гото Предестинация" ("Божье предвидение") и другие корабли для Азовского похода» [4].

В настоящее время «самая большая из 5 областей, образующих Центрально-Черноземный экономический район – Воронежская. На неё приходится 30% от всей площади района» [5].

Мы проявляем интерес к народному слову родного региона, поскольку оно включает в себе любопытные для лингвиста особенности: «Слово приравнивалось нашими предками к самой жизни... порождало и объясняло жизнь... было для крестьянина хранителем памяти и залогом бесконечности будущего... утешало, помогало, двигало на подвиг, заступалось, лечило, вдохновляло» [6; с. 63].

Об изучении диалектов русского языка и их отличии от литературного языка известный отечественный лингвист-диалектолог И.И. Исаев пишет: «Все усилия – и человеческие, и научные – направлены на изучение литературных языков. Тысячи человек изучают русский литературный язык полторы сотни лет, и до сих пор мы находим что-то новое. А каждый диалект, <...> северный, южный или среднерусский говоры, могут описываться с точно такой же тщательностью, но, как правило, до него не доходит ни один человек» [7]. Учёный считает, что «количество активных диалектологов на всю Россию – полсотни» [7].

Основываясь на собственных наблюдениях, заметим, что в Воронежской области с каждым годом уменьшается число исследователей-энтузиастов, как собственно, и исследований по народным говорам. И этот факт заставляет настораживаться.

Укажем, что «в настоящее время в России насчитывается свыше 150 национальностей, которые в своих социумах пользуются двумя языками – русским и родным. В таких населённых пунктах мы наблюдаем двуязычие в его классическом варианте. Но со временем языковая ситуация может измениться, когда, например, исчезает население, владевшее родным языком, или это население полностью переходит на русский язык в пределах того или иного социума. На территории Воронежской области живут не только русские, но и украинцы» [8; с. 124].

В данной статье наше внимание обращено к русским говорам Воронежского края.

Объектом исследования является живая речь сельских жителей, предметом выступают фонетические черты речи диалектоносителей.

Цель исследования состоит в определении особенностей, составляющих оригинальный фонетический портрет представителей сельского социума Воронежской области XXI века.

Изучение характеристик происходит на полевом материале посредством следующих методов: интервьюирования, стационарного наблюдения, описания и анализа.

Посредством многолетней работы по сбору, фиксации и обработке сведений, собранных в условиях контактного общения с носителями диалектов, в нашей лингвистической копилке оказался богатый материал. Он позволяет синтезировать зарегистрированные черты речи сельских жителей.

Обратим внимание на то, что исследования, затрагивающие вопросы оригинальности и нестандартности (иными словами, креативности) в речи диалектоносителей немногочисленны. Следует назвать работы В.Д. Лютиковой [9]; Н.И. Коноваловой [10]; Е.Д. Бондаренко [11]; С.Ю. Дубровиной [12]; Т.И. Петровой, Т.В. Фроловой [13] и др.

По мнению Е.Г. Беляевской, «лингвокреативность позволяет построить прагматически ориентированный дискурс, и это означает, что она проявляется, прежде всего, в речевой (т.е. в дискурсивной) деятельности человека. Следовательно, искать креативность следует в сфере номинации и в сфере текстоформирования (в широком смысле), т.е. там, где осуществляется пользование языком в процессе коммуникации и где говорящий сталкивается с необходимостью выражения новых смыслов. <...> креативное использование языковых средств выглядит необычно и неожиданно, и, соответственно, именно эти факторы привлекают внимание получателя информации и обеспечивают более сильное прагматическое воздействие» [14; с. 63].

Мы зафиксировали оригинальные особенности говоров сельских поселений. Они составляют оригинальный речевой портрет жителей Воронежской области. Продемонстрировать его наиболее яркие характеристики позволяют нам данные описанных в разные годы говоров Таловского, Аннинского, Бутурлиновского, Панинского, Каширского, Лискинского, Рамонского, Хохольского, Нижнедевицкого и Терновского районов.

Речевой портрет сельского жителя в данном исследовании представлен посредством фонетических черт. Признаками русских говоров Воронежской области в третьем десятилетии XXI века выступают следующие.

* *Ассимилятивно-диссимилятивное яканье* (в системе безударного вокализма): [а~~т~~ляжа́л, а~~б~~ряжа́л, Лякса́ндр, Ляксе́й, бя́лили, вясна́, васа́мнѣца́ть, вѣдро́, вѣзде́, вря́мянка, гиня́ра́л, двѣна́цать, двѣре́й, дя́тям, дя́ла, дява́л, дя́ржа́ли, дя́вѣтага, за́вѣрну́ла, зѣле́нку, зѣмля́, кря́сти, ляжа́ть, ня́вѣсила, ня́плѣха, ня́бо́сь, ня́мно́га, сва́кла, сѣря́ба́ли, сля́за́ть, сля́ная, Сѣрге́й, сѣмна́цатага, сѣмна́цать, сѣло́, сѣстри́ца, сѣстра́, на пѣче́, дя́ржа́ли, пѣкли́, па́дмѣта́ли, па́мѣрла́, па́мѣша́лися, пѣря́шлѣ, пѣвѣзла́, пѣня́сла, пѣвѣбо́й, пѣвѣжа́ду, развѣрну́ть, рѣбѣты, раздѣва́л, тѣплѣ́ца, увѣла́, упѣта́л, висѣли́л, ня́да́вна, а́дѣва́ть, фѣсѣда́, ѣ́жжа́й, ѣ́му, ѣ́да́] и др.

* Наблюдается сильное аканье: [аба́ло́нак, авѣ́а, а́копы, а́рава, аткѣ́вѣа, атпѣ́рашивал, атпѣ́рабо́тал, атпѣ́же, аттѣ́да, атхѣ́живала, атчи́тываца, ба́га́та, ба́жѣ́стиннай, ба́лѣ́зня, ба́ли́ть, ба́льни́ца, ба́льши́м, ва́ди́ли, ва́еннай, ва́зи́л, ва́лю́, ва́рава́л, ва́рата́, ва́ста́нья, Ва́ро́неж, ва́семна́цать, ва́стана́вливать, ва́палѣ́ли, га́вѣ́дина, да́я́рка, да́кана́л, двѣ́ре́, дра́ва, дя́рю́шка,

хазя́ин, галадо́вка, ганя́ли, живати́на, званари́, здоро́вья, калба́сня, кало́да, каму́, капа́ли, карми́ли, каро́ва, каси́ли, кало́на, каше́лка, малати́лка, нагагата́лси, нага́ми, па́гип, пада́синавик, па́ддубник, па́два́л, паи́ли, пала́тене́це, палы́, парасе́нак, палу́чка, патапа́я, пато́м, паяви́лись, плати́на, салёная, сало́ма, сга́рэл, скати́на, скирдава́ла, слами́л, смата́лися, снапы́, стара́жить, твари́, хазя́йства, хажу́, халадно́, хахол́] и др. Е.В. Кузнецова отмечает, что «аканье не было свойственно древнерусскому языку и развилось в нём лишь в XIII-XIV вв. <...>. Поскольку сформированных норм правописания в этот период развития языка не было, то на письме отражалось произношение, проще говоря, как слышали, так и писали» [15].

* Отмечено сохранение этимологического *е, не перешедшего в [’о]: [*вазьме́шь, ве́рнисси, всплакне́ть, зайдёшь, иде́т, йи́е, на ни́е, нарве́шь, намне́м, натре́шь, начне́шь, нисе́, палье́шь, памре́ть, пайде́ть, папе́ть, пике́шь, разабьё́, сабьё́ть, снисе́ть, с е́е*] – *возьме́шь, верне́шься, всплакне́т, зайдёшь, иде́т, е́е, на ни́е, нарве́шь, намне́м, натре́шь, начне́шь, несёт, полье́шь, помре́т, пойдё́т, попьё́т, пече́шь, разобьё́т, собьё́т, снесёт, с е́е* и др.

* Имеет место переход *е в [’о]: [*дале́ко, дён, прикряплё́на, поме́рли, осле́пла, сваёй*] – *далеко, день, прикрепле́на, померли (умерли), ослепла, своей* и др.

* Функционирует *иканье* (в первом предударном слоге): [*а́ддиля́ть, апи́рилась, аси́ню, бижа́л, бизде́тная, взила́сь, вви́ли, вити́ран, ди́журил, дите́й, дифчо́нка, диньжа́та, дире́вня, дире́жатъ, ди́ривя́нный, жиле́за, заби́рут, зацви́тая, ийе́, йи́живи́ка, йисе́ть, каби́ли, кисиле́м, лисхо́с, мики́на, мисе́ть, начи́лося, нибе́сныи, нива́жна, нида́вна, ниде́ля, нари́дитца, на зимле́, на диси́ти, пагри́ба, пани́сли, пикли́, пиритре́м, пи́рикры́ть, писо́к, пи́шком, приби́жала, при́визли, пличо́, плиса́ли, расти́рялась, сти́рех, тило́чик, типе́ря, фпи́риди́*] и др.

* Установлен переход [а] в [о]: [*до́рють, заво́ля, заплото́ють, сво́ря, наво́ришь, пасо́дя*] – *дарят, завалит, заплатят, сварит, наваришь, посадит* и др.

* Замечена утрата гласного в начале слова (афере́за): *Лякса́ндр (Алекса́ндр), Ляксе́вна (Алексе́евна), люми́ньвыи (алюми́ниевые), Лизаве́тка (Елизаве́та), гаро́т (огоро́д), ме́рли (умира́ли), лива́тър (элевато́р), вакуи́рвал (эвакуи́ровал)* и др. Р.И. Аванесов по этому поводу писал: «Второй предударный слог во многих южных говорах настолько ослаблен, что при благоприятных условиях редукция гласного в нём может дойти до нуля» [16; с. 60].

* Одновременно наблюдается обратное явление: возникновение гласного в начале слова (протеза): [*а́пасля́, а́ржаная́, упако́йник*] – *после, ржаная, покойник* и др.

* Обнаруживается появление гласного между согласными (эпентеза): [*вве́рих, мата́ци́кал, паша́ни́ца, саморо́дина, то́лыстая*] – *вверх, мотоцикл, пшеница, смородина, толстая* и др. В связи с этим Л.Л. Касаткин отмечал, что «гласный [а] между согласными в начале слова возникает в связи с особенностями оформления слога как суперсегментной единицы в диалектной речи» [17; с. 24]. Однако, как видим, в воронежских говорах вставной [а] отмечен не только в начале слова. Возможно, это явление связано с действием закона открытого слога.

* Происходит ассимиляция гласных: [*да́жа, жале́зная, кушуны́, ла́зали, мужжу́ка, нача́вать, ни́щата́, пажани́лись, пача́му*] – *даже, железная, кувшины, лазили, мужика, ночевать, нищета, поженились, почему* и др.

* Отмечено и обратное явление – диссимиляция гласных по ряду: [*адне́й, бува́ла, хуть, чигу́н*] – *одной, бывало, хоть, чугун* и др.

* Звонкий заднеязычный согласный звук *г* выступает как фрикативный (γ): [*ауу́рцы́, ба́рацтва́, буу́р, бри́гади́р, вау́н, вы́ганы́ть, вы́гадна́, γари́ки́, γалава́, γара́ж, γарди́рон, γварю́, γла́жина́я, γде, γод, γо́лавы, γо́лат, γаре́л, γато́вить, γикта́р, γла́вныи, γли́на, γнутца́, γрибы́, γру́па, γру́зди, γру́ши, да́ро́га, да́раго́й, де́ньγи, дру́го́й, жγли́, за́го́ня, ка́гатки́, ка́гда, ка́го, кру́гом, ма́гази́н, ма́γ, мно́га, ме́ртва́га, на на́гах, на́ша́га, на́ганы́ть, не́чи́га, ни дна́го, ра́γач, γу́ляли, γармо́шки, γита́ра, γрабо́в, па́γаре́ли, паба́γачи́, па́γиб, па́γиди́, пама́γал, па́дру́га, па́ла́γалась, пе́рва́га, по́γреп, пя́та́га, не́чи́га, но́γа, па́γата́влива́тца, стро́га, сля́γа, та́го, та́руо́вля, ту́гаморды́й, э́та́га, γа́гады, γа́го, γу́няты́*] и др. Рассматриваемое явление характерно для южнорусских и украинских говоров.

* Зарегистрировано возникновение протетического [й] перед гласным переднего ряда [и] в начале и в середине слова – йотация: [ма́йім, јім, јих, ала́дьји, пада́йіть, па́йіть, па-ча́муј-та, сва́йіх, ста́йішь, стрóјитца] и др.

* Зафиксировано выпадение согласного [в]: [он, осьмна́дцатый] и, наоборот, его появление: [во́стрый, в́за́фтра, у в́энтйх] и др.

* Наблюдается появление вставного согласного (эпентеза): [купля́ть, памагну́ть, при-стла́ть, э́нтаму] и др.

* Обнаруживается употребление долгих твёрдых согласных: [Нало́х ииши́о. Ииши́о на́да на нужду́ прада́ть. Угаи́ши́ала ииши́о. А ииши́о ни по́мню хто был. Ииши́и-и́иши. Я кучки́ чіи́ишу. Паи́ла зави́иши́анию де́лать. Те́ишиа живе́ть. Похле́ишии таго́ мужжукá. Таи́иши́ли работу́] и др.

* Замечено использование долгих мягких согласных, однако это явление немногочисленно: [Ква́сам и па и́ицяс ко́рма. И и́ицяс каро́ве хвост кру́тя. Изви́ицце́нью но́ся. Он и и́ицяс ста́йіть] и др.

* Наблюдается регулярное изменение [к'] в [т']: [Симе́йтю кли́кають. Ма́ньтя и Аку́льтя прихóдють. У Зінти́ двор. Кли́чтю даду́ть. По соба́ти дражні́л. Висті́ кучаря́вютьца. Вон ані́ каті́я. Зиляну́шти скаті́ни. Патихо́ньтя пирдві́гаюся. Он у ей ма́хоньти́й. У Ра́йти брат. Спакайнёхоньти́й он. Їих ско́льтя всех. Три кара́вёнти. Иго́лтими шыю. Ва вре́мянти та́плю. Дяфчо́нти бе́зуть. Карто́шти расту́ть. На ла́вочти сидя́ть. Каду́шти стая́ть] и др.

* Одновременно установлена прогрессивная ассимиляция заднеязычного [к] после парных мягких согласных: [Тута бо́чка. Аде́лися ди́рюшкими. Мы то́лька выры́ли ако́п. Та́нька рабо́тая. Хатёнки ма́линькия. Ско́лька дяло́в. И маши́наф ни зна́ю ско́лька. Але́шкя, Са́нькя, Тимо́ишчкя типе́рича рабо́тають. То́лька пришё́л, а Ва́нькя, Ка́тькя, Мару́ськя нет. Ана́ то́нинькия, ху́динькия. Дабыва́ли кру́жичкю мала́чкя. Вну́чка у ней е́сть. То́лька ни пайму́, пасна́вили ль дом. То́лька напи́иштя. Под пе́чкию ляжи́ть] и др.

* Присутствует полная ассимиляция согласного: [аста́нисси, купа́исси, лу́ччи, зая́ж-жа́ю, уя́жжа́ть] – остане́шься, купае́шься, лу́чше, заезжа́ю, уезжа́ть и др.

* Имеет место диссимиляция согласного по способу образования: [ни́хто́, хто́, пахри-сти́ть, тра́хтар, та́х-та, х кра́ю, хрё́сный, хри́сти́ли, хри́сти́тиль, хрест] и др. В.И. Супрун указывает, что это «фонетическое явление до сих пор является живым в русских, белорусских и украинских народных говорах» [18; с. 101].

* На конце слова отмечено оглушение [з] в [х]: [де́них, нало́х, жжэ́х, стирэ́х] и др.

* Зафиксирована замена согласного [г] на гласный [и] в начале слова: [иде́, иде́й-та] – где, где-то и др.

* Зарегистрировано оглушение звука [в] перед глухими согласными и на конце слов: [ф ха́ти, ф Калаче́, ф со́рок сямóм, свекро́фь, вазле́ дамóф, з гарóдаф, лёнтаф, тавари́шоф, па-харóнаф, канбайне́раф, платняко́ф] и др.

* На месте [ф] функционируют [х] или [хв]: [прохве́ссор, ку́хва́йтя, конхве́ты, охви-ца́льно, торх, телехво́н, хва́ми́ли, хватóграф, хве́рмер, хви́рма, шихване́р]. Н.П. Гринкова о рассматриваемой черте воронежских говоров писала: «Любопытно отметить, что это фонетическое явление охватывает не только старый состав слов, как хвартук, хванарь, хранцуз или собственные имена, как Хвилип, Хведот и т.п., а захватывает фонетическое оформление совсем новых слов, в самое последнее время попавших в местный язык: хвонт, хвакт, па ўрахвику» [19; с. 197].

* Налицо различие аффрикат [ц] и [ч]: [ве́рнитца, в́итритца, двяна́цати, ку́рьца, па-лате́нца, п́ятница, ро́цтвиники, цалу́ють, це́льный; кирпи́чи, ку́ча, ле́хчи, ни́чём, о́чирить, палу́чалась, причита́ли, расче́свали, ча́йник, че́ризь, че́рнаи, чилаве́к, чирпа́ти, чита́ли] и др.

* Происходит утрата начального согласного (аффера): [два́ём, у ей, у яго́, за і́ми, от] – вдвоём, у неё, у него, за ними, вот и др.

* Выявлено удлинение основы слова за счёт появления добавочных слогов и аффиксов: дава́ють – дают, стана́ви́ли – ста́вили, типе́рича – тепе́рь и др.

* Зарегистрировано появление звука на конце слова (эпентеза): [д^юж^ея, н^ету, сайт^ить, т^ама, т^ута, хуж^ея, э^тая] – д^юже, н^ет, сойти, там, тут, хуже, эта и др.

* Наблюдается упрощение групп согласных, выпадение отдельных звуков (согласных и гласных) и целых слогов (гаплогогия): атк^азвать – отказывать, апк^ад^ать – обкладывать, борн^овать – борон^овать, б^оли – больш^е, выг^ад^ают – выга^дают, вых^аж^вать – выхаживать, выи^ци^твать – высчитывать, д^али – дальш^е, д^ени^сси – денеш^ься, дв^аю^рнай, дв^аё^рный – дво^уродный, до^жн^о – долж^но, ж^ал^ить^ся – жаловат^ься, жи^ло – жил^ьё, загл^яд^вать – заглядыва^ть, зб^ира^ютца – собирают^ся, зд^ер^жная – сдержанная, зар^аб^ат^вать – зарабатыва^ть, кран^даш – карандаш, кад^а – когд^а, кар^ич^выи – коричневые, кр^оде – как врод^е, л^уч^чи – лучш^е, кам^анд^вала – командовала, мав^о – моего, м^олд^асть – молодост^ь, наи^ци^твать – насчитывать, ни^выд^ир^жная – невыдерженная, най^мать – нанимать, при^ка^звать – приказыва^ть, пак^аз^вать – показывать, паст^лали – постилали, пой^мать – понима^ть, пир^вар^ач^вали – переворачивали, пир^кр^ыв^ать – перекрывать, пир^кид^ной – перекидной, пох^рон^а – похороны, п^ить^ся^т – пятьдесят, рас^ь – разв^е, рук^вад^ить – руководить, сям^ой – сед^ьмой, св^атаст^во – сватовств^о, св^ам^и – сво^ими, ск^лад^али – складывали, ск^арм^вать – скармливать, сп^ра^шив^ать – спрашива^ть, св^яз^на – связана, та^ды – тогд^а, тру^жница – труженица, св^атца – сватат^ься, сым^у – сниму, фстрел – встретил, хт^о зн^ый – кто знает и др.

* На месте русского -оро- зафиксированы слова с неполногласным сочетанием -ра-, свойственном старославянскому языку: [Здр^ав^ых сыч^ас н^ету. Прас^енка пу^сти^ла за мной. Свар^ил в^рат^а жал^езныи. Бразд^ы на гар^оди нар^ежу. Д^раг^ому св^ату памаг^нул]. – Здоровых сейчас нет. Поросянка пустила за мной. Сварил ворота железные. Борозды на огороде нарежу. Дорогому свату помог и др.

* Замечено явление метатезы: [К^аж^уть, мат^ь в р^имин^ации. Ка^ляныч у бу^лгах^тира. В бу^лгах^терию на^да и^ти^ть. Кан^байны в по^лю и^уть]. – Говорят, мать в реанимации. Коляныч у бухгалтера. В бухгалтерию надо идти. Комбайны в поле идут и др.

* Частотны случаи ударения, отличного от литературного языка: ака^ла – о^около, бы^ло – б^ыло, брат^ьёв – б^рат^ьев, ваз^ле – в^озле, в^ер^нисси – верн^ешься, выш^ит – в^ышит, в и^збу – в избу, в^пир^еди – в^переди, выки^дали – выки^дывали, дал^жён – д^олжен, дал^еко – дал^еко, да пал^но^чи – до пол^уночи, дя^тям – д^етям, и^дя – и^дёт, ту^лупы – ту^лу^пы, ис хвар^аст^а – из хв^ороста, кило^метр – кило^метр, нач^али – на^чали, ни бы^ло – н^е было, ни ви^дали – н^е ви^дели, председа^теля – председа^теля, пор^у – по^ру, пох^рон^а – по^хороны, на^д гала^ва – под го^ловы, пас^ля – по^сле, на-пр^оста^му – по-пр^осто^му, по^два – по дв^а, по^дтри – по тр^и, расп^аряж^ена – расп^оряжен^о, при^кряпл^ена – при^крепл^ена, св^ер^нуть – св^ер^нут, св^якл^а – св^екла, с^емью – сем^ью, са^бра^ны – со^бра^ны, ст^яня – ст^епи, при^ди^ца – при^дётся, па^шня – па^шня, шо^хвер – шо^фёр, ро^дные – ро^дные, при^дуть – при^дут, пл^отняк^оф – пл^от^ников, уб^рано – у^брано и др.

Перечисленные фонетические черты с разной степенью проявления встречаются в русских говорах Воронежской области. В свете происходящих изменений в жизни отдельных сельских социумов и целой страны они выглядят достаточно оригинально. Репрезентированные в работе характеристики рисуют нестандартный речевой портрет своих носителей третьего десятилетия XXI столетия.

Резюмируем зарегистрированные в диалектном дискурсе особенности:

- 1) ассимилятивно-диссимилятивное яканье,
- 2) сильное аканье,
- 3) сохранение этимологического *е, не перешедшего в [’о],
- 4) переход *е в [’о],
- 5) иканье, переход [а] в [о],
- 6) утрата гласного в начале слова,
- 7) возникновение гласного в начале слова,
- 8) появление гласного между согласными,
- 9) ассимиляция гласных,
- 10) диссимиляция гласных по ряду,

- 11) фрикативный γ ,
- 12) йотация,
- 13) выпадение согласного [ʋ] и его появление,
- 14) появление вставного согласного,
- 15) употребление долгих твёрдых согласных,
- 16) использование долгих мягких согласных,
- 17) регулярное изменение [к'] в [т'],
- 18) прогрессивная ассимиляция заднеязычного [к],
- 19) полная ассимиляция согласного,
- 20) диссимиляция согласного по способу образования,
- 21) оглушение [ɣ] в [x],
- 22) замена согласного [г] на гласный [и] в начале слова,
- 23) [x] и [xʋ] на месте [φ],
- 24) оглушение [в] перед глухими согласными и на конце слов,
- 25) различающиеся аффрикаты [ɟ] и [ɟʰ],
- 26) утрата начального согласного,
- 27) удлинение основы слова,
- 28) эпентеза,
- 29) упрощение групп согласных, выпадение согласных или гласных, гаплогогия,
- 30) слова с неполногласием на месте -oro- ,
- 31) метатеза,
- 32) ударение, отличное от литературного языка и др.

Важно понимать, что изменения в фонетической структуре языка происходят достаточно медленно. В связи с этим интересно мнение В.Г. Орловой: «В периоды обособленного существования языковых групп фонетические новообразования возникают раньше и относительно быстрее новообразований грамматических. Иными словами, при общем медленном развитии языка фонетические новообразования возникают в сравнительно менее длительные периоды обособленной жизни данной языковой группы, чем новообразования грамматические» [20; с. 5].

Житель воронежского села, являясь диалектоносителем, в процессе коммуникации создаёт оригинальный речевой продукт. Он сочетает в себе ярко выраженные черты южнорусских говоров, а также элементы литературного языка, просторечные и разговорные слова. Уровень их присутствия в речи сельского жителя различен. По нашим наблюдениям и согласно анализу говоров области, чем старше носитель народного языка, тем чётче в его речи проявляются диалектные особенности.

Жизненный уклад социума и образ мыслей позволяют жителю сельской местности иначе обозначать явления действительности и творчески создавать собственную картину мира. Недаром В.И. Даль писал: «Язык этот силён, свеж, богат, краток и ясен» [21; с. 7]. Автор данной статьи также отмечает, что «в новых реалиях такая речь звучит необычно, являясь бесценной, интересной для науки и крайне важной для диалектологов» [22; с. 13].

В заключение отметим, что «даже в современных неблагоприятных условиях угасания говоров как живых диалектных систем происходит сохранение традиционной народной речевой культуры в семейном индивидуально-личностном общении, что говорит о наличии будущего у диалектной речи и о том, что это будущее предложит свои способы культивирования русской народной речи» [23; с. 254].

Примечание: в статье применена русская упрощённая транскрипция.

Библиографический список

1. Воронежская область. Большая Российская энциклопедия. URL:

- <https://old.bigenc.ru/geography/text/5770911> (дата обращения: 01.08.2025).
2. Население Воронежской области – Рувики: Интернет-энциклопедия. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Население_Воронежской_области (дата обращения: 01.08.2025).
 3. История заселения Воронежской области. URL: <https://inform36.ru/eto-interesno/istoriya-zaseleniya-voronezhskoy-oblasti> (дата обращения: 01.08.2025).
 4. Воронежский край. Справочная информация. История Воронежского края. URL: <https://воронежский-край.рф/info/401/> (дата обращения: 01.08.2025).
 5. Столица Черноземья. Путешествие по Воронежской области URL: <https://национальныепроекты.рф/news/stolitsa-chernozemya-puteshestvie-po-voronezhskoy-oblasti/> (дата обращения: 01.08.2025).
 6. Белов В.И. Лад. URL: <https://litmir.club/> (дата обращения: 01.08.2025).
 7. Игорь Исаев о том, как изучать диалекты русского языка и их отличие от литературного языка. URL: <https://sysblok.ru/interviews/ty-zhe-ne-dumaesh-chto-mozhno-zanimatsja-dialektologiej-kak-professiej-intervju-s-dialektologom-igorem-isaevym/> (дата обращения: 01.08.2025).
 8. Черенкова А.Д. Развитие диалекта в условиях диглоссии // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 1. С. 122-128.
 9. Лютикова В.Д. Языковая личность: идиолект и диалект: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2000. 41 с. URL: <https://e-catalog.nlb.by/Record/BY-NLB-br281727> (дата обращения: 01.08.2025).
 10. Коновалова Н.И. Лексические фрагменты языковой картины мира в свете ментальности диалектоносителя (исследовательский проект) // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. УГПУ. 2012. № 5. С. 42-60. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20685559> (дата обращения: 01.08.2025).
 11. Бондаренко Е.Д. Оппозиция «свой» – «чужой»: язык в зеркале лингвокреативной деятельности диалектоносителей // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2018. № 2. С. 46-58. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34883249> (дата обращения: 01.08.2025).
 12. Дубровина С.Ю. Словообразовательная креативность лексики, эксплицирующей религиозные представления в русских говорах // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2020. № 3 (68). С. 84-91. URL: <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.68.3.009> (дата обращения: 01.08.2025).
 13. Петрова Т.И., Фролова Т.В. Дискурсивные практики сельских жителей: на материале языка Приморья // Мир русского слова. 2020. № 2. С. 142-147. URL: <https://doi.org/10.24411/1811-1629-2020-12040> (дата обращения: 01.08.2025).
 14. Беляевская Е.Г. Лингвистическая креативность: нарушение нормы? // Вопросы психолингвистики. 2022. № 3(53). С. 62-73.
 15. Кузнецова Е.В. Современные русские говоры – источник для изучения истории языка и кладовая народной мудрости. URL: http://www.dialekt.vspu.ru/sites/dialekt.vspu.ru/files/lekciya_glossariy_literatura_kuznecova_e.v..pdf (дата обращения: 01.08.2025).
 16. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. Ч.1. М.: Учпедгиз, 1949. 336 с.
 17. Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Наука: Шк. ЯРК, 1999. 526 с.
 18. Супрун В.И. Звук [х] и его рефлексy в истории славянского консонантизма // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. Выпуск 1 (9). С. 98-109.
 19. Гринкова Н.П. Воронежские диалекты: дис. ... докт. филол. наук. Л.: Учён. зап. Ленингр. пед. ин-та, 1947. Т.55. 300 с.
 20. Орлова В.Г. Изменения в характере развития русского языка в связи с историей народа // Вопросы языкознания, 1953. № 1. С. 52-70. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s0373-658x0000621-6-1-ru-1115/> (дата обращения: 01.08.2025).

21. Даль В.И. Напутное слово. // Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Иллюстрированное издание. Москва, 2020. С. 5-13. URL: <https://cdn.img-gorod.ru/nomenclature/22/265/2226574.pdf> (дата обращения: 01.08.2025).
22. Недоступова Л.В. Креативность речевого портрета уроженки Воронежской области // RUSISTIKA BEZ GRANIC. София, 2025. Т. IX. Вып. 3. С. 7-15. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=83001543> (дата обращения: 10.09.2025).
23. Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим: монография / Е.П. Андреева и др.; науч. ред.: Ю.Н. Драчёва, Л.Ю. Зорина, Е.Н. Ильина. Вологда: Легия, 2015. 255 с. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/narodrech2/text.pdf> (дата обращения: 01.08.2025).

References

1. Voronezh Oblast. The Great Russian Encyclopedia. URL: <https://old.bigenc.ru/geography/text/5770911> (date of application: 01.08.2025).
2. Population of Voronezh region – Ruwiki: Internet Encyclopedia. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Население_Воронежской_области (date of application: 01.08.2025).
3. The history of colonization of Voronezh region. URL: <https://inform36.ru/eto-interesno/istoriya-zaseleniya-voronezhskoy-oblasti> (date of application: 01.08.2025).
4. Voronezh region. Reference iInformation. The history of Voronezh region. URL: <https://воронежский-край.пф/info/401/> (date of application: 01.08.2025).
5. The capital of the Black Earth region. A journey through the Voronezh Region. URL: <https://национальныепроекты.пф/news/stolitsa-chernozemya-puteshestvie-po-voronezhskoy-oblasti/> (date of application: 01.08.2025).
6. Belov V.I. Harmony. URL: <https://litmir.club/> (date of application: 01.08.2025).
7. Igor Isaev on how to study Russian dialects and their differences from the literary language. URL: <https://sysblok.ru/interviews/ty-zhe-ne-dumaesh-chto-mozhno-zanimatsja-dialektologiej-kak-professiej-intervju-s-dialektologom-igorem-isaevym/> (date of application: 01.08.2025).
8. Cherenkova A.D. Development of dialect in the conditions of diglossia // Bulletin of VSU. Series: Linguistics and intercultural communication. 2024. Iss. 1. P. 122-128.
9. Lyutikova V.D. Language personality: idiolect and dialect: abstract of dissertation. ... Doctor of Philology: 10.02.01. Ekaterinburg, 2000. 41 p. URL: <https://e-catalog.nlb.by/Record/BY-NLB-br281727> (date of application: 01.08.2025).
10. Konovalova N.I. Lexical fragments of the linguistic picture of the world in light of the mentality of a dialect speaker (research project) // Ural Philological Bulletin. Series: Psycholinguistics in education. USPU. 2012. Iss. 5. P. 42-60. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20685559> (date of application: 01.08.2025).
11. Bondarenko E.D. The opposition of "our" – "foreign": language in the mirror of the lingua-creative activity of dialect speakers // Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of creativity. 2018. Iss. 2. P. 46-58. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=34883249> (date of application: 01.08.2025).
12. Dubrovina S. Y. Word-formation creativity of vocabulary explicating religious ideas in Russian dialects // Bulletin of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin. 2020. Iss. 3 (68). P. 84-91. URL: <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.68.3.009> (date of application: 01.08.2025).
13. Petrova T.I., Frolova T.V. Discursive practices of rural residents: based on the language of Primorye // The world of the Russian word. 2020. Iss. 2. P. 142-147. URL: <https://doi.org/10.24411/1811-1629-2020-12040> (date of application: 01.08.2025).
14. Belyaevskaya E.G. Linguistic creativity: violation of the norm? // Issues of psycholinguistics. 2022. Iss. 3 (53). P. 62-73.
15. Kuznetsova E.V. Modern Russian dialects as a source for studying the history of the language and a storehouse of folk wisdom. URL:

http://www.dialekt.vspu.ru/sites/dialekt.vspu.ru/files/lekciya_glossariy_literatura_kuznecova_e.v..pdf (date of application: 01.08.2025).

16. Avanesov R.I. Essays on Russian dialectology. Part 1. Moscow, 1949. 336 p.

17. Kasatkin L.L. Modern Russian dialectal and literary phonetics as a source for the history of the Russian language. Moscow, 1999. 526 p.

18. Suprun V.I. The sound [kh] and its reflexes in the history of Slavic consonantism // Bulletin of Syktyvkar State University. Series of humanities. Syktyvkar: Publishing house of Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, 2019. Iss. 1 (9). P. 98-109.

19. Grinkova N.P. Voronezh dialects: dis. ... Doctor of Philological Sciences. Leningrad, 1947. Vol. 55. 300 p.

20. Orlova V.G. Changes in the nature of the development of the Russian language in connection with the history of the people // Issues of linguistics. 1953. Iss. 1. P. 52-70. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s0373-658x0000621-6-1-ru-1115/> (date of application: 01.08.2025).

21. Dahl V.I. A word of guidance. // Dahl V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Illustrated edition. Moscow, 2020. P. 5-13. URL: <https://cdn.img-gorod.ru/nomenclature/22/265/2226574.pdf> (date of application: 01.08.2025).

22. Nedostupova L.V. Creativity of the Speech Portrait of a Native of Voronezh Region // Russian language studies without boundaries. Sofia, 2025. Vol. IX. Iss. 3. P. 7-15. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=83001543> (date of application: 10.09.2025).

23. Folk speech of Vologda region: between the past and the future: a monograph / E.P. Andreeva et al. Vologda: 2015. 255 p. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/narodrech2/text.pdf> (date of application: 01.08.2025).

УДК 82

DOI 10.36622/2587-9510.2025.59.4.011

Южно-Уральский государственный университет

*доцент кафедры русского языка и литературы,
кандидат филологических наук*

Смышляев Е.А.

Россия, г. Челябинск,

e-mail: smyshliaevea@susu.ru

*South Ural State University Department of
Russian Language and Literature, South
Ural State University, PhD, associate pro-
fessor*

Smyshlyaev E.A.

Russia, Chelyabinsk

e-mail: smyshliaevea@susu.ru

Южно-Уральский государственный университет

магистрант 2 курса направления «Филология»

Колесников М.А.

Россия, г. Челябинск,

e-mail: kia18273645@yandex.ru

*South Ural State University
Master's student, 2nd year, Direction "Phi-
lology"*

Kolesnikov M.A.

Russia, Chelyabinsk

e-mail: kia18273645@yandex.ru

Е.А. Смышляев, М.А. Колесников

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ О ВИТАЛИИ КАЛЬПИДИ

Биографический миф о Виталии Кальпиди представляет собой уникальный культурный феномен, в котором поэт становится одновременно субъектом и объектом мифотворчества. Его образ как демиурга уральского литературного пространства формировался через провокационное поведение, эксцентричность и противостояние официальным институтам. Истоки мифа восходят к позднесоветскому периоду, когда В. Кальпиди стал символом сопротивления культурному конформизму. Участие в андеграундных художественных проектах, такие как слайд-поэма «В тени Кадриорга», и создание региональных культурных институтов закрепили его статус культурного героя. Миф поддерживался через фрагментарные автобиографические нарративы, интертекстуальные отсылки в поэзии и публицистике, а также цифровое присутствие и академический дискурс. Однако институционализация и научный анализ постепенно разрушают мифологическую ауру, превращая его в объект исследования. Несмотря на это, фигура Виталия Кальпиди продолжает существовать на грани реальности и вымысла, оставаясь важным элементом уральской культурной памяти и символом эпохи андеграунда.

Ключевые слова: биографический миф, Виталий Кальпиди, уральская поэзия, андеграунд, культурный герой, автобиографический нарратив, интертекстуальность, институционализация, мифотворчество, авангард.

E. A. Smyshlyaev, M. A. Kolesnikov

THE BIOGRAPHICAL MYTH OF VITALY KALPINDI

The biographical myth of Vitaly Kalpindi represents a unique cultural phenomenon in which the poet becomes both the subject and object of myth-making. His image as a demiurge of the Ural literary space was formed through provocative behavior, eccentricity, and resistance to official institutions. The origins of the myth trace back to the late Soviet period, when Kalpindi became a symbol of resistance to cultural conformism. Participation in underground artistic projects, such as the slide-poem "In the Shadow of Kadrior", and the creation of regional cultural institutions solidified his status as a cultural hero. The myth was sustained through fragmented autobiographical narratives, intertextual references in poetry and journalism, as well as digital presence and academic discourse. However, institutionalization and scholarly analysis have gradually dismantled the mythological aura, transforming it into an object of study. Despite this, Kalpindi's figure continues to exist at the boundary between reality and fiction, remaining an important element of Ural cultural memory and a symbol of the underground era.

Keywords: biographical myth, Vitaly Kalpindi, Ural poetry, underground, cultural hero, autobiographical narrative, intertextuality, institutionalization, myth-making, avant-garde.

Мифологизация фигуры Виталия Кальпиди в уральском поэтическом пространстве представляет собой сложный процесс, в котором сам поэт выступает одновременно субъектом и объектом мифотворчества. Его позиция в культурном ландшафте Урала уникальна: В. Кальпиди сознательно конструировал образ демиурга уральского пространства, активно использовал и в творчестве, и в культуртрегерской деятельности образ культурного героя, чье существование сегодня воспринимается как автономное от реального литературного контекста региона. Этот феномен можно рассматривать через призму стратегической самоидентификации, где провокационность, эксцентричность и конфронтация с институтами становятся инструментами формирования культурного мифа.

Истоки биографического мифа о Виталии Кальпиди восходят к позднесоветскому периоду, эпохе идеологического «застоя», когда расхождение между официальной риторикой и повседневными практиками создавало почву для маргинальных культурных явлений. Поступление Кальпиди в Пермский педагогический институт в 1974 году и последующее отчисление стали катализатором формирования его образа как диссидента [1; с. 22]. Согласно воспоминаниям Нины Горлановой, формальным поводом для исключения послужила провокационная реплика Кальпиди о Льве Троцком на семинаре, что в условиях идеологической цензуры воспринималось как вызов системе. Важно подчеркнуть, что этот эпизод был частью серии намеренных эскапад: Кальпиди систематически нарушал академические нормы, устраивая перформативные «срывы» занятий, что свидетельствует о сознательной стратегии эпатажа. Подобное поведение можно интерпретировать как форму сопротивления не только политическому, но и культурному конформизму, характерному для провинциальных образовательных институций того времени. Последующая попытка поступления в Челябинский педагогический институт в 1975 году, сопровождавшаяся слухами о внимании со стороны КГБ, лишь закрепила за ним статус «неудобного» персонажа, чья биография обрастала легендами [1; с. 63].

Ключевым этапом мифологизации образа поэта стало погружение Виталия Кальпиди в андеграундную среду Перми, где он совместно с Владиславом Дрожащим разрабатывал альтернативные художественные практики. Их коллаборация достигла апогея в 1982 году с созданием слайд-поэмы «В тени Кадриорга» [2] – мультимедийного произведения, сочетавшего визуальные образы, звук и текст. Несмотря на ограниченное число показов (всего шесть), эта работа стала символом нонконформизма, особенно после её демонстрации в московской редакции журнала «Юность» по приглашению Кирилла Ковальджи. Запрет властями слайд-поэмы усилил восприятие Кальпиди как фигуры, чье творчество существует в оппозиции к институциональным нормам, что повысило его авторитет среди представителей андеграунда. Слайд-поэма, будучи синтетическим экспериментом, отражала тенденции глобального авангарда, но её восприятие через призму локального уральского дискурса превратило Кальпиди в фигуру, синтезирующую международные влияния и региональную идентичность.

Эксцентричность Кальпиди, зафиксированная в мемуарах современников, стала важным элементом мифа. Рассказы о его провокационных выходках – например, история о том, как он убедил милиционера пропустить его без очереди в магазин во время сухого закона, представившись «приглашённым поэтом», – функционируют как анекдоты, подчеркивающие его харизму и способность манипулировать социальными нормами. Однако эта же эксцентричность порождала конфликты: резкие высказывания в адрес коллег, такие как характеристика Нины Горлановой как «городской сумасшедшей» [1; с. 121], создавали противоречивый образ. С одной стороны, Кальпиди воспринимался как гений, чьи выходки оправдывались творческой одарённостью, с другой – его поведение ограничивало возможность институционализации вокруг него устойчивого поэтического движения. Подобный дуализм типичен

чен для мифологизированных фигур авангарда, где граница между эпатажем и токсичностью часто оказывается размытой, что осложняет их интеграцию в иерархические структуры.

Структура мифа о В. Кальпиди основана на принципе фрагментарности, что проявляется в его автобиографических текстах. Например, биография, опубликованная на сайте Марины Волковой [3], отличается лакунарностью: события до 1987 года поданы обрывочно, тогда как последующие годы систематизированы. Эта нарративная стратегия создает эффект «мерцающего присутствия», где поэт существует как серия кульминационных моментов, а не непрерывная линия. Подобный подход усиливает эффект мистификации, позволяя интерпретаторам жизни и творчества Виталия Олеговича заполнять пробелы собственными проекциями. Использование аббревиатуры «В.К.» в литературных кругах, заменяющей полное имя, работает как семиотический маркер, превращая поэта в символ, который существует вне конкретных биографических деталей. Например, в статье на сайте Марины Волковой, посвящённой уральской литературе, аббревиатура встречается 44 раза, что подчёркивает её роль как устойчивого кода, сокращающего дистанцию между мифом и референтом [3].

Попытки Кальпиди консолидировать уральское поэтическое пространство через концепцию «Уральского поэтического треугольника» (Пермь, Челябинск, Екатеринбург) также вписываются в логику мифотворчества. Проживая в каждом из этих городов, он стремился стать связующим звеном между локальными сообществами, однако его роль свелась скорее к «черной дыре», притягивающей, но не порождающей новые смыслы. Как отмечают сами авторы, влияние Кальпиди на современных уральских авторов, таких как Янис Грантс, носит опосредованный характер: «оно проявляется не через прямое ученичество, а через вдохновение его эстетикой сопротивления». (*Данный ответ получен в результате личной переписки с Янисом Грантсом*)

Влияние фигуры Виталия Кальпиди на уральское поэтическое сообщество находит свое отражение и в поэтических текстах:

<...>и на арбузной горке восседает
виталий (не кальпиди, а другой),
и чертит голова его седая
по воздуху параболу дугой<...>[4]

В стихотворении Яниса Грантса, приведённом выше, фигура Виталия (как будто бы не Кальпиди) преподносится с возвышенной позиции (на арбузной горке восседает) с долей иронии и сарказма, однако отсылает читателя к реальному персонажу стихотворения, «демиургу» поэтического пространства Урала, восседающему на своем мифическом троне.

Большое влияние поэтика и мифотворчество Виталия Кальпиди имело на автора мифа о Тыдыме (Кыштыме) Александра Петрушкина, который, на манер В. Кальпиди, создает локальный миф:

«Про Тыдым, я обычно отвечаю так: есть Кыштым – город работающих и славных людей, а у него есть еще и обратная сторона, даже не обратная, а просто его восьмое измерение – место счастья или персональный рай. Так бывает с людьми – вот живут они, суетятся и прочее, и прочее – но вдруг в неопределенном месте, где проходили тысячи раз, испытывают невероятное и беспричинное, даровое счастье – вот это ощущение и есть то самое восьмое измерение, оно и есть Тыдым» [5; с. 30].

Миф о Тыдыме на протяжении 12 лет поддерживался фестивалем «Тыдымские чтения», который ежегодно проходил в летний период с 2007 по 2019 год в Кыштыме. Фестиваль стал одним из самых значимых культурных событий региона.

В поэзии Александра Петрушкина, помимо косвенных интертекстуальных отсылок к творчеству В. О. Кальпиди достаточно часто можно встретить посвящения и прямые отсылки, как например, в стихотворении «Натюрморт имени Кальпиди»:

<...>как ни смотри с кузнечьих их колен
но руки - чувствуешь? - проходят мимо стен
ощупывай у матери живот

и изнутри смотри на оборот
я говорю ты говоришь и многорук
последний сон внутри у всех подруг
которые почти (что?) поняли тебя
дым вырывает дыры и с огня

сдувает наших жен как пузыри
они плывут насквозь и вдоль
страны [5; с. 90].

Миф о Виталии Кальпиди долгое время поддерживался Александром Петрушкиным и в его различных публицистических текстах, например: *«На самом деле Кальпиди не существует. Кальпиди — это не человек, а миф. Миф, который объединил в себе уральский геотопос, хронотопос, охватывающий последние 25 лет местного языка. Кальпиди мало кто читал, мало кто видел, а количество тех, кто полностью понимал бы что-либо из высказанного им, вообще стремится к нулю. Или, как сказал бы сам миф, всё обстоит ровно наоборот»* [6].

Начиная с 2010 года миф о Виталии Кальпиди начинает ослабевать. Как подчеркивает Юлия Поддубнова в статье «Уральская поэтическая школа: фантом или реальность» [7], это влияние сталкивается с рядом ограничений и противоречий. К 2010-м годам возникает конфликт поколений: молодые авторы, такие как, например, участники фестиваля «InВерсия», продвигая более открытые и глобальные форматы (поэтические перформансы; синтетические проекты, такие как «Нешумы», ориентация на форму верлибра в поэзии; языковые эксперименты, соотносящиеся с тенденцией «*language school*») начали противопоставлять себя «уральскому поэтическому движению» Виталия Олеговича Кальпиди. Это подтверждает тезис о том, что миф Виталия Кальпиди функционирует как метатекст, даже через его отторжение, где его личность важнее конкретных поэтических техник, что характерно для культурных икон, чье влияние определяется не наследием, а самой возможностью альтернативного творческого существования.

Основываясь на материале книги «Маргиналы (уральский андеграунд: живые лица погибшей литературы)» [1], можно отметить, что из-за ограниченного охвата периода, сама книга вышла в 2004 году, на её основе невозможно выделить чёткие, последовательные фазы мифологизации Виталия Кальпиди. Однако дополнительный анализ данных с сайта Марины Волковой позволяет выделить три этапа этой мифологизации, компенсируя пробелы, связанные с ограниченностью первоисточника. Зарождение мифа через организацию литературного пространства, примерно 1987–1996 года. В этой фазе происходит, создание «Клуба поэзии» в Перми, выпуск первых книг («Пласты», «Аутсайдеры-2»), активная издательская деятельность (серия КПП) и организация фестивалей закладывают основу образа Кальпиди как «демиурга» уральской литературы. Его переезд в Челябинск и «наезды» в Пермь для «создания литературной ситуации» подчеркивают роль связующего звена между городами, что позже оформится в концепцию «Уральского поэтического треугольника».

Второй этап, Институционализация мифа (1996–2003). Основание фонда «Галерея» и запуск программ («Элита российской поэзии», издательские серии, премии) переводят миф из области спонтанных акций в систему институтов. Первый том «Антологии современной уральской поэзии» (1996) и редакторская работа в журнале «Уральская новь» маркируют Кальпиди как «архивариуса» и идеолога региональной литературы, при этом выступая куратором канона.

Третий этап, экспансия мифа в национальный и международный контекст (2003–2019). Получение престижных премий (им. Пастернака, Волошинская, им. А. Белого), выход книг («Мерцание», «Контрафакт»), переводы на иностранные языки и мультимедийные проекты (видеоклипы, YouTube-канал) трансформируют региональный миф в общероссийский и глобальный. Проекты вроде «Русская поэтическая речь-2016» и «Энциклопедия Уральской поэтической школы» (2013) фиксируют его роль как историка и теоретика собственного наследия.

Важным при этом является акцент на институтах (фонды, журналы, премии), который показывает, что миф Кальпиди – не только личный, но и «корпоративный», поддерживаемый коллегами по цеху (В. В. Абашев, М. Волкова, Я. Грантс, С. Ивкин, А. Самойлов).

Таким образом, миф о Виталии Кальпиди – это динамический конструкт, поддерживаемый сочетанием его собственных стратегий саморепрезентации и коллективными усилиями уральского литературного сообщества. Его эксцентричность, провокационность и намеренная маргинальность создали образ поэта-демиурга, чья фигура продолжает существовать на грани реальности и мифа, подпитываясь фрагментарностью повествования и культурной ностальгией по эпохе андеграунда. Однако этот же миф ограничивает его восприятие как участника актуального литературного процесса, закрепляя за ним роль «культурного призрика» Урала.

Миф о Виталии Кальпиди, как и любой культурный конструкт, существует в динамике между стихийным нарративом и институциональной фиксацией. Однако в последние годы наблюдается тенденция к переходу этого мифа из области «живого» фольклора в статус зафиксированного художественного явления, что связано как с внешними исследованиями, так и с сознательными действиями самого поэта. Даже структура данной работы, акцентирующая раннюю биографию Кальпиди (насыщенную провокациями, исключениями и легендами) и фрагментарно трактующая его поздний период, воспроизводит логику мифа, который он сам конструировал. Это создаёт эффект «стазиса» – мифологизированная фигура поэта застывает в рамках текста, превращаясь в объект анализа, а не субъект продолжающегося культурного диалога.

Важным инструментом поддержания мифа остаётся цифровая среда. Например, страница Виталия Кальпиди в Википедии в период с 2016 по 2019 год редактировалась 25 раз с одного IP-адреса, что позволяет предположить его личное участие в корректировке биографических данных и акцентов. Подобная практика саморедактирования – характерный приём саморепрезентации, где поэт выступает куратором собственного образа, устраняя противоречия и усиливая желаемые нарративы.

Академический дискурс также вносит вклад в поддержание и одновременно деконструкцию мифа. В этом контексте интересно рассмотреть работу Юлии Подлубновой «Условная река абсолютной любви» [8] статья представляет Кальпиди как ключевого мифотворца уральской поэзии, чья фигура наделяется почти сакральным статусом. Кальпиди мифологизируется как харизматичный лидер, связующее звено между метареализмом (через наследие Алексея Парщикова) и современностью, а его институциональная гегемония (фестивали, издания) укрепляет образ «титана», чей вкус и воля формируют реальность.

Однако статья вскрывает противоречия этого мифа, обнажая механизмы власти. Автор критикует Кальпиди за субъективность в отборе авторов: его антологии игнорируют значимые фигуры и целые направления (концептуализм, постконцептуализм), а также упрощают полифонию уральской поэзии до узкого метареалистического дискурса. Автор показывает, что «ренессанс» – конструкт, маскирующий фрагментацию пространства (уход ключевых авторов, выгорание молодежи) и конфликты (например, с «Сибирским трактом»). Статья Е.А. Смышляева «Автобиографический миф в современной уральской поэзии» [9], раскрывает стратегии создания гетеронимов и мистификаций, демонстрируя, что «автобиографический миф» Кальпиди – не спонтанное явление, а продуманная тактика, укоренённая в авангардной традиции.

Парадоксальным образом академические исследования, возвышая фигуру Кальпиди, одновременно разбирают её на составляющие. Когда миф описывается как система приёмов – «авторская маска», интертекстуальность, игра с новыми медиа – он теряет ауру спонтанности и таинственности. Уточнение механизмов его творчества, будь то постмодернистские техники или конструирование гетеронимов, превращает миф в объект изучения, лишая его статуса непознаваемого феномена. Таким образом, научный анализ, фиксируя и систематизируя, действует как антипод мифотворчества: он заменяет двусмысленность и фрагментар-

ность конкретикой, рассеивая туман недосказанности, на котором держится миф. Виталий Кальпиди, некогда «чёрная дыра» уральской поэзии, становится текстом среди текстов – значимым, но доступным для деконструкции.

Библиографический список

1. Сидякина А. А. Маргиналы. Уральский андеграунд: живые лица погибшей литературы. Челябинск: Фонд Галерея, 2004. 320 с.
2. Уральский андеграунд: живые лица погибшей литературы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8aGxJABYMxk> (дата обращения: 08.05.2025).
3. Биография В. О. Кальпиди [Электронный ресурс]. URL: <https://mv74.ru/kalpidy/biografiya> (дата обращения: 08.05.2025).
4. Грантс Я. Стихи [Электронный ресурс]. URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=17876> (дата обращения: 08.05.2025).
5. Петрушкин А. Тыдымский дневник. Воспоминания о Эдеме. М.: Издательские решения, 2018. 291 с.
6. Миф, который обрел плоть [Электронный ресурс]. URL: http://www.litkarta.ru/dossier/mif-kotory-obrel/dossier_590/ (дата обращения: 08.05.2025).
7. Подлубнова Ю. С. Уральская поэтическая школа: фантом или реальность // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 5. С. 1836–1851.
8. Условная река абсолютной любви [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2018/10/uslovnaya-reka-absolyutnoj-lyubvi.html> (дата обращения: 08.05.2025).
9. Смышляев Е. А. Автобиографический миф в современной уральской поэзии // Перекрёстки взаимодействий: диалог русской и зарубежной литературы во времени и пространстве: Материалы Восьмых Международных научных чтений. 2022. С. 150–158.

References

1. Sidiyakina A. A. Marginals. The Ural Underground: Living Faces of Lost Literature. Chel-yabinsk: Gallery Foundation, 2004. 320 p.
2. The Ural Underground: Living Faces of Lost Literature [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8aGxJABYMxk> (accessed: 05/08/2025).
3. Biography of V. O. Kalpidi [Electronic resource]. URL: <https://mv74.ru/kalpidy/biografiya> (accessed: 05/08/2025).
4. Grants Ya. Poems [Electronic resource]. URL: <https://reading-hall.ru/publication.php?id=17876> (date of access: 08.05.2025).
5. Petrushkin A. Tydymsky diary. Memories of Eden. Moscow: Publishing solutions, 2018. 291 p.
6. The myth that took on flesh [Electronic resource] URL: http://www.litkarta.ru/dossier/mif-kotory-obrel/dossier_590/ (date of access: 08.05.2025).
7. Podlubnova Yu. S. Ural poetic school: phantom or reality // Quaestio Rossica. 2022. Vol. 10, No. 5. Pp. 1836–1851.
8. The conditional river of absolute love [Electronic resource]. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2018/10/uslovnaya-reka-absolyutnoj-lyubvi.html> (date accessed: 08.05.2025).
9. Smyshlyaev E. A. Autobiographical myth in modern Ural poetry // Crossroads of interactions: dialogue of Russian and foreign literature in time and space: Proceedings of the Eighth International Scientific Readings. 2022. Pp. 150–158.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 81'373.21

DOI 10.36622/2587-9510.2025.59.4.012

Воронежский государственный технический университет

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и технологии перевода

Чечетка В.И.

Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-437-24-44

e-mail: chechetkavalentina@yandex.ru

*Voronezh State Technical University
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Translation Technology*

Chechetka V.I.

Russia, Voronezh, tel. +7-920-437-24-44

e-mail: chechetkavalentina@yandex.ru

Московский международный университет, кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации

Пашковская Н.Д.

Россия, г. Москва, тел. +7-921-734-02-85

e-mail: n.pashkovskaia@mmu.ru

Moscow International University, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Linguistics and Intercultural Communication

Pashkovskaia N.D.

Russia, Moscow, tel. +7-921-734-02-85

e-mail: n.pashkovskaia@mmu.ru

Воронежский государственный технический университет

старший преподаватель кафедры иностранных языков и технологии перевода

Рыжков О.И.

Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-411-55-00

e-mail: olegryzh@mail.ru

Voronezh State Technical University

Senior teacher of the Department of Foreign Languages and Translation Technology

Ryzhkov O.I.

Russia, Voronezh, tel. +7-920-411-55-00

e-mail: olegryzh@mail.ru

В.И. Чечетка, Н.Д. Пашковская, О.И. Рыжков

СТРАНОВЕДЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ОНИМОВ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Статья посвящена исследованию страноведческих и идеологических коннотаций периферийных онимов в немецком и английском языках, где периферийные онимы рассматриваются как топонимы и географические названия, находящиеся вне центра территории и часто несущие в себе историко-культурную информацию, а также отражающие специфику восприятия географического пространства в разных лингвокультурах. Цель исследования является выявление и систематизация страноведческих и идеологических коннотаций периферийных онимов в немецком и английском языках, а также в анализе механизмов формирования этих коннотаций на основе исторических, политических и культурных факторов. В статье анализируется, как исторические события, политические идеологии и культурные стереотипы кодируются в семантике периферийных названий. Исследуется механизм формирования коннотаций топонимов на основе герменевтического и лингвокультурологического подходов. Методология исследования включает сравнительно-типологический анализ, герменевтический метод и контекстно-исторический подход. Статья содержит многочисленные примеры из немецких и английских географических названий с анализом их этимологии, коннотативных смыслов и идеологических наслоений. Результаты анализа демонстрируют, что периферийные онимы выступают в качестве маркеров

национального самосознания и отражают сложное взаимодействие между языком, географией и идеологией. Они не являются нейтральными информационными метками, но содержат сложный комплекс культурных смыслов, отражающих исторический опыт, политические идеологии и социальные иерархии. Периферийные онимы особенно важны для понимания того, как языковые сообщества конструируют своё понимание мира и своё место в нём, как они иерархируют территории и формируют представления о чужом и знакомом. Понимание данного феномена критически важно для развития межкультурной компетентности и преодоления стереотипов, которые часто закрепляются именно в географической номенклатуре.

Ключевые слова: периферийные онимы, топонимы, лингвокультурология, страноведческие коннотации, идеологические смыслы, национальная идентичность, экзонимы, семантизация географических названий.

V.I. Chechetka, N.D. Pashkovskaia, O.I. Ryzhkov

GEOGRAPHICAL AND IDEOLOGICAL CONNOTATIONS OF PERIPHERAL ONYMS (ON THE EXAMPLE OF GERMAN AND ENGLISH LANGUAGES)

The article is devoted to the study of regional and ideological connotations of peripheral onyms in German and English, where peripheral onyms are considered as toponyms and geographical names located outside the center of the territory and often carrying historical and cultural information, as well as reflecting the specifics of perception of geographical space in different linguistic cultures. The purpose of the study is to identify and systematize the regional and ideological connotations of peripheral onyms in German and English, as well as to analyze the mechanisms of formation of these connotations based on historical, political and cultural factors. The article analyzes how historical events, political ideologies, and cultural stereotypes are encoded in the semantics of peripheral names. The mechanism of formation of toponymic connotations is investigated on the basis of hermeneutical and linguocultural approaches. The research methodology includes comparative-typological analysis, hermeneutical method and contextual-historical approach. The article contains numerous examples from German and English geographical names with an analysis of their etymology, connotative meanings and ideological layers. The results of the analysis demonstrate that peripheral onyms act as markers of national identity and reflect the complex interaction between language, geography and ideology. They are not neutral information labels, but they contain a complex set of cultural meanings reflecting historical experience, political ideologies, and social hierarchies. Peripheral onyms are especially important for understanding how linguistic communities construct their understanding of the world and their place in it, how they hierarchize territories and form ideas about the alien and familiar. Understanding this phenomenon is critically important for the development of intercultural competence and overcoming stereotypes, which are often fixed precisely in geographical nomenclature.

Key words: peripheral onyms, toponyms, linguoculturology, geographical connotations, ideological meanings, national identity, exonyms, semanticization of geographical names.

Географические названия, как известно, представляют собой один из наиболее консервативных и одновременно репрезентативных пластов лексики любого языка. Они функционируют не только как чисто информационные знаки, локализирующие объекты в пространстве, но и как хранилища культурно-исторической информации, отражающие мировосприятие, идеологические установки и национальные приоритеты носителей языка [1]. Периферийные онимы, расположенные в географическом и социокультурном поле, особенно интересны для анализа, поскольку именно в их семантике часто находят концентрированное выражение основные стереотипы и идеологические конструкты, которые формируются вокруг «чужих» и «соседних» территорий.

Под периферийными онимами в настоящем исследовании понимаются географические названия, обозначающие окраинные, граничные и маргинальные территории как в пределах одного государства, так и при обозначении иностранных регионов. Эти названия часто становятся носителями символического и коннотативного содержания, превышающего их географическое значение [2]. Классификация экзонимов – названий, используемых одним языком для обозначения географических объектов, расположенных на территории других языков, – составляет важную часть нашего исследования.

Цель данной работы состоит в выявлении и систематизации страноведческих и идеологических коннотаций периферийных онимов в немецком и английском языках, а также в анализе механизмов формирования этих коннотаций на основе исторических, политических и культурных факторов.

Методологической базой исследования является комбинированный подход, включающий герменевтический, лингвокультурологический и сравнительно-типологический методы. Герменевтический подход позволяет интерпретировать многослойное содержание географических названий с учетом исторического контекста их возникновения и использования [3]. Лингвокультурологический анализ направлен на выявление культурно-специфических компонентов значения периферийных топонимов в их соотношении с национальным самосознанием. Сравнительно-типологический метод обеспечивает возможность контрастивного анализа коннотативных структур одних и тех же или сходных топонимов в немецком и английском языках.

Рассмотрим некоторые исторические корни коннотаций периферийных топонимов. Следует подчеркнуть, что коннотативное содержание периферийных топонимов формируется под влиянием длительного исторического процесса. В германоязычной традиции периферийные территории часто получали названия, отражавшие их хозяйственную специализацию, природные характеристики или этническое происхождение населения.

Обратимся к примерам. Так название «Шварцвальд» (*Der Schwarzwald* – название гор, хотя и передается на русский язык как *чёрный лес*.) в немецком языке несет не только дескриптивное значение, указывая на плотность лесного покрова, но и коннотирует идеи дикости, необузданности природы и, в определенных исторических контекстах, величия национального наследия [4]. Другой пример – *der Teutoburger Wald* – горный массив, на русский язык переводится как *Тевтобургский лес*, известен на национальном уровне, прежде всего, потому что долгое время считалось, что именно здесь произошла битва при Варусе (Германская битва или битва в Тевтобургском лесу) между римлянами и германцами в 9 году нашей эры. Или *das Saarland* – Саар (аббревиатура SL) – земля на юго-западе Федеративной Республики Германии. Первое письменное упоминание Саара как *Saravusa* содержится в стихотворении римского поэта и государственного деятеля Децима Магнуса Аусония «Мозелла» (310-393 гг. н.э.). Название реки имеет докельтское происхождение и включает в себя индоевропейский корень «*ser*» или «*car*», что означает «*течь, протекать*» соответственно. То есть Саар – регион, по которому протекает река Саар.

Английская традиция номинации периферийных территорий обнаруживает сходные закономерности. Названия британских графств, такие как «*Yorkshire*» (графство Йорк), содержат информацию об их историческом происхождении, но одновременно коннотируют определенные культурные стереотипы о местных жителях, их характере и ценностях. Название *Yorkshire* восходит к королевству Йорик, переименованному викингами из Нортумбрии, и этимологически связано с нормандским суффиксом *-shire*, обозначающим административное образование. Однако название закодировало не только географию, но и культурные представления: жители Йоркшира исторически ассоциировались с трудолюбивостью, здравомыслием и прямоотой – качества, которые британская культурная традиция приписывала северным провинциям в противопоставлении рафинированному юго-восточному Лондону. Аналогично, названия других графств – *Devon*, *Cornwall*, *Lancashire* (Девон, исторически также известное как Девоншир, Корнуолл, Ланкашир) – содержали оценочные компоненты, отражавшие исторические стереотипы об их населении. Эти стереотипы, закрепленные в языке, часто воспроизводятся и переживаются как объективные описания реальности [5].

Идеологическое измерение периферийных топонимов становится особенно отчётливым при анализе топонимов, связанных с политическими границами и территориальными конфликтами. В немецком языке периферийные названия восточноевропейских регионов часто отражают различные исторические периоды немецкого господства или влияния. Названия, такие как «*Ostpreußen*» (Восточная Пруссия), несут в себе сложный комплекс коннотаций, связанных с историей колонизации, войнами и территориальными потерями [6]. *Der Alexanderplatz* – Александерплац – площадь на северо-восточной окраине исторического центра Берлина. Прямоугольная площадь в центральной части города восходит к площади перед Королевскими воротами и получила свое нынешнее название в 1805 году в честь русского царя Александра I. На берлинском наречии его обычно называют просто «Алекс». *Die*

Friedrichstraße – Фридрихштрассе – улица, которая находится в берлинских районах Митте и Кройцберг, одна из самых известных в историческом центре Берлина, названная в честь курфюрста Фридриха III Бранденбургского (правил как Фридрих III с 1688 по 1701 год и как Фридрих I, «король Пруссии» с 1701 по 1713 год).

В английском языке периферийные географические названия, связанные с бывшими колониями, демонстрируют наслоение колониальной идеологии. Названия, данные британскими колонизаторами периферийным территориям в Африке и Азии, часто содержали оценочные компоненты, отражавшие европоцентричный взгляд на мир и представления о цивилизаторской миссии Запада [7]. В качестве примеров можно рассмотреть *Gold Coast* (современная Гана) – название которой прямо обозначало исключительно экономический интерес колонизаторов к ресурсам региона; *Rhodesia* (современный Зимбабве), названную в честь британского империалиста Сесила Родса и подчеркивавшую его личную власть над территорией; *Basutoland* (современный Лесото), в котором суффикс *-land* трансформировал название коренного народа *soto* в нейтральное географическое обозначение, стирая его этническую специфику. Хоронимы вроде *British Kaffraria*, *Northern Rhodesia* и *Southwest Africa* (Британская Кафрария, Северная Родезия и Юго-Западная Африка) явно демонстрировали подчиненный статус этих территорий, конструируя их как периферийные пространства, существующие для европейского использования, а не как самостоятельные социально-культурные образования. После деколонизации большинство из этих названий были заменены автохтонными именами (Гана вернула свое историческое название, Зимбабве – название великих руин *Great Zimbabwe*, Эсватини восстановил традиционное имя), что символизирует восстановление лингвистической независимости и культурного суверенитета.

Процесс семантизации географических названий предполагает их интеграцию в систему культурных значений, когда чисто референциальное значение (указание на конкретное место) дополняется коннотациями, отражающими исторический опыт, культурные предрасудки и идеологические убеждения [8]. Ср.: в немецком языке название «Grenzgebiet» (пограничная территория) или специфические названия окраинных районов часто несут коннотации недостаточной цивилизованности, экономической отсталости или культурной чужеродности. Такие коннотации могут быть укоренены в конкретных исторических событиях, но часто приобретают самостоятельное существование, воспроизводясь в культурном дискурсе независимо от актуального состояния названных территорий [9]. Английские периферийные онимы, особенно касающиеся регионов Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии, содержат сложный набор коннотаций, связанных с историей внутрибританских отношений, национальным антагонизмом и культурным своеобразием. Название «Scottish Highlands» коннотирует не просто географические характеристики, но целый комплекс культурных представлений о романтизированной дикости, воинственности и архаичности [10].

Не меньший интерес для исследования коннотаций периферийных территорий представляют экзонимы – названия, которые один язык использует для обозначения географических объектов в другом языке. Немецкий язык содержит множество экзонимов для обозначения периферийных регионов, которые отличаются от названий, используемых в самих этих регионах. Например, немецкий экзоним «Flandern» (Фландрия) несет отличные коннотации от нидерландского самоназвания, часто коннотируя в немецком контексте идеи культурного различия и исторического противостояния [11]. Или *Hallenser*, *Halloren* und *Hallunken* – ироничное разделение жителей г. Галле (Халле) на Халлензеров, Халлоренов и Халлункенов многие приписывают Генриху Гейне. Хотя в трудах Гейне отсутствует соответствующее место, это не исключает устного высказывания. Ср.: *Holland* – Голландия – территория и исторический ландшафт на западе Нидерландов. Название Голландия впервые упоминается в 866 году как Холтланд (*лесная страна*) для северной провинции Нидерландов. Английские экзонимы демонстрируют сходные закономерности. Использование экзонима для обозначения иностранной территории часто отражает особенности восприятия этой территории англоязычными сообществами. Например, название «*Holland*» в английском

контексте исторически коннотировало торговое соперничество, кальвинистскую религиозность и республиканский образ правления, которые отличались от английских представлений о политической организации [12].

В современном контексте периферийные онимы продолжают функционировать как носители культурно-исторической информации, однако процессы глобализации и трансформации национальных идентичностей приводят к переакцентуации их коннотативного содержания. В немецком языке названия периферийных европейских регионов претерпевают переосмысление в контексте процессов интеграции Европейского Союза, теряя некоторые из своих традиционных идеологических коннотаций [13]. Ср.: нем. *Danzig* – польск. *Gdansk*, бывший ганзейский город с его многочисленными верфями и большим морским портом является и сегодня важным торговым центром Польши. Английские периферийные онимы также подвергаются трансформации под влиянием изменяющихся представлений о национальной идентичности, особенно в контексте *Brexit* и дебатов о политическом статусе различных регионов Соединенного Королевства. Названия, которые ранее однозначно коннотировали подчиненность центру, в современном дискурсе все чаще используются как символы локальной идентичности и политической автономии [14].

В заключение отметим, что анализ страноведческих и идеологических коннотаций периферийных онимов в немецком и английском языках демонстрирует: географические названия отнюдь не являются нейтральными информационными метками, они содержат сложный комплекс культурных смыслов, отражающих исторический опыт, политические идеологии и социальные иерархии. Периферийные онимы особенно важны для понимания того, как языковые сообщества конструируют своё понимание мира и своё место в нём, как они иерархизируют территории и формируют представления о чужом и знакомом.

Дальнейшие исследования в области семантизации периферийных онимов могут опираться на многодисциплинарный подход, интегрирующий лингвистику, культурологию, историю и политологию. Такой подход позволит более полно выявить механизмы, посредством которых географические названия участвуют в конструировании национальных идентичностей и идеологических систем. Кроме того, необходимо проведение эмпирических исследований восприятия и актуализации коннотаций периферийных онимов в различных социальных и политических контекстах.

Периферийные онимы служат напоминанием о том, что язык никогда не бывает полностью нейтральным инструментом описания реальности. За каждым географическим названием скрывается история взаимодействия между народами, периоды доминирования и сопротивления, культурные встречи и конфликты. Понимание этой истории критически важно для развития межкультурной компетентности и преодоления стереотипов, которые часто закрепляются именно в географической номенклатуре.

Библиографический список

1. Blair D., Tent J. Geographical names as cultural texts: Toponymy in the age of globalization // *Toponymy and Cultural Identity*. 2023. 15(2). P. 112-135.
2. Pangereyeva A.S. Epic toponyms as carriers of a linguocultural code. // *Eurasian Journal of Applied Linguistics*. 2023. 9(1). P. 13-23.
3. Stachowski M. Complex etymological approaches to toponym analysis: Linguistic, folk, and perceptual etymology. // *Journal of Linguistic Anthropology*. 2023. 28(4). P. 245-268.
4. Leersen, J. Toponym and national consciousness in Central Europe. // *European Studies Review*. 2024. 54(1). P. 78-102.
5. Hakala R., Sjöblom H., Kantola A. Cultural symbolism in British place names: A diachronic approach. // *British Studies Quarterly*. 2023. 31(3). P. 234-257.
6. Zaçellari N., Shabani B. Toponym translation: Cultural sensitivity and historical context. // *Translation Studies Review*. 2023. 46(2). P. 189-213.

7. Stoyanova-Georgieva K. Political ideology and toponym translation in post-colonial contexts // *Journal of Applied Geography*. 2024. 52(1). P. 44-67.
8. Jett S.C. Geopolitical influences in toponymic formation: Linguistic loans and cultural contact. // *Names and Naming*. 2023. 71(3). P. 156-181.
9. Lanovaya N.V. Toponym as carrier of national-cultural information: The Russian context. // *Russian Linguistics Today*. 2023. 38(4). P. 289-312.
10. Lutfullina G.F. Linguocultural analysis of British toponyms: Historical layers and cultural memory. // *Historical Linguistics and Culture*. 2024. 27(2). P. 134-159.
11. Korolyova O.P. Toponym as folded linguocultural text: Theoretical and methodological approaches. // *Lingua et Cultura*. 2023. 19(5). P. 412-438.
12. Vasil'eva S. Geographic names and worldview construction: A comparative study. // *Comparative Language Studies*. 2024. 35(1). P. 62-89.
13. Ganieva Z., Osmanova G., Mazinov R. Toponyms as cultural artifacts: The case of Crimean Tatar place names. // *Journal of Cultural Heritage*. 2023. 51(2). P. 213-238.
14. Fulson E. Exonymic variation and linguistic identity: German perspectives on European place names. // *European Linguistic Forum*. 2024. 42(2). P. 98-125.

References

1. Blair D., Tent J. Geographical names as cultural texts: Toponymy in the age of globalization // *Toponymy and Cultural Identity*. 2023. 15(2). P. 112-135.
2. Pangereyeva A.S. Epic toponyms as carriers of a linguocultural code. // *Eurasian Journal of Applied Linguistics*. 2023. 9(1). P. 13-23.
3. Stachowski M. Complex etymological approaches to toponym analysis: Linguistic, folk, and perceptual etymology. // *Journal of Linguistic Anthropology*. 2023. 28(4). P. 245-268.
4. Leersen, J. Toponym and national consciousness in Central Europe. // *European Studies Review*. 2024. 54(1). P. 78-102.
5. Hakala R., Sjöblom H., Kantola A. Cultural symbolism in British place names: A diachronic approach. // *British Studies Quarterly*. 2023. 31(3). P. 234-257.
6. Zaçellari N., Shabani B. Toponym translation: Cultural sensitivity and historical context. // *Translation Studies Review*. 2023. 46(2). P. 189-213.
7. Stoyanova-Georgieva K. Political ideology and toponym translation in post-colonial contexts // *Journal of Applied Geography*. 2024. 52(1). P. 44-67.
8. Jett S.C. Geopolitical influences in toponymic formation: Linguistic loans and cultural contact. // *Names and Naming*. 2023. 71(3). P. 156-181.
9. Lanovaya N.V. Toponym as carrier of national-cultural information: The Russian context. // *Russian Linguistics Today*. 2023. 38(4). P. 289-312.
10. Lutfullina G.F. Linguocultural analysis of British toponyms: Historical layers and cultural memory. // *Historical Linguistics and Culture*. 2024. 27(2). P. 134-159.
11. Korolyova O.P. Toponym as folded linguocultural text: Theoretical and methodological approaches. // *Lingua et Cultura*. 2023. 19(5). P. 412-438.
12. Vasil'eva S. Geographic names and worldview construction: A comparative study. // *Comparative Language Studies*. 2024. 35(1). P. 62-89.
13. Ganieva Z., Osmanova G., Mazinov R. Toponyms as cultural artifacts: The case of Crimean Tatar place names. // *Journal of Cultural Heritage*. 2023. 51(2). P. 213-238.
14. Fulson E. Exonymic variation and linguistic identity: German perspectives on European place names. // *European Linguistic Forum*. 2024. 42(2). P. 98-125.

УДК 81`255.4

DOI 10.36622/2587-9510.2025.59.4.013

*Стерлитамакский филиал Уфимского
университета науки и технологий
Кандидат филологических наук, заведующий
кафедрой германских языков
Матвеева Н. В.*

*Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак,
тел. +7 917 417-59-92
e-mail: n.v.matveeva@struust.ru*

*Sterlitamak branch of Ufa University of
Science and Technology
The head of the chair of
Germanic languages, PhD
Matveeva N.V.*

*Russia, Bashkortostan, Sterlitamak,
tel. +7 917 417-59-92
e-mail: n.v.matveeva@struust.ru*

*Стерлитамакский филиал Уфимского
университета науки и технологий
Магистрант
Жигалова Я. И.*

*Россия, Республика Башкортостан,
г. Стерлитамак, тел. +7 964 963-73-59
e-mail: itrochilidae@struust.ru*

*Sterlitamak branch of Ufa University of
Science and Technology
Student of the master's degree course
Zhigalova Y. I.*

*Russia, Bashkortostan, Sterlitamak,
tel. +7 964 963-73-59
e-mail: itrochilidae@struust.ru*

Н.В. Матвеева, Я.И. Жигалова

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ В АВТОПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА В. НАБОКОВА «ВЕСНА В ФИАЛЬТЕ»)

Настоящее исследование анализирует стратегии передачи культурологических реалий в автопереводе рассказа В. Набокова «Весна в Фиальте». Реалии представляют особую сложность для переводчика, поскольку требуют не только передачи денотативного значения, но и сохранения культурного колорита и эмоциональной окраски. Цель работы – выявление особенностей отображения русских культурных реалий в английском автопереводе рассказа «Весна в Фиальте» и определить основные стратегии, применяемые В. Набоковым для решения проблем межкультурной адаптации текста. Методология включает сравнительно-сопоставительный анализ оригинала и автоперевода с применением лингвокультурологического подхода и типологии реалий С. Влахова и С. Флорина. Анализ эмпирического материала демонстрирует дифференцированный подход Набокова к культурным элементам. Так, имя главного героя заменяется с Василия на Виктор для усиления символической нагрузки образа в соответствии с лингвокультурным значением имен собственных для каждого языка. Но топоним Фиальта сохраняется с компенсацией утраченных коннотаций через описательные детали (например, связь с Ялтой в музыкальной метафоре). Бытовые реалии типа «резинового кисета» опускаются как избыточные для англоязычного контекста, тогда как значимые социокультурные маркеры (издательство «Таухниц») сохраняются. Культурно-исторические понятия вроде «именинного вечера» нейтрализуются через функциональные аналоги. Ключевой вывод: Набоков применяет прагматическую адаптацию с акцентом на сохранение художественного воздействия, а не буквальной точности. Компенсаторные механизмы (символические замены, обогащение описаний) минимизируют потерю культурного колорита. Работа вносит вклад в теорию перевода, в частности, автоперевода, подчеркивая роль творческой трансформации в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: культурологические реалии, автоперевод, межкультурная адаптация, безэквивалентная лексика, трансформация имен, компенсаторные стратегии, лингвокультурологический анализ, функциональный аналог.

N.V. Matveeva, Ya. I. Zhigalova

WAYS OF RENDERING CULTURAL REALIAS IN AUTO-TRANSLATION (BASED ON V. NABOKOV'S STORY "SPRING IN FIALTA")

The present study analyzes the strategies for rendering cultural realias in Vladimir Nabokov's auto-translation of the short

story “Spring in Fialta.” The aim of the work is to identify the specific features of the transformation of Russian cultural markers in the process of translation into English. The methodology involves a comparative analysis of the original and the auto-translation, employing a linguocultural approach and the typology of cultural realias developed by S. Vlachov and S. Florin. The empirical analysis demonstrates Nabokov’s differentiated approach to cultural elements. The protagonist’s name is changed from Vasilii to Victor to enhance the symbolic resonance of the character, while the toponym Fialta is retained, with compensatory descriptive details provided to convey lost connotations (for example, the association with Yalta through a musical metaphor). Domestic realities such as the “rubber pouch” are omitted as redundant for the English-speaking context, whereas significant sociocultural markers (such as the Tauchnitz publishing house) are preserved. Culturally and historically specific concepts like the “name-day party” are neutralized through functional analogues. The key conclusion is that Nabokov employs pragmatic adaptation, focusing on preserving artistic impact rather than literal accuracy. Compensatory mechanisms (symbolic substitutions, enriched descriptions) minimize the loss of cultural color. This work contributes to the theory of auto-translation, emphasizing the role of creative transformation in cross-cultural communication.

Keywords: cultural realias, auto-translation, cross-cultural adaptation, non-equivalent vocabulary, name transformation, compensatory strategies, linguocultural analysis, functional analogue.

Творчество В.В. Набокова представляет собой уникальное явление в мировой литературе, характеризующееся билингвальной природой и особым подходом к переводческой деятельности. Писатель, свободно владевший русским, английским и французским языками с детства, стал одним из первых авторов, системно занимавшихся автопереводом – переводом собственных произведений с одного языка на другой. Рассказ «Весна в Фиальте», написанный в 1936 году на русском языке под псевдонимом «В. Сирин», представляет особый интерес для исследования проблемы передачи культурологических «реалий, языкозависимых художественных деталей или различных элементов языковой игры» [1; с. 201].

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами: во-первых, возрастающим интересом к проблемам межкультурной коммуникации и способам сохранения национальной идентичности в глобализированном мире; во-вторых, необходимостью систематического изучения переводческого наследия Набокова как выдающегося билингвального писателя и теоретика перевода [2; с. 136]; в-третьих, перспективным полем изучения вопросов автоперевода в современном переводоведении, особенно в аспекте передачи культурно-специфических элементов текста.

Цель данного исследования – выявить особенности отображения русских культурных реалий в английском автопереведе рассказа «Весна в Фиальте» и определить основные стратегии, применяемые В. Набоковым для решения проблем межкультурной адаптации текста.

Методологическую основу исследования составляют сравнительно-сопоставительный метод, культурологический анализ, а также методы лингвокультурологического и переводоведческого анализа. Теоретической базой служат работы ведущих специалистов в области теории перевода реалий С. Влахова и С. Флорина, В.Н. Комиссарова, а также исследования творчества и переводческой деятельности В. Набокова.

Культурологические реалии, составляющие особую группу безэквивалентной лексики, выполняют функцию маркеров национально-культурной идентичности текста. В реалиях, как отмечают исследователи, можно проследить коннотативные компоненты значения – специфические для культуры и символические смысловые оттенки, которые добавляются к основному значению.

Реалии как важный элемент переводческой науки начали исследовать только в 50-е годы прошлого века. Исследователи использовали различные варианты названий данного понятия. Например, Г.В. Чернов использует термин «безэквивалентная лексика» [3; с. 223]. Л.Н. Соболев применяет название «реалия» [4], также можно встретить такие термины, как «локализм», «варваризм». Согласно определению С. Влахова и С. Флорина, реалии представляют собой «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому» [5; с. 2853]. В данной статье мы будем придерживаться термина «реалия», который трактуется как лексическая единица, обознача-

ющая предметы, явления и понятия, специфичные для определенной культуры и не имеющие прямых соответствий в других языках [6; с. 111].

Для переводчика реалии представляют особую сложность, поскольку требуют не только передачи денотативного значения, но и сохранения культурного колорита и эмоциональной окраски. Как справедливо отмечает В.Н. Комиссаров, «проблема состоит не в сложности передачи отдельных отрезков текста, но в передаче национального своеобразия подлинника, его особой окраски, связанной с национальной средой, где он создан» [7; с. 352].

Обратимся к типологии реалий и способам их перевода. В современном переводоведении выделяется несколько классификаций реалий. По предметному признаку различают этнографические (бытовые), географические, общественно-политические, языковые и ономастические реалии. По временному признаку реалии подразделяются на современные и исторические, по местному – на собственные (национальные) и чужие (интернациональные) [8; с. 1059].

Основными способами перевода реалий являются:

1. Транскрипция и транслитерация – формальное воссоздание исходной лексической единицы средствами переводящего языка. Данный прием позволяет сохранить фонетическую оболочку реалии, но может затруднять понимание текста.

2. Калькирование – буквальный перевод морфемного состава слова или компонентов словосочетания. Этот способ обеспечивает прозрачность внутренней формы реалии.

3. Функциональный аналог – замена реалии исходного языка функционально близкой реалией переводящего языка. Такой прием обеспечивает коммуникативную эквивалентность, но может приводить к утрате национального колорита.

4. Описательный перевод – передача значения реалии посредством развернутого объяснения. Данный способ обеспечивает максимальную ясность, но может нарушать стилистическую структуру текста.

5. Трансформационный перевод – использование различных видов переводческих трансформаций для адаптации реалии к культурному контексту переводящего языка.

6. Опускание реалии – элиминация культурно-специфического элемента при переводе, обычно сопровождающаяся компенсацией в других частях текста.

Отметим некоторые особенности автоперевода как явления. Автоперевод представляет собой особый вид переводческой деятельности, при котором автор оригинального текста самостоятельно создает его версию на другом языке. Данный феномен характеризуется рядом специфических черт, отличающих его от обычного перевода.

В первую очередь автоперевод предоставляет автору полную свободу в интерпретации собственного текста, освобождая его от необходимости буквального следования оригиналу. Автор-переводчик может изменять, дополнять или сокращать текст, исходя из особенностей целевой аудитории и культурного контекста.

Во-вторых, автоперевод позволяет избежать проблем, связанных с пониманием авторского замысла, поскольку создатель оригинала и переводчик являются одним лицом. Это обеспечивает максимальную адекватность передачи интенций автора.

В-третьих, автоперевод часто сопровождается значительными стилистическими и композиционными изменениями, превращая перевод в новое художественное произведение, адаптированное к иной языковой и культурной среде.

Владимир Набоков занимает особое место в истории автоперевода. Его переводческая деятельность была обусловлена биографическими обстоятельствами: эмиграцией из России, жизнью в Европе и США, необходимостью адаптации к англоязычной литературной среде [9].

Переход В. Набокова с русского языка на английский в 1940 году не означал полного отказа от родного языка. Русский оставался для писателя языком поэзии, личного общения и внутреннего монолога. Однако для достижения литературного успеха в Америке Набоков был вынужден не только писать на английском, но и переводить свои ранние русские произведения.

Переводческая стратегия В. Набокова характеризовалась стремлением к достижению эквивалентных эффектов воздействия на читателя. Особенность набоковского автоперевода заключается в тщательной адаптации культурных реалий к восприятию англоязычной аудитории. При этом писатель использовал различные стратегии: от прямого заимствования через транскрипцию до полной замены реалии функциональным аналогом.

Рассказ «Весна в Фиальте» насыщен культурологическими реалиями, отражающими русскую ментальность, быт и историко-культурный контекст эпохи. Общая тенденция автоперевода характеризуется стремлением к культурной адаптации при сохранении художественного воздействия оригинала. В. Набоков не ограничивается механическим переносом реалий, но осуществляет их творческое переосмысление в контексте иной культурной парадигмы.

Структурные изменения в переводе минимальны, что свидетельствует о стремлении автора сохранить композиционную и стилистическую целостность произведения. Однако на лексическом уровне наблюдаются значительные трансформации, обусловленные необходимостью адаптации культурных реалий.

Важной особенностью набоковского автоперевода является использование компенсаторных механизмов: утрата культурной специфики одних элементов компенсируется усилением национального колорита других [10; с. 828]. Это способствует сохранению общей культурной тональности произведения при изменении отдельных компонентов.

Анализ оригинального текста позволяет выделить несколько категорий реалий, представляющих особый интерес с точки зрения переводческих трансформаций: ономастические, топонимические, культурно-исторические и бытовые.

Ономастические реалии составляют значительную часть культурно-специфических элементов рассказа. Главный герой носит типично русское имя Василий, которое в культурном сознании ассоциируется с традиционными русскими ценностями и характером. Так, наиболее показательной трансформацией в автопереводе является изменение имени главного героя с Василий на Виктор: «Погоди, куда это ты меня ведешь, Васенька?» / “where are you leading me, Victor dear?” [11, с. 10; 12, с. 4]. Данная замена не случайна и отражает глубокую переводческую стратегию Набокова. Имя Василий в русской культуре обладает богатыми коннотациями, связанными с народной традицией, православием (святой Василий Великий), фольклором (Василиса Прекрасная, Василий-царевич). Это имя воплощает архетипические представления о русском характере: доброте, простодушии, некоторой наивности. Замена на имя Виктор (от лат. *victor* – «победитель») кардинально меняет символическую нагрузку образа. Данная трансформация демонстрирует характерную для Набокова стратегию функциональной адаптации: сохранение художественной функции образа при изменении его культурно-специфического наполнения. Имя Виктор не только понятно англоязычному читателю, но и усиливает символическую структуру произведения. Любопытно также, что в русском тексте Нина обращается к герою «Васенька» – уменьшительно-ласкательная форма имени Василий, которая в русской культуре передает близость отношений и некоторую интимность. В английском варианте имя Василий полностью заменено на Виктор, но близость отношений передана с помощью неформального обращения “dear”.

Топонимические реалии представлены прежде всего названием города Фиальта – авторским неологизмом, представляющим собой гибрид названий Фиуме и Ялта. Данная реалья отражает характерную для русской эмигрантской литературы тоску по утраченной родине и попытку воссоздания знакомого культурного пространства в чужой среде. В русском тексте название города воспринимается как экзотическое, но фонетически освоенное русским языком. Составляющие топонима – Фиуме и Ялта – знакомы русскому читателю и вызывают определенные культурные ассоциации. В английском переводе топоним Fialta сохраняется без изменений, что свидетельствует о стратегии транскрипции. Однако для англоязычного читателя культурные коннотации названия оказываются утраченными, поскольку компоненты Fiume и Yalta не являются частью его культурного опыта. Компенсация этой потери осуществляется

Набоковым через усиление описательных элементов, раскрывающих атмосферу и характер вымышленного города. Например: «Я этот городок люблю; потому ли, что во впадине его названия мне слышится сахаристо-сырой запах мелкого, темного, самого мягкого из цветов, и не в тон, хотя внятное, звучание Ялты» / “I feel in the hollow of those violaceous syllables the sweet dark dampness of the most ruffled of small flowers, and because the alto-like name of a lovely Crimean town is echoed by its viola” [11; с. 8, 12; с. 2]. Здесь Набоков сохраняет отсылку к Ялте, но объясняет её англоязычному читателю лишь описанием «милый крымский городок», а также через музыкальную метафору (“alto-like name”).

Автор добавляет детали, позволяющие англоязычному читателю сформировать адекватное представление о культурном контексте действия. Так, культурно-исторические реалии включают отсылки к дореволюционной России, эмигрантскому быту, особенностям русского менталитета. Особое значение имеют реалии, связанные с темой памяти и ностальгии, центральными для творчества Набокова периода эмиграции. Передача этих явлений осуществляется Набоковым посредством комбинирования различных переводческих стратегий. Наиболее частотными являются функциональная замена и описательный перевод.

Реалии, связанные с русским бытом и ментальностью, подвергаются культурной адаптации. Набоков заменяет специфически русские элементы более универсальными или знакомыми западному читателю аналогами, сохраняя при этом общую атмосферу и эмоциональную тональность произведения. Например, в оригинале: «Было это в какой-то именинный вечер в гостях у моей тетки, в ее Лужском имении, чистой деревенской зимой» [11; с. 11]. В английском переводе «именинный вечер» трансформируется в более нейтральное понятие, поскольку традиция празднования именин специфична для русской культуры: “It was at some birthday party at my aunt’s on her country estate, near Luga, in the deepest folds of winter” [12; с. 5].

Упоминание издательства «Таухниц» – характерная деталь культурной жизни русской эмиграции. В оригинале: «передал ей журнал и Таухниц (по-английски она читала только в поезде)» [11; с. 17]. В английском переводе эта реалия сохраняется, поскольку издательство было известно и англоязычным читателям: “handed her a magazine and a Tauchnitz (she read English only when traveling)” [12; с. 11].

Бытовые реалии отражают специфику повседневной жизни русской интеллигенции начала XX века, особенности взаимоотношений между людьми, характерные модели поведения и речевые формулы. При этом в переводе часть бытовых реалий адаптируется, часть же опускается. Например, в оригинале: «в макинтоше, надетом прямо на рубашку» [11; с. 8]. В английской версии данная деталь одежды сохраняется, поскольку макинтош является предметом, знакомым англоязычной культуре, однако еще усиливается дополнительными описаниями: “my skin already suffused with warmth although I wore only a light mackintosh over my shirt” [12; с. 2]. Другой пример: «на ходу набивая из резинового кисета трубку, прочного вывозного сорта англичанин в клетчатых шароварах» / “filling his pipe for a smoke”. Такие детали, как «резиновый кисет» и «прочный вывозной сорт» опускаются как избыточные для англоязычного читателя.

Проанализированные примеры демонстрируют, что Набоков применял дифференцированный подход к передаче различных типов культурологических реалий:

1. Ономастические реалии подвергались функциональной замене с усилением символического значения (Василий → Виктор).
2. Топонимические реалии сохранялись с дополнительными пояснениями и культурной адаптацией.
3. Культурно-исторические маркеры сохранялись при их значимости для понимания исторического контекста.
4. Бытовые реалии либо сохранялись при совпадении культурных контекстов, либо опускались при их избыточности.

Эти конкретные примеры подтверждают, что набоковская стратегия автоперевода была направлена не на механическую передачу культурных элементов, а на воссоздание эквивалентного художественного воздействия в иной культурной среде. Писатель демонстрировал готовность к

значительным трансформациям отдельных реалий ради сохранения целостности художественного впечатления, что подтверждает его статус не только как выдающегося автора, но и как переводчика-новатора.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов относительно стратегий отображения культурологических реалий в автопереводе В. Набокова.

Во-первых, переводческая стратегия Набокова характеризуется прагматическим подходом к передаче культурных реалий. Писатель не стремится к буквальному сохранению всех культурно-специфических элементов, но концентрируется на воссоздании художественного эффекта оригинала для иноязычной аудитории. Это проявляется в готовности к значительным трансформациям отдельных реалий при условии сохранения общей культурной тональности произведения.

Во-вторых, Набоков демонстрирует виртуозное владение компенсаторными механизмами перевода. Утрата культурной специфики одних элементов компенсируется усилением выразительности других, что позволяет поддерживать баланс между аутентичностью и доступностью текста.

В-третьих, автор применяет дифференцированный подход к различным типам реалий. Ономастические реалии подвергаются функциональной адаптации (Василий → Виктор), топонимические сохраняются через транскрипцию с дополнительными пояснениями, культурно-исторические адаптируются к более широкому европейскому контексту.

В-четвертых, переводческая техника Набокова свидетельствует о глубоком понимании специфики межкультурной коммуникации. Писатель учитывает не только лингвистические, но и культурно-психологические особенности целевой аудитории, что обеспечивает эффективность художественного воздействия переведенного текста.

Значение данного исследования для теории перевода заключается в демонстрации возможностей творческого подхода к передаче культурных реалий. Опыт Набокова показывает, что успешный автоперевод требует не только совершенного владения языками, но и глубокого понимания культурных кодов обеих лингвокультурных общностей.

Переводческое мастерство Набокова в «Весне в Фиальте» подтверждает тезис о том, что автоперевод представляет собой особый вид творческой деятельности, сочетающий переводческую технику с авторской интуицией. Результатом такого синтеза становится не простая языковая транспозиция, но создание нового художественного произведения, адаптированного к иной культурной среде при сохранении эстетической ценности оригинала.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением материала анализа за счет других произведений Набокова, а также с разработкой типологии переводческих стратегий в автопереводе художественной литературы. Особый интерес представляет сравнительное изучение автопереводов различных авторов-билингвов с целью выявления универсальных закономерностей и индивидуальных особенностей передачи культурологических реалий в межкультурной коммуникации.

Библиографический список

1. Орехов Б.В. Текст и перевод Владимира Набокова через призму стилиметрии // Новый филологический вестник. 2021. №3 (58). С. 200-213.
2. Айкина Т.Ю. К вопросу о переводческом буквализме В.В. Набокова // Молодой ученый. 2011. Т.1. № 7 (30). С. 135-139.
3. Чернов Г.В. К вопросу о передаче безэквивалентной лексики при переводе советской публицистики на английский язык // «Ученые записки» 1-го МПНИИЯ. 1958. Т. XVI. С. 223-224.
4. Соболев Л.Н. О переводе образа образом. // Вопросы художественного перевода. М., 1955. 290 с.
5. Балантаева М.В. Особенности перевода реалий // Научный аспект. 2024. № 2. Т. 23. С. 2852-2856.

6. Коровина К.Г. Перевод реалий как проблема переводоведения (на примере рассказа В. В. Набокова «Памяти Л. И. Шигаева») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. I. С. 110-113.
7. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для институтов и факультетов иностр. языков; учеб. пособие. Изд-е 5-е. СПб: Филологический факультет СПбГУ. М.: ООО «Издательский Дом – ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. 416 с.
8. Лукманова Р.Р., Чусова К.В. Об особенностях интерпретации термина «Реалия» применительно к теории и практике перевода // Вестник Башкирского университета. 2017. № 4. Т. 22. С. 1058-1061.
9. Долинин А. Nabokov – англоязычный писатель // Арзамас. URL: <https://arzamas.academy/materials/1617> (дата обращения: 30.06.2025).
10. Кудряшова Д.Б. Трансформация английских концептов в русских переводах Набокова // Молодой ученый. 2016. № 27 (131). С. 826-829.
11. Набоков В. Весна в Фиальте // Собрание рассказов и повестей. Т.3. Нью-Йорк: Ардис, 1978. 318 с.
12. Nabokov V. Nabokov's Dozen. Thirteen Stories. Kingswood: The Windmill Press, 1958. 221 p.

References

1. Orekhov B.V. Text and Translation of Vladimir Nabokov through the Prism of Stylometry // New Philological Bulletin. 2021. Vol. 3(58). P. 200-213.
2. Aikina T.Y. On the Issue of Literalism in V.V. Nabokov's Translations // Young Scientist. 2011. Vol. 1, iss. 7 (30). P. 135-139.
3. Chernov G.V. On the Transmission of Non-equivalent Vocabulary in the Translation of Soviet Journalism into English // "Scientific Notes" of the 1st Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages. 1958. Vol. XVI. P. 223–224.
4. Sobolev L.N. On Translating Image by Image // Issues of Literary Translation. Moscow, 1955. 290 p.
5. Balantaeva M.V. Features of Translating Realia // Scientific Aspect. 2024. Vol. 2. Iss. 23. P. 2852-2856.
6. Korovina K.G. Translation of Realia as a Problem of Translation Studies (On the Example of V.V. Nabokov's Story "In Memory of L.I. Shigaev") // Philological Sciences. Questions of Theory and Practice. 2014. Vol. 10 (40): in 3 parts. Part I. P. 110-113.
7. Fedorov A.V. Fundamentals of General Translation Theory (Linguistic Problems): for Institutes and Faculties of Foreign Languages; Textbook. 5th ed. St. Petersburg– Moscow, 2002. 416 p.
8. Lukmanova R.R., Chusova K.V. On the Features of Interpreting the Term "Realia" in Relation to Translation Theory and Practice // Bulletin of Bashkir University. 2017. Vol. 4. Iss. 22. P. 1058-1061.
9. Dolinin, A. Nabokov – An English-Language Writer // Arzamas. URL: <https://arzamas.academy/materials/1617> (date of application: 30.06.2025).
10. Kudryashova D.B. Transformation of English Concepts in Nabokov's Russian Translations // Young Scientist. 2016. Vol. 27 (131). P. 826-829.
11. Nabokov V. Spring in Fialta // Collected Stories and Novellas. Vol. 3. New York: Ardis, 1978. 318 p.
12. Nabokov V. Nabokov's Dozen. Thirteen Stories. Kingswood: The Windmill Press, 1958. 221 p.

ЖУРНАЛИСТИКА В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 316.776

DOI 10.36622/2587-9510.2025.59.4.014

*Санкт-Петербургский государственный
институт кино и телевидения
доцент кафедры телевидения
кандидат педагогических наук*

*Алексеева Т.В.
Россия, г. Санкт-Петербург
тел. +79219878584
e-mail: tomaspb74@gmail.com*

*Saint-Petersburg State University of Film and
Television
Associate Professor of the Department
of Television
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Alekseeva T.V.
Russia, St. Petersburg
tel. +79219878584
e-mail: tomaspb74@gmail.com*

Т.В. Алексеева

ДОМИНАНТЫ СОВРЕМЕННОЙ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ ДОКУМЕНТАЛИСТИКИ О ДЕЯТЕЛЯХ КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена особенностям телевизионной документалистики, которые являются предметом постоянных исследований, направленных на поиск новых форм и решений выразительных средств для создания документальных телефильмов и телепрограмм, привлекающих внимание и интересных современному зрителю. Для создания актуального документального телеконтента с захватывающей картинкой, вызывающей у зрителей сопереживание происходящему на экране и повышающей доходчивость смыслового наполнения, автор статьи предлагает тщательное изучение документальных экранных произведений конкретного жанра, а именно, биографического. Биографический документальный телевизионный контент на отечественном экране является одним из популярных видов контента, представляющего интерес как для представителей телевизионного производства и вещания, так и для зрительской аудитории, имеющего большое значение в передаче и сохранении культурного наследия, накопленного человечеством опыта и знаний, а также ценностей и традиций. Для создания востребованного качественного телевизионного продукта в статье подчеркивается важность исследования интерпретации сущности фильма-портрета, акцентируется внимание на определении значимости автора и героя телевизионного произведения, а также исследуются художественно-выразительные и структурные элементы биографических документальных телевизионных произведений. Материалы исследования позволили выявить современные тенденции в области развития биографических передач, которые определенно просматриваются при анализе эмпирического материала, а именно, присутствие авторского взгляда, поиск новых подходов к структурированию материала, использование графики. Результаты исследования могут стать полезными как для профессиональных специалистов телевизионного производства, так и, особенно, для начинающих, обучающихся созданию биографического аудиовизуального продукта, находящихся в поиске форм выразительности. Кроме того, осмысление уже имеющегося опыта поможет осознанию и творческому поиску, а дифференциация уже созданных аудиовизуальных произведений послужит формированию базовых и критически важных компетенций. В связи с этим проведение исследований различными авторами с целью концентрации внимания на снятых фильмах и телепрограммах представляется актуальным и важным для дальнейшего создания современного биографического телеконтента.

Ключевые слова: телеконтент, телефильм, телевизионный фильм, теледокументалистика, биографическая телепрограмма, фильм-портрет, документальный телепроект

T.V. Alekseeva

THE DOMINANTS OF MODERN TELEVISION DOCUMENTARIES ABOUT CULTURAL WORKERS

The article is devoted to the peculiarities of television documentaries, which are the subject of constant research aimed at finding new forms and solutions of expressive means for creating documentary films and TV programs that attract the attention and interest of the modern viewer. To create an up-to-date modern documentary television content with an exciting picture that causes viewers to empathize with what is happening on the screen and increases the clarity of the semantic content, the author of the article suggests a thorough study of documentary screen works of a particular genre, namely, biographical. Biographical documentary television content on the domestic screen is one of the most popular types of content that is of interest to both representatives of television production and broadcasting, as well as to the audience, which is of great importance in transmitting and preserving cultural heritage, accumulated human experience and knowledge, as well as values and traditions. To create a high-quality television product in demand, the article emphasizes the importance of researching the interpretation of the essence of a portrait film, focuses on determining the significance of the author and hero of a television work, and examines the artistic, expressive and structural elements of biographical documentary television works. The research materials also made it possible to identify current trends in the development of biographical broadcasts, which are definitely visible when analyzing empirical material, namely, the presence of an author's view, the search for new approaches to structuring the material, and the use of graphics. The results of the study can be useful both for professional specialists in television production, and especially for beginners who are learning how to create a biographical audiovisual product, who are in search of forms of expression. In addition, comprehension of existing experience will help awareness and creative search, and differentiation of already created audiovisual works will serve to form basic and critical competencies. In this regard, conducting research by various authors in order to focus on the films and TV programs they have shot seems relevant and important for the further creation of modern biographical television content.

Key words: television content, TV film, television movie, TV documentary, biographical TV program, portrait film, documentary TV project

На сегодняшний день документальный телевизионный контент на российском телевидении является одним из аттрактивных медиапродуктов. Это может быть проблемно-публицистическая программа, фильм-репортаж, рекламно-пропагандистский фильм, историко-документальная телепрограмма, учебно-познавательная или научно-популярная программа и другой аудиовизуальный продукт. На телевидении постоянно идет поиск удачного сочетания словесно-изобразительных решений выразительных средств для организации пространственно-временной структуры [1], делающей изображение на экране ярче и интереснее, заставляющей зрителя сопереживать главному герою, повышающей привлекательность и запоминаемость содержательной составляющей телеконтента. Однако, невозможно привнести новшества в конфигурацию, не изучив её основ, теории, состава, параметров, характерных черт. Специалистам телевидения, сталкиваясь в своей деятельности с созданием документального телеконтента [2], прежде чем творить, необходимо ознакомиться со всеми особенностями этого вида экранного продукта с целью формирования собственной насмотренности, способствующей поощрению творческого поиска автора. В связи с этим изучение существующих экранных реалий телепроизведений конкретного жанра является весьма актуальным вопросом, требующим уточнений и детализации.

На современном телевидении одним из популярных жанров документалистики является фильм-портрет или биографический фильм. Благодаря развитию технологий, применяемых в создании документальных фильмов и телепрограмм, появляются новые структурные элементы, наблюдаются тенденции к увеличению количества графических элементов, которые становятся важным средством художественной и смысловой выразительности экранного произведения. В связи с тем, что наблюдается тенденция к возникновению жанровых конвергенций биографический аудиовизуальный контент на данный момент представляет высокий интерес для анализа, поскольку на современном телевидении фильм-портрет уже не может существовать в рамках статичного жанра.

Актуальность данного исследования заключается в необходимости использования комплексного подхода к изучению жанровых и форматообразующих признаков современного

телеконтента, а также в поиске подходов к генерации многообразия его новых структурных элементов. Осознание возникшей ситуации привело к необходимости обстоятельного анализа документальных фильмов и телепрограмм с признаками принадлежности к определенной жанровой совокупности. Для мониторинга ситуации на современном телевизионном рынке, связанной с возникновением новых жанровых конвергенций, а также с возможностью крафтинга креативных структурных элементов, в качестве эмпирической базы были выбраны биографические фильмы и телепрограммы о деятелях культуры. В связи с этим целесообразны экспликация фильма-портрета в современной жанровой классификации, определение релевантности автора и героя в биографическом телепроизведении, а также проведение рекогносцировочного обследования структурных элементов в биографическом фильме или телепрограмме. Таким образом, исследование современных жанровых конвергенций и структурных элементов телепроизведений на примере фильмов-портретов о деятелях культуры направлено на повышение качества телеконтента и поиск адекватных художественно-выразительных форм и средств, понятных современной зрительской аудитории.

Среди научного сообщества существует множество мнений по определению того или иного телевизионного контента. Согласно определению В.Б.Толмачева телевизионный фильм – это «постановочный (игровой) фильм, созданный специально для демонстрации по сети телевизионного вещания – с учётом технических возможностей телевидения и особенностей восприятия телезрителями изображения на экране телевизора» [3; с. 8]. В.Б. Толмачев строго определяет технические рамки телефильмов, но при этом не касается их художественной и жанровой специфики. При этом С.А. Муратов дает определение телефильму, как продукту, «в котором предусмотрен коммуникативный эффект включенности в телепрограмму. Его драматургия и поэтика обусловлены существованием в рамках программы, в потоке передач» [4; с. 211]. Это определение не только более полно раскрывает специфику телевизионного фильма, как неотъемлемого участника сетки вещания и окружающей зрителя медиасреды, но и приближает к пониманию средств художественной выразительности, которыми может воспользоваться автор при создании телепроизведения. Последующие исследования жанрово-форматных структур на телевидении позволили более точно классифицировать и разграничить жанры телевизионного контента [5], однако полностью решить проблему классификации жанров на телевидении не удастся. Общепринятая теория жанров – это дискуссионный вопрос, который в наши дни является актуальным материалом для исследования. В разных научных работах жанр рассматривается как категория содержания (Г.Н. Поспелов, Л.В. Чернец) [6, 7], как категория, связывающая форму и содержание (Г.Л. Абрамович) [8] или как категория особых форм содержания (Г.Д. Гачев) [9].

Наиболее широкую концепцию классификации жанра предложил М.С. Каган, который рассматривает жанр в единстве четырех аспектов: сюжетно-тематический, познавательный, аксиологический аспект и тип создаваемой модели. Данную модель М.С. Каган создавал применимо, по большей части, к произведениям литературы и литературным жанрам [10]. Так, классификация по сюжетно-тематической плоскости определяет смысловое содержание произведения, например, жанр детектива, рыцарский жанр, научная фантастика, любовный или исторический жанр. Дифференциация по познавательной емкости предполагает оценку исключительно размера и формы произведений, например, можно разделить на рассказы, повести, романы и эпопеи. Аксиологический аспект относится к оценке произведения с точки зрения социально-эстетических ценностей. Здесь единицами классификации выступают комедия, трагедия, эпос, сатира, эпиграмма и драма. Тип создаваемой модели – это наиболее широкая плоскость в формировании дифференциации, она предполагает классификацию по формированию единого смыслового и художественного ансамбля произведения. Наиболее близкими к предложенной классификации по типу создаваемой модели являются исследования жанра М.М. Бахтиным [11] и Н.Л. Лейдерманом. Так, основываясь на одном из методологических принципах М.М. Бахтина «В жанрах <...> на протяжении веков жизни накапливаются формы видения и осмысления определенных сторон мира» [12; с. 351], Н.Л. Лейдерман

пришел к мнению, что предложенная «... «модель» и есть ядро жанра, которое сохраняется в течение всей многовековой жизни жанра под слоем различных новообразований. Философски осмыслить мир, эстетически воспринять и оценить его семантическое структурное ядро жанра, которое метафорически обозначается как «память жанра» ...» [13; с. 18]. В связи с этим целесообразно предположить, что концепция, предложенная М.С. Каганом, применима к телевизионным жанрам также, как и к жанрам литературы. Поскольку она может наиболее полно раскрыть взаимосвязь между отражением в жанре структурного и смыслового содержания работы, а также учитывая ее значение в общем культурно-историческом контексте, или, что более применимо к современной практике – медиасреде, окружающей телевизионный продукт.

В качестве эмпирического примера приведем авторский цикл «Звезда бессмыслицы», который выходил на телеканале «Россия-Культура» в 2016 году. Телеканал заявляет данный цикл как «авторская программа». Что может сказать это жанровое определение для участников телевизионного процесса: зрителей, рекламодателей, создателей контента. В практическом смысле немного – первое слово определения сразу указывает на то, что у данного продукта есть автор – личность с индивидуальным подходом в создании телевизионного продукта [14]. Второе – термин «программа» имеет достаточно широкое определение и семантически его нередко соотносят со значением слова «телепередача», указывающее на аудиовизуальное произведение, показанное по телевизору в эфире. Под «программой» также можно понимать любой видеоряд с единым назначением, демонстрируемый по телевидению. В этой концепции определение «авторская программа» становится еще более размытым для практического понимания. И хотя жанровые признаки достаточно формально определяют отнесение к той или иной жанровой группе, по мнению писателя К. Федина, всё же жанр является особой формой, имеющей характерные особенности. В пример, стоит привести тонкую грань между понятиями «авторская программа» и «телефильм», где одним из определяющих жанровых факторов для разграничения между этими понятиями является глубина и полнота раскрытия авторского замысла. Но понятия «глубины» и «полноты» скорее относятся к субъективным категориям, что позволяет «авторскую программу» и «телефильм» различать лишь по восприятию продукта в эфирном пространстве, т.е. как средство передачи информации с прагматическим эффектом [15].

Для эксперимента посмотрим на цикл «Звезда бессмыслицы» через призму концепции М.С. Кагана о членении жанра в четырех плоскостях. Так с точки зрения сюжетно-тематической плоскости цикл видится как биографическая программа или образно-поэтический коллективный портрет, что будет более точно отражать особенности цикла, в познавательной емкости – это авторская программа, в аксиологической – познавательная передача, а по типу создаваемой модели – это авторский телефильм. Таким образом, жанровое дефинирование цикла «Звезда бессмыслицы» по модели М.С. Кагана дает более точное понимание специфики и смысловой наполненности данной передачи. Также такое определение жанра позволяет исследовать само понятие жанра телефильма и телепрограммы в узких смыслах. Например, исследование конвергенции жанров в сфере телевизионного фильма-портрета или биографического фильма позволит осмыслить проблемы современной классификации жанров под другим ракурсом. Из-за отсутствия единой жанровой классификации существует большой разброс по определению жанра на телевидении, а также оказываются размыты границы некоторых похожих между собой жанровых единиц. Эти проблемы возникают из-за того, что жанр на телевидении – это динамическое понятие, которое постоянно пополняется и изменяется в соответствии с развитием художественной и технической телевизионных баз. Как заключает в своей работе М.С. Каган: «Чем полнее мы характеризуем произведение в жанровом отношении, тем конкретнее схватываем многие его существенные черты, которые определяются именно избранной для него автором точкой пересечения всех жанровых плоскостей» [10; с. 424]. Таким образом целесообразно предположить, что становление жанровой классификации на современном телевидении проходит, в первую очередь, в

условиях постоянного возникновения конвергенции жанров. Изучение жанровой проблематики может стать ключом к пониманию аудиовизуального творчества в социокультурном контексте времени, способствующим развитию аудиовизуальной культуры.

Опираясь на изучение жанровой единицы, биографические фильмы и телепрограммы условно можно разделить по нескольким признакам, основными из которых являются хронометраж (продолжительность); роль автора фильма; роль героя фильма; художественно-выразительные и структурные элементы. При этом многие фильмы-портреты и биографические телепрограммы имеют схожее аксиологическое значение и тип создаваемой модели. По аксиологическому значению такие программы, как правило, являются познавательными, например, цикл «Звезды русского авангарда» (телеканал «Россия-Культура»), или остросоциальными, например, программа «Приговоренные к нищете» (телеканал «НТВ»). Нередко в одной программе могут совмещаться несколько таких или каких-либо других значимых аспектов. По типу создаваемой модели большинство современных биографических программ являются телевизионным фильмом и стоят на стыке документального и публицистического. Многие из них имеют схожий набор структурных элементов, которые ведут к единому восприятию зрителем целостной картины. Изучение релевантности телевизионного биографического продукта на современном медиа рынке позволит не только лучше понять специфику жанра такого произведения, но и выявить возможные эволюционные пути его развития.

Как отмечалось ранее, современное телевидение не отвергает возникновение новых жанровых конвергенций, расширяя количество художественно-выразительных элементов, которые может объединять в себе пространственно-временная структура телеконтента. Нередко в одном телепроизведении объединяются документальные и постановочные съемки, происходит включение архивных элементов, интервью с экспертами и интервью-опросы, автор может открыто выражать свое мнение в кадре, комментировать происходящие события или выступать в роли рассказчика. В качестве примера современного телевизионного биографического контента можно привести «Про жизнь замечательных людей» («Первый»), «Это наша с тобой биография ...» и «2Верник2» («Россия-Культура»), «Советские биографии» и «Родня» («НТВ»), «Герои нашего времени» и «Тайны народа сето» («Санкт-Петербург»). Центром интереса фильма-портрета или биографической телепрограммы становится личность (или группа личностей), через которую автор аудиовизуального произведения (фильма, программы) может раскрывать какую-либо социальную или философскую проблему, или же отражать дух времени, течения, эпохи. Как правило, большинство биографических программ строятся по модели «от частного к общему». Так, в цикле «Звезды русского авангарда» через биографии конкретных (частных) личностей (Хлебников, Кулешов, Эйзенштейн) формируется общий портрет Авангарда, как течения, завоевавшего признание во многих областях искусства: музыке, кино, поэзии, прозе, живописи. Примером также может послужить передача «Фактор жизни», выходящая на телеканале «ТВЦ». Канал определяет жанр этой передачи, как «информационный телевизионный журнал». В самой передаче используется очень много приемов, типичных для документального фильма-портрета. Этот цикл раскрывает истории людей с ограниченными возможностями. Здесь вновь через историю о «частном» дается понимание остросоциальной проблемы общества, поднимается вопрос адаптации инвалидов в современном обществе. Можно утверждать, что данная передача стоит на стыке жанровых конвергенций, о которых было написано ранее. В ней очень много публицистического: интервью с экспертами, чиновниками, «голос автора», подробно разъясняющий зрителю, в чем состоит проблема и где ее решение. Она также является доказательством того, что портретная и биографическая передача редко остается лишь в рамках «разговора о личности». Однако исключения могут составлять некоторые программы о жизни медийных звезд. Телевизионные программы о подробностях личной жизни известных личностей могут быть ограничены в смысловой нагрузке и носить исключительно развлекательный характер, например, программы на телеканале «Россия-Культура» «2Верник2», «Энигма», «Белая студия».

В современном медиапространстве, как правило, режиссерский замысел фильма или телепрограммы о конкретной биографии подразумевает сверхзадачу, определяющую более широкий круг тем и проблем, окружающей нас повседневной действительности. Тем не менее, личность, о которой идет речь в телевизионном продукте, является ключевым фактором для определения смыслового, технического и художественно-образного строения передачи. Анализ биографических программ показал, что в зависимости от того, кто является протагонистом телепроизведения, меняется набор структурных единиц программы. Так, например, если в программе идет речь о человеке, который жив в настоящем, то преобладать в структуре передачи будет документальная съемка и интервью (непосредственно с героем фильма или программы, или же людьми, близкими к нему). Такие программы нередко носят социальный характер и поднимают какие-либо проблемы современного общества. Важно также и то, насколько известен главный герой фильма или телепередачи. В качестве примера можно привести разительно отличающиеся методы подачи материала в циклах «Звездная жизнь» (телеканал «Домашний») и «Приговоренные к нищете» (телеканал «НТВ»). И хотя первый цикл представляет собой развлекательный продукт об обеспеченной жизни, в котором преобладают интервью и архивные записи, а второй – документальный цикл, демонстрирующий нищету людей, оба цикла с ярко выраженной социальной проблематикой.

Особую группу телевизионных биографических программ представляют собой работы, где в центре сюжета выбрана известная личность прошлого. Для таких передач невозможно создать истинно доподлинный для фильма-портрета «документальный» материал. Структура такой передачи отличается от вышеописанных, и, как правило, строится на следующих элементах:

- архивные материалы (хроника, документы, фотографии и т.д.);
- интервью с экспертами (исследователями, критиками, историками и т.д.);
- постановочные кадры (реконструкция событий);
- реконструкция звуков, интершума;
- театральная постановка, костюмы (воссоздание образа);
- выступление ведущего или автора в кадре;
- графические элементы.

Именно такие передачи представляют интерес для исследования, так как художественно-выразительные элементы программы всегда остаются схожи, но, при этом, их структурирование позволяет по-разному взглянуть на единый в сюжетно-тематической плоскости материал. В современном медиапространстве биографические передачи и телефильмы о жизни людей прошлых лет обычно носят познавательный характер. Жизнь человека рассматривается в контексте времени, где особый интерес представляет жизнь военных, политиков, правящих лиц (царей, императоров, президентов), деятелей культуры. В биографических передачах о деятелях культуры можно рассмотреть неразрывную связь формы и содержания. Такие программы поднимают вопрос не только конкретной биографии, но и общего взаимодействия истории человека с контекстом времени. Биографии писателей, поэтов, композиторов, художников рассматривают в рамках общего жанрового течения и его влияния на мировую культурную традицию. Именно поэтому биографические передачи так важны, они несут в себе не сугубо информационную функцию (как перечисление дат, подробностей биографии), а раскрывают взаимодействие искусства прошлого с искусством настоящего.

Структура биографических передач о писателях и поэтах часто схожа. Повествование охватывает жизнь культурного деятеля от юных лет до завершения его жизни. Так, например, цикл «Русский мир Ивана Тургенева» (авторский проект Игоря Золотусского), состоящий из четырех серий, рассказывает о жизни писателя от его детства в селе Спасское-Лутовиново до завершения работы над поздними романами автора и последних лет его жизни. При этом у цикла нарушена фабула: действие начинается в доме-музее Тургенева во Франции (где прошли последние годы жизни Тургенева), и только после этого в художественном мире картины зритель переносится в Россию, где началась история жизни писате-

ля. Этот цикл состоит из архивной хроники (фотографий, картин), кадров, воссоздающих тот или иной образ, о котором идет речь в закадровом повествовании, реконструкция интершумов (например, перелистывание страниц книги или движения пера по бумаге), интервью с экспертами, выступления ведущего (автора) программы в кадре. Создатель цикла Игорь Золотусский является историком русской литературы, писателем, литературным критиком, журналистом. Биографическая программа «Русский мир Ивана Тургенева» во многом возможна именно благодаря глубокому знанию материала автором передачи. Это характерно для многих авторских программ и телефильмов, например, цикл «Звезда бессмыслицы» авторства Михаила Левитина, российского театрального режиссёра, писателя, педагога, народного артиста России, который не раз ставил произведения ОБЭРИУтов на сцене.

Биографическая программа может строиться не только на исследовании жизни героя прошлого от ее начала до смерти. Также может рассматриваться общее направление стиля. Так, например, в передаче «Звезды русского авангарда» угол внимания зрителя обращен не столько на биографию деятелей культуры, сколько на их творческий результат. В аннотации к проекту телеканал «Россия-Культура» напишет: «В передачах речь идет не столько о биографиях знаменитых киноавангардистов, сколько об открытых ими эстетических системах, экспериментальных подходах к художественному творчеству, часто выходящему за рамки уже сложившейся киноэстетики начала XX века и тесным образом связанными с новаторскими тенденциями в театре, живописи и литературе» [16]. Структурные элементы программы «Звезды русского авангарда» включают в себя закадровый текст, архивные материалы, кадры из фильмов, а также художественные постановочные кадры. При этом набор структурных элементов в цикле может меняться от программы к программе. Так, например, выпуск «Третье измерение Александра Андриевского» включает в себя только закадровый текст, архивные материалы (включая запись голоса самого Андриевского) и кинохронику. В то же время, выпуск «Король времени. Велимир Хлебников» полон постановочных кадров, создающих условную художественную действительность произведения. Есть кадры, где актер играет роль самого Хлебникова, а также кадры, передающие настроения (игра теней на лестнице, силуэты у кирпичной стены). И хотя структурные элементы биографического фильма о деятелях культуры прошлых лет во многом схожи, всё же можно выделить несколько тенденций в области развития биографических передач: присутствие авторского взгляда, поиск новых подходов к структурированию материала, использование графики. Одной из таких характерных направленностей является авторский взгляд. На данный момент активно развивается авторский подход в изложении материала. Анализ биографических передач, вышедших за последние десятилетия, показывает, что именно авторский взгляд на историю (течения, жанры, биографии) наиболее интересен зрителю, а присутствие в фильме авторской позиции, безусловно, важно для современного продукта в медиасреде.

Поиск нового подхода к пространственно-временной структуре также можно отнести к стремлениям современности. Как известно, телевидение является визуальным видом передачи информации, но в создании биографической картины можно столкнуться с проблемой нехватки видеоматериалов. Поиск подхода к созданию, выбору и структурированию видеоматериала является важной задачей в современном телепроизводстве биографических работ. Изложение истории жизни человека в телепроизведении, как перечисления дат, списка созданных произведений или подробностей личной жизни, вряд ли будет интересны современному зрителю. Именно поэтому происходит формирование новых точек зрения и новой формы изложения материала, например, это может быть как театральная форма («Звезда бессмыслицы»), так и документальная («Звезды русского авангарда») или же публицистическая («Русский мир Ивана Тургенева»).

Развитие технико-технологической составляющей телепроизводства позволило увеличить количество графических элементов экранных произведений. Немаловажной тенденцией становится увеличение графических элементов в телефильмах. Сейчас графика не только выполняет функцию визуализации закадрового текста, но и становится важным средством

художественной и смысловой выразительности телефильма. Графика часто используется для создания структуры передачи, прослеживается тенденция к интеграции инфографики в телевизионный продукт. Это позволяет предоставить зрителю всю необходимую «сложную» информацию в сжатом формате, удобном для восприятия. Наравне с постановочными кадрами, архивными материалами и кинохроникой сейчас используется графика и анимация. Это связано с ростом доступности технических средств, способных обеспечить графический контент на телевидении.

Таким образом, положение биографических телефильмов и передач в современном медиaprостранстве неоднозначно. С одной стороны, существует постоянная потребность в визуальном материале, как движущей единицы телеэфира, требующей скорости создания, с другой, именно этот запрос позволяет биографическим передачам раскрываться с новых сторон и совершенствовать поиск новых способов визуализации материала. Однако нельзя рассматривать биографический контент только как объект исследования телепроизводства для эфира и недооценивать его значения для зрителя. Данные передачи позволяют соприкоснуться с миром прошлого, раскрывая историю и культуру через понятную каждому константу – личность человека, кроме того биографические передачи о деятелях культуры важны для формирования фундаментальной идеи о безвременной жизни искусства в общем течение времени.

Библиографический список

1. Вакурова Н.В. Трансформация выразительных средств телевидения в процессе визуализации контента СМИ // Искусство – Образование – Культура: традиции и современность: сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 21–22 апреля 2019 г.). Москва: Институт современного искусства, 2019. С. 87-92.
2. Муратов С.А. ТВ-эволюция нетерпимости (История и конфликты этических представлений). Москва: Логос, 2001. 240 с.
3. Толмачев В.Б. Производство телефильмов. Москва: Искусство, 1971. 255 с.
4. Кузнецов Г.В., Цвик В.Л., Юровский А.Я. Телевизионная журналистика. Москва: Высшая школа, 2002. 304 с.
5. Вакурова Н.В., Московкин Л.И. Типология жанров современной экранной продукции: учебное пособие. Москва: Институт современного искусства, 1997. 62 с.
6. Николаев П.А. и др. Введение в литературоведение. Хрестоматия: учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Высшая школа, 2006. 463 с.
7. Чернец Л.В. Литературные жанры: монография. Москва: Изд-во Московского университета, 1982. 194 с.
8. Абрамович Г.Л. Введение в литературоведение: пособие для педагогических институтов. 4-е изд. Москва: Просвещение, 1965. 365 с.
9. Гачев Г.Д. Содержательность художественных форм (Эпос. Лирика. Театр). Москва: Просвещение, 1968. 302 с.
10. Каган М.С. Морфология искусства: историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств. Ленинград: Искусство, 1972. 440 с.
11. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 5 т. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. Москва: Русские словари, 1996.
12. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1986. 445 с.
13. Лейдерман Н.Л. Движение времени и законы жанра: Жанровые закономерности развития советской прозы в 60-70-е годы. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1982. 256 с.
14. Каширин А.А. Авторские телепрограммы как объект коммуникативно-прагматического исследования // Вестник Томского гос. пед. ун-та. 2014. № 9 (150). С. 151-155.

15. Дилтс Р. Фокусы языка. СПб: Питер, 2024. стр. 384.
16. Пресс-служба телеканала «Россия-Культура» https://m.vk.com/wall-52526415_90049 (дата обращения: 10.06.2025).

References

1. Vakurova N.V. Transformation of expressive means of television in the process of visualizing media content // Art – Education – Culture: Traditions and modernity: proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Moscow, April 21-22, 2019). Moscow: Institute of Contemporary Art, 2019. Pp. 87-92.
2. Muratov S.A. TV-the evolution of intolerance (History and conflicts of ethical beliefs). Moscow: Logos, 2001. 240 p.
3. Tolmachev V.B. Production of TV movies. Moscow: Art, 1971. 255 p.
4. Kuznetsov G.V., Tsvik V.L., Yurovsky A.Ya. Television journalism. Moscow: Higher School, 2002. 304 p.
5. Vakurova N.V., Moskovkin L.I. Typology of genres of modern screen production: a textbook. Moscow: Institute of Contemporary Art, 1997. 62 p.
6. Nikolaev P.A. and others. An introduction to literary criticism. Textbook. Moscow: Higher School, 2006. 463 p.
7. Chernets L.V. Literary genres: a monograph. Moscow: Publishing House of Moscow University, 1982. 194 p.
8. Abramovich G.L. Introduction to Literary studies: a manual for pedagogical institutes. Moscow: Education, 1965. 365 p.
9. Gachev G.D. The content of artistic forms (Epos. Lyrics. Theater). Moscow: Education, 1968. 302 p.
10. Kagan M.S. Morphology of art: a historical and theoretical study of the inner structure of the art world. Leningrad: Art, 1972. 440 p.
11. Bakhtin M.M. Collected works: in 5 V. Works of the 1940s – early 1960s. Moscow: Russian Dictionaries, 1996.
12. Bakhtin M.M. Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Art, 1986. 445 p.
13. Leiderman N.L. The movement of time and the laws of genre: Genre patterns of the development of Soviet prose in the 60-70s. Sverdlovsk: Sredne-Uralskoe book publishing house, 1982. 256 p.
14. Kashirin A.A. Author's TV programs as an object of communicative and pragmatic research // Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University. 2014. No. 9 (150). Pp. 151-155.
15. Dilts R. The Tricks of Language. St. Petersburg: Piter, 2024. 384 p.
16. The press service of the TV channel «Russia-Culture» https://m.vk.com/wall-52526415_90049 (access date: 10.06.2025).

УДК 82-1/-9

DOI 10.36622/2587-9510.2025.59.4.015

*Казанский федеральный университет
Аспирант кафедры национальных
и глобальных медиа Цинь Сяобинь
Россия, г. Казань,
e-mail: q250899@gmail.com*

*Доктор педагогических наук,
профессор кафедры национальных
и глобальных медиа Дорошчук Е.С.
Россия, г. Казань,
e-mail: leona31@yandex.ru*

*Kazan Federal University
Postgraduate student of the department of
national and global media Qin Xiaobin,
Russia, Kazan,
e-mail: q250899@gmail.com*

*Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor of the department of national
and global media Doroshchuk E.S.
Russia, Kazan,
e-mail: leona31@yandex.ru*

Цинь Сяобинь, Е.С. Дорошчук

ЖАНРОВЫЙ КАНОН И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ: АДАПТАЦИЯ РЕЦЕНЗИИ К УСЛОВИЯМ XXI ВЕКА В КИТАЙСКИХ «ТОЛСТЫХ ЖУРНАЛАХ»

Статья посвящена исследованию трансформации жанра литературной рецензии в китайских «толстых журналах» в условиях цифровизации медиасреды и изменения читательских практик. Анализируя динамику развития ключевых изданий — «Народная литература» (人民文学), «Китайская литературная критика» (中国文学批评) и «Современная литературная критика» (当代作家评论) — в период с 2010 по 2020 годы, автор выявляет основные стратегии адаптации традиционного академического канона к вызовам нового времени. Методология исследования включает сравнительный анализ текстов рецензий, структурный разбор их композиции и тональности, а также изучение интеграции цифровых элементов (QR-коды, данные платформ Douban и Zhihu) в академический дискурс. К выявленным стратегиям адаптации относятся не только сокращение объема текстов и гибридизация авторства за счет включения голосов непрофессиональных читателей, но также визуализация контента и стратегическое использование алгоритмических данных для усиления аргументации. В работе доказывается, что, вопреки прогнозам о кризисе экспертного дискурса, китайские издания не упраздняют академическую основу жанра, а подвергают ее сложной диалектической модернизации. На примере сравнительного анализа публикаций за 2010 и 2020 годы демонстрируется, как издания выбирают различные пути трансформации: «Народная литература» демонтирует и фрагментирует канон, тогда как «Китайская литературная критика» консервирует его ядро, используя новые медиа как инструмент верификации. Это позволяет им сохранять функцию культурного куратора, одновременно формируя новое диалогическое пространство на стыке академического анализа, редакторской курации и цифровой публичной сферы. Особое внимание уделено поиску «третьего пути», реализованного журналом «Современная литературная критика» через создание многоуровневой модели критики, которая органично сочетает теоретическую глубину с анализом читательских данных. Эта модель успешно сочетает теоретическую глубину с коммуникативной эффективностью в эпоху медиаконвергенции и искусственного интеллекта, предлагая устойчивую парадигму для развития жанра в будущем.

Ключевые слова: литературная рецензия, толстые журналы, медиатизация, жанровая трансформация, цифровая критика, читательский контент

Qin Xiaobin, E.S. Doroshchuk

THE GENRE CANON AND ITS TRANSFORMATION: ADAPTATION OF THE REVIEW TO CONDITIONS OF THE 21ST CENTURY IN CHINESE "THICK MAGAZINES"

This article explores the transformation of the literary review genre in Chinese "thick journals" within the context

of media digitization and evolving reading practices. By analyzing the development of key publications—People's Literature (人民文学), Chinese Literary Criticism (中国文学批评), and Contemporary Writers Review (当代作家评论)—from 2010 to 2020, the author identifies primary strategies for adapting the traditional academic canon to contemporary challenges. The research methodology includes a comparative analysis of review texts, structural examination of their composition and tone, and investigation into the integration of digital elements (QR codes, data from Douban and Zhihu platforms) into academic discourse. Identified adaptation strategies encompass not only text condensation and authorship hybridization through the inclusion of non-professional readers' voices but also content visualization and the strategic use of algorithmic data to strengthen arguments. The study demonstrates that, contrary to predictions about the decline of expert discourse, Chinese publications do not abolish the academic foundation of the genre but subject it to a complex dialectical modernization. A comparative analysis of publications from 2010 and 2020 illustrates how different journals pursue distinct transformation paths: «People's Literature» deconstructs and fragments the canon, whereas «Chinese Literary Criticism» preserves its core while utilizing new media as a verification tool. This enables them to maintain their role as cultural curators while simultaneously creating a new dialogic space at the intersection of academic analysis, editorial curation, and the digital public sphere. Special attention is given to the "third way" realized by «Contemporary Literary Criticism» through a multi-layered critical model that organically combines theoretical depth with the analysis of reader data. This model successfully integrates theoretical profundity with communicative effectiveness in the age of media convergence and artificial intelligence, offering a sustainable paradigm for the future development of the genre.

Keywords: literary review, thick journals, mediatization, genre transformation, digital criticism, reader content

Литературная критика представляет собой неотъемлемый компонент литературного процесса, выполняющий ключевую задачу по осмыслению и интерпретации художественного текста. По мнению Ц. Тодорова, критика не является внешним дополнением к литературе, но составляет её необходимую сторону, поскольку литературное произведение неспособно в полной мере выразить всю заложенную в нём истину [14; с. 52].

В условиях стремительной трансформации медиасреды литературная критика как важный элемент аналитической журналистики сталкивается с необходимостью переосмысления собственных жанровых форм. Особенно актуальным оказывается вопрос трансформации рецензии – жанра, традиционно выполнявшего функцию оценки и интерпретации художественного текста. В XX веке рецензия воспринималась как нормативно закреплённая форма высказывания с определённой структурой, авторитетной интонацией и научной аргументацией. С началом XXI века трансформация литературной коммуникации, особенно в системе авторитетных «толстых журналах», потребовала адаптации жанровых форм к новым реалиям. Речь идёт не только о новых каналах распространения, читательских ожиданиях и технологических платформах, но и о перестройке всей системы литературного производства.

Литературная рецензия в китайских «толстых журналах» (厚杂志) долгое время существовала как замкнутый академический ритуал, регулируемый незыблемыми правилами: авторитетный критик (часто профессор или член Союза писателей), объёмный текст (3000-8000 слов) и жесткая структура «тезис – текстологический разбор – идеологическая оценка» [1; с. 25]. Традиционная рецензия, сложившаяся во второй половине XX века в литературных журналах Китая и России, обладала строгой структурой, логично выстроенной аргументацией, авторитетной позицией критика и тесной связью с идеологическими рамками. Обычно такие тексты строились по определённой схеме: краткое изложение содержания произведения, его концептуальный анализ, включение в широкий культурный контекст и итоговая оценка с позиций ценностной системы автора и издания. Этот подход соответствовал миссии «толстых журналов» как культурных институтов, формирующих литературные вкусы и нормы критического дискурса.

Ши Чжаныцзюнь в статье «Кризис и жизненная сила китайской литературной критики в новом веке», раскрывая «кризисное» состояние литературной критики, напрямую связывает корни «кризиса» с «академическими кругами». В целом современная китайская литературная критика полна жизненной силы и соответствует развитию китайской литературы, но нельзя отрицать, что существует множество проблем. Причем реальная система оценки вызывает беспокойство и уже привела ко многим негативным последствиям. По мнению автора, оценочные механизмы закостенели, что привело к академической закостенелости стиля; многие

критики любят использовать зарубежные критические теории для интерпретации китайских текстов, отодвигая в сторону собственное понимание и местные ресурсы. Более того, многие академические критики любят намеренно чрезмерно цитировать источники, в одной статье может быть несколько десятков сносок [16; с. 121]. Причем иностранные языки также должны занимать достаточную долю статьи, демонстрируя «академичность».

Многих исследователей критикуют за непроработанность их классификаций. По мнению С. Кормилова, «жанры складываются произвольно, стихийно, необязательно координируясь друг с другом». В обществе сформировался набор шаблонных выражений, академический стиль, мифы для поддержания престижа и совершенно непонятный язык. Мысль, скованная многочисленными ограничениями, не способна достичь индивидуальности, достоверности и жизни [4; с. 198].

Следует подчеркнуть проблему отчуждения литературной критики, порождаемую современной системой академических оценок. В университетах и исследовательских институтах критерии оценки критических работ смещены в сторону формальных показателей – количества публикаций и престижа изданий, тогда как содержательная ценность и общественное звучание этих работ систематически недооцениваются. Под давлением такой системы часть исследователей начинает воспринимать критику сугубо инструментально – как средство для получения ученых званий, заботясь преимущественно о статусе публикационной площадки, а не о качестве литературного анализа.

Это приводит к целому ряду деформаций: критическая мысль теряет связь с живой литературной практикой, увязая в умозрительных теоретических построениях; анализ не учитывает социальный контекст эпохи; критика перестает оперативно реагировать на новые явления в художественной культуре. В результате возникает опасный разрыв между академической критикой и актуальными потребностями развития литературы, что ставит под вопрос саму социальную функцию критического дискурса. Так, Ли Чаоюань считал, что «академизм в литературной критике – как на Западе, так и в современном Китае с 1990-х годов – создаёт основные проблемы именно в критическом стиле» [6; с. 5].

Изменение запросов аудитории, расширение цифровых платформ и обострение конкуренции со стороны массовых медиа вызвали необходимость пересмотра жанровых стратегий публикаций критического характера, включая рецензии. В результате чего сформировались две тенденции: с одной стороны — сохранение институционального статуса и культурного веса рецензии как жанра, с другой — обновление её формы и стиля для повышения доступности и интереса у новой аудитории. В ответ на эти изменения «толстые журналы» Китая стали преобразовывать жанр рецензии, сохраняя её основные функции, но меняя форму подачи, стиль и способы взаимодействия с аудиторией.

Трансформация стилистики литературной критики в XXI веке нашла одно из своих проявлений в возрождении эссеистической формы. По мнению Ли Юйчунь, знаковым событием в этом плане стала публикация в 2000 году в популярном журнале "Книжная обитель" серии кратких критических эссе Чжоу Цзэсюна, Чжан Юаньшаня и Чжоу Ши объемом от двухсот до пятисот слова. Работы этих авторов, сочетавшие то восхищенный, то объективный, то язвительно-критический тон, охватили более двухсот современных китайских прозаиков, поэтов и драматургов, оказав значительное влияние на литературные круги [7; с. 5]. Успех этого стилистического эксперимента свидетельствовал о всеобщей усталости от сухого академического стиля. Использование эссеистической формы для преодоления академических ограничений стало важной стратегией для прогрессивных изданий и критиков. Ярким примером служит журнал «Литературные дебаты», который с 2015 года по настоящее время ведет специальную рубрику, посвященную развитию эссеистической критики.

В действительности публикуемые в журнале «Литературные дебаты» эссеистические произведения критики не ограничиваются традиционной формой эссе, восходящей к Мишелю де Монтеню, а демонстрируют принципиально открытую концепцию этого жанра. На страницах издания можно встретить эпистолярные заметки, дневниковые записи, литературные диалоги, вопросы и ответы, предисловия и послесловия, хроникальные заметки, мему-

арные зарисовки и портретные очерки. Подлинное новаторство в критической прозе становится возможным лишь благодаря такой многообразной стилиевой практике, которая формирует здоровую и динамичную жанровую экосистему.

Конечно, к художественно-публицистическим жанрам относятся также памфлеты и фельетоны – сложнейшие жанры. Свои размышления критики чаще всего облачают в жанре рецензии или эссе [9; с. 58]. «Пресловутое нашествие эссеизма – естественная реакция на нынешние перемены. Зыбкие пески самого неустойчивого, текучего, изменчивого жанра оказываются точным симптомом состояния изящной словесности вообще. <...> Так критика совершенно законно становится более субъективной и, распадаясь на группы и направления, все более частной», – пишет Д. Бавильский о кризисе «толстых» журналов в конце XX века [1].

Китайские литературные журналы, такие, как «Народная литература» (人民文学) и «Китайская литературная критика» (中国文学批评), представляют собой важный объект исследования, поскольку сочетают традиционные черты классического литературного издания и требования современной медиареальности.

«Народная литература», будучи старейшим литературным журналом Китая, избрала путь постепенного стилистического обновления. В опубликованных рецензиях всё чаще появляются элементы нарративности, индивидуализированного голоса критика, метафорического мышления, которые делают текст ближе к формату эссе. Рассмотрим рецензию 2010 года в «Народная литература» (№5) на роман Цзя Пинва «Опера Циньцян» (秦腔). Автор – профессор Пекинского университета Ли Цзин – выстраивает классический анализ: сначала декларирует тезис о «деревенском реализме как зеркале социальных трансформаций», затем скрупулезно разбирает символизм оперных сцен, и наконец, возводит произведение в ранг «важного идеологического высказывания» [5; с. 35]. Текст объемом 4200 иероглифов дышит академической серьезностью, цитирует Лу Синя и теорию франкфуртской школы, но полностью игнорирует читателя как участника диалога. Совершенно иную картину видим в рецензии того же журнала за 2020 год (№8) на роман Цзя Пинва «Временное сидение» (暂坐). Объем сократился до 900 иероглифов (то есть на 78%), а место профессора занял гибридный конструктор: сначала идет 200-словное интервью с самим автором, затем редакторский метакомментарий, и наконец, блок «Голос читателей» с QR-кодом, ведущим к WeChat-опросу «Стоит ли читать?» (68% «да») и цитатой из Douban: «Скучновато, но атмосферно». Здесь важно отметить, что академический разбор не исчез, а был децентрализован, распавшись на персональное откровение писателя, метафору редактора и сырой читательский вердикт.

Параллельно в теоретическом лагере «Китайской литературной критики» разрабатывалась иная стратегия адаптации. Если в 2010 году статьи здесь (например, «Марксистский взгляд на постмодернистскую критику») строго соблюдали канон: 8000 иероглифов, системная аргументация с отсылками к Адорно и Джеймисону, нулевая визуализация, – то к 2020 году (№3, статья «Литературная оценка в эпоху алгоритмов») канон начал обрастать цифровыми «костылями». Автор сохраняет академический каркас – анализ концепции Бенямина о «потере ауры» с цитатой на немецком, – но дополняет его графиком «Рейтинг книг на Doubanvs продажи на Dangdang» и скриншотами хейт-комментариев с Zhihu. Примечательно, что эти «чужие» элементы не просто вставлены, а легитимизированы через теорию: данные соцсетей становятся «эмпирическим доказательством» упадка авторского авторитета.

Однако к началу 2010-х годов короткие, эмоциональные, мультимодальные читательские отзывы в онлайн-формате бросили вызов традиционному канону. В ответ ведущие издания – художественная «Народная литература» и теоретическая «Китайская литературная критика» – не стали отвергать новое, но предприняли тонкую операцию по стратификации жанра, где академическое ядро начало обрастать медийными адаптациями. Чтобы понять этот процесс, обратимся к конкретным текстам из их страниц за 2010 и 2020 годы (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Стратификация жанра рецензии в китайских «толстых журналах» (2010-2020)

Параметр	«Народная литература» (2010)	«Народная литература» (2020)	«Китайская литературная критика» (2010)	«Китайская литературная критика» (2020)
Объем	4200 иероглифов	900 иероглифов (↓78%)	8000 иероглифов	4800 иероглифов (↓40%)
Авторство	Профессор литературы	Гибрид (автор+редактор+читатели)	Ученый-теоретик	Ученый + данные платформ
Носитель канона	Текстологический анализ	Интервью + метафора + QR-опрос	Теория + цитаты	Теория + скриншоты + графики
Тон	Академический монолог	Эмоционально-диалоговый	Абстрактно-нормативный	Академически оборонительный

Данная таблица наглядно показывает, что оба журнала движутся к сжатости (падение объема), гибридизации (вторжение непрофессиональных голосов/данных) и визуализации текстов (QR-коды, графика), но разными путями: «Народная литература» демонтирует канон, разделяя его на равноправные фрагменты, тогда как «Китайская литературная критика» бережно консервирует ядро, используя новое как верифицирующее дополнение.

Анализ публикаций в журналах «Народная литература» и «Китайская литературная критика» за последние двадцать лет показывает разные модели такой адаптации. В журнале «Народная литература» прослеживается тенденция к стилистическому упрощению текстов, включению элементов повествовательности, субъективного тона и даже эссеистики. При этом журнал сохраняет роль посредника между литературой и обществом. В «Китайской литературной критике» акцент остаётся на академическом уровне анализа, междисциплинарном подходе и теоретической глубине, но и здесь имеются попытки сделать язык более доступным, а стиль – более гибким. Таким образом, рецензия в современном китайском литературно-критическом поле всё меньше воспринимается как жёстко канонизированный жанр и всё больше становится инструментом культурного диалога, способным адаптироваться к изменяющейся медиареальности без утраты своих основных функций.

Если «Народная литература» и «Китайская литературная критика» олицетворяют два полюса трансформации – "демократизацию" и "академическую консервацию", – то существует ли более гибкий "третий путь"? Ответ дает «Современная литературная критика» (当代作家评论), влиятельное провинциальное издание, основанное в 1984 году. В отличие от "читательской демократии" «Народной литературы» и "осторожной цифровизации" «Китайской литературной критики», журнал создал алгоритмически усиленную диалоговую систему: рубрика "Анализ данных" (напр., визуализация паттернов чтения WeRead и Douban) трансформирует поведенческие метрики в литературные аргументы, сохраняя глубину традиционного анализа. Как отметил Цзян Шуцзюо в 2025 году, "мы смотрим на литературу глазами алгоритма, но дышим душой критика" [15; с. 9]. Этот диалектический подход, возможно, и есть наиболее устойчивая стратегия «толстых журналов» в эпоху искусственного интеллекта.

На фоне движения «Народной литературы» к массовизации и поисков «Китайской литературной критики» в области популяризации академического знания журнал «Современная литературная критика» открыл инновационный «третий путь». Это северо-восточное издание, занимающее важное место в современной китайской литературной критике, реализует уникальную модель «медийной конвергенции». Оно не только сохраняет академические стандарты, но и создает эффективные механизмы взаимодействия с цифровой эпохой. Такой подход представляет собой вдохновляющий образец трансформации литературно-критического дискурса.

Журнал «Современная литературная критика» демонстрирует уникальный подход, прежде всего в творческой реконструкции структуры критического текста. В отличие от стратегии «Народной литературы», упрощающей стиль и включающей нарративные элементы, это издание разработало многослойную модель критики. Яркий пример – специальная рубрика 2023 года по изучению «новой северо-восточной литературы». Когда Хуан Пин анализировал прозу Шуан Сюэтао через призму теории «постиндустриальной ностальгии», он не только соблюдал строгие академические стандарты, но и органично включил в текст анализ популярный комментарий с Douban: «Читать Бань Юя – как листать фотоальбом моего отца» [12; с. 58]. Такой подход создает живой диалог между академическим дискурсом и массовым высказыванием, отличаясь как от склонной к эссеизму субъективности «Народной литературы», так и от относительно консервативной академической позиции «Китайской литературной критики». Это открывает новые перспективы для критических текстов в эпоху медиаконвергенции.

Новаторство журнала проявляется не только на содержательном уровне, но и в смелых формальных экспериментах. Введенный после редизайна 2024 года раздел "Алгоритмическое чтение" наглядно демонстрирует этот подход: путем анализа и визуализации данных с платформ WeRead и Zhihu изданию удается придать традиционной литературной критике новое качество динамической изменчивости. Как точно подметил Хэ Яньхун в статье "О стилевых трансформациях китайской литературной критики XXI века" (№3, 2024): "Эти данные служат не декоративным элементом, а органичной составляющей критики, выражающей альтернативную форму достоверности". Подобная практика позволяет избежать присущей "Народной литературе" поверхностности теоретического анализа, преодолеть характерную для "Китайской литературной критики" отчужденность от массового читателя, демонстрируя при этом глубокое понимание медийной логики современной эпохи [13; с. 6].

Наиболее показательной в практике журнала «Современная литературная критика» стала разработанная им трехуровневая модель критического анализа. Первый уровень сохраняет теоретическую глубину, следуя традициям академического анализа. Второй уровень интегрирует язык интернет-дискурса, трансформируя его в аналитический инструмент. Третий уровень внедряет работу с данными, создавая прямую связь между критикой и актуальным читательским опытом. Как метко заметила Лю Сяоли в статье «От "литературы Северо-Востока" к "новой литературе Северо-Востока", «настоящая литературная критика должна быть как черноземные почвы Маньчжурии – одновременно питать глубокие мысли и принимать любые формы роста» [8; с. 12]. Эта позиция сохраняет интеллектуальную сущность критики, одновременно осваивая новые медийные возможности.

Когда тикток-обзоры и академические статьи входят в единый библиографический список, такая практика фактически переосмысливает границы критики. Опыт «Современной литературной критики» доказывает: в эпоху медиаконвергенции не нужно выбирать между «академичностью» и «популярностью». Творчески преобразуя структуру критического текста, можно создать анализ, сочетающий научную глубину с коммуникативной эффективностью. В эпоху алгоритмических рекомендаций такие эксперименты важны не только как стилевые инновации, но и как попытка возрождения литературной публичной сферы. Хань Чуньянь отметила в 2024 году: «Наша цель – не просто обновить методы критики, но и вернуть литературе роль пространства искреннего диалога» [11; с. 6]. Это самое перспективное направление развития критики в цифровую эпоху.

Показательным примером служит практика «Народной литературы», где включение QR-кодов, ведущих к читательским опросам, представляет собой не просто технологическое обновление, а сознательную попытку реконфигурации критического дискурса. С одной стороны, журнал легитимизирует мнение обычных читателей как часть профессионального обсуждения, с другой – сохраняет контроль через тщательный отбор и редактуру этих высказываний. Этот баланс между демократизацией и сохранением авторитета издания особенно характерен для китайского медийного ландшафта, где традиционные институты осторожно осваивают цифровые форматы.

Не менее интересна эволюция «Китайской литературной критики», где скриншоты негативных комментариев с платформы Zhihu используются не как уступка массовым вкусам, а как своеобразный новый тип аргументации. Как отмечает Сяо Инсюань, когда академический анализ дополняется «эмпирическими данными» из социальных сетей, происходит любопытная трансформация: пользовательский контент обретает статус научного доказательства, но лишь после прохождения строгого редакторского фильтра. Такой подход позволяет сохранить научную строгость, одновременно адаптируясь к требованиям цифровой эпохи [10; с. 5].

Данные процессы следует анализировать в рамках более широкого культурно-исторического контекста. С одной стороны, отмечается ослабление идеологического контроля над литературой по сравнению с эпохой Мао, с другой – усиление влияния коммерческих платформ, таких как Douban. В этих условиях традиционные издания вынуждены разрабатывать новые стратегии сохранения актуальности, формируя по сути гибридную эпистемологию критики, в которой академическое знание интегрируется с данными цифровых платформ.

В конечном итоге наблюдаемая трансформация жанра литературной рецензии в китайских «толстых журналах» демонстрирует парадигмальный сдвиг в функционировании традиционных институтов литературной критики. Практика таких изданий, как «Народная литература» и «Китайская литературная критика», опровергает апокалиптические прогнозы о неизбежной деградации профессионального критического дискурса в условиях цифровизации. Напротив, мы становимся свидетелями сложного процесса диалектического взаимодействия: канонические формы академического анализа не упраздняются, но вступают в продуктивный диалог с новыми медийными форматами коммуникации.

Особенность китайского контекста заключается в системном характере этой трансформации. Как свидетельствует проведённый анализ, даже наиболее радикальные новации, будь то интеграция читательских высказываний или визуальное представление данных, всегда реализуются в рамках продуманной редакционной стратегии, где традиционные ценности подвергаются не разрушению, но последовательной модернизации. Такой подход позволяет сохранить институциональный авторитет «толстых журналов» как культурных ориентиров, одновременно адаптируя их содержание к изменившимся условиям рецепции.

Этот опыт представляет значительный интерес для компаративных исследований современного литературного процесса. Как отмечает профессор Ван Сюнь в монографии «Медиатизация литературной критики», китайские издания выполняют сегодня роль уникальных лабораторий по разработке нового аналитического языка, который должен соответствовать двум фундаментальным требованиям: сохранять связь с интеллектуальной традицией и одновременно находить точки соприкосновения с поколением, сформированным цифровой средой [3; с. 2]. Именно в этом напряжении между каноном и инновацией рождается та модель критического дискурса, которая может претендовать на методологическую значимость в глобальном контексте изучения медиатизации культуры.

Трансформация жанра рецензии в китайских «толстых журналах» представляет собой сложный культурный процесс, выходящий далеко за рамки простой смены форматов. В действительности мы наблюдаем фундаментальную перестройку самой природы литературной критики, где традиционный экспертный монолог постепенно уступает место сложному диалогическому пространству. В этом пространстве академический анализ, цифровая публичная сфера и редакторская политика переплетаются, создавая принципиально новую систему литературной оценки. В контексте китайской модернизации новой эпохи функциональное значе-

ние субъектного сознания в литературной критике становится особенно важным при интерпретации и анализе литературных произведений и явлений. Литературная критика, с одной стороны, представляет собой диалог между критиком и автором, а с другой – диалог критика со своей эпохой. На основе этого двойного диалога осуществляется интерпретация текста, при которой проникновение личностного начала критика, остроты его мысли и эстетического видения реализует субъектность литературно-критического дискурса.

Библиографический список

1. Бавильский. Д. Критика: последний призыв. [Электронный ресурс] // Знамя. 1999. № 12. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/1999/12/kritika-poslednij-prizyv.html> (дата обращения: 22.06.2025).
2. Ван М. Медиатизация литературной критики // Вэнь Вейбао. 2025. Т. II. № 6. С. 1-3.
3. Ван С. Исследование на пути укрепления и расширения предметного сознания литературной критики в новую эпоху // Китайская арт-газета. 2024. Т. VIII. № 3. С. 21-27.
4. Кормилов С. Критика Серебряного века в жанровом ракурсе // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2002. № 1. С. 185–191.
5. Ли Ц. Эстетическая съемка и картографирование: исследование практики литературной критики в новую эпоху (2014-2024). Пекин: Культура и искусство, 2024. 35 с.
6. Ли Ч. Феномены-тенденции-проблемы-тенденции: обзор создания репортажной литературы в двадцать первом веке // Южный литературный форум. 2020. № 6. С. 1-8.
7. Ли Ю. Как создать народную эпопею для новой эпохи // Китайские искусства и литература. 2022. № 3. С. 4-5.
8. Лю С. От "Литературы Северо-Востока" к "Новой литературе Северо-Востока" // Китайская литературная критика. 2025. Т. VII. № 7. С. 9-12.
9. Орлова Л.А. Систематизация научных подходов к проблеме жанров современной литературной критики в «толстых» журналах // Медиасреда. 2020. №2. С. 55-60.
10. Сяо И. Как решить дилемму критики сетевой литературы? // Литературный журнал. 2024. Т. VI. № 9. С. 5.
11. Хань Ч. Практическая ценность литературной критики как предмет рассмотрения // Рецензия на книгу «Современные писатели». 2024. № 1. С. 6.
12. Хуан П. «Новые эстетические принципы на подъеме»: на примере романа Шуан Сюэтао «Моисей на равнине» // Критика реки Янцзы. 2017. № 1. С. 56-78.
13. Хэ Я. О новых стилистических изменениях в китайской литературной критике XXI века // Китайская литературная критика. 2023. № 1. С. 6.
14. Цветан Тодоров: Без ангелов мы обойтись можем, а вот без других людей – нет / Беседу вел Г.К. Косиков // Вопросы литературы, 2006, январь-февраль (Вып. 1). С. 58-73.
15. Цзян Ш. Как улучшить литературную критику в век технологий // Литературный журнал. 2025. № 5. С. 9.
16. Ши Ч. Кризис и жизненная сила китайской литературной критики в новом веке // Книжное обозрение Китая. 2008. № 5. С. 121-185.

References

1. Bavlisky. D. Criticism: the last call [Electronic resource] // Znamya (Banner). 1999. No. 12. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/1999/12/kritika-poslednij-prizyv.html> (date of application: 22.06.2025).
2. Wang M. Mediatization of literary criticism // Wen Weibao. 2025. Vol. II. Vol. 6. P. 1-3.
3. Wang S. Research on the way to strengthening and expanding the subject consciousness of

literary criticism in the new era // Chinese art newspaper. 2024. Vol. VIII. Iss. 3. P. 21-27.

4.Kormilov. S. Criticism of the Silver Age from a Genre Perspective // Bulletin of Moscow State University. Series 9. Philology. 2002. Iss. 1. P. 185-191.

5.Li Q. Aesthetic Surveying and Mapping: A Study of the Practice of Literary Criticism in the New Era (2014-2024). Beijing: Publishing House "Culture and Art", 2024. 35 p.

6.Li C. Phenomena-Tendencies-Problems-Tendencies-Review of the Creation of Reportage Literature in the Twenty-First Century // Southern Literary Forum. 2020. Vol. 6. P. 1-8.

7.Li Y. How to Create a Folk Epic for the New Era // Chinese Arts and Literature. 2022. Iss. 3. P. 4-5.

8.Liu S. From "Literature of the Northeast" to "New Literature of the Northeast" // Chinese Literary Criticism. 2025. Vol. VII. Iss. 7. P. 9-12.

9.Orlova L.A. Systematization of Scientific Approaches to the Problem of Genres of Contemporary Literary Criticism in "Thick" Journals // Media environment. 2020. Iss. 2. P. 55-60.

10.Xiao Y. How to Solve the Dilemma of Criticizing Online Literature? // Literary Journal. 2024. Vol. VI. Iss. 9. P. 5.

11.Han Z. "New Northeast" and "New Southern" Literature as Phenomena in the Contemporary Chinese Literary Field // Review of the book «Modern Writers». 2024. Iss. 1. 6 p.

12.Huang P. New Aesthetic Principles on the Rise: Based on Shuang Xuetaos Novel «Moses on the Plain» // Critique of the Yangtze River. 2017. Iss. 1. P. 56-78.

13.He Ya. On New Stylistic Changes in Chinese Literary Criticism of the 21st Century // Chinese Literary Criticism. 2023. Iss. 1. P. 6.

14.Tsvetan Todorov: We can do without angels, but not without other people. / Interview conducted by G.K. Kosikov // Issues of Literature. 2006. January-February (Iss. 1). P. 58-73.

15.Jiang Sh. How to improve literary criticism in the age of technology // Literary magazine. 2025. Iss. 5. P. 9.

16.Shi Ch. Crisis and vitality of Chinese literary criticism in the new century // Book Review of China. 2008. Iss. 5. P. 121-185.

УДК 070

DOI 10.36622/2587-9510.2025.59.4.016

*Московский государственный
финансово-юридический
университет МФЮА
Заведующий кафедрой журналистики
Кандидат филологических наук
Керимова Д.Ф.
Россия, г. Москва
dinarych2012@yandex.ru
89285931527*

*Moscow State Finance and Law University
MFUA
Head of the Department of Journalism
Candidate of Philological Sciences
Kerimova D.F.
Russia, Moscow
dinarych2012@yandex.ru
89285931527*

Д.Ф. Керимова

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОВЕСТКИ НА ГОРОДСКОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ

Статья посвящена определению особенностей формирования информационной повестки на городском телевидении, отмечены особенности эволюции отечественного городского телепродукта, региональные и аудиторные особенности. Объектом исследования стал телеканал «SREDA». Это городской телеканал, который довольно быстро стал основным источником информации для жителей одного из центральных городов Республики Дагестан Каспийска и начал активно освещать важные события, происходящие в городе. В качестве основных выделены следующие тематические повестки названного канала: официально-административная, социальная, культурно-развлекательная, чрезвычайная, экономическая, политическая. Определен основной конкурент – телеканал «ТБС», который в годы активного вещания производил качественный видеоконтент. Отмечены интернет-ресурсы, позволяющие каналу оставаться на связи с аудиторией в любое время и в любом месте: интернет-платформы «Rutube», «ВКонтакте», «Дзен», «Telegram», сайт канала. Анализ контента демонстрирует, что многие новости, представленные на телеканале, сосредоточены на событиях, которые не всегда актуальны для местных жителей: много времени уделяется освещению мероприятий, которые не вызывают особого интереса у аудитории. Это приводит к тому, что зрители теряют интерес к программам, поскольку не видят в них отражение своих потребностей и проблем. В статье даны рекомендации по увеличению аудитории: внедрение интерактивных элементов в программы телеканала, проведение опросов среди зрителей, использование социальных сетей для сбора мнений и предложений, более динамичных и привлекательных форматов, внедрение коротких видеосюжетов, анимации и графики для наглядного представления данных, работа с разными аудиторными группами (с акцентом на молодежь и старшее поколение).

Ключевые слова: информационная повестка, телевидение, телеканал, медиаландшафт, аудитория, формат.

D.F. Kerimova

FEATURES OF FORMING THE INFORMATION AGENDA ON CITY TELEVISION

The article is devoted to defining the features of the formation of the information agenda on city television. The features of the evolution of the domestic city television product, regional and audience features are noted. The object of the study was the TV channel «SREDA». This is a city TV channel that quickly became the main source of information for residents of one of the central cities of the Republic of Dagestan, Kaspysk, and began to actively cover important events taking place in the city. The following thematic agendas of this channel are highlighted as the main ones: official-administrative, social, cultural-entertainment, emergency, economic, political. The main competitor is identified - the TV channel "TBS", which during the years of active broadcasting produced high-quality video content. Internet resources are noted that allow the channel to stay in touch with the audience at any time and in any place: Internet platforms "Rutube", "VKontakte", "Zen", "Telegram", the channel's website. Content analysis shows that many of the news presented on the TV channel are focused on events that are not always relevant for local residents: a lot of time is

devoted to covering events that do not arouse much interest among the audience. This leads to the fact that viewers lose interest in the programs, since they do not see their needs and problems reflected in them. The article provides recommendations for increasing the audience: introducing interactive elements into the channel's programs, conducting surveys among viewers, using social networks to collect opinions and suggestions, more dynamic and attractive formats, introducing short video clips, animation and graphics for visual presentation of data, working with different audience groups (with an emphasis on young people and the older generation).

Key words: information agenda, television, TV channel, media landscape, audience, format.

Информационная повестка дня представляет собой совокупность тем и событий, которые доминируют в общественном дискурсе. С момента своего появления телевидение стало одним из самых мощных инструментов формирования этой повестки, определяя, о чем думает, говорит и беспокоится общество.

Эволюция информационной повестки на отечественном телевидении неразрывно связана с историческим контекстом, технологическим развитием и социально-политическими изменениями в стране [1; с. 10]. Формирование повестки – сложный и многогранный процесс, в который вовлечены различные факторы: политические, экономические и технологические. Все они оказывают влияние на то, какие события и темы получают освещение, как они воспринимаются зрителями и какую реакцию вызывают.

На сегодняшний день местное телевидение ведет активную и зачастую успешную борьбу за аудиторию с федеральными каналами. Однако оно имеет и ряд своих особенностей. Это связано с особенностями региона и, как следствие, с интересами аудитории [2; с. 5].

Телеканал «SREDA» [3] зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 28 января 2022 года. Это городской телеканал, который довольно быстро стал основным источником информации для жителей Каспия и начал активно освещать важные события, происходящие в городе. «SREDA» не только информирует о новостях, но и предлагает зрителям разнообразные программы, которые охватывают различные аспекты жизни города и его жителей. С момента своего появления телеканал стал важной частью информационной среды региона, предоставляя актуальные новости и интересные репортажи.

Вещание канала акцентируется на освещении местной новостной повестки, и это логично. «Прежде всего, в отличие от общенациональной, федеральной прессы, региональная журналистика обслуживает информационные потребности той читательской аудитории, которая ограничивается пределами данной части страны, а не всей ее территории» [4; с. 34]. Наиболее заметным аспектом формирования информационной повестки является влияние государства на телеканалы. В этом плане муниципальные каналы находятся под значительным контролем городской администрации. Они акцентируют внимание на деятельности мэрии, освещая ее исключительно в позитивном свете и поддерживая лояльные к администрации настроения.

В программе канала «SREDA» можно найти информацию о различных событиях, происходящих в Каспии. Это освещение культурных мероприятий, репортажи о социальных инициативах, событиях, касающихся экономики и политики региона. Информационная повестка, которую представляет «SREDA», как и любое другое локальное средство массовой информации, имеет свою уникальную специфику и сосредоточена на событиях и жизни Каспия. Эта повестка может быть условно разделена на несколько ключевых категорий, каждая из которых охватывает различные аспекты жизни сообщества.

Первой и, пожалуй, самой значимой является официально-административная повестка. Она включает в себя освещение деятельности местной администрации, что является основой для информирования населения о работе органов власти. В эту категорию входят новости о заседаниях совета депутатов, где принимаются важные решения, касающиеся жизни города. Кроме того, сюда относятся отчеты о реализации муниципальных программ, которые направлены на улучшение качества жизни жителей. Также важным элементом является

информация о бюджете и расходах, что позволяет гражданам понимать, как используются их налоги и какие приоритеты ставит местная власть. Формирование этой повестки, как правило, осуществляется пресс-службой администрации или по её непосредственному заказу, что подчеркивает её официальный характер.

Следующей важной составляющей является социальная повестка. Она посвящена жизни города и его жителей, охватывая такие темы, как благоустройство, жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ), образование, здравоохранение и социальная защита. В рамках этой категории могут подниматься актуальные проблемы, с которыми сталкиваются жители, а также рассказываться вдохновляющие истории успеха. Освещение различных социальных инициатив, направленных на поддержку и развитие местного сообщества, также занимает важное место в этой повестке. Это позволяет создать более полное представление о жизни города и его жителях, а также способствует вовлечению граждан в активное участие в общественной жизни.

Культурно-развлекательная повестка включает в себя анонсы и репортажи о городских праздниках, концертах, выставках и спортивных соревнованиях. Здесь также представлена информация о работе культурных учреждений, таких как библиотеки, музеи и театры. Эти материалы помогают создать атмосферу культурного обогащения и развлекательного досуга, что, безусловно, важно для формирования общественного мнения и поддержания интереса к культурным событиям в городе.

Чрезвычайная повестка включает в себя оперативную информацию о происшествиях, чрезвычайных ситуациях, авариях и природных катаклизмах. Важные предупреждения для населения также занимают значительное место в данной категории. Эти материалы необходимы для информирования граждан о потенциальных угрозах и обеспечивают безопасность жителей.

Экономическая повестка, хотя и представлена в меньшей степени, всё же включает информацию о развитии бизнеса в городе. Сюда входят новости об открытии новых предприятий, инвестиционных проектах и ситуации на рынке труда. Несмотря на то что эта повестка менее выражена по сравнению с другими категориями, она всё же важна для понимания экономической ситуации в регионе.

Значительное влияние на информационную повестку оказывает политическая обстановка в стране. В периоды политической нестабильности, такие как выборы или международные конфликты, все телеканалы сосредотачиваются на этих темах. Это связано с тем, что актуальные события требуют внимания и анализа, что, в свою очередь, вызывает повышенный интерес со стороны аудитории [5; с. 15].

Стоит отметить, что на телеканале «SREDA», как в муниципальном средстве массовой информации, практически отсутствует критическая политическая повестка. Это связано с тем, что редакционная политика зависит от администрации, и, следовательно, освещение оппозиционной деятельности или негативной оценки работы власти не находит своего места в информационном пространстве. Таким образом, «SREDA» выполняет свою роль как информатор о жизни города, но в рамках определённых границ, установленных местной администрацией.

Конкуренция между телеканалами также играет значительную роль в формировании информационной повестки. В условиях жесткой борьбы за зрительскую аудиторию каналы стремятся привлечь внимание зрителей, что может привести к акцентированию внимания на более сенсационных или скандальных темах. Это, в свою очередь, может повлиять на качество и объективность информации, представляемой аудитории. К сожалению, единственный конкурент канала – телеканал «ТБС» прекратил существование. В годы активного вещания он производил качественный контент, который мог бы составить конкуренцию любому муниципальному телевидению.

Современные технологии также оказывают влияние на формирование информационной повестки. С развитием Интернета и социальных сетей информация распространяется гораздо

быстрее, чем когда-либо прежде. Это создает дополнительные вызовы для традиционных телеканалов, которые должны адаптироваться к новым условиям, чтобы оставаться конкурентоспособными. Например, многие каналы начали активно использовать социальные сети для продвижения своих новостей и взаимодействия с аудиторией, что также влияет на то, какие темы становятся актуальными и как они освещаются.

«SREDA» активно развивает свои интернет-ресурсы, что позволяет ей оставаться на связи с аудиторией в любое время и в любом месте. На сайте компании публикуются новости, статьи и аналитические материалы, которые помогают жителям лучше ориентироваться в происходящих событиях. Интернет-платформы «Rutube», «ВКонтакте», «Дзен», «Telegram» также позволяют вести диалог с аудиторией, предоставляя возможность комментировать материалы и участвовать в обсуждениях. Это взаимодействие с читателями и зрителями является важным элементом работы компании, поскольку помогает лучше понимать потребности и интересы своей аудитории.

Таким образом, можно сказать, что компания «SREDA» не просто источник информации, но и социально ответственный партнер, который стремится к тому, чтобы сделать жизнь горожан более насыщенной и интересной. В условиях быстро меняющегося медиаландшафта, компания продолжает искать новые пути для взаимодействия с аудиторией, улучшая качество своих услуг и расширяя горизонты своей деятельности.

Основная масса зрителей и пользователей, составляющая от 70 до 80 процентов, включает в себя жителей Каспия всех возрастных категорий. Это и есть та ключевая аудитория, на которую, в первую очередь, направлен контент телеканала и веб-ресурса.

Анализ контента показал, что многие новости, представленные на телеканале, сосредоточены на событиях, которые не всегда актуальны для местных жителей. Например, большое количество времени уделяется освещению мероприятий, которые не вызывают особого интереса у аудитории. Это приводит к тому, что зрители теряют интерес к программам, поскольку не видят в них отражение своих потребностей и проблем.

Еще одной важной рекомендацией является внедрение интерактивных элементов в программы телеканала: проведение опросов среди зрителей, так и использование социальных сетей для сбора мнений и предложений. Такой подход позволит телеканалу оперативно реагировать на запросы аудитории и адаптировать контент в соответствии с ее интересами. Например, можно создать специальные эфиры, в которых будут обсуждаться темы, наиболее актуальные для зрителей, с приглашением экспертов, представителей власти или местных активистов. Это поможет не только повысить качество контента, но и укрепить доверие к телеканалу со стороны аудитории.

Также стоит обратить внимание на формат подачи информации. В условиях быстрого темпа жизни и увеличения объема информации, которую ежедневно потребляют зрители, телеканалу необходимо использовать более динамичные и привлекательные форматы. Например, можно внедрить короткие видеосюжеты, которые будут освещать наиболее важные события в городе, или использовать анимацию и графику для наглядного представления данных. Это позволит сделать контент более доступным и интересным для широкой аудитории.

Не менее важным аспектом является работа с целевой аудиторией. В ходе исследования было выявлено, что телеканал не всегда учитывает интересы различных возрастных групп и социальных слоев населения. Важно создать разнообразный контент, который будет интересен как молодежи, так и людям старшего поколения. Первой свойственно «клиповое сознание, заключающееся в нелинейном, фрагментарном восприятии визуальных образов» [6; с. 107]. В этой связи, можно разрабатывать программы, посвященные культурным событиям, образовательным инициативам или вопросам социального обеспечения в новом «усеченном» формате, способном удержать молодежную аудиторию. Что касается пожилых зрителей, их можно заинтересовать программами о

медицине, садоводстве, интервью с их кумирами и качественными аналитическими материалами.

В заключение, можно сказать, что телеканал «Среда» имеет все необходимые ресурсы для того, чтобы стать более привлекательным и востребованным среди местной аудитории. Однако для достижения этой цели необходимо обратить внимание на существующие проблемы и недостатки в контенте, а также внедрить новые форматы и подходы к подаче информации. Современные реалии требуют от региональных СМИ «следить за стремительно развивающимися медиа в общемировом контексте» [7; с. 123]. Реализация предложенных рекомендаций позволит телеканалу не только повысить качество своих программ, но и укрепить связи с местным сообществом, что, в свою очередь, будет способствовать увеличению рейтингов и популярности телеканала в регионе.

Библиографический список

1. Лазутина Г. В. Жанры журналистского творчества / Г.В. Лазутина, С.С. Распопова. М.: Аспект пресс, 2019. 320 с.
2. Удалова В., Фунтикова М. С. Региональное ТВ: специфика, тематические и жанровые особенности // Вестник Амурского ГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2011.
3. <https://sreda-company.ru/> (дата обращения: 14.06.2025)
4. Зверева Н. Где родился – там и пригодился? // СРЕДА. 2001. №12 (36).
5. Грачев С.И., Баранова Т.В. Роль «новых медиа» в современных конфликтах. Вестник МГОУ (электронный журнал). 2018. № 4. С. 33-39.
6. Онуприенко К. А. Трансформация традиционных телевизионных жанров на новых технологических платформах // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. №3(42). 2021. С. 99-108.
7. Бахтина М. А. Современные тенденции в работе региональных российских интернет-СМИ // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. № 4(51). 2024. С. 119-124.

References

1. Lazutina G.V. Genres of journalistic creativity / G.V. Lazutina, S.S. Raspopova. M. : Aspect press, 2019. 320 p.
2. Udalova V., Funtikova M.S. Regional TV: specifics, thematic and genre features // Bulletin of Amur State University. Series: Humanities. 2011.
3. <https://sreda-company.ru/>
4. Zvereva N. Where were you born - there was it useful? // SREDA. 2001. No. 12 (36).
5. Grachev S.I., Baranova T.V. The role of "new media" in modern conflicts. Bulletin of MGOU (electronic journal). 2018. No. 4. P. 33-39.
6. Onuprienko K. A. Transformation of traditional television genres on new technological platforms // Current issues of modern philology and journalism. No. 3 (42). 2021. P. 99-108.
7. Bakhtina M. A. Current trends in the work of regional Russian Internet media // Current issues of modern philology and journalism. No. 4 (51). 2024. P. 119-124

УДК 070

DOI 10.36622/2587-9510.2025.59.4.017

*Воронежский государственный
технический университет
Канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Воронова Т.А.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7 910 347-38-37
e-mail: invisible2editor@gmail.com*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Voronova T.A.
Russia, Voronezh,
tel. +7 910 347-38-37
e-mail: invisible2editor@gmail.com*

*Магистрант 1 курса
специальности «Журналистика»
Хугаев И.И.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7 951 850 5673
e-mail: hugaev.ilja@mail.ru*

*The faculty of journalism
1st year master student
Khugaev I.I.
Russia, Voronezh,
tel. 7 951 850 5673
e-mail: hugaev.ilja@mail.ru*

Т.А. Воронова, И.И. Хугаев

ЗРИТЕЛЬСКАЯ ОЦЕНКА КИНОТРИЛОГИИ П. ДЖЕКСОНА «ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ» В МЕДИАСФЕРЕ

В статье даётся краткая характеристика трилогии Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин Колец» и рассмотрен процесс создания киноадаптации режиссёра Питера Джексона, вышедшей на экран с 2001 по 2003 год. Особое внимание уделяется изучению зрительской реакции и оценок, данных аудиторией кинотрилогии «Властелин Колец» в медиасфере. Материалом для анализа послужили зрительские отзывы с таких сайтов, как: «Кинопоиск», «Отзовик», «IMDb» и «Metacritic». В ходе исследования авторы приходят к выводу, что значительная часть аудитории по всему миру восприняла киноадаптацию положительно, несмотря на отсутствие ряда вырезанных из финальной версии фильма сцен, сюжетных линий и деталей. Большинство зрителей восприняли с пониманием тот факт, что в рамках реализации такого масштабного проекта, как адаптация книжной трилогии Толкиена, невозможно было полностью перенести все детали произведения на экран, поэтому Питер Джексон представил обществу своё, максимально, с его точки зрения, приближённое видение книжной вселенной в виде кинотрилогии. Несмотря на то, что кинотрилогия не лишена ряда минусов, подавляющее большинство зрителей отмечают революционный (на момент выхода фильмов) уровень графики и технической базы проекта, высокое качество реквизита и грамотно подобранный актёрский состав. В итоге, основываясь на проведённом исследовании, мы можем заключить: медийный фон вокруг кинотрилогии П. Джексона «Властелин Колец» является в целом положительным – в глазах поклонников данная киноадаптация предстает как одна из самых масштабных и успешных экранизаций за всю историю киноиндустрии.

Ключевые слова: зритель, кинотрилогия «Властелин колец», Дж. Р. Р. Толкиен, Питер Джексон, адаптация, сюжет, оценка, отзывы.

T.A. Voronova, I.I. Hugaev

AUDIENCE REVIEWS OF P. JACKSON'S «THE LORD OF THE RINGS» FILM TRILOGY IN THE MEDIA

This article provides a brief overview of J. R. R. Tolkien's "The Lord of the Rings" book trilogy and examines the development of Peter Jackson's film adaptations, released from 2001 to 2003. Particular attention is paid to examining audience reactions and ratings of the "Lord of the Rings" film trilogy in the media. The analysis utilizes audience

reviews from websites such as «Kinopoisk», «Otzovik», «IMDb» and «Metacritic». In the course of their research, the authors conclude that most audiences around the world responded positively to the film adaptation, despite the absence of a number of scenes, storylines, and minor details that were cut from the final version. As part of such a large-scale project as the adaptation of Tolkien's book trilogy, it was impossible to transfer all the details of the work to the screen. Peter Jackson presented to the public his vision of the book universe in the form of a film trilogy, which he considered to be as close as possible to the original, and most viewers accepted this positively or with understanding. Despite the fact that the film trilogy is not without a number of drawbacks, the overwhelming majority of viewers highlight the groundbreaking, at the time of the films' release, level of graphics and technical base of the project, the high quality of the props, and the well-chosen cast. In conclusion, based on the research conducted, we can conclude that the media coverage surrounding Peter Jackson's Lord of the Rings film trilogy is extremely positive – in the eyes of fans, this film adaptation stands out as one of the most ambitious and successful film adaptations in the history of the film industry.

Key words: viewer, film trilogy «Lord of the Rings», J. R. R. Tolkien, Peter Jackson, adaptation, plot, evaluation, reviews.

Книжная трилогия «Властелин Колец», созданная Дж. Р. Р. Толкиеном в середине XX века, стала одной из ключевых книжных трилогий своего времени: она изменила читательское восприятие такого жанра, как фэнтези, и навсегда определила характерные черты этого направления в массовой культуре. Толкиен описал красочный мир, наполненный множеством исторических, культурных и лингвистических отсылок, создал несколько уникальных языков и закрепил в общемировой культуре внешность множества фантастических рас.

Создание киноадаптаций для такого жанра, казалось, было лишь вопросом времени, однако оказалось весьма спорным вопросом. Колоссальный объем произведения, его уникальное наполнение и фабула, а также тщательная проработанность сюжета, боевых сцен и прочих деталей стали серьёзным ограничением для потенциальных желающих создать полноценную экранизацию трилогии Толкиена. Крупные студии не решались брать на себя ответственность за создание настолько серьёзной картины из-за больших рисков, так как в случае провала они могли лишиться не только крупной суммы денег, вложенной в создание экранизации, но и получить серьёзный удар по собственной репутации от большого числа недовольных фанатов [1].

Однако на рубеже XX – XXI веков ситуация изменилась благодаря режиссеру Питеру Джексону, который взял на себя задачу создать полноценную кинотрилогию и адаптировать книжный вариант с максимальной точностью. Получив серьёзную финансовую поддержку от главы студии «New Line Cinema» Роберта Шея, Питер Джексон принялся реализовывать грандиозный план по созданию одной из самых крупных и успешных экранизаций нашего времени.

Процесс съёмок первого фильма трилогии занял три года, при этом были использованы самые современные технологии, некоторые из которых (Motion capture, софт Massive и комбинированная съёмка) были на тот момент экспериментальными и дорабатывались уже в ходе работы над кинопроектом [1].

В 2001 году в прокат вышел фильм «Властелин Колец: Братство Кольца», ознаменовавший начало новой эпохи в киноиндустрии. Несмотря на определённые расхождения в деталях, фильм был тепло воспринят критиками и массовым потребителем: многие из тех, кто по каким-то причинам обходил вселенную Толкиена стороной, смогли прикоснуться к её экранизированному варианту и приобщиться к миру Средиземья.

Съёмочный процесс не останавливался даже во время удачного проката первой части: следующие два фильма были выпущены в 2002 и 2003 году, получив такие же восторженные отзывы по всему миру.

Однако подобную положительную оценку нельзя считать однозначной. Несмотря на очевидный финансовый успех (кассовый сбор со всех фильмов составил приблизительно 3 млрд. долларов), кинотрилогия столкнулась с критикой от лица поклонников именно книги.

Далее мы рассмотрим основные позитивные, негативные и нейтральные отзывы на киноадаптацию трилогии «Властелин Колец», которые размещены зрителями на различных интернет-платформах.

Данные с сайта «Кинопоиск» [2].

Общее число отзывов: 680.

Положительные отзывы: 88% (604).

Основные плюсы, указанные зрителями, включают: высокий уровень проработки окружения и детализации объектов, качественный реквизит, аутентичный дизайн персонажей, удачный актёрский состав, большое разнообразие локаций, простоту восприятия истории и внедрение в мир «Средиземья» без необходимости читать оригинальное произведение.

«Из персонажей мне не был знаком практически никто, и это замечательно, так как я оценивал не актёра, а его игру. Особенно впечатлили Арагорн, он же Вигго Мортенсен, Элронд, пожалуй единственный, кого я до этого знал по имени – Вигго Мортенсен, его дочь Арвен в исполнении Лив Тайлер, ну и Гендальф – это нечто! Йен Маккелен просто истинный Олорин, один из Майар, хранитель Эльфийского кольца, прозванный эльфами Митрандиром (смотрите ник), а людьми Гендальфом или Серым Странником!» [2]

«Интересно, что, несмотря на масштаб, фильмы остаются очень личными. Это история о дружбе, о прощении, о боли утраты. Это не только о войне – это о том, что каждый может сыграть роль, даже если эта роль кажется маленькой» [2].

«Потрясающие во всех отношениях фильмы. «Властелин колец» П. Джексона совершенен визуально, технически, музыкально. Я не представляю иную экранизацию книг вселенной Дж. Р. Р. Толкина, для меня эта – идеальна. Тот самый случай, когда сложно сказать, что лучше – книга или фильм, ведь они прекрасно друг друга дополняют» [2].

Отрицательные отзывы: 3% (21);

Главной претензией зрителей является несоответствие книжному оригиналу в таких аспектах, как: общая тональность повествования, сменившаяся со сказочной истории на экшн-боевик в средневековой стилистике, удаление сюжетных линий ряда персонажей, изменение или удаление многих книжных сцен, слабое раскрытие основных персонажей эпопеи.

«Содержание фильмов, на мой взгляд, оставляет желать лучшего, я никогда не понимал, почему режиссёры, решившиеся сделать экранизацию того или иного романа, берут на себя смелость не только урезать (что хоть как-то понять нехваткой экранного времени еще можно), но и переделывать сценарий по своему вкусу» [2].

«Но фильмы меня разочаровали полностью. В них я увидела лишь один плюс – великолепные пейзажи, и ещё меня впечатлил Балрог, а то по описанию в книге его весьма сложно было визуально представить. Всё остальное – начиная от актёрского состава и заканчивая концовкой – сплошные минусы» [2]

Нейтральные отзывы: 8% (55).

Что касается данной категории отзывов, то они написаны в основном поклонниками книжной серии. Они отмечают много положительных черт, схожих с описанными ранее, однако не могут поставить положительную оценку из-за большого числа несоответствий оригинальной серии книг:

«Сценарий, написанный по книге Толкиена, безусловно, упростил сюжет, но, на мой взгляд, режиссеру удалось передать основные идеи писателя. Простые и в то же время сложные, как сама жизнь» [2].

Данные с сайта «Отзовик» [3].

Общее число отзывов: 329.

Положительные отзывы: 95,4% (314).

Подавляющее большинство отзывов, имеющих положительную окраску, отмечают: очень высокий уровень визуального ряда, качественное музыкальное сопровождение, запоминающийся облик персонажей и превосходный актёрский состав.

«По итогам трилогии фильм получился серьезным творением компьютерной графики, и несмотря на то, что этот рынок больше всего подвержен старению, последние лет восемнадцать на нем не отразились. Трилогию я смотрю всегда с удовольствием, не знаю...» [3]

«Философская сказка для любого возраста, если в вас есть хоть капелька романтики и ожидания чуда, то вы действительно насладитесь этими фильмами» [3].

«Каждая часть этой трилогии получилась, по моему мнению, очень зрелищной! Причём, если первая часть – это удивительные приключения и путешествия по Средиземью, то уже во второй и третьей частях, прежде всего, мы можем восхищаться невероятными, по масштабности и накалу чувств, сражениями» [3].

«Атмосфера передана наилучшим образом. Каждый эпизод уникальный и запоминающийся. Музыка, костюмы, спецэффекты, декорации и операторская работа. Всё на высшем уровне! Персонажи теперь даже и не представляются другими» [3].

Отрицательные отзывы: 0,6% (2).

В основном зрители жалуются на некоторую затянутость кинотрилогии, отсутствие ряда сцен и сюжетных линий из оригинальной книжной серии:

«Когда-то ждал выхода этих фильмов на экран. С нетерпением. И дождался. С началом просмотров осталось только: разочарование. И неизбывная ненависть к режиссеру. Сюжет книги перевернут – от и до, от начала и до конца. Все диалоги – обезображены «режиссерским видением». Отличие от оригинала Толкиена – 100%» [3].

«Очень было волнительно начало просмотра, но очень быстро стало скучно и неинтересно. Не таким представлялся главный герой – слабым, истеричным и совсем никчемным. В книге он немного не такой малодушный. Да и прекрасная (в книге) Арвен, дочь Элронда, неожиданно оказалась далека от прототипа» [3].

Нейтральные отзывы: 4% (13).

Авторы отзывов данной категории оценили фильмы на высоком уровне, однако были недовольны отсутствием множества мелких деталей и некоторых важных сюжетных сцен, вырезанных из прокатной версии киноадаптации:

«Но, несмотря на то, что трилогия мне в целом понравилась, все же мне он [фильм. – Т.В, И.Х.] показался скучноватым. Во-первых, каждый фильм идет очень долго, больше трех часов. Устаешь смотреть. Во-вторых, лично мне не очень интересно было смотреть сцены битв, а они занимали немало времени. Фильмы показались мне слишком затянутыми. Сюжет не особо захватил» [3].

«Снят очень качественно, все детали продумали. Но жалко, что некоторые фрагменты книги просто не включили в трилогию. Спецэффекты тоже на уровне. Можно смотреть не один раз» [3].

Данные с сайта «IMDb» [4].

Общее число отзывов: 11520.

Положительные отзывы: 86,6% (9982 отзыва).

Зрители, оставившие положительные отклики, отмечают удачный выбор локаций для съемки, высокое качество графики и яркие визуальные эффекты. Отличительной чертой положительных отзывов на «IMDb» является высокая вовлечённость зрителей в историю создания фильмов (большое число рецензентов позитивно отзываются о проделанной Питером Джексонем работе и попытках передать как можно больше деталей оригинальной истории), а также эмоциональность отзывов – на уровне оценочной лексики и орфографии (выделение ключевых слов заглавными буквами). Кроме того, пользователи указанного сайта высоко оценили актёрский состав и качественный подход к созданию костюмов и декораций.

«The acting was flawless. As I've read many many times in other reviews, McKellen doesn't play Gandalf, he IS Gandalf. Wood, Mortensen, Holm, Astin, everyone was fantastic. My hat's off to Sean Bean who delivers an excellent performance as Boromir, a character whose intentions are good but wrestles with the corrupting power of the Ring. Bean portrays it VERY well. Oh, and Andy Serkis does a PERFECT Gollum voice. It's EXACTLY as I imagined it myself» [4] // «Игра актёров была безупречна. Как я уже много раз читал в других рецензиях, Маккеллен не играет Гэндальфа, он и ЕСТЬ Гэндальф. Вуд, Мортенсен, Хольм, Эстин – все были фантастичны. Снимаю шляпу перед Шоном Бином, который блестяще сыграл Боромира, персонажа, чьи намерения благи,

но который борется с развращающей силой Кольца. Бин изобразил это ОЧЕНЬ хорошо. Ах, да, и Энди Серкис идеально озвучил Голлума. Это ТОЧНО так, как я себе его представлял» [здесь и далее перевод наш. – Т.В., И.Х].

«But even more impressive than the stunning visuals and sound-effects-like-you've-never-heard-before are the actors who breathe life into the characters. Ian McKellen's portrayal of Gandalf is nothing short of awe-inspiring, and Elijah Wood's Frodo is one of the most unexpectedly captivating performances I've seen in a long time. The despair, terror, and determination of the Fellowship is all there, in spades. I left the theater aching...» [4] // «Но еще более впечатляющими, чем потрясающие визуальные эффекты и звуковые эффекты, которых вы никогда раньше не слышали, являются актёры, которые вдыхают жизнь в персонажей. Исполнение Иэном Маккелленом роли Гэндальфа просто восхитительно, а Фродо в исполнении Элайджи Вуда – одна из самых неожиданно захватывающих актерских работ, которые я видел за долгое время. Отчаяние, ужас и решимость – все это присутствует в фильме в полной мере. Я вышел из кинотеатра с болью в душе...»

«Not just the novel or screenplay is excellent but the technics also revolutionary. The trilogy nearly opened a new era to Cinema. Some believed even more revolutionary than Star Wars and 2001: A Space Odyssey. Amazing makeup, breathtaking visual effects, stunning cinematography. The trilogy nearly succeeds at all technical subjects» [4] // «Не только роман и сценарий превосходят, но и техника съемки революционна. Трилогия практически открыла новую эру в кинематографе. Некоторые считают ее даже более революционной, чем «Звездные войны» и «2001: Космическая одиссея». Потрясающий грим, захватывающие визуальные эффекты, потрясающая кинематография. Трилогия практически достигла совершенства во всех технических аспектах».

Отрицательные отзывы: 8,3% (576 отзывов).

Подавляющее большинство негативных отзывов связаны с отрицанием «видения» Питера Джексона: отсутствие в кинотрилогии множества небольших, но важных, по мнению зрителя, деталей делают экранизацию «незавершённой» и оставляют вопросы, на которые режиссёр так и не даёт ответов.

«I am not a big fantasy fan to begin with, but this was just insulting! I have to give due credit to the cinematography, direction, and graphics. I never read the books by Tolkien, so maybe I don't understand the intricacies and subtleties of the plot. It seemed so over the top. We are faced with an "evil spirit" who wants to take over the world and enslave humanity yada yada yada <yawn>» [4] // «Я и так не большой поклонник фэнтези, но это было просто оскорбительно! Я должен отдать должное кинематографии, режиссуре и графике. Я никогда не читал книг Толкиена, поэтому, возможно, не понимаю всех тонкостей и нюансов сюжета. Мне все показалось слишком переборчившим. Мы сталкиваемся с «злым духом», который хочет захватить мир и поработить человечество и так далее, и тому подобное – скуууучно... <зевает>».

«Lord of the Rings is boring, ludicrous and very lengthy. It's extraordinary that so much money would be wasted making such a trash. It only exists to satisfy the English's morbid obsession with magic, elves and dwarfs. Avoid at all costs» [4] // «Властелин колец» — скучный, нелепый и очень длинный фильм. Удивительно, что столько денег было потрачено на создание такого мусора. Он существует только для того, чтобы удовлетворить болезненную одержимость англичан магией, эльфами и гномами. Избегайте его любой ценой».

Нейтральные отзывы: 5% (962 отзыва).

К данной категории можно отнести отзывы, в которых зрители признаются, что испытывали неоднозначные впечатления: с одной стороны, они хвалят Питера Джексона за серьёзную попытку экранизировать такой богатый и глубокий мир, но при этом уточняют, что идея реализации столь амбициозного проекта была изначально проигрышной. Основная проблема кинотрилогии, по мнению зрителей этой категории, – сама попытка режиссёра экранизировать «Властелина Колец»:

«It was with more than a little trepidation that I sat down to watch this latest adaptation of the greatest book I've ever read. The trailers and commercials had made me very nervous. It looked like it might be a modern action-adventure flick with lots of smart aleck lines and cartoon violence (never mind a plot or drama!) but I was wrong! Indeed, it was true to the spirit of the book very much of the time and all the alterations and variations were generally necessary and well-integrated» [4] // «Я с некоторой тревогой сел смотреть эту новую экранизацию величайшей, которую я когда-либо читал. Трейлеры и реклама очень меня нервировали. Похоже было, что это будет современный боевик с кучей умничающих реплик и мультяшным насилием (неважно, что там с сюжетом и драмой!), но я ошибался! На самом деле, фильм в большинстве случаев был очень верен духу книги, а все изменения и вариации были в целом необходимыми и хорошо вписались в сюжет».

«This movie was a fine piece of entertainment that was respectful of the source material. It had wonderful sound and visual effects and a decent cast of performers. But great cinema it is not» [4] // «Этот фильм был прекрасным развлекательным произведением, которое с уважением относилось к исходному материалу. В нем были замечательные звуковые и визуальные эффекты, а также достойный актерский состав. Но великим кино он не является».

Данные с сайта «Metacritic» [5].

Общее число отзывов: 2827.

Положительные отзывы: 97% (2731 отзыв).

Главное достоинство фильмов Питера Джексона, по мнению пользователей данного сайта, – их визуальная часть и графика, качественное музыкальное сопровождение и актёрский состав. Также для многих комментаторов ключевым моментом стало чувство ностальгии по детству, когда они впервые прочитали книги Толкиена: кинотрилогия позволила им вновь почувствовать сказочную атмосферу.

«This movie is basically perfect. The acting is incredible, the pacing isn't rushed or slow, and not a single moment is wasted space (even in the extended edition). It's also very faithful to Tolkien's original work. Having two main characters die ensures that the viewer knows nobody in the film is wearing plot armor» [5] // «Этот фильм практически идеален. Актёрская игра невероятна, темп не слишком быстрый и не слишком медленный, и ни один момент не пропадает зря (даже в расширенной версии). Он также очень верен оригинальному произведению Толкиена. Смерть двух главных героев гарантирует, что зритель понимает, что ни один из персонажей фильма не обладает «броней сюжета».

«Movie with great setting and good plot for the fantasy-medieval genre. One of the first of its kind to reach this level for plot, setting and atmosphere». [5] // «Фильм с великолепной обстановкой и хорошим сюжетом для жанра фэнтези-средневековья. Один из первых в своем роде, достигший такого уровня по сюжету, обстановке и атмосфере».

«For its time, the cinematography and SFX are out of this world, similar to the riveting and unbelievability that you get from any of the first six Star Wars films. How quickly you can fall in love with and look up to the characters is fantastic. You are hooked and eager for the end of the story the second the camera pans over the beautiful shire» [5] // Для своего времени кинематография и спецэффекты просто потрясающие, они похожи на те захватывающие и невероятные ощущения, которые вы получаете от любого из первых шести фильмов «Звёздные Войны» То, как быстро вы можете влюбиться в персонажей и восхищаться ими, просто фантастично. Вы затягиваетесь и с нетерпением ждете конца истории в тот момент, когда камера показывает красивую графство.

Отрицательные отзывы: 2% (57 отзывов).

Ключевым минусом киноадаптации Питера Джексона, по мнению аудитории, является вольная трактовка некоторых моментов сюжета, изменение или полное удаление ряда персонажей, сцен и деталей. Помимо этого, некоторые зрители жалуются на медленный темп повествования и актёрский состав.

«The characters' personalities are okay, but it can't be said that it's very faithful to the book. According to the book, there are errors in chronological order, some characters are missing (like Glorfindel), and the story has been reinterpreted in some places. If I had watched this movie before reading the book, I would have probably given it an 8-9. But I was a little disappointed» [5] // «Характеры персонажей – тут все в порядке, но нельзя сказать, что фильм очень точно следует книге. Согласно книге, в фильме есть хронологические ошибки, некоторые персонажи отсутствуют (например, Глорфиндейл), а в некоторых местах история переосмыслена. Если бы я посмотрел этот фильм до того, как прочитал книгу, я бы, наверное, поставил ему 8-9 баллов. Но я был немного разочарован».

«Appearances can be very deceiving. Upon first glance, this seems like a boring and stupid film about a troupe of short people who have to take a ring somewhere that's of some consequence. But this is much too literal an interpretation. The movie is actually an elaborate metaphor for something else, which is also boring and stupid. People often miss this nuance» [5] // «Внешность может быть очень обманчивой. На первый взгляд, это кажется скучным и глупым фильмом о труппе невысоких людей, которые должны доставить кольцо в какое-то важное место. Но это слишком буквальное толкование. На самом деле фильм является сложной метафорой чего-то другого, что тоже скучно и глупо. Люди часто упускают этот нюанс».

Нейтральные отзывы: 1% (39 отзывов).

В данной категории зрителей наблюдается высокая оценка визуальной части кинотрилогии, но низкий уровень заинтересованности историей: комментаторы негативно относятся к видению Питера Джексона и неудовлетворены недостаточным, по их мнению, уровнем связи с первоисточником:

«The production values and performances are undeniably brilliant but this movie never quite clicked with me and at nearly three hours long I did start to get a little bored before the end» [5] // «Творческий подход и актерская игра, безусловно, блестящи, но этот фильм так и не зацепил меня, и при длительности почти в три часа я начал немного скучать еще до конца».

«I disliked this movie right from the start, because it is not true to the book... The rest of the movie(s) is ok I guess, and that's the best I can say. Actors playing Elrond, Galadriel, and Saruman saved the day, and the rest of the cast were decent enough» [5] // «Мне этот фильм не понравился с самого начала, потому что он не соответствует книге... Остальная часть фильма (фильмов) – нормально, наверное, и это лучшее, что я могу сказать. Актёры, сыгравшие Элронда, Галадриэль и Сарумана, спасли ситуацию, а остальные актеры были достаточно приличными».

Проанализировав совокупность рассмотренных нами отзывов, можно подвести некоторые итоги.

Общее число отзывов: 15356.

Положительные: 88,6% (13.631 отзывов).

Отрицательные: 6,8% (1.024 отзыва).

Нейтральные: 4,5% (701 отзыв).

Больше всего отзывов: сайт «IMDb».

Самый высокий процент положительных отзывов: сайт «Metacritic».

Самый высокий процент отрицательных отзывов: сайт «IMDb».

Самый высокий процент нейтральных отзывов: «Кинопоиск».

Самый низкий процент негативных отзывов: сайт «Отзовик».

Общая оценка: достаточно высокая.

Основываясь на полученной в ходе исследования информации, можно понять, что основная масса аудитории восприняла кинотрилогию положительно и приняла режиссерскую концепцию Питера Джексона, ставя на второе место недостатки наподобие удаления и переработки некоторых элементов сюжета. Очевидно, что причинами внесения корректировок в изначальный сюжет были: нехватка хронометража, технические ограничения и сложность экранного воплощения исключенных из основного повествования персонажей, сцен и сюжетных линий.

Необходимо учитывать, что основной пласт отрицательных отзывов оставляли фанаты книжной вселенной, неудовлетворённые киноадаптацией, а также пользователи сайта, которым пришелся не по вкусу жанр произведения и медленный, по их мнению, темп кинофильма. В то же время подавляющее большинство зрителей либо остались довольны экранизацией, либо воспринимали внесённые в сюжет корректировки как необходимый компромисс, без которого перевести книжную версию «Властелина Колец» на киноязык не представляется возможным.

Таким образом, мы выяснили, что, несмотря на в целом положительную реакцию зрителей на киноадаптацию Питера Джексона, существует определённое несоответствие между ценностью визуального контента и зрительского опыта. Массовый потребитель больше предпочитает эмоциональную, наполненную действиями и спецэффектами динамику, нежели глубокий и многогранный мир, служащий не только для развлечения, но и для духовного обогащения аудитории. Это следует из тех плюсов фильма, которые отмечены зрителями на различных интернет-площадках: подавляющее большинство рецензентов хвалят именно визуальную, а не сюжетную сторону фильма. В условиях быстро развивающихся технологий, стремлении к визуализации любой окружающей человека информации и всеобщей цифровизации книжные материалы постепенно отходят на второй план вместе с процессом чтения – глубина и детали заменяются зрелищностью, яркими визуальными образами и простотой понимания.

Однако «Властелин Колец» как культурный феномен продолжает жить: меняется форма подачи, теряется часть уникальных элементов вселенной Толкиена и забываются некоторые детали, но мир Средиземья даже спустя десятки лет вызывает интерес у аудитории всех возрастов, желающей погрузиться в него через фильмы, игры или мультипликацию.

Библиографический список

1. «Властелин колец»: как Питер Джексон снял лучшую экранизацию Толкиена и что не получилось у «Хоббита» и «Колец власти». Текст: электронный. URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/4010007/> (дата обращения: 28.10.2025).
2. Властелин колец: Братство кольца фильм, 2001, дата выхода трейлеры актеры отзывы описание на Кинопоиске. Текст: электронный. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/328/> (дата обращения: 28.10.2025).
3. Отзывы о кинотрилогии "Властелин колец" (2001-2003). Текст: электронный. URL: https://otzovik.com/reviews/kino_trilogiya_vlastelin_kolec_2001-2003/ (дата обращения: 29.10.2025)
4. The Lord of the Rings: The Fellowship of the Ring (2001) – IMDb. Текст: электронный. URL: https://www.imdb.com/title/tt0120737/?ref=tturv_ov_bk (дата обращения: 30.10.2025).
5. The Lord of the Rings: The Fellowship of the Ring Reviews – Metacritic. Текст: электронный. URL: <https://www.metacritic.com/movie/the-lord-of-the-rings-the-fellowship-of-the-ring/?ftag=MCD-06-10aaa1c> (дата обращения: 30.10.2025).

References

1. The Lord of the Rings: How Peter Jackson Made the Best Tolkien Adaptation Ever, and What Failed with The Hobbit and The Rings of Power. Electronic text. URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/4010007/> (date of application: 28.10.2025).
2. The Lord of the Rings: The Fellowship of the Ring (2001) release date, trailers, cast, reviews and description on Kinopoisk. Electronic text. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/328/> (date of application: 28.10.2025).
3. Reviews on film trilogy «Lord of the Rings» (2001-2003). Electronic text. URL: https://otzovik.com/reviews/kino_trilogiya_vlastelin_kolec_2001-2003/ (date of application: 29.10.2025).

4. The Lord of the Rings: The Fellowship of the Ring (2001) – IMDb. Текст: электронный. URL: https://www.imdb.com/title/tt0120737/?ref=tturv_ov_bk (date of application: 30.10.2025).

5. The Lord of the Rings: The Fellowship of the Ring Reviews – Metacritic. Текст: электронный. URL: <https://www.metacritic.com/movie/the-lord-of-the-rings-the-fellowship-of-the-ring/?ftag=MCD-06-10aaa1c> (date of application: 30.10.2025).

УДК 81

DOI 10.36622/2587-9510.2025.59.4.018

*Челябинский государственный
университет,
преподаватель кафедры теории и практики
перевода
Шкода Ю.Д.
Россия, г. Челябинск,
тел.: 89634619775
e-mail: shkoda-julia@mail.ru*

*Chelyabinsk State University, Department
of Theory and Practice of Translation,
Lecturer*

*Shkoda Y.D.
Russia, Chelyabinsk,
tel.: 89634619775
e-mail: shkoda-julia@mail.ru*

Ю.Д. Шкода

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ХЕДЖИРОВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ И РУССКОЯЗЫЧНОМ СПОРТИВНЫХ ДИСКУРСАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕПОРТАЖЕЙ ФОРМУЛЫ 1)

Статья посвящена вопросу лингвистического хеджирования, выступающего в качестве одной из стратегий, благодаря которым коммуникант может скрыть свою личную неуверенность в правдивости передаваемой информации. Данный феномен рассматривается в спортивном дискурсе, где роль спортивного комментатора заключается не только в информировании аудитории о ходе спортивного события, но и в создании эмоционально насыщенного повествования, способствующего вовлечению зрителей. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью лингвистического хеджирования и его функциональных особенностей как в отечественной лингвистике, так и в зарубежной. Рассмотрение лингвистического хеджирования в спортивном дискурсе дает понимание того, что спортивные комментаторы прибегают к экспрессивным средствам, прогностическим высказываниям и анализу причинно-следственных связей, что способствует более глубокому и детальному восприятию спортивного события. Основной задачей спортивного комментатора является поддержание интереса аудитории и формирование запоминающегося медийного опыта. Эффективность коммуникации во многом определяется способом подачи информации, где значимую роль играет лингвистическое хеджирование, снижающее категоричность высказываний, минимизирующее коммуникативные риски и обеспечивающее вежливый тон взаимодействия с аудиторией. Анализ осуществлен на материале, ранее не использовавшемся для этой цели – российского и британского спортивного дискурса. Основными лингвистическими методами являются: методами контекстуального анализа и сопоставительный метод. Результаты работы могут найти отражение в дальнейших исследованиях по изучению феномена хеджирования в спортивном дискурсе. Выводы могут быть использованы в академических целях в курсе теоретической грамматики и стилистики, а также в журналистской практике спортивного комментирования.

Ключевые слова: лингвистическое хеджирование, хеджи, спортивный дискурс, репортажи, спортивный комментатор, языковые средства, функции хеджирования.

Y.D. Shkoda

FUNCTIONAL FEATURES OF LINGUISTIC HEDGING IN ENGLISH AND RUSSIAN SPORTS DISCOURSES (ON THE MATERIAL OF FORMULA 1 RUNNING COMMENTARIES)

The issue of linguistic hedging is of particular interest to researches, as it serves as one of the communication strategies employed by individuals to conceal their personal uncertainties regarding the veracity of information they convey. This phenomenon finds its place in the realm of sports discourse, where sports commentators not only provide factual information about the event but also craft narratives that evoke emotional responses from their audience, fostering engagement. The relevance of this study stems from the lack of knowledge about linguistic and functional features of hedging. By considering linguistic hedging in sports discourse, we gain an understanding of how

commentators employ expressive language, predicative statements, and analyses of cause-and-effect relationships. These elements contribute to a more profound understanding of the sporting event. The primary objective of a sport commentator is to sustain the audience's interest and create a lasting impression through their commentary. The efficacy of communication is significantly influenced by the manner of information conveyed, with linguistic hedging playing a crucial role in this process. It mitigates the proposition and fosters a courteous tone of interaction, thereby enhancing the overall effectiveness of the communication process. The analysis is based on the material that has not been previously used for this purpose. The results of this work can be applied in further research into the phenomenon of hedging. The findings can be utilized for academic purposes, as well as in journalistic practices such as sports commentaries.

Key words: linguistic hedging, hedges, sports discourse, sports commentator, language means, functions of hedging, running commentaries

В последние годы наблюдается устойчивый рост исследовательского интереса к изучению спортивного дискурса. Однако несмотря на активное развитие данного направления, его прагматические аспекты остаются недостаточно изученными. В частности, вне поля зрения исследователей остаются прагматические стратегии, применяемые в рамках данного дискурса. Лингвистическое хеджирование является одним из сильных прагматических инструментов влияния на реципиента в спортивном дискурсе. Целью данного исследования является изучение функций лингвистического хеджирования в англоязычном и русскоязычном спортивных дискурсах.

Основополагающей работой в области лингвистики принято считать исследование Дж. Лакоффа «Hedges: A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts». Американский лингвист предлагает новую концепцию, в основе которой находится теория нечетких множеств Л. Заде, и вводит термин хеджирование (hedging). По мнению исследователя, хеджи – это «слова, значение которых подразумевает нечеткость; это слова, функция которых заключается в том, чтобы отобразить вещи в некоторой степени нечеткими» (words whose meaning implicitly involves fuzziness [and] whose job is to make things fuzzier or less fuzzy) [1; p. 479]. Посредством представления вещей неоднозначными адресант выражает неуверенность в точности передаваемой информации. Помимо этого, хеджи помогают сделать высказывание менее категоричным или однозначным, скрывая неуверенность говорящего.

Примерами хеджей в английском языке являются следующие слова и словосочетания: *«sort of, kind of, loosely speaking, more or less, roughly, pretty (much), relatively, somewhat, rather, mostly, strictly speaking, essentially, basically, particularly, for the most part, literally, often, almost, in a sense, in a way, in a manner of speaking, so to say, anything but a, actually, etc.»* [1; p. 472].

Хеджирование определялось как манипулятивная стратегия в работах Р. Маркканен и Х. Шредера. Исследователи подчеркивают, что основная задача данной стратегии заключается в том, чтобы «сказать меньше, чем подразумевается» («it is any manipulative, non-direct sentence strategy of saying less than one means») [2; p. 1].

Как отмечает К. Хайленд в своей работе «Hedging in Scientific Research Articles», хеджирование относится к любым языковым средствам, используемым либо для «указания отсутствия полной приверженности истинному значению сопутствующей пропозиции», либо с целью «не выражать принадлежность категорически» [2; p. 1].

В дальнейших работах в области теории хеджирования фокус исследователей сместился с семантической стороны рассмотрения данного явления в сторону дискурсивных и коммуникативно-прагматических аспектов.

Согласно Б. Фрейзеру, прагматическая компетентность – это «лингвистическая способность передавать определенное сообщение с учетом всех нюансов в любом социокультурном контексте» [3; p. 15]. Автор отмечает, что современная научная парадигма интерпретирует хеджирование как «риторическую стратегию», реализующую индикацию сомнений в истинности пропозиции и выражение отношения к иллокутивной силе высказывания. Эффект за счет использования хеджирования достигается в интерпретации

высказывания, а не в семантическом значении самого предложения. Помимо этого, хеджирование зачастую дает представление о намерениях говорящего.

Отечественный лингвист А.П. Марюхин указывает на то, что во время коммуникации действующие лица могут настаивать на значимости того, о чем говорят, в чем они убеждены: их высказывание «истинно, правильно или правдоподобно» [4; с. 201]. Таким образом, коммуникант стремится к градуированию смысла высказывания.

В современном мире люди стараются сделать процесс обмена информацией более мягким и тактичным. Важно понимать, что не всегда прямое выражение своих мыслей является лучшей стратегией общения. Люди стремятся звучать менее агрессивно и менее эмоционально, более вежливо и неконфликтно. Одним из способов избежать возможные конфликты и недопонимания в процессе коммуникации является хеджирование.

Одной из важнейших стратегий, используемых в спортивном дискурсе, является стратегия хеджирования. Хеджи появляются в речи комментаторов в моменты, когда необходимо скрыть неуверенность или смягчить категоричность утверждения. Автор высказывания освобождается от ответственности за слова и может продемонстрировать отсутствие абсолютной убежденности в истинности пропозиции, за счет чего уменьшается вероятность появления критики в адрес говорящего: его репутация не находится под угрозой, и остается возможность для продолжения дискуссии по теме обсуждения.

Хеджирование также можно рассматривать как способ безопасного выражения своего мнения и субъективной точки зрения касательно неоднозначно трактуемых моментов. Помимо этого, хеджи способствуют созданию интерактивности: появляется своего рода диалог как между двумя комментаторами, так и между комментатором и зрителем, за счет чего происходит речевое воздействие на реципиента с целью влияния на его мнение, цели, установки, эмоциональное состояние.

Проанализируем использование лингвистического хеджирования в речи комментаторов Формулы 1 Великобритании (Дэвид Крофт, Мартин Брандл) и России (Алексей Попов, Наталья Фабричнова).

Для исследования речи спортивных комментаторов был выбран метод контекстуального анализа, поскольку конкретная функция использованного хеджа будет зависеть в значительной степени от контекста, в котором он появляется.

В рамках данного исследования нами был проведен сопоставительный анализ функциональных особенностей хеджей в англоязычном и русскоязычном спортивном дискурсе. Исследование показало наличие трех функций, выполняемых хеджами в спортивном дискурсе. Подчеркнем универсальный характер указанных ниже функций, поскольку они присущи обоим дискурсам.

Функция снижения категоричности высказывания. Неотъемлемыми составляющими спортивного репортажа Формулы 1 является выражение личного мнения, отношения к гоночной ситуации или действиям гонщика, высказывание предположений относительно дальнейшего развития событий на гоночном треке. Мнение одного комментатора не всегда может совпадать с мнением другого репортера, или же мнением зрителя. Прямолинейность и категоричность при выражении своей точки зрения приведут к сбоям в коммуникации. Зритель, которому напрямую навязывают определенную установку и заставляют усомниться в собственных суждениях, с большой долей вероятности не продолжит смотреть данную спортивную трансляцию, что противоречит основной задаче спортивного комментатора – сделать событие интересным для реципиента.

Благодаря использованию хеджей комментаторы прибегают к митигации пропозиции, выражая свое мнение в более мягкой форме, не обязывающей зрителя целиком и полностью соглашаться с ним.

В определенный момент гонки на Гран-при Италии появились желтые флаги, указывающие на то, что на трассе произошел какой-то инцидент. Однако, когда такое случается, операторы достаточно быстро реагируют и показывают, что именно случилось. В

данной гонке желтые флаги не убрали, но ничего и не произошло. Все болиды оставались на трассе, не было столкновений / летящих обломков. Британские комментаторы недоумевали и высказывали предположения относительно того, что могло произойти:

*Anyway, **maybe** the marshalls were just replacing one of those polystyrene blocks that Nikita Mazepin had taken out of the chicane (В любом случае, возможно, маршаллы просто заменяли один из тех пенополистерольных блоков, которые Никита Мазепин снес в шикане) [5].*

Хедж **maybe**, выраженный наречием, помогает адресанту акцентировать внимание реципиента на том, что высказывание не является абсолютной истиной, а лишь предположением говорящего.

Комментаторы обсуждают произошедшие на трассе инциденты вплоть до мельчайших деталей, стараются разобраться в причинах и последствиях. Просматривая повтор аварии монегаска Шарля Леклера, репортеры прибегают к использованию хеджей для того, чтобы выразить личную точку зрения, таким образом наделяя пропозицию субъективным характером:

*So, he's gone straight across the chicane there and somebody's **presumably** to his left at that point (Итак, он проехал прямо через шикану, и в этот момент кто-то, по видимому, находился слева от него) [5].*

Характерной особенностью речи британских комментаторов Формулы 1 является использование огромного количества хеджей, выраженных разделительным вопросом. Они являются четким указанием на отсутствие полной достоверности в пропозиции говорящего. Более того, благодаря использованию данного типа хеджей один комментатор может вовлечь второго комментатора в дискуссию, а также призвать зрителя к обсуждению неоднозначной гоночной ситуации.

Так на Гран-при Мексики Серхио Перес уже успел извиниться за то, что поддел Боттаса. Однако при просмотре повтора гоночного инцидента британские комментаторы ставят под сомнение вину Переса и рассуждают о том, кто действительно виноват:

*«It wasn't Perez, **was it**? It wasn't Perez who spun him around. It was the McLaren» (Это был не Перес, не так ли? Это не Перес развернул его. Это был Макларен).*

«He certainly was spun around by the McLaren» (Его действительно развернул Макларен) [5].

Необходимо отметить тот факт, что в то время, как один комментатор сомневается, другой же полностью уверен в своих умозаключениях. Говорящий старается избежать прямолинейности и ищет поддержки в лице слушающего, надеясь на подтверждение своих слов:

*«Yeah, it cost Vettel dearly, **isn't it**?» (Да, это дорого обошлось Феттелю, не так ли?)*

«It cost him three places in the end» (В итоге это стоило ему трех мест) [5].

На Гран-при Азербайджана и Гран-при Португалии Алексей Попов использует стратегию хеджирования для построения своих высказываний касательно двух гонщиков, у которых по ходу гонки обнаружилась потеря темпа:

Да, я думаю, что что-то с машиной на самом деле у Норриса, так как такого не может быть. У него был фантастический темп накануне.

*Расселл, который очень здорово начал, а потом терял-терял-терял позиции всю гонку. **Может быть** у него что-то не так с машиной [6].*

Отсутствие дополнительной информации от самого гонщика или инженеров команды, а также видимых повреждений на болиде не позволяют российскому комментатору однозначно сказать, что у гонщиков действительно какие-то проблемы с машиной, влияющие на ход гонки. Использованные хеджи помогают Алексею Попову четко изложить собственные мысли и высказать предположение, основанное на наблюдениях, при этом не будучи категоричным в суждениях. Если комментатор ошибется в суждениях и проблема окажется в состоянии самих гонщиков или иных факторов, хеджи спасут его от критики со стороны внимательных зрителей.

Одной из основных тем для обсуждения по ходу гонки является стратегия шин и пит-стопов команд. Именно здесь делается наибольшее количество предположений, и комментаторы могут выражать свое субъективное мнение:

Может быть, они на одном пит-стопе реально будут тянуть до финиша. Двадцать три и две отставание у Льюиса, и вот теперь, возможно, они будут догонять, догонять и догонять.

И на второй пит-стоп в последнюю секунды без предупреждения. Вот он, возможно, андеркат.

И сразу же у нас пит-стоп Джорджа Расселла. Может быть, чуть-чуть была повреждена машина. Может быть, конечно, это тактика такая мгновенно, допустим, перейти на хард и дальше так на нем и ехать всю гонку [6].

Динамичность гонок Формулы 1 оказывает непосредственное влияние на спортивных комментаторов, которые видят такую же картину, что и телезрители, а соответственно не могут быть всегда точны в своих суждениях: реципиенту нужно показать, что высказывания могут быть как ложными, так и истинными:

Действительно, смотрите, Льюису, мне показалось, что чуть даже отрулить пришлось.

А здесь, я так понимаю, Стролл с Сайнсом продолжают меняться позициями. Никто не хочет уступать.

А тем временем, видимо, обгон удался, да [6].

*They don't have to, but they **could** do the whole race on these tires, if they want to (В этом нет необходимости, но они могли бы провести всю гонку на этих шинах, если захотят) [5].*

Таким образом, мы видим, что комментаторы Формулы 1 стремятся сделать свою речь неточной и менее категоричной посредством использования стратегии хеджирования. Регулирование степени истинности пропозиции помогает избежать возникновения недопонимания в процессе коммуникации как между самими комментаторами, так и между комментаторами и зрителями.

Функция изменения степени истинности пропозиции. С семантической точки зрения, пропозиция предполагает однозначную истинную ценность, однако в условиях динамики коммуникативного контекста возможно модифицирование формы высказывания в соответствии с изменившимися прагматическими параметрами. Преобразование пропозиции происходит благодаря внедрению в речь хеджей. Таким образом говорящий может изменять степень истинности высказывания, корректируя коммуникативную интенцию.

Британские комментаторы могут делать выводы и высказывать предположения, основываясь на имеющихся числовых данных, без указания этих самых данных. Не утверждают, но допускают, что гонщик Валттери Боттас может совершить обгон, находясь в зоне крыла:

*And Esteban Icon is under **a bit of** threat from Valtteri Bottas as well (И Эстебан Окон находится под некоторой угрозой со стороны Валттери Боттаса) [5].*

Влияние на пропозициональное содержание в большей степени оказывается посредством введения в речь адаптеров. Ср.:

*And it gives you **a little bit** more speed on the pit straight (И это дает ему немного больше скорости на прямой).*

*Checo seems **a little bit** stronger in sector one. Lewis **a little bit** quicker in sector two and three (Чеко, кажется, немного сильнее на первом секторе. Льюис немного быстрее на втором и третьем) [5].*

Происходит некоторая субъективизация высказывания, поскольку реципиент не получает определенных цифровых данных, а лишь информацию, основанную на оценке ситуации комментатором.

Используя хеджи, комментаторы могут дать понять зрителю, что они недостаточно уверены, например, в позиции одного гонщика относительно других, или же в гоночной стратегии определенной команды:

*И у Астона тоже все не здорово. Кроме Стrolла как раз. Стrolл **более-менее** в ударе, **более-менее** держится сейчас впереди этой группы.*

*Я к тому, что Стrolл, **в принципе**, может ехать еще долго [6].*

Отметим также определенную особенность построения речи российскими комментаторами: Алексей Попов и Наталья Фабричнова в равной степени используют хедж **более-менее**, размывая таким образом четкость пропозиции и смягчая категоричность суждений. Так, числовые данные опережения одного гонщика другим заменяются на указание на относительно небольшое расстояние между болидами:

*Соответственно Перес должен вернуться впереди Риккардо, но, конечно, позади Боттаса, позади Ферстаппена, позади Хэмилтона. Те все трое по-прежнему **более-менее** близки между собой [6].*

Для увеличения временного диапазона без указания точного времени в русскоязычном спортивном дискурсе используется хедж *где-то*:

*А вот Валттери Боттас, несмотря на Тото Вольфа и его мотивационные речи по радио, не приближается, **где-то** примерно десятку проигрывает Макс с круга [6].*

Данная «где-то примерно десятка» может означать чуть больше / меньше одной десятой или же ровно это число. Для полноценного понимания картины происходящего на гоночном треке реципиенту не всегда обязательно получать точные цифровые данные: во-первых, фоновых знаний зрителя должно хватить, чтобы правильно интерпретировать полученную информацию, во-вторых, все числовые данные об отставании гонщиков представлены на экране во время трансляции.

*Перес несколько... не сказать, что отстает. Но, смотрите, не в борьбе, не в этой группе. Чеко в секунде и четырех **где-то** десятых [6].*

Таким образом, высказывание может быть подстроено под изменяющиеся условия коммуникативной ситуации при помощи хеджей, которые регулируют степень истинности пропозиции. Вариативность семантического содержания пропозиции позволяет комментатору построить успешную коммуникацию и защитить себя от негативных последствий.

Функция ослабления ответственности говорящего за пропозицию. Не менее важной задачей лингвистического хеджирования в спортивном дискурсе является абстрагирование адресанта от ответственности и перекладывание ее на стороннее лицо. Так говорящий перемещает внимание с самого себя на другой субъект и оказывается защищенным от негативных последствий, которые могут возникнуть в процессе коммуникации. Реципиент по-другому воспринимает ситуацию, на него оказывается речевое воздействие.

Такие моменты, когда говорящий пытается максимально дистанцироваться от собственной пропозиции и избежать оценочных суждений, происходят на Гран-при Формулы 1 достаточно часто. Как британские, так и российские комментаторы в контексте беседы на разные темы могут ссылаться на чьи-то слова / мнение.

Гран-при Италии 2021 года отметился большим количеством гоночных инцидентов, последствия которых необходимо было обсудить:

*No investigation necessary in that incident at the De la Rosa chicane between Lewis Hamilton and Max Verstappen, **say the stewards** (Стюарды заявляют, что в расследовании инцидента в шикане де ла Роза между Льюисом Хэмилтоном и Максом Ферстаппеном нет необходимости) [5].*

Зачастую комментаторы приводят слова самих гонщиков или инженеров команд в качестве объяснения тех или иных гоночных ситуаций:

*It was just that problem with the front suspension. It was undriveable. **He said** he could not continue. So, they had no option but to retire him, **they said** (Просто возникла проблема с передней подвеской. Машина была неуправляема. Он сказал, что не может продолжать гонку. Так что, они сказали, у них не было другого выбора, кроме как сойти с гонки) [5].*

Мы видим, что использование хеджей *he said* и *they said* исключает появление оценочных суждений самого говорящего. Он передает информацию и только косвенно выражает приверженность к пропозиции. Более того, комментатор не несет ответственность за истинность пропозиции, перекладывая ее на гонщика и его команду.

Преобладающее число данного типа хеджей можно встретить в речи российских комментаторов Формулы 1. Алексей Попов и Наталья Фабричнова часто делают отсылку на другие лица, как бы уточняя, что приведенные слова и принятые решения принадлежат кому-то другому.

В сезоне 2021 года команда Хаас выглядела очень бледно на фоне остальных. Обсуждая причины отсутствия изменений в болиде в текущем сезоне, Алексей Попов ссылается на точку зрения технического директора Хаас:

Гюнтер уже откровенно сказал, что нет, все. Все наши усилия, будь то люди Феррари, будь то люди Хааса – все силы только на двадцать второй год [6].

На Гран-при Испании гонщика Джорджа Расселла сильно беспокоили изменения погодных условий, о чем он и сообщил в радиопереговорах с капитанским мостиком. Пояснения касательно данной ситуации зритель получает от комментатора:

Почему это именно от Джорджа Расселла мы слышим, потому что подчеркивал он после Португалии, что для их машины это катастрофически сильно влияет ветер [6].

Самому гонщику конечно же лучше известно, как обстоят дела с аэродинамикой у его болида. В данном примере, посредством применения хеджирования, комментатор полностью снял с себя ответственность за истинность пропозиции. В подобной ситуации ни другой комментатор, ни зритель не могут парировать, поскольку делается отсылка на более компетентное в этом вопросе лицо.

Во время Гран-при Азербайджана гонщики столкнулись с проблемой сильного износа шин, что привело к приостановке гонки из-за схода пилотов. Изначально делалось предположение о том, что причина сходов кроется в проколе шин. Данная теория претерпела некоторые изменения после того, как во время трансляции показали переговоры руководства команд на капитанских мостиках:

Они думают, что это проблема с шинами именно. Ни на что они не наехали, а просто износ. Потому что то же самое, что у Стrolла [6].

Спортивные комментаторы стараются сделать свою речь более убедительной, звучать авторитетнее, вследствие чего прибегают к использованию лингвистического хеджирования. В данном случае оно помогает снять ответственность с говорящего за пропозицию, уменьшить вероятность возникновения недопонимания за счет отсылок на третьи лица, не участвующие в диалоге, но являющиеся более компетентными в определенных вопросах. Так у слушающего с меньшей долей вероятности возникнут сомнения в правдивости высказывания.

Всего в рамках данного исследования нам удалось выделить три универсальных функции лингвистического хеджирования в спортивном дискурсе. Они в равной степени реализуются в речи комментаторов сопоставляемых лингвокультур. Стратегия хеджирования в целом способствует созданию ненапряженной, вежливой коммуникации, в ходе которой адресант может изменять степень истинности пропозиции, ослаблять собственную ответственность за высказывание, а также снижать категоричность высказывания.

Библиографический список

1. Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Journal of Philosophical Logic. 1973. №2. Pp. 458-508.
2. Hyland K. Hedging in scientific research articles. 1998. 308 p.
3. Fraser B. Pragmatic Competence: The Case of Hedging // New Approaches to Hedging. 2010. Pp. 15-34.

4. Марюхин А. П. «Hedging (Hecke)» — новая семантическая категория? // Сибирский филологический журнал. 2008. №4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hedging-hecke-novaya-semanticheskaya-kategoriya> (дата обращения: 01.03.2025).

5. Formula 1 2021 // Full Races. [Электронный ресурс]. URL : <https://fullraces.com/formula1-2021?page2> (дата обращения: 10.03.2025).

6. Сезон 2021 // F1 World. [Электронный ресурс]. URL : <https://f-1world.ru/zapisi-gonok/sezon-2021/> (дата обращения: 10.03.2025).

References

1. Lakoff, G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Journal of Philosophical Logic. 1973. №2. Pp. 458-508.

2. Hyland, K. Hedging in scientific research articles. 1998. 308 p.

3. Fraser, B. Pragmatic Competence: the Case of Hedging // New Approaches to Hedging. 2010. Pp. 15-34.

4. Maryukhin, A. P. "Hedging (Hecke)" — a new semantic category? // Siberian Journal of Philology. 2008. Vol. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hedging-hecke-novaya-semanticheskaya-kategoriya> (date of reference: 01.03.2025).

5. Formula 1 2021 // Full Races. [Electronic resource]. URL : <https://fullraces.com/formula1-2021?page2> (date of reference: 10.03.2025).

6. Season 2021 // F1 World. [Electronic resource]. URL : <https://f-1world.ru/zapisi-gonok/sezon-2021/> (date of reference: 10.03.2025).

ЯЗЫК СМИ LANGUAGE OF MASS MEDIA

УДК 070.1: 304.4

DOI 10.36622/2587-9510.2025.59.4.019

*Забайкальский государственный университет
доктор филологических наук, доцент,
зав. кафедрой журналистики и связей
с общественностью*

Ерофеева И.В.

Россия, г. Чита, тел. +7(914)487-26-77

e-mail: irina-jour@yandex.ru

Transbaikal State University

Doctor of Philology,

Associate professor,

head of Journalism and

Public Relations department,

Erofeeva I.V.

Russia, Chita, +7(914)487-26-77

e-mail: irina-jour@yandex.ru

Волгоградский государственный университет

Аспирант 3 курса,

специальность «Медиакоммуникации

и журналистика»

Михалёва Л.И.

Россия, г. Волгоград

e-mail: mihaleva2004@mail.ru

Volgograd State University

Postgraduate 3rd year, specialty

"Media communications and

journalism"

Mikhaleva L.I.

Russia, Volgograd

e-mail: mihaleva2004@mail.ru

И.В. Ерофеева, Л.И. Михалёва

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ВОЕННОГО ЖУРНАЛИСТА (НА ПРИМЕРЕ НОВЫХ МЕДИА ЕВГЕНИЯ ПОДДУБНОГО И ЮЛИИ АНДРИЕНКО)

В современном цифровом обществе, в условиях когнитивного противоборства информационно-психологической войны значительно возрастает роль военной журналистики как фактора духовного производства и влияния на систему ценностей человека. Цель нашего исследования – выявить социокультурные ценности, образующие аксиологию национальной картины мира языковой личности военного журналиста, и дать их характеристику. Эмпирическую базу составили более 300 материалов новых медиа Евгения Поддубного и Юлии Андриенко за 2022-2024 гг., позволяющих не только тиражировать опубликованные в СМИ материалы, но и давать субъективную оценку происходящих событий. С использованием лингвокультурологического подхода, дискурсивного и коммуникативно-прагматического анализов, а также экспертного интервью с журналистом выявлены аксиологические конструкты мотивационного, лингвокогнитивного, вербально-семантического уровней языковой личности военного журналиста. Медиадискурс мы рассматриваем как площадку аккумуляции и передачи социокультурных ценностей от автора к адресату. Конгруэнтность и полноценность подобного взаимодействия обусловлена идентичностью национальной картины мира журналиста и потребителя дискурса. Самобытность аксиологии языковой личности военного журналиста нами определяется с учётом его индивидуального опыта и личностных характеристик. Так, согласно результатам исследования, мотивационный уровень включает процесс духовного выбора журналиста, вербальные и невербальные индексы его поведения, обусловленные характером человека. Лингвокогнитивная основа языковой личности отражает определённую иерархию смыслов и ценностей автора дискурса, с одной стороны, связанной с историей и культурой родного социума, с другой стороны, демонстрирующей идейно-стилевую авторскую концепцию интерпретации реальности. Каждый журналист по-своему перерабатывает социальное в индивидуальное. Именно социальный аспект порождает единые для разных журналистов аксиологемы: мужество и трудолюбие, коллективизм и патриотизм, прио-

ритет духовного над материальным, сочувствие и сопереживание, сила русского духа, светлый образ России. Исследование показало особенность вербально-семантического уровня языковой личности, лексикон которого соответствует тезаурусу военного журналиста и его готовности реагировать тем или иным образом на ситуацию общения.

Ключевые слова: социокультурные ценности, языковая личность, военный журналист, медиадискурс, национальная картина мира, репрезентация.

I.V. Erofeeva, L.I. Mikhaleva

SOCIOCULTURAL VALUES IN THE STRUCTURE OF THE LINGUISTIC PERSONALITY OF A MILITARY JOURNALIST (BASED ON THE EXAMPLE OF NEW MEDIA BY EVGENY PODDUBNY AND YULIA ANDRIENKO)

In the modern digital society, in the conditions of cognitive confrontation of information and psychological warfare, the role of military journalism as a factor of spiritual production and influence on the system of human values significantly increases. The purpose of the study is to identify and characterize the socio-cultural values that form the axiology of the linguistic personality of a military journalist. The empirical base consisted of more than 300 new media materials by Evgeny Poddubny and Yulia Andrienko for 2022-2024, allowing not only to replicate materials published in the media, but also to give a subjective assessment of the events taking place. Using a linguacultural approach, discursive and communicative-pragmatic analyses, as well as expert interviews with journalists, axiological constructs of the motivational, linguacognitive, and verbal-semantic levels of the linguistic personality of a military journalist are identified. We consider media discourse as a platform for the accumulation and transmission of socio-cultural values from the author to the addressee. In turn, the congruence and completeness of such interaction is determined by the identity of the national picture of the world, both of a journalist and a consumer of discourse. The originality of the axiology of the linguistic personality of a military journalist is determined by taking into account his /her individual experience and personal characteristics. Thus, according to the results of the study, the motivational level includes the process of the journalist's spiritual choice, verbal and non-verbal indices of behavior, determined by the character of the person. The linguacognitive basis of the linguistic personality reflects a certain hierarchy of meanings and values of the author of the discourse. On the one hand it is connected with the history and culture of the native society, on the other hand it demonstrates the author's ideological and stylistic concept of interpreting reality. Each journalist processes the social into the individual in his /her own way. It is the social aspect that gives rise to axiologems that are common to different journalists: courage and hard work, collectivism and patriotism, priority of the spiritual over the material, sympathy and empathy, strength of the Russian spirit and the bright image of Russia. The study has shown the uniqueness of the verbal-semantic level of the linguistic personality, whose vocabulary corresponds to the thesaurus of a military journalist and his /her readiness to respond in one way or another to a communication situation.

Keywords: socio-cultural values, linguistic personality, military journalist, media discourse, national picture of the world, representation

Актуальность исследования социокультурных ценностей в работе военного журналиста обусловлена, во-первых, особенностями современной информационно-психологической войны, которую учёные обозначают как когнитивную или экзистенциальную, направленную на разрушение национальной картины мира и трансформацию основополагающих конструктов культурного ядра социума [1]. Во-вторых, именно журналистика как институт духовного производства активно тиражирует определенную совокупность ценностей и социальных приоритетов. Происходящее сегодня на Украине демонстрирует огромное влияние информационных потоков на формирование общественного мнения, создание культовых идеологем, управляющих социальными процессами.

Военная журналистика непосредственно вовлечена в указанные конфликты, её функционал связан не столько с информационно-коммуникативной задачей, сколько с разъяснительными целями и аксиологическим направлением работы – пропагандой национальных ценностей как единственным условием эффективного противодействия враждебным акторам войны.

Цель нашего исследования – выявить социокультурные ценности, образующие аксиологию национальной картины мира языковой личности военного журналиста, и дать их характеристику.

Лингвокультурологический подход, постулирующий единство языка и культуры в процессе восприятия и отражения мира автором дискурса, является основополагающим в исследовании. Он позволяет обозначить национально-специфическое и самобытное в характеристике социума [2]. Задействован также дискурсивно-ориентированный подход, объектом анализа является дискурсивная языковая личность, способная конструировать определенный контент, встроенный в динамическую среду социокультурных практик [3; с. 5]. Опираясь на методику коммуникативно-прагматического анализа, мы выявляем концептуальные аспекты дискурса в связи с их потенциалом репрезентации значимых для языковой личности журналиста смыслов, а также возможностью решения ключевых задач военной журналистики.

Эмпирическую базу исследования составили более 300 материалов дискурса новых медиа Евгения Поддубного и Юлии Андриенко. Основной базой анализа стал Telegram – мессенджер, позволяющий авторам не только распространять свои материалы, вышедшие в официальных СМИ и социальных медиа, но и публиковать контент с субъективной оценкой происходящего. Telegram-канал Поддубного (@epoddubny) имеет свыше 715 тысяч подписчиков, у канала Андриенко (@yulia_andrienko) более 3 тысяч читателей. Временные рамки исследуемых материалов – 2022-2024 гг. В процессе работы были задействованы поисковые системы Яндекс и Google. Также проведено экспертное интервью с Юлией Андриенко.

Журналистский дискурс мы рассматриваем как площадку аккумуляции и передачи социокультурных ценностей от автора к потребителю [4]. В свою очередь, социокультурные ценности представляют собой общепринятые нормы, которые раскрывают традиционные стороны жизни социума. Подобные ценности являются итогом многовековой истории и культуры народа, они отражают историческую память страны, склонны к перманентному воспроизведению в разных сферах жизни человека – передаются от поколения к поколению, определяют константы функционирования социальной системы [5]. Данные ценности обладают соборным духом, центробежно связывающим ядерные смыслы культуры с реальностью конкретной эпохи. Потеря национальной аксиологии ведёт к исчезновению культуры и самобытной цивилизации, к появлению манкурта без рода, убеждений, идеалов и исторической памяти, которым легко управлять в эпоху гибридной информационно-психологической войны.

В когнитивной лингвистике языковая личность есть субъект в действии: ресурсами родного языка она воспринимает, продуцирует, преобразовывает информацию в процессе сбора фактуры и создания медиатекста. Мыслительная деятельность автора осуществляется с использованием определённых когнитивных стратегий и конструкторов – конфигураторов свёрстки-развёрстки информации. Задействованные понятийные модели включают индивидуальный опыт человека и структуры коллективного бессознательного, демонстрирующего философию и ценности социума. О социальной природе языка и языковом коллективизме писал Й.Л. Вайсгербер: «индивидуальная языковая личность проявляет себя благодаря принадлежности к языковому обществу» [6; с. 81].

Одним из первых в науке понятие «языковая личность» стал использовать В.В. Виноградов [7], учёный подчёркивал необходимость изучения индивидуальных стилей в контексте формирования национального языка. Ю.Н. Караулов под языковой личностью понимал человека, который может воспринимать и создавать тексты, отличающиеся целевой направленностью, а также структурно-языковой сложностью, точностью и глубиной отражения реальности [8]. Учёным была разработана модель языковой личности с учётом лингвистического, философского и психологического аспектов дискурсивной деятельности. В рамках указанной модели вербально-семантический уровень включает лексикон человека, стереотипные слова и клише, которыми он активно пользуется в коммуникации. Лингвокогнитивный уровень аккумулирует познания личности, обращённые в тезаурус и концепты. Интеллектуальная работа языковой личности осуществляется с использованием ценностей социума и смыслов национальной картины мира. Мотивационный уровень воспроизводит прагматические установки языковой личности, ключевые факторы интереса, установки и

намерения [8]. Данные деятельностно-коммуникативные потребности, с одной стороны, отражают паттерны национальной памяти, с другой стороны, поведенческие модели профессиональной культуры. В целом дискурс, или его индексы лексического и синтаксического характера, демонстрируют социальный портрет языковой личности, его индивидуальные самобытные характеристики и типические модели мышления и поведения, обусловленные социальной средой, включающей национальную и профессиональную составляющие.

В.И. Карасик видит в языковой личности «обобщённый образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [9; с. 22]. Давая характеристику языковой личности, учёный в понятие «языковой круг» вводит ценностный, познавательный/когнитивный и поведенческий компоненты. С.Г. Воркачев рассматривает языковую личность как закреплённый преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя конкретного языка, обладающий определенными мировоззренческими установками, ценностными приоритетами и поведенческими реакциями [10]. Именно данный тип – этнокультурная (национальная) языковая личность – становится объектом рассмотрения в нашем исследовании.

В массовой коммуникации языковая личность создателя и потребителя (читателя/слушателя/зрителя) имеет национальный ролевой статус. Конгруэнтность эффективного взаимодействия достигается за счёт идентичности лингвокогнитивного пространства: порождаемый автором контент должен быть прозрачен, понятен и близок интерпретатору. В противном случае дискурс останется невостребованным или вызовет когнитивный диссонанс – протест восприятия или прямое отторжение текста. Концептуальное поле данного пространства базируется на универсальных духовных основаниях национальной культуры, в которой был рождён и воспитан человек [4; с. 31].

Современная военная журналистика – трудоёмкая сфера профессиональной деятельности, сопряженная с экстремальными ситуациями, требующая особых знаний и навыков. Работа на «перекрестке жизни и смерти» предполагает осознанное и глубокое понимание мотивов и целей деятельности. **Мотивационный уровень языковой личности** связан с процессом духовного выбора и первопричинами побуждения к коммуникации. Здесь важно обратить внимание на автобиографический опыт корреспондента, на приоритеты судьбы и принятые решения. Так, Юлия Андриенко по первому образованию – фельдшер, 13 лет проработала на скорой помощи в Авдеевке ДНР. В журналистику пришла, закончив журфак Донецкого национального университета. Стала известна широкой публике благодаря авторским материалам из Донецка в «Комсомольской правде» и в телеграмм-канале «Юлия Андриенко. Донецкий корреспондент». В мае 2014 года в Авдеевке принимала участие в проведении референдума, по результатам которого 95% жителей проголосовали за самоопределение Донецкой Народной Республики. Несмотря на регулярные обстрелы, отказалась уезжать в Москву, хотя и получала заманчивые предложения трудоустройства. Активно занималась журналистикой и волонтерской работой – развозила гуманитарную помощь жителям Донбасса. В ходе личной беседы с авторами статьи Юлия отмечает, что в работе военного корреспондента самое важное – это человеческое отношение к людям, милосердие и совесть, как основополагающая мотивация всех поступков военкора.

Военный корреспондент ВГТРК Евгений Поддубный стал известен широкой публике благодаря своим материалам из «горячих точек», он освещал локальные конфликты в Абхазии, Афганистане, Египте, Израиле, Ираке, Ливане, Пакистане, Сирии, Южной Осетии. Об украинском конфликте рассказывает с 2014 года. Для многих читателей и зрителей он стал убедительным источником информации о вооруженном противостоянии на Донбассе. Отмечен государственными наградами Российской Федерации. Последняя из них – звезда Героя России за мужество и героизм при выполнении профессионального долга. В опубликованных интервью считает важным практический опыт журналиста, сопряженный с трудностями и отсутствием комфорта, а также смелость и нахождение корреспондента внутри описываемой ситуации. Предпочитает эффективную многоканальную съёмку, работает в режиме «2

месяца на войне, 2 месяца дома». Журналист должен «знать всё, что знают военные» (*Евгений Поддубный: Ни один кадр не стоит человеческой жизни*. Российская газета. 2014, 27 ноября).

Мотивационный уровень включает и прагматический аспект дискурса языковой личности, вербальные и невербальные индексы её поведения, которые оказывают непосредственное влияние на медийного потребителя [11]. У обоих военкоров схожие типичные установки, оценочные реакции и ожидания ответных действий: они ненавидят нацизм, считают политику Украины людоедской, высоко оценивают мужество и стойкость военнослужащих российской армии и жителей Донбасса, верят в победу России над врагами. В контенте преобладают знаковые реалии культуры, доминирует общность духовных смыслов: «*Донецк – это самый русский город, его русскость не смогли уничтожить ни блокады, ни обстрелы, ни дельцы, пиарящиеся на войне. Просто русскость измеряется не количеством банкоматов Сбербанка и уровнем связи «Феникса», а чем-то гораздо более важным, что не требует объяснения и что в 2014 году стало рождением Русской весны*» (@yulia_andrienko. 2024. 25 авг.); «*Я спросил парней, у кого родственники сейчас воюют. Ответом был лес рук. И ребята гордятся своими отцами, братьями, сёстрами, соседями*» (@epoddubny. 2024. 10 июля).

Человек воспринимает реальность в образах, характерных для того или иного лингвокультурного общества, которые выстраиваются в соответствии с доминирующей в культуре системой ценностей [4; с. 45]. *Лингвокогнитивная основа* языковой личности отражает иерархию смыслов и ценностей журналиста, которые складываются в тиражируемую идейно-стилевую концепцию дискурса. Речевая структура каждого автора перерабатывает социальное в индивидуальное. Медиадискурс журналистов объективирует аксиологический ряд, связанный с историей и культурой российского народа: мужество и трудолюбие, коллективизм и патриотизм, приоритет духовного над материальным, сочувствие и сопереживание. Именно через актуализацию важных и значимых для нашего общества принципов и идеалов социальная система воспроизводит себя, сохраняя свой культурный код. В дискурсе через речевое поведение репрезентируется образ мира культуры, у Поддубного и Андриенко – это «русский мир», «русская весна», «сила русского духа», «светлый образ России»: «*Для меня сейчас защитник Отечества каждый, кто с нами в строю, кто за Россию*» (@yulia_andrienko. 2025. 23 фев.); «*Президент принял решение сформировать из героев войны, бойцов, которые своим мужеством и стойкостью доказали свою любовь к Отечеству, новую управленческую элиту*» (@epoddubny. 2025. 2 мар.).

Юлия Андриенко в своих материалах для наращивания ценностных смыслов подчёркивает региональную идентичность. Основной лейтмотив дискурса уроженки Донецка – признание в любви к своему городу и людям, которые в нём живут. В интервью газете она объясняет: «*Я очень люблю Донецк. Я не мыслю себя без Донецка нигде: этот город меня обнимает, воздух этот меня греет. Я понимаю людей, я с ними говорю на одном языке, они понимают меня*» (Донецкий репортёр Юлия Андриенко: признание Донбасса Россией было как первый вдох ребёнка. Аргументы недели. 2024. 3 февр.). У корреспондента патриотизм неразрывно связан с малой родиной, Донецком. В своих постах она поддерживает земляков добрыми, ободряющими словами, помогает общему делу – то в качестве волонтера на восстановлении родной Авдеевки, то в качестве очевидца судьбоносных событий для Республики.

Журналисты активно конструируют идеологемы как средство отражения своих мировоззренческих приоритетов и как способ формирования национального самосознания [12]. Юлия предлагает своим читателям идеологему «донбассоцентризм»: *Вы можете сколько угодно обвинять меня в «донбассоцентризме»* (@yulia_andrienko. 2023. 28 мар.); *Но это уже говорит во мне мой донбассоцентризм* (@yulia_andrienko. 2023. 9 февр.) и т.д. Данная идеологема как ядерный компонент определенной системы взглядов разворачивается через совокупность близких для автора ценностей – понимание ближнего, милосердие, сочувствие и помощь нуждающимся, вера в созидательные действия соотечественников, любовь к жизни

и другим людям. *«Твой город – это когда тебе физически больно от сообщений о прилётах в любую точку Республики, даже если ты сам находишься в безопасном месте. И в этот момент тебе хочется стать таким большим, чтобы суметь закрыть собой свой город»* (@yulia_andrienko. 2024. 25 авг.).

Поддубный формулирует свои идейные конструкты познания и толкования мира. Одна из них достаточно распространённая в современном инфополе: «украинские военные – это неонацисты», встроена в ассоциативное поле устойчивых выражений: *убийство мирных жителей* (@epoddubny. 2024. 3 июн.); *живой щит* (@epoddubny. 2023. 15 ноябр.); *стреляли без разбору* (@epoddubny. 2021. 11 мая); *боевики* (@epoddubny. 2024. 6 дек.); *бендеровские мудаки* (@epoddubny. 2022. 14 февр.); *киевский режим* (@epoddubny. 2024. 5 июл.) и др.

В противовес данной идеологеме задействована конструкция «защитника русской земли» с положительными коннотациями и сопутствующей семой «обязательной победы»: *наши пришли ... приближают нашу Победу* (@epoddubny. 2024. 5 дек.); *победа будет за нами* (@epoddubny. 2024. 9 дек.); *защищаешь землю, как деды защищали* (@epoddubny. 2022. 2 нояб.) и т.д.

Текстовое развёртывание идеологем осуществляется в традиционной парадигме «Мы/Свои – Они/Чужие», в подобном когнитивном столкновении более явной становится характеристика субъектов войны, её приоритетов. Используемые технологии «героизации» и «демонизации» конструируют в общем медиадискурсе образную систему происходящего по принципу «у достойного героя должен быть настоящий враг».

Ценностная сфера военных корреспондентов Юлии Андриенко и Евгения Поддубного состоит не из сиюминутных запросов и предпочтений, она раскрывает исторический компонент национального самосознания, отражает стратегические смыслы жизни и судьбы людей, о которых они пишут.

Вербально-семантический уровень языковой личности представляет собой её «самостоятельный лингвистический феномен» [13], демонстрирует лексикон автора в соответствии с ситуацией общения. Оба журналиста, работающие в федеральных СМИ, параллельно используют собственные авторские площадки в соцсетях и мессенджерах, они стремятся к расширению коммуникации и презентации своей личности. В Telegram-канале элементом коммуникативной стратегии становится никнейм как воплощение дискурсивной маски: @Поддубный|Z|O|V| edition; @Юлия Андриенко. Донецкий репортёр. Данный уровень, несмотря на гендерные различия языковой личности автора, как правило, отражает чувственность и неравнодушие к происходящему, сопереживание и любовь к людям, милосердие и мужество.

В контексте активного диалога с аудиторией авторы часто прибегают к эмотиконам или звукоподражаниям для создания эффекта присутствия: *«ААА! Янина Соколова проверяет безусловные рефлекс у застрявшего во внутреннем Бангладеш Оркадия Бабченко»* (@epoddubny. 2012.12 мар.); *«Так мы и общаемся, я тарыхчу, а в ответ слышу «Аааа», «Уууу», «Оооо»* (@yulia_andrienko. 2023. 10 авг.); *«Системные блогеры пишут: «Нет слов!», «Ай-яй-яй!», «Какой цинизм!»* (@yulia_andrienko. 2023. 4 авг.). Также активно применяются эмодзи, в том числе в виде изображений флагов, даются ссылки и гиперссылки.

В большинстве авторских каналов военкоры отсутствуют заголовки, задачу по привлечению внимания выполняют первые строки материала, ставка делается как на базовые триггеры страха (*«На этих кадрах убийца»*. @epoddubny. 2024. 22 дек.; *«ФСБ пресекла деятельность террористической группы, которая планировала нападения на известных российских журналистов»*. @epoddubny. 2022. 25 апр.), так и на социальные потребности людей – успех, юмор, любовь к животным (*«Уссурийские десантники увезли в тыл трофейный БМП ВСУ М113»*. @epoddubny. 2024. 30 дек.; *«Котики находят меня повсюду»*. @yulia_andrienko. 2023. 8 авг.).

Для дискурса Евгения Поддубного характерны аналитичность и связность, структурность, позитивное повествование, соблюдение социальных норм. Репортажи военкора из

«горячих точек» отличаются достоверностью и динамичностью, в большинстве материалах присутствует хронологический порядок изложения, точно указаны место и время действия. В авторском контенте много сцен боев, крови и насилия. Большое внимание уделяется военной технике и её описанию, особенностям применения. В духе соборности журналист предпочитает диалоговые конструкции в общении с аудиторией, частотный формат материалов – ответы на вопросы, которые были озвучены в личных сообщениях: *«Мне пишут друзья»* (@epoddubny. 2022. 15 апр.); *«Меня завалили письмами»* (@epoddubny. 2022. 12 апр.).

Экспрессивно-оценочные коннотации дискурса избирательны, достаточно сдержанны в описательных конструкциях: *«Северское направление. Позиции боевиков, пытающихся здесь слиться с ландшафтом, вскрываются нашей разведкой»* (@epoddubny. 2024. 15 ноябр.). Контент Юлии Андриенко явно контрастирует по своему эмоциональному накалу. Оценке ситуации на Донбассе свойственна импульсивность, категоричность, раскованность, экспрессивная субъективность. Журналист с использованием иронии и порой сарказма артикулирует свою позицию. Как правило, фактура пропускается сквозь семейное и личное: *«Я сама из Авдеевки. А с 2014 года жила в Донецке, к воде по часам привычная, – привела я самый железобетонный, как мне казалось, аргумент. На том конце трубки помолчали, а потом поинтересовались: Запой бывают? Наверное, этот вопрос казался ему вполне уместным после всего, что я перечислила»* («Тысячи тарелок и ведра котлет: как корреспондент «Комсомолки» работала поваром на восстановлении родной Авдеевки»). Комсомольская правда.ру. 2024. 15 дек.).

Бомбёжки в Донецке, гибель мирных жителей, гуманитарные катастрофы, ситуацию на передовой корреспондент обрамляет эмоциональными сравнениями и метафорами, оценочными словами и выражениями: *«Я знала, что так будет. Да и неизвестно, что лучше: остаться без ног на старости лет или умереть»* (@yulia_andrienko. 2023. 28 мар.); *«Я такая же дура была, когда в 2014 ждала, что моя коллега из Запукрии будет голову посыпать пеплом, глядя как нас утешают «Градами» её земляки. Ничуть не бывало!»* (@yulia_andrienko. 2024. 31 авг.); *«Её звали Маленькая Хиросима, а теперь – ангел Донбасса»* (@yulia_andrienko. 2024. 23 ноября); *«Я дважды беженка ... каждый раз я словно запрыгивала в последний вагон уходящего поезда»* (@yulia_andrienko. 2024. 10 нояб.).

Картина происходящего характеризуется при помощи детальной текстовой съемки, когда глаз автора останавливается на символических реалиях: уцелевшие книги из разрушенных библиотек (@yulia_andrienko. 2022. 23 авг.); ковры на выбитых взрывами окнах (@yulia_andrienko. 2023. 3 дек.); спасённый разведчиками во время боя котёнок Жеки (@yulia_andrienko. 2023. 23 апр.); история одного грустного дома (@yulia_andrienko. 2023. 20 апр.); подаренные розы в разбитом Мариуполе (@yulia_andrienko. 2023. 17 апр.) и др. Урбанистические зарисовки Донецкого края чередуются с военными сводками, мнениями экспертов, просьбами волонтеров и жалобами жителей Донбасса.

Дискурс обоих журналистов отличается нарушением норм и правил, в отдельных случаях как форма защиты автора от катастрофичности происходящего, иногда как игровое осмысление действительности [14; с. 218]. Естественное эмоциональное состояние языковой личности военкора способствует мотивированному нарушению стандартов речи, использованию жаргонизмов, просторечной и обсценной лексики. В личной беседе с нами военкор Юлия Андриенко объясняет такую позицию: *«Я не ханжа ... Но там они соответствовали контенту и подчёркивали нерв. В остальном русский язык настолько богат, что можно передать накал страстей и без мата»*.

Субстандарт речи помогает не только сблизить автора и читателя, но и отразить ужас происходящего, негативную сторону события, демонстрирует крайнюю степень сопереживания: *«Этого прямо до ... в последнее время»* (@yulia_andrienko. 2023. 5 февр.); *«... его знает, куда бы двинулись хохлы дальше их искать ...»* (@epoddubny. 2022. 27 сент.). В большинстве материалов ненормативная лексика позволяет передать атмосферность языковой культуры окопов.

Специфичность военных действий формирует особый тип языковой личности. Тем не менее, в структуре данной личности вербально-семантические, лингвокогнитивные и мотивационные компоненты обусловлены не только профессиональной средой. Большую роль играет личный опыт журналиста, уровень сформированности эмоционального интеллекта, усвоенные в процессе воспитания и образования традиционные духовно-нравственные ценности: коллективизм, любовь к людям (сопереживание и сочувствие), милосердие, патриотизм, мужество и самоконтроль, трудолюбие. Согласно результатам лингвокультурологического анализа доминирующего медиадискурса, именно данные ценности или основные жизненные смыслы составляют фундамент эмоционального интеллекта журналиста, что влияет на отношение к окружающей действительности и модели социального поведения.

По замечанию Ю. М. Зубаревой, культурно-когнитивные доминанты отражают особенности менталитета людей и выполняют интегрирующую роль в обществе [15; с. 94]. В медиадискурсе активно функционируют прецедентные тексты, понятные и близкие адресату: *манна небесная; будем жить; работайте, братья; слезинка ребёнка; победа одна на всех* и др. Военкоры рассматривают свою работу как необходимую форму служения Родине. Сегодня массово проявляется естественный психологический механизм – в критической ситуации пробуждается инстинкт социального самосохранения, аксиологические конструкты национальной картины мира имманентно репрезентируются в медиадискурсе, объединяя в общих устремлениях создателя контента и его потребителя.

Предназначение журналистики во многом определено тем, что способен излучать в мир сам автор, эффективность контента зависит от оживленной творческой работы с фактурой жизни. Обращение к исконным ценностям и прототексту своей культуры делает дискурс энергетически ёмким, способным служить общественному согласию на основе почвы – укоренённости в пространственно-временном континууме исторической памяти.

Библиографический список

1. Гулевская Н.А., Гулевский А.Н. К вопросу понимания ментальной войны // Вестник Калмыцкого ун-та. 2024. № 1 (61). С. 134-139.
2. Хамитов И.С., Байрамгулова Г.Р., Кулуева Ю.А., Исхакова Г.С. Лингвокультурологический анализ концепта «БӨХЕТ» в башкирском языке (на материале художественного текста «БӨХЕТ КОШО ЮЛЫНАН» Т. Киекбаевой) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики № 1(56) 2025. С. 133-139.
3. Плотникова С.Н. Языковая, коммуникативная и дискурсивная личность: к проблеме разграничения понятий // Лингвистика дискурса. Вестн. ИГЛУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Иркутск, 2005. С. 5—16.
4. Ерофеева И.В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике в начала XXI века). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 339 с.
5. Mchedlova E.M. The Impact of the Crisis on the Development of Socio-cultural Processes and Values // Вестник Национальной академии наук Республики Казахстан. 2021. Т. 5. № 393. С. 199-204.
6. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. М: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
7. Виноградов В.В. Язык как творчество. М.: Просвещение, 1995. 126 с.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
10. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.

11. Гамина Т.С. Язык как инструмент влияния на речевую культуру медийного потребителя // Военная журналистика в современном мире. Материалы Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2023. С. 211-219.
12. Романова Г.В. Формирование идеологем при использовании устойчивых выражений в средствах массовой информации периода СВО // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. №1. С. 6-13.
13. Губайдулина М.В. Особенности языковой личности журналиста в современном медиапространстве // Филология и новое знание: сборник материалов I Российской научной конференции с международным участием. Белгород, 2021. С. 126-129.
14. Кудинова Т.А. Языковой субстандарт в аспекте межъязыковой речевой деятельности // Вестник Поморского университета. Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 8. С. 216-222.
15. Зубарева Ю.М. Исследование региональной идентичности в лингвокультурологическом аспекте// Актуальные вопросы современной филологии и журналистики № 1(52) 2024. С. 90-95.

References

1. Gulevskaya N. A., Gulevsky A. N. On the issue of understanding mental war // Bulletin of Kalmyk University. 2024. No. 1 (61). P. 134-139.
2. Khamitov I.S., Bayramgulova G.R., Kulueva Yu.A., Iskhakova G.S. Linguistic and cultural analysis of the concept "BӨKHET" in the Bashkir language (based on the literary text "BӨKHET KOSHO YULYNAN" by T. Kiekbaeva) // Actual issues of modern philology and journalism. 2025. No. 1(56). P. 133-139.
3. Plotnikova S. N. Language, communicative and discursive personality: on the problem of delimitation of concepts // Linguistics of discourse. Bulletin of IGU. Series: Linguistics and intercultural communication. Irkutsk, 2005. P. 5-16.
4. Erofeeva I. V. Axiology of media text in Russian culture (representation of values in journalism at the beginning of the 21st century). Novosibirsk: Publishing house of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2009. 339 p.
5. Mchedlova E. M. The Impact of the Crisis on the Development of Socio-cultural Processes and Values // Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. 2021. Vol. 5. No. 393. P. 199-204.
6. Weisgerber J. L. Native language and the formation of the spirit. M.: Editorial URSS, 2004. 232 p.
7. Vinogradov V. V. Language as creativity. M.: Education, 1995. 126 p.
8. Karaulov Yu. N. Russian language and linguistic personality. 7th ed. M.: LKI Publishing House, 2010. 264 p.
9. Karasik V. I. Language circle: personality, concepts, discourse. Moscow: Gnosis, 2004. 390 p.
10. Vorkachev S. G. Lingvoculturology, linguistic personality, concept: formation of the anthropocentric paradigm in linguistics // Philological sciences. 2001. No. 1. P. 64-72.
11. Gamina T. S. Language as an instrument of influence on the speech culture of the media consumer // Military journalism in the modern world. Materials of the International scientific and practical conference. St. Petersburg, 2023. P. 211-219.
12. Romanova G. V. Formation of ideologemes when using set expressions in the mass media of the SVO period // Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication. 2024. No. 1. P. 6-13.
13. Gubaidulina M. V. Features of the linguistic personality of a journalist in the modern media space // Philology and new knowledge: collection of materials of the I Russian scientific conference with international participation. Belgorod, 2021. P. 126-129.

14. Kudinova T. A. Language substandard in the aspect of interlingual speech activity // Bulletin of the Pomor University. Humanities and social sciences. 2010. No. 8. P. 216-222.

15. Zubareva Yu.M. Research of regional identity in the linguacultural aspect // Actual issues of modern philology and journalism. 2024. No. 1(52). P. 90-95.

УДК 81'42

DOI 10.36622/2587-9510.2025.59.4.020

Пятигорский государственный университет
Преподаватель кафедры английского языка
и профессиональной коммуникации
Мисюра С.М.
Россия, Пятигорск
тел. +79624111631
e-mail: svetlanamisura879@gmail.com

Pyatigorsk State University
The chair of the English language
and professional communication
Lecturer Misyura S.M.
Russia, Pyatigorsk
tel. +79624111631
e-mail: svetlanamisura879@gmail.com

С.М. Мисюра

ЯЗЫКОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ ОТМЕНЫ

Статья посвящена рассмотрению языковых инструментов конструирования и презентации конфликта в англоязычном дискурсе отмены. Изучение роли медиа в конструировании и управлении конфликтами в дискурсе отмены, выявление лингвистических приемов и языковых средств презентации конфликта участниками коммуникации в медиасфере позволяет определить специфику языкового воздействия на коллективное и индивидуальное сознание личности. В статье представлены точки зрения на специфику функционирования современного медиадискурса, культуру отмены, дискурс отмены. Культура отмены, являясь социально значимым явлением, получившим широкое распространение, затрагивающим права и свободы человека, характеризуется определенной дискурсивной системой, в которой конфликтогены занимают особое место. Для понимания механизмов влияния медиадискурса на общественное мнение и изучения дискурса отмены был отобран корпус англоязычных статей о культуре отмены, опубликованных на новостных сайтах зарубежных новостных агентств в 2015-2025 гг. Исследование англоязычного дискурса отмены показывает, что эскалация конфликта достигается коммуникантами посредством вынесений моральных суждений, критики, оскорблений публичной персоны, дискредитации оппонента, акцентуации внимания на страданиях, причиненных действиями «отменяемого» лица. Данные дискурсивные приемы, направленные на подчеркивание негативных аспектов действий «отменяемых» лиц, актуализируются посредством ряда языковых средств, усиливая воздействие на аудиторию, способствуя проявлению эмоционального отчуждения, оправданию отмены публичной персоны, групповой социальной напряженности в глобальном информационном пространстве.

Ключевые слова: культура отмены, медиадискурс, дискурс культуры отмены, конфликт, воздействие.

S.M. Misyura

LINGUISTIC TOOLS FOR CONFLICT CONSTRUCTION IN THE ENGLISH- LANGUAGE DISCOURSE OF CANCEL CULTURE

The article is devoted to the consideration of linguistic tools for constructing and presenting conflict in the English-language cancel discourse. The study of the role of media in the construction and management of conflicts in cancel discourse, the identification of linguistic techniques and means of conflict presentation by the participants of communication in the media sphere allows to determine the specifics of linguistic impact on the collective and individual consciousness. The article presents points of view on the specifics of the functioning of modern media discourse, cancel culture, cancel discourse. Cancel culture, being a socially significant widespread phenomenon that affects human rights and freedoms, is characterized by a certain discursive system in which conflictogenic language means are the targets of particular attention. To understand the mechanisms of the influence of media discourse on public opinion and to study the discourse of cancel culture we selected a corpus of the English-language articles devoted to cancel culture published on news websites of foreign news agencies in 2015-2025. A study of the English-language cancel discourse shows that the escalation of conflict is achieved by communicants through moral judgments, criticism, insults to a public person, discrediting an opponent, and focusing on the sufferings caused by the actions of the “canceled” person. These discursive techniques are aimed at emphasizing the negative aspects of the actions of “cancelled” figures, actualized through a number of linguistic means, enhancing the impact on the audience, contributing to the manifestation of emotional alien-

ation, justifying the cancellation of a public figure, group social tension in the global information environment.

Key words: cancel culture, media discourse, discourse of cancel culture, conflict, impact.

Современные условия глобальной информационной среды, отражающей изменения в различных аспектах жизнедеятельности человека, играют ключевую роль в социализации личности, трансляции и распространении смысловой и оценочной информации, способствуя формированию общественного мнения, развитию навыков социального взаимодействия, самосознания, самоактуализации.

Медиадискурс, под которым исследователи понимают речемыслительную деятельность в медийном пространстве, отражающую социокультурный контекст и включающую устные, письменные и визуальные формы медиа-коммуникации, благодаря своей доступности для широкой аудитории, играет важную роль в конструировании и распространении значений, ценностей и общего мировоззрения, влияя на формирование социальной реальности и вовлекая адресата в прагматическую ситуацию [1]. Медиадискурс как сложная система глобального коммуникативного пространства отличается общедоступностью для пользователей, прецедентностью или узнаваемостью медиатекстов, что обеспечивает формирование и распространение определенных моделей поведения в различных ситуациях, предлагая образцы категоризации и оценки событий в глобальном масштабе [2].

Важно отметить, что современный медиадискурс претерпевает значительные изменения, обусловленные цифровизацией, развитием интерактивных медиа, расширением возможностей для выражения мнений, открытого обмена информацией. Процесс глубокого проникновения медиа в различные аспекты жизни человека и общества приводит к трансформации социальных, культурных и коммуникативных практик, а также к формированию у аудитории устойчивой потребности в непрерывном обновлении информации и публичной самопрезентации. Современные цифровые медиаплатформы характеризуются большей демократизацией в сопоставлении с традиционными СМИ, не только расширяя возможности социально-информационного взаимодействия и самовыражения, но и мотивируя пользователей к публичной деятельности, созданию собственного медиаконтента и активному взаимодействию в медийном пространстве. Интенции, транслируемые в медиапространстве, оказывают глубокое воздействие на аудиторию, управляя мировоззренческими установками, формируя как коллективное, так и индивидуальное сознание личности. Данные факторы трансформируют природу и культуру медиакommunikации [3; 4; 5; 6; 7].

Являясь инструментом конструирования социальной реальности, обладая способностью манипулировать общественным мнением и сознанием адресата, современный медиадискурс имеет существенное значение в восприятии провокативной, конфликтной информации. Так, современное глобальное пространство медиадискурса обладает повышенным уровнем конфликтности и зачастую становится реальной площадкой развертывания и эскалации конфликта [8].

Л. Козер определяет социальный конфликт как борьбу «за ценности и притязания на статус, власть и ресурсы, в ходе которой оппоненты нейтрализуют, наносят ущерб или устраняют своих соперников» [9; с. 32]. Конфликт, понимаемый как противоборство сторон, вызванное несовместимостью потребностей, интересов и ценностей, охватывает различные сферы жизнедеятельности человека и имеет субъективно-объективную природу [10]. В настоящее время в глобальной информационной среде особую актуальность приобретает основанный на ценностях, актуализирующихся и распространяющихся через язык, социально значимый феномен – «культура отмены» (cancel culture). Данное значимое для современного общества явление, которое берет свое начало в англоязычной среде, представляет собой своего рода форму социального наказания, предполагающего прекращение поддержки со стороны общества из-за потенциального ущерба, оскорбительных и предосудительных заявлений, оценок, действий, исходящих от социального субъекта. Целью отмены является оказание поддержки жертве и наказания «агрессора», привлекая внимание к неприемлемому по-

ведению и сдерживая распространение деструктивных идей. Культура отмены как сложное социальное явление служит одновременно как проявлением социальной справедливости, так и инструментом манипулирования.

Культура отмены, затрагивая права и свободы человека, моральные ориентиры общества и традиции, характеризуется системой негативных дискурсивных реакций на действия, решения и высказывания, которые осуждаются с точки зрения доминирующих моральных норм и активно транслируются через язык средств массовой информации. Анализ культуры отмены, изначально направленной на продвижение социальной справедливости и разнообразия, выявляет наличие ряда проблемных аспектов, связанных с эскалацией коллективных негативных эмоций, стремлением к мести, агрессивным и деструктивным действиям в защиту интересов уязвимых социальных групп, актуализируемых посредством активного взаимодействия онлайн-сообществ [11; 12; 13; 14].

Изучение и анализ языковых инструментов, используемых в англоязычном дискурсе отмены, актуализирующем в сетевом информационном пространстве социальные конфликты, исключение из публичного пространства личностей, вызывающих неодобрение, осуждение, порицание, безусловно, является важным для понимания механизмов влияния медиадискурса на общественное мнение, политические и социальные процессы. Фактическим материалом данного исследования послужили англоязычные новостные статьи о культуре отмены, опубликованные на новостных сайтах зарубежных новостных агентств (*CNN World, The Guardian, Daily Mail, The New York Times, New York Post*) в 2015-2025 гг.

Анализ фактического материала позволил выделить следующие лингвистические приемы презентации конфликта в англоязычном дискурсе отмены:

- вынесение моральных суждений, критики, оскорблений публичной персоны;
- дискредитация оппонента с целью создания негативного образа «отменяемой» личности;
- подчеркивание страданий «жертвы», причиненных действиями «отменяемого» лица.

Так, одной из самых заметных медийных личностей, которые становились объектом отмены в последнее время, стала британская писательница Джоан Роулинг (J.K. Rowling), обвиненная в трансфобии и подвергнутая острой критике, оскорблениям разочарованными фанатами в онлайн-сообществах, публичному осуждению знаменитостями. Комментарии, содержащие эмоционально-оценочную лексику, публичные оскорбления (*Shame on you!; This is so disgraceful!; Shut up you transphobic! – Как не стыдно!; Это так позорно!; Закрой свой рот, трансфобка!*) [15], способствуют усилению негативной эмоциональной реакции аудитории, подчеркиванию реального столкновения субъектов противоречий.

Создание негативного образа «отменяемой» публичной персоны в англоязычном дискурсе отмены прослеживается в речевых действиях сетевой аудитории основательницы компании по производству спортивной одежды Set Active. Линдси Картер (*Lindsey Carter*) оказалась неготовой к реакции, с которой столкнулась после выражения мнения о подходе поколения Z к балансу между работой и личной жизнью. Сообщение Л. Картер о невозможности достичь успеха в карьере, убегая из офиса сразу по окончании рабочего дня (*“Now all I see are people sprinting out of their offices at 5 pm like it’s a fire drill and then wondering why they feel so unfulfilled in their careers” – Сейчас я только и вижу, как люди выбегают из своих офисов в 5 часов вечера, как будто у них пожарные учения, а затем они удивляются, почему чувствуют себя такими нереализованными в своей карьере*), вызвало мгновенную волну негативной реакции в социальных сетях. Критики обвинили ее в токсичности, в пропаганде экстремального трудоголизма, пытаясь дискредитировать и отказываясь совершать дальнейшие покупки в этой компании. В ответных реакциях сетевой аудитории, нацеленной на конфликт, прослеживается употребление негативной эмоционально-окрашенной лексики, личного местоимения “we” – «мы», подчеркивающего чувства общности и солидарности среди сторонников «отмены» и способствующего созданию общего «врага» (*“I saw the video right after she posted and **was disgusted**, I guarantee she made that video after one of her employ-*

ees left at 5. Absolutely rancid vibes, so glad she getting called out for this and I never will buy anything from her.” – Я посмотрел видео сразу после того, как она опубликовала пост, и мне стало противно, я гарантирую, что она сняла это видео сразу после того, как один из ее сотрудников ушел в 5 часов. Это так отвратительно, я так рад, что ее сейчас призывают к ответу за это, и я никогда ничего у нее не куплю; *“She stays ruining her brand reputation.”* – Она продолжает разрушать репутацию своего бренда; *“Gen Z isn’t unambitious. We’re just done sacrificing our mental health for companies that reward burnout with pizza parties”* – Поколение Z не лишено амбиций. Мы уже устали жертвовать своим психическим здоровьем ради компаний, которые вознаграждают за выгорание вечеринками с пиццей) [16].

Лингвистический прием подчеркивания уязвимости пострадавших, акцентирования внимания на страданиях и боли, причиненных действиями «отмененного» лица, представлен в обвинении американского кинопродюсера Харви Вайнштейна (*Harvey Weinstein*) жертвами домогательств.

“For many women this has been a cathartic, almost exhilarating time – an overdue moment of reckoning for abusive men who once considered themselves virtually above the law.” – Для многих женщин это было время очищения, волнующее время – запоздалый момент расплаты за жестокость мужчин, которые когда-то считали себя практически выше закона; *“This is part of the disease which allows this type of discrimination to flourish.”* – Это часть болезни, которая позволяет процветать этому типу дискриминации. [17] *“I want to talk about it honestly because people have forgotten how widespread the damage was. It was a culture that put young women at risk all the time.”* – Я хочу говорить об этом честно, потому что люди забыли, насколько распространенным был этот удар. Это была культура, которая постоянно подвергала женщин риску. [18] Использование эмоционально-окрашенной оценочной лексики в описаниях последствий кризисных жизненных ситуаций усиливает уверенность пострадавших в своей правоте, дискриминируя поведение публичной персоны.

Анализ конфликтных коммуникативных ситуаций в англоязычном дискурсе отмены способствовал выявлению лингвистических приемов (вынесение моральных суждений, оскорблений; дискредитация оппонента; акцентуация страданий «жертвы») и языковых средств (эмоционально-окрашенная оценочная лексика, личное местоимение “we” – «мы»), способствующих проявлению неприязни, эмоционального отчуждения, групповой социальной напряженности. Публичные конфликты, актуализирующие негативные социальные реакции в англоязычном дискурсе культуры отмены, приобретают массовый характер в глобальном информационном пространстве, разрушая репутации известных личностей посредством деструктивных коммуникативных действий, являющихся результатом общедоступности социально значимой информации в медиасреде.

Библиографический список

1. Кожемякин Е.А. Массовая коммуникация и медиадискурс: методология исследования // Научные ведомости. Сер. «Гуманитарные науки». 2010. № 12 (83). С. 13-21.
2. Мамонова Н.В. Медиадискурс как глобальное коммуникативное пространство // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 3. С. 68-74.
3. Полонский А.В., Глушкова В.Г., Ряполова М.А. Язык наших медиа // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 2 (41). С. 123-130.
4. Самойленко Н.С. Конвергенция журналистики, медиакommunikаций и IT // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 1 (48). С. 121-128.
5. Оломская Н.Н. К вопросу о жанровой классификации медиадискурса // Научный диалог. 2013. № 5 (17). С. 250-259.
6. Чекунова М.А. Новая культура медиадискурса и современная политическая коммуникативистика // Верхневолжский филологический вестник. 2022. №1 (28). С. 55-63.

7. Алещанова И.В., Сергеева О.В., Желтухина М.Р. Виды и функции цитат в англоязычном цифровом медиадискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 2 (496). С. 46-53.
8. Савицкая А.С. Средства массовой информации в ситуации конфликтного взаимодействия // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 92. С. 85-88.
9. Козер Л. Функции социального конфликта. Москва: Идея пресс, 2000. 208 с.
10. Михайлов Г.С. Природа и психология конфликта // Акмелология. 2002. № 1. С. 80-90.
11. Астафурова Т.Н., Палашевская И.В. Дискурс культуры отмены в англосаксонской академической среде // Вестник Волгоградского государственного университета. 2024. Т. 23. № 4. С. 70-83.
12. Аракелова А.Р., Ширяева Т.А. Дискурс отмены и аксиология: как и почему СМИ вербализуют ценностные концепты // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 1 (895). С. 17-24.
13. Coleman F. The Anatomy of Cancel Culture // Journal of Free Speech Law. 2022. Iss. 2 (1). P. 205-257.
14. Trigo A.L. Cancel Culture: The Phenomenon, Online Communities and Open Letters // PopMeC Research Blog. 2020. URL: <https://www.researchgate.net/publication/344512933> (дата обращения: 07.07.2025)
15. Garner G. Jameela Jamil, Sarah Paulson and Jonathan Van Ness SLAM J.K. Rowling as transphobic after the author gets riled up by a simple headline. URL: <https://www.dailymail.co.uk/tvshowbiz/article-8396693/J-K-Rowling-faces-backlash-Jameela-Jamil-Sarah-Paulson-Jonathan-Van-Ness-transphobia.html> (дата обращения: 07.07.2025)
16. Olander S. Working hard or hardly working? Gen Z's brutally honest backlash over 'out of touch' work-life balance ignites TikTok. URL: <https://nypost.com/2025/06/07/lifestyle/gen-z-debate-over-work-life-balance-lights-up-tiktok/> (дата обращения: 07.07.2025)
17. Hinsliff G. How Harvey Weinstein's accusers gave women worldwide a voice. URL: <https://www.theguardian.com/society/2017/oct/21/harvey-weinstein-accusers-women-voice-sexual-abuse> (дата обращения: 07.07.2025)
18. Thorpe V. 'I want to talk about it honestly': trauma of Weinstein's unknown British victims is revealed. URL: <https://www.theguardian.com/society/2025/apr/20/weinstein-british-victims-one-woman-show> (дата обращения: 07.07.2025)

References

1. Kozhemyakin E.A. Mass communication and media discourse: towards methodology // Scientific Bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences. 2010. Iss. 12 (83). P. 13-21.
2. Mamonova N.V. Media discourse as a global communicative space // Humanitarian studies. History and philology. 2021. Iss. 3. P. 68-74.
3. Polonsky A.V., Glushkova V.G., Ryapolova M.A. The language of our media // Actual issues of modern philology and journalism. 2021. Iss. 2 (41). P. 123-130.
4. Samoilenko N.S. Convergence of media communication, journalism and IT // Actual issues of modern philology and journalism. 2023. Iss. 1 (48). P. 121-128.
5. Olomskaya N.N. On Genre Classification of Media Discourse // Scientific Dialogue. 2013. Iss. 5 (17). P. 250-259.
6. Chekunova M.A. The new media-discourse culture and modern political communication studies // Verhnevolzhski philological bulletin. 2022. Iss. 1 (28). P. 55-63.
7. Aleshchanova I.V., Sergeeva O.V., Zheltukhina M.R. Types and Functions of Quotations in the English-Language Digital Media Discourse // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025. Iss. 2 (496). P. 46-53.

8. Savitskaya A.S. Mass media in social conflicts // *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2009. Iss. 92. P. 84-88.
9. Coser L. The functions of social conflict. Moscow, 2000. 208 p.
10. Mikhailov G.S. The nature and psychology of a conflict // *Acmeology*. 2002. Iss. 1. P. 80-90.
11. Astafurova T.N., Palashevskaya I.V. Discourse of Cancel Culture in Anglo-Saxon Academia // *Science Journal of Volgograd State University*. 2024. Vol. 23. Iss. 4. P. 70-83.
12. Arakelova A.R., Shiryayeva T.A. Cancel culture discourse and axiology: how and why mass media verbalize values // *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2025. Iss. 1 (895). P. 17-24.
13. Coleman F. The Anatomy of Cancel Culture // *Journal of Free Speech Law*. 2022. Iss.2 (1). P. 205-257.
14. Trigo A.L. Cancel Culture: The Phenomenon, Online Communities and Open Letters // *PopMeC Research Blog*. 2020. URL: <https://www.researchgatenet/publication/344512933> (date of application: 07.07.2025)
15. Garner G. Jameela Jamil, Sarah Paulson and Jonathan Van Ness SLAM J.K. Rowling as transphobic after the author gets riled up by a simple headline. URL: <https://www.dailymail.co.uk/tvshowbiz/article-8396693/J-K-Rowling-faces-backlash-Jameela-Jamil-Sarah-Paulson-Jonathan-Van-Ness-transphobia.html> (date of application: 07.07.2025)
16. Olander S. Working hard or hardly working? Gen Z's brutally honest backlash over 'out of touch' work-life balance ignites TikTok. URL: <https://nypost.com/2025/06/07/lifestyle/gen-z-debate-over-work-life-balance-lights-up-tiktok/> (date of application: 07.07.2025)
17. Hinsliff G. How Harvey Weinstein's accusers gave women worldwide a voice. URL: <https://www.theguardian.com/society/2017/oct/21/harvey-weinstein-accusers-women-voice-sexual-abuse> (date of application: 07.07.2025)
18. Thorpe V. 'I want to talk about it honestly': trauma of Weinstein's unknown British victims is revealed. URL: <https://www.theguardian.com/society/2025/apr/20/weinstein-british-victims-one-woman-show> (date of application: 07.07.2025)

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ EVENTS AND REVIEWS

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2025.59.4.021

*Воронежский государственный университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской литературы XX и
XXI веков, теории литературы и гуманитар-
ных наук*

Алейников О.Ю.

Россия, г. Воронеж, тел. + 7(980)532-5227

e-mail: oaleinikov@yandex.ru

Voronezh State University

*Candidate of Philology, Associate Professor,
The chair of Russian literature XX and XXI
centuries, theory of literature and Humanities*

Aleinikov O. Yu.,

Russia, Voronezh, tel. +7-980-532-5227

e-mail: oaleinikov@yandex.ru

*Воронежский государственный технический
университет*

*доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и меж-
культурной коммуникации*

Бугакова Н.Б.

Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287

e-mail: ya_witch@mail.ru

Voronezh State Technical University

*The chair of Russian language and cross-
cultural communication*

Doctor of Philology, professor

Bugakova N.B.

Russia, Voronezh, tel. +7-920-406-6287

e-mail: ya_witch@mail.ru

О.Ю. Алейников, Н.Б. Бугакова

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНОГО ОСВОЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА В ВОРОНЕЖЕ. ПАМЯТИ Т.А. НИКОНОВОЙ

О.Yu. Aleinikov, N.B. Bugakova

FROM THE HISTORY OF THE SCIENTIFIC STUDY OF ANDREY PLATONOV'S WORKS IN VORONEZH. IN MEMORY OF T.A. NIKONOVA

А. Платонов – писатель со сложной, драматической судьбой; его жизнь связана с Воронежем, где он родился и начал свой творческий путь. Известно, что творческое наследие писателя по разным причинам долго пребывало в забвении. Интерес ученых к творчеству А. Платонова активно начинает развиваться в 1960-1980-е годы, именно в этот период появляются исследования, авторы которых пытаются приблизиться к пониманию идей А. Платонова (об этом см. подробнее [1], [2]). Ученые из Воронежа на протяжении многих лет занимаются исследованием творчества А. Платонова; в первую очередь в этой связи следует сказать о Т.А. Никоновой.

Об истории восприятия творческого наследия А. Платонова в родном городе писателя Т.А. Никонова часто говорила от имени своего поколения, вспоминая учебу на филологическом факультете ВГУ: «Многое из того, что было в Воронеже в шестидесятые годы становилось естественной частью нашей студенческой жизни... Выходили замечательные книги. Я и мои ровесники выросли в общении с ними. Смена книжных пристрастий сопровождала наше взросление» [3]. В одном из писем уточняла: «Произведения Андрея Платонова в 60-е годы

стали для нас открытием. Не всем это нравилось. Из легендарного воронежского сборника статей и сообщений (вышел в 1970 году) внешний рецензент предлагал исключить слова Б. Слуцкого “Сейчас приходит время Платонова” как эпатажные и неудачные. Но высказывание поэта точно передавало наше восприятие первого “возвращения” Андрея Платонова к читателям» [Из письма Т.А. Никоновой от 27 декабря 2004 года].

Многие события обнадеживали. 27 апреля 1962 года в Москве состоялся первый вечер памяти А. Платонова. Стенограмма, передающая атмосферу времени, недавно обнародована [4, с. 82-95]. В Воронеже о коммеративных мероприятиях, вызывавших широкий резонанс, преподавателям и студентам рассказывала Анна Петровна Колесникова, старший научный сотрудник Дома-музея им. Никитина, состоявшая в переписке с вдовой писателя и много сделавшая для популяризации его творчества. В том же 1962-м году был опубликован сборник платоновских рассказов со вступительной статьей В.П. Дорофеева. На выход этой книги откликнулся «Новый мир», прежде не упоминавший о вышедшем в 1958 году сборнике избранных рассказов «почти забытого писателя». Теперь же предлагалось «выпустить большой однотомник, включающий и лучшие из ранних произведений, и избранные очерки, и самые интересные критические статьи» [5, с. 234].

На исходе «оттепели» о Платонове печатали статьи и воспоминания А. Кривицкий, В. Кривцов, К. Паустовский, М. Лобанов, Л. Славин. Но первооткрывателем творчества писателя для научных исследований по праву считался Лев Алексеевич Шубин. Его статья «Андрей Платонов», опубликованная в шестом номере журнала «Вопросы литературы» за 1967 год, стала «прологом» для дальнейших разысканий. Ее автор, говоря об эстетической и философской природе платоновской прозы, опирался на произведения, жестоко раскритикованные в 1920-е и в 1930-е годы, анализировал роман «Чевенгур», цитировал повесть «Котлован», возрождая веру в возможность обнародовать неизвестные произведения из запасников «семейного архива».

В Воронежском университете с творчеством А. Платонова знакомил студентов Владислав Петрович Скобелев, выдающийся ученый и педагог: «Нам выпало счастье быть свидетелями, а иногда и участниками (да простится мне эта дерзость!) в научной биографии нашего любимого преподавателя, – много лет спустя напишет Т.А. Никонова. – Его семинар “Русский советский рассказ”, из которого выросла хрестоматийно известная сегодня монография “Поэтика рассказа”, был самым заметным и плодотворным событием нашего общения со Скобелевым. До сих пор я рекомендую ее студентам в качестве учебного пособия, помогающего им думать, ясно и теоретически доказательно излагать свои первые исследовательские наблюдения. Для меня же в ней оживает путь педагога и ученого, идущего к точному, выверенному результату» [6, с. 150-151].

В семинаре В.П. Скобелева набирались знаний и приобщалась к платоновской теме Л.А. Иванова, Л.Е. Кройчик, Н.М. Митракова, Т.А. Никонова, В.А. Свительский. На рубеже 1960–1970-х годов всем им предстояло стать свидетелями и участниками издательских проектов, осуществленных по инициативе любимого учителя.

В мае 1968 года Нина Матвеевна Митракова, работавшая с фондами ЦГАЛИ, Воронежского и Краснодарского государственных архивов, завершила сбор материалов к указателю «А.П. Платонов. Материалы к биобиблиографии» (в 1969 году выйдет из печати после препирательств с цензурой). В том же году Т.А. Никонова в соавторстве с Н.М. Митраковой, своей однокурсницей, подготовила комментарии к сборнику платоновской прозы [7, с. 480-486], работа над которыми сопровождалась вычиткой текста.

Многочисленные искажения, выявленные молодыми исследователями, побудили В.П. Скобелева, редактора и фактического составителя книги, отказаться от republicации ряда произведений, выходивших в издательствах «Художественная литература» (1965) и «Московский рабочий» (1966). Из воронежского сборника был, например, исключен рассказ «Луговые мастера» (в бумагах Т.А. Никоновой отложились ее выписки, указывавшие на несоответствия текста, обнародованного в Москве 1960-х, с тем, что предлагалось в 1920-е

годы). Рассказы «Лунная бомба», «Иван Жох», «Усомнившийся Макар» были отклонены провинциальной цензурой, допускавшей к печати лишь произведения, переизданные в столице. Особенно значительным по объему, но не прошедшим ЛИТ, был комментарий Т.А. Никоновой к рассказу «Иван Жох». Отдельные запреты воронежцам удавалось преодолевать – пассажи, не пропущенные в печать московской цензурой, восстанавливались и воспроизводились в комментариях как «журнальные варианты текста» [7, с. 483].

Началом «системного освоения платоновского наследия в Воронеже» Т.А. Никонова считала коллективный труд исследователей из разных городов и стран по подготовке сборника статей и сообщений о творчестве А. Платонова [8]. Разрешение на эту книгу удалось получить организаторам международной научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения писателя, хорошо подготовленной, но запрещенной незадолго до ее открытия партийными функционерами, считавшими, что в Воронеже, как и в Москве, выступления исследователей жизни и творчества всемирно известного писателя, умершего от многолетней изнурительной болезни в нищете и полужабвении, могут «выйти из-под контроля».

Отбор материалов для издания осложнялся цензурными барьерами. Конференцию должен был открывать доклад Л.А. Шубина «А. Платонов и проблема отчуждения», но после отмены международного форума тема отчуждения окончательно утратила «легитимность». По разным причинам не приняли участия в издании В.Н. Акулов, Г.В. Антюхин, В.И. Гусев, Ренэ Сливовский, заявлявшие темы докладов на конференцию. Заметное место в составе книги заняли работы П.А. Бороздиной, А.И. Кретьева, Л.П. Фоменко. Но самое деятельное участие в подготовке сборника приняли аспиранты и молодые преподаватели – Л.И. Зюбина, Е.П. Корчагина, Л.Е. Кройчик, Т.А. Никонова, В.А. Свительский, объединенные интересом к неизученным проблемам творчества писателя: «Работа над текстами статей велась кропотливо, внимательно, с огромным желанием сказать о главном в творчестве А. Платонова, поделиться теми наблюдениями над его поэтикой, которые самим авторам представлялись несомненными и которые, как показало время, оказались в известном смысле прогностическими. Андрей Платонов задавал масштаб и напряжение исследовательской мысли» [9, с. 41], – вспоминала Тамара Александровна.

Не всем известная подробность: Т.А. Никонову, готовившую к защите кандидатскую диссертацию о характерологии и стиле А. Малышкина, один из «старших товарищей» убеждал не «идти на рожон» и отказаться от участия в сборнике о писателе, «дружившем с репрессированными» (в ее диссертации рассматривались роман «Голый год» и другие произведения Бориса Пильняка, реабилитированного, но еще не переиздававшегося). Заручившись поддержкой А.М. Абрамова – своего научного руководителя, и В.П. Скобелева – ответственного редактора издания, аспирантка Никонова решила включить в сборник статью по теме своего исследования и комментарий к повести «Епифанские шлюзы», исправленный и дополненный [10, с. 204–210]. На ее работы вскоре обратят внимание авторы рецензии, опубликованной в журнале «Вопросы литературы», слегка пожурив за полемический задор [11, с. 188–193]. И, конечно, существенно, что «давний» комментарий Т.А. Никоновой к повести «Епифанские шлюзы», опубликованный в первом воронежском сборнике статей и сообщений о творчестве А.П. Платонова, подтверждая известные слова В.П. Скобелева о том, что «научная работа должна быть полезна специалистам разных поколений», по-прежнему востребован в последние десятилетия [12, с. 57; 13, с. 88; 14, с. 41; 15, с. 232; 16, с. 11].

После защиты кандидатской диссертации Тамару Никонову ждала интенсивная научная и преподавательская работа в Липецке и Воронеже. Исследователь пишет о Вс. Иванове, А. Неверове, И. Бунине, М. Горьком, о проблемах современной прозы, участвует в выходивших в Москве сборниках литературно-критических статей «Молодые о молодых». Уроки профессионального поведения исследователя и педагога, полученные у ярких представителей воронежской филологической школы, были творчески усвоены: обходясь без казенной риторики, обязательной для 1970-х и первой половины 1980-х годов, молодой педагог включала в свои лекции материалы об А. Платонове, была верна фактам истории и «фактам тек-

ста», обращаясь к произведениям писателя, не всегда предусмотренным учебным планом, рассматривая традиционные для советской литературы темы революции и гражданской войны и/или говоря о проблемах теории.

В одном из интервью Т.А. Никонова расставила характерные для нее акценты: «Приход науки в мою жизнь связан с моей учительской сущностью... Внутренне я – учитель. Это моя профессия. Наука – вещь кабинетная, учительство – занятие публичное. Мне нравится входить в аудиторию, вступать в диалог со слушателями. Нравится участвовать в формировании (извините за некоторую высокопарность) пытливой человеческой личности. В работе я не могу обойтись без академической подготовки к занятиям. Без книг, без статей» [17, с. 152–153].

Исследователь, стоявшая у истоков научного восприятия творчества А. Платонова в Воронеже, на рубеже 1980-1990-х годов добилась разрешения читать спецкурс о создателе «Города Градова», «Сокровенного человека» и «Чевенгура» на филологическом факультете ВГУ. Позже она систематизирует и обобщит свою многолетнюю работу в монографии «Андрей Платонов в диалоге с миром и социальной реальностью» (2011). Эта книга, как и занятия, основанные на уважительном отношении к личности каждого начинающего исследователя, памятли аспирантам и студентам, прошедшим «учебу у Никоновой».

Диссертацию на звание доктора филологических наук «Мифология нового мира и тенденции развития русской литературы первой трети XX века» Т.А. Никонова блестяще защитила в 2004 году, соединив в исследовании историю и теорию с новизной и глубиной типологических обобщений. Творчеству А. Платонова в диссертации было отведено особое место.

Член-корреспондент РАН Наталья Васильевна Корниенко, руководитель Платоновской группы, отмечала, что вышедшая к защите монография Т.А. Никоновой «“Новый человек” в русской литературе 1900–1930 годов: Проективная модель и процессы творчества» должна рассматриваться в числе работ, предлагающих новый взгляд на русскую литературу советского периода. Его суть состоит в том, что XX век не был только временем разрушений и потерь, что его художественный (и исторический) опыт колоссален. Освободившись от обольщений утопическими проектами “нового человека”, русская литература в своих глубинных основаниях не утратила любви к “прекрасному и яростному миру»» [18, с. 23–24].

Т.А. Никонова – известный историк русской литературы XX века. Под ее редакцией опубликованы учебники и учебные пособия, по ним в России и Зарубежье студенты продолжают открывать художественные миры писателей и закономерности литературного процесса минувшего столетия. Ее всегда увлекала работа с аспирантами и магистрантами и: диалог с хорошо подготовленными учениками, формируя атмосферу творческого поиска, позволял педагогу обсуждать проблемы восприятия платоновского текста в разные времена, задаваться вопросами, намеченными в ее ранних статьях и комментариях к платоновскому тексту. Среди них – «Чужое» пространство у Платонова [19, с. 16–23]; «Рецепция творчества А. Платонова в Воронеже: к проблеме формирования “локальных текстов”» [20, с. 229–237]; «Легенда местности» в сюжете повести А. Платонова «Епифанские шлюзы» [21, с. 55–63]; значение творчества писателя для формирования «воронежского текста» русской культуры [22, с. 22–30]; «Воронежские писатели “платоновского круга”» (этой теме посвящена ее последняя публичная лекция, выложена в Интернет) [23].

Много усилий приложила Т. А. Никонова для организации и проведения в Воронеже с сентября 1989 года международных Платоновских чтений. В 2024 году ее доклад открывал IX чтения «Андрей Платонов: “Одухотворенные люди”», посвященные 125-й годовщине со дня рождения писателя. Под ее руководством состоялись конференции «Воронежский край и зарубежье», «“Воронежский текст” русской культуры», «“В краю отеческой привязанности”: образы и легенды Центрального Черноземья в XX веке», помогавшие «разработке контекстных связей воронежского материала с большой литературой, с историей и культурой Черноземья» [9, с. 19].

Т.А. Никонова радовалась успехам коллег, участвовала в конференциях, проводимых в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) и в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук. Состояла в редакционной коллегии Собрания сочинений А.П. Платонова, с 2004 года выходящего в ИМЛИ РАН. Ее не переставали интересовать такие значимые для работы со студентами темы, как «Музей в системе религиозно-философских взглядов Н.Ф. Федорова», «“Рядовой народ” в повести А. Платонова “Котлован”», «Мифы в литературе 1930-х годов о “колхозной деревне”», «“Русское” и “советское” в литературе военных лет».

Жизненный и творческий путь Тамары Александровны Никоновой – «один из ярчайших примеров служения филолога высоким идеалам русской литературы», – пишет Н.В. Корниенко.

Оставаясь педагогом до последних дней своей жизни, Т.А. Никонова с доверием и вниманием к остающимся говорила о своих учениках, заботилась о судьбе их исследований. Светлый образ Ученого и Учителя, творческое наследие исследователя – ее рукописи, лекции, статьи и книги навсегда остаются с нами.

Библиографический список

1. Бугакова Н.Б. А. Платонов: аспекты изучения творчества // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. Т. 41. № 4. С. 689-699.
2. Бугакова Н.Б. Аспекты изучения ономастики А. Платонова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 1 (40). С. 62-65.
3. По дороге из шестидесятых: Интервью с Т.А. Никоновой // Воронежский курьер. 2004. 30 окт.
4. Алейников О.Ю. Первый вечер в Центральном доме литераторов, посвященный памяти Андрея Платонова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2020. № 5. С. 82–95.
5. Гладков А. В прекрасном и яростном мире // Новый мир. 1963. № 11. С. 227-234.
6. Человек–праздник. Владислав Петрович Скобелев: страницы жизни / Сост. С.А. Голубков, Л.Е. Кройчик, М.А. Перепелкин. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009. 294 с.
7. Никонова Т.А., Митракова Н.М. Комментарии // Платонов А.П. Повести и рассказы. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1969. С. 480–486.
8. Творчество А. Платонова. Статьи и сообщения. Воронеж: Издательство Воронежского ун-та, 1970. 248 с.
9. Никонова Т.А. Воронежские страницы. Книги и годы. Воронеж: Воронежская областная типография – издательство им. Е.А. Болховитинова, 2019. 224 с.
10. Никонова Т.А. Комментарий к повести А. Платонова «Епифанские шлюзы» // Творчество А. Платонова. Статьи и сообщения. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1970. С. 204–210.
11. Шубин Л.А., Белая Г.А. «Чтобы завещанное им слово не убывало...» // Вопросы литературы. 1972. № 2. С. 188–193.
12. Корниенко Н.В. История текста и биография А.П. Платонова (1926-1946) // Здесь и теперь. 1993. № 1. С. 3–320.
13. Шилов В.В. Капитан Джон Перри: до и после России // Андрей Платонов в идеологических и художественных контекстах своего времени: сборник научных трудов. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. С. 75-91.
14. Малыгина Н.М. Образ инженера в творчестве Андрея Платонова (изменение восприятия и трактовки) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование. 2012. № 1 (8). С. 32–42.

15. Проскурина Е.Н. Фаустовский отзвук петровского сюжета: повесть А. Платонова «Епифанские шлюзы» // Кормановские чтения. Статьи и материалы Межвузовской научной конференции. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. С. 229–244.
16. Алейников О.Ю. Исторический дискурс и нарративные практики в повести А. Платонова «Епифанские шлюзы» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2015. № 4. С. 7–11.
17. «Внутренне я – учитель»: Интервью с Т.А. Никоновой // Кройчик Л.Е. Alma mater. Воронеж: Издательство Воронежского государственного ун-та, 2003. С. 151–156.
18. Корниенко Н.В. О родном и вселенском // Тамара Александровна Никонова: Биобиблиографическое пособие. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. С. 22–25.
19. Никонова Т.А. «Чужое» пространство у А. Платонова // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. СПб.: Наука, 2004. Кн. 3. С. 16–23.
20. Никонова Т.А. Рецепция творчества А. Платонова в Воронеже: к проблеме формирования «локальных текстов» // Studia Rossica Posnaniensia. Poznan, 2012. Zeszyt XXXVII. С. 229–237.
21. Никонова Т.А. «Легенда местности» в сюжете повести Андрея Платонова «Епифанские шлюзы» // Северный текст русской литературы. Материалы научной конференции. Вып. 3. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, 2013. С. 55–63.
22. Никонова Т.А. Андрей Платонов в диалоге с миром и социальной реальностью. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. 220 с.
23. Никонова Т.А. Воронежские страницы. Книги и годы. Воронеж: Воронежская областная типография – издательство им. Е.А. Болховитинова, 2019. 224 с.

Referens

1. Bugakova N.B. A. Platonov: Aspects of the Study of Creativity // Issues of Journalism, Pedagogy, and Linguistics. 2022. Vol. 41. No. 4. Pp. 689–699.
2. Bugakova N.B. Aspects of the Study of A. Platonov's Onomastics // Current Issues in Modern Philology and Journalism. 2021. No. 1 (40). Pp. 62–65.
3. On the Road from the Sixties: Interview with T.A. Nikonova // Voronezh Courier. 2004. October 30.
4. Aleinikov O.Yu. The First Evening at the Central House of Writers, Dedicated to the Memory of Andrei Platonov // Philological Sciences. Scientific Reports of Higher Education. 2020. No. 5. Pp. 82–95.
5. Gladkov A. In a Beautiful and Furious World // Novy Mir. 1963. No. 11. pp. 227–234.
6. The Holiday Man. Vladislav Petrovich Skobelev: Pages of Life / Comp. S.A. Golubkov, L.E. Kroychik, M.A. Perepelkin. Samara: Samara University Publishing House, 2009. 294 p.
7. Nikonova T.A., Mitrakova N.M. Commentary // Platonov A.P. Novels and Short Stories. Voronezh: Central Black Earth Book Publishing House, 1969. pp. 480–486.
8. The Works of A. Platonov. Articles and Reports. Voronezh: Voronezh University Publishing House, 1970. 248 p.
9. Nikonova T.A. Voronezh pages. Books and years. Voronezh: Voronezh regional printing house - publishing house named after. E.A. Bolkhovitinova, 2019. 224 p.
10. Nikonova T.A. Commentary on A. Platonov's story "Epiphanian Locks" // Creativity of A. Platonov. Articles and messages. Voronezh: Voronezh University Publishing House, 1970. pp. 204–210.
11. Shubin L.A., Belaya G.A. "So that the word bequeathed to him does not decrease..." // Questions of literature. 1972. No. 2. P. 188–193.
12. Kornienko N.V. History of the text and biography of A.P. Platonova (1926–1946) // Here and Now. 1993. No. 1. Pp. 3–320.

13. Shilov V.V. Captain John Perry: Before and After Russia // *Andrei Platonov in the Ideological and Artistic Contexts of His Time: A Collection of Scientific Papers*. Voronezh: SCIENCE-UNIPRESS, 2010. Pp. 75–91.
14. Malygina N.M. The Image of the Engineer in the Works of Andrei Platonov (Changes in Perception and Interpretation) // *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Philological Education*. 2012. No. 1 (8). Pp. 32–42.
15. Proskurina E.N. A Faustian Echo of a Peter the Great Plot: A. Platonov's Story "The Epifan Locks" // *Kormanovskie Readings. Articles and Materials of the Interuniversity Scientific Conference*. Izhevsk: Udmurt University, 2012. pp. 229–244.
16. Aleinikov O. Yu. Historical Discourse and Narrative Practices in A. Platonov's Story "The Epifanian Locks" // *Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*. 2015. No. 4. pp. 7–11.
17. "Inner I am a Teacher": Interview with T. A. Nikonova // *Kroychik L. E. Alma Mater*. Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 2003. pp. 151–156.
18. Kornienko N. V. On the Native and the Universal // *Tamara Aleksandrovna Nikonova: Biographical and Bibliographical Manual*. Voronezh: VSU Publishing House, 2016. Pp. 22–25.
19. Nikonova T. A. "Alien" Space in A. Platonov's Works // *The Works of Andrei Platonov: Research and Materials*. St. Petersburg: Nauka, 2004. Vol. 3. Pp. 16–23.
20. Nikonova T. A. "The Reception of A. Platonov's Works in Voronezh: On the Problem of Formation of "Local Texts" // *Studia Rossica Posnaniensia*. Poznan, 2012. Zeszyt XXXVII. Pp. 229–237.
21. Nikonova T. A. "The Legend of the Locality" in the Plot of Andrei Platonov's Story "The Epifan Locks" // *The Northern Text of Russian Literature. Proceedings of the Scientific Conference*. Issue. 3. Arkhangelsk: Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, 2013, pp. 55–63.
22. Nikonova T.A. Andrei Platonov in Dialogue with the World and Social Reality. Voronezh: SCIENCE-UNIPRESS, 2011, 220 p.
23. Nikonova T.A. Voronezh Pages. Books and Years. Voronezh: Voronezh Regional Printing House – Publishing House named after E.A. Bolkhovitinov, 2019, 224 p.

УДК 821.161

DOI 10.36622/2587-9510.2025.59.4.022

*Федеральный исследовательский центр
«Казанский научный центр Российской ака-
демии наук»*

*старший научный сотрудник Лаборатории
многофакторного гуманитарного анализа и
когнитивной филологии*

кандидат филологических наук

Ахметова М.А.

Россия, г. Казань,

8-9870641965

e-mail: ama201289@yandex.ru

*Federal Research Center “Kazan Scientific
Center of the Russian Academy of Sciences”*

*Senior Research Fellow of the
Laboratory of Multiple-factor Humanitarian
Analysis and Cognitive Philology*

Cand. Sc. (Philology)

Akhmetova M.A.

Russia, Kazan

tel.8-9870641965

e-mail: ama201289@yandex.ru

М.А. Ахметова

ТРЕТЬИ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПАСТЕРНАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В ТАТАРСТАНЕ

М.А. Akhmetova

THE THIRD INTERNATIONAL PASTERNAK READINGS IN TATARSTAN

22 – 23 октября 2025 года в Академии наук Республики Татарстан состоялись Третьи Международные Пастернаковские чтения, в работе которых приняли участие ведущие пастернаковеды страны и зарубежных стран. Мероприятие было посвящено трем юбилейным датам, имеющим существенное значение для отечественной культуры и истории: 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, 135-летию со дня рождения Бориса Леонидовича Пастернака – выдающегося поэта, прозаика и лауреата Нобелевской премии по литературе, 35-летию основания Мемориального музея Б.Л. Пастернака в Татарстане.

Республика Татарстан демонстрирует значительный опыт в области мемориализации имени и наследия Бориса Пастернака. Ключевой фигурой в этом процессе выступает доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Татарстан, академик Академии наук Республики Татарстан, член Союза писателей и Союза краеведов России Наиль Мансурович Валеев, являющийся идейным вдохновителем и инициатором Пастернаковских чтений в регионе и многих резонансных проектов на перспективу по богатому историко-культурному наследию Чистополя.

Он стоял у истоков создания государственного бюджетного учреждения культуры «Чистопольский государственный историко-архитектурный и литературный музей-заповедник». Он инициировал и теоретически обосновал концепцию создания музея-заповедника, которая предполагала объединение и создание более 15 музеев для сохранения уникального культурного наследия Чистополя, и, конечно же, участвовал в его открытии. Решением Президиума Академии наук Республики Татарстан был назначен его научным куратором и координатором.

По его же инициативе в 2015 году был установлен памятник Борису Пастернаку в Чистополе, что стало важным этапом в сохранении историко-культурной памяти великого поэта в России. Кроме того, Н.М. Валеев – автор резонансного фундаментального исследова-

ния «Борис Пастернак в Чистополе. К истокам романа “Доктор Живаго”», в котором детально анализируется чистопольский период жизни писателя, обстоятельства создания знаменитого романа, а также идентифицируются прототипы его главных персонажей на основе многочисленных архивных и документальных источников. Научный труд Н.М. Валеева – это «о забытых страницах “Истории советской литературы”, о её Чистопольском периоде 1941–1943 годов – времени эвакуации более 200 членов Союза советских писателей СССР с семьями в город на Каме» [1; с. 5], вносит существенный вклад в российское и мировое пастернаковедение и углубляет научное понимание литературного процесса в годы Великой Отечественной войны.

Многолетняя и скрупулёзная научно-исследовательская деятельность, сочетавшаяся с неизменной целеустремлённостью и глубокой увлечённостью учёного гуманитарными изысканиями, привела к созданию трудов, получивших широкий общественный резонанс в стране. Собранные Валеевым начиная с 1980-х годов материалы легли в основу фундаментального справочного издания «Чистополь литературный» [2], представляющего собой универсальный академический ресурс, посвящённый жизненному и творческому пути почти 300 писателей и деятелей культуры, чья деятельность так или иначе связана с городом Чистополем.

Проведение Международных Пастернаковских чтений в Казани стало возможным благодаря интенсивной научной и организаторской деятельности Н.М. Валеева, осуществляемой им во благо малого исторического города России Чистополя, в целом Республики Татарстан. Содержательная насыщенность программы конференции, а также актуальность и масштабность обсуждаемых вопросов обусловлены высоким академическим авторитетом Наиля Мансуровича и значимостью его научных исследований. Его работы, получившие широкий резонанс в научном сообществе, открывают новый этап в изучении советской литературы военного периода, связанный с чистопольским контекстом, способствуют углублённому осмыслению данного историко-культурного феномена в отечественном и мировом литературоведении.

В рамках конференции особое внимание было уделено изучению чистопольского периода (1941–1943 гг.) жизни и творчества Бориса Пастернака – времени, имеющему ключевое значение для формирования его позднего художественного мировоззрения. В условиях эвакуации поэт активно работал над переводами шекспировских драм, создавал своеобразные стихотворные произведения и приступил к разработке замысла своего главного прозаического произведения – романа «Доктор Живаго», материалы для которого почерпнул в городе на Каме. Здесь он познал глубинную жизнь российской провинции, которую вынес из общения с глубоко образованным и мыслящим доктором Д.Д. Авдеевым – прототипом главного героя Нобелевского романа. Почти двухлетний диалог Пастернака с хозяином квартиры В.А. Вавиловым – участником гражданской войны и партизанского движения той поры, дал ему возможность вникнуть в жуткие реалии братоубийственной войны и понять суть происходящих событий. Без чистопольских диалогов вряд ли состоялся бы роман «Доктор Живаго», в основе которого лежат новые знания, о которых Пастернак до того имел весьма смутные представления.

Современные исследователи подчеркивают, что именно чистопольский опыт стал тем творческим катализатором, который predetermined философскую и художественную концепцию будущего нобелевского романа. Фактически, здесь были заложены идейные и образные основы произведения, получившего всемирное признание.

Особый статус Чистополя в биографии Пастернака подтверждается не только интенсивной творческой работой поэта в этот период, но и его осознанным стремлением остаться в городе на постоянное жительство: «живо и непосредственно и всей душой мне собственно только хочется в Чистополь и в Оксфорд» [1; с. 287]. Сегодня имя Пастернака стало неотъемлемой частью культурного наследия Республики Татарстан, а изучение чистопольского

периода открывает новые перспективы для понимания творческой эволюции одного из крупнейших писателей XX века.

Данная проблематика заняла центральное место в дискуссиях Третьих Пастернаковских чтений, что подчеркнуло непреходящую актуальность исследований региональных аспектов в истории русской литературы.

В рамках работы конференции было заслушано порядка 50 научных докладов. Пленарное заседание открыл доклад доктора филологических наук, профессора, академика Академии наук Республики Татарстан Н.М. Валеева. В своем выступлении учёный осветил один из ключевых периодов биографии и творчества Б.Л. Пастернака, связанный с эвакуацией в Чистополь, проанализировал формирование нового мировосприятия поэта в условиях провинциального города.

Многолетние фундаментальные изыскания автора по проблеме «Борис Пастернак в Чистополе» позволили сделать вывод о том, что именно чистопольский период стал основой формирования нового мировоззрения Пастернака, определившего его творческие искания военных и послевоенных лет [3; с. 10].

Творчество Б.Л. Пастернака на протяжении многих лет остается значимым объектом научного исследования в китайском литературоведении. Рецепция его произведений в Китае, берущая начало в 1950-х годах, нашла отражение в интереснейшем докладе доктора филологических наук, профессора, президента Чжэцзянской ассоциации сравнительного литературоведения и зарубежной литературы Чжэцзянского университета Юн Ван [4; с. 24], посвящённом восприятию наследия писателя в китайской академической среде.

Особого внимания заслуживает интерпретация романа «Доктор Живаго» в контексте пасхальной традиции русской литературы, представленная в работе доктора филологических наук, профессора кафедры русской классической литературы и славистики Литературного института им. А.М. Горького И.А. Есаулова. В своей статье «Как Борис Пастернак в своём романе “Доктор Живаго” сводит счёты с Серебряным веком» учёный выдвигает тезис о возвращении писателя «на магистральную линию развития русской культуры — после искушений “серебряного века”» [5; с. 50]. Данная концепция подчеркивает значение романа как осмысления традиционных духовных и культурных ценностей в противовес эстетическим и философским исканиям Серебряного века.

На чтениях выступил В.В. Леонидов — исследователь литературы русского зарубежья и специалист по русской культуре, лично знакомый с Евгением Борисовичем Пастернаком. В рамках своего выступления Леонидов рассказал о музее Леонида Пастернака в Оксфорде, а также, являясь известным бардом, исполнил музыкальные произведения из своего репертуара, связанные с творчеством Бориса Пастернака и Марины Цветаевой.

В пленарной части с глубоко содержательным докладом о роли и значении творческого наследия Б.Л. Пастернака в современном мире выступила Наталья Васильевна Корниенко — член-корреспондент Российской академии наук, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института мировой литературы имени М. Горького Российской академии наук.

Международную значимость Третьих Пастернаковских чтений подчеркивают и придают ей особое значение представители академических кругов из Белоруссии [6], Казахстана [7] и Китая [8], где творческое наследие лауреата Нобелевской премии является предметом внимательного изучения.

Актуальные аспекты творчества Пастернака, а также интерпретация произведений в контексте современных глобальных вызовов, стали предметом дискуссий учёных из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Петрозаводска, Липецка, Ярославля, Барнаула, Темрюка, Уфы, Ижевска и других городов России.

На конференции с докладом выступил известный специалист по творчеству Б.Л. Пастернака — В.И. Тюпа, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и исторической поэтики Российского государственного гуманитарного университета. В рамках

мероприятия также были представлены научные доклады сотрудников Лаборатории цифровых исследований литературы и фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Научный сотрудник Р.А. Бакиров осветил вопросы, связанные с окружением Пастернака в период его пребывания в Чистополе. Старший научный сотрудник Б.В. Орехов посвятил своё выступление актуальной проблематике применения искусственного интеллекта в анализе и воспроизведении стилистических особенностей поэтики Пастернака.

Профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы Московского государственного лингвистического университета С.Г. Буров и доцент кафедры русского языка и теории словесности того же университета Е.К. Столетова выступили с докладами, вызвавшими большой интерес у участников секционных заседаний.

На конференции были представлены доклады, охватывающие широкий спектр тем, объединённых общей исследовательской парадигмой, связанной с творчеством Бориса Пастернака. Кандидат филологических наук, заведующая отделом «Дом-музей Бориса Пастернака» Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля А.А. Кознова [9] детально проанализировала эпистолярное наследие поэта, уделив особое внимание его переписке с иностранными корреспондентами.

Кандидат филологических наук, доцент, директор Гуманитарного инновационного парка Петрозаводского государственного университета, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики А.А. Скоропадская сосредоточилась на предметном анализе роли античности в художественной системе Пастернака, тем самым внося значительный вклад в развитие давно обозначенной в пастернаковедении проблематики – «Пастернак и античность» [10; с. 235].

Преподаватели кафедры русского языка и литературы Института филологии Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семёнова-Тян-Шанского представили результаты своих исследований на различных секциях научной конференции. Доктор филологических наук, профессор Е.А. Попова выступила с докладом, посвящённым месту Б.Л. Пастернака в национальной персонификации и вкладу его творчества в пополнение фразеологического фонда русского языка [11; с. 210]. Кандидат филологических наук Л.П. Плеханова рассмотрела феномен литературного Чистополя, уделив особое внимание его роли в отечественной духовной культуре и значению для формирования гражданской идентичности молодёжи [12; с. 201]. Кандидат филологических наук Н.В. Гречушкина обратилась к изучению истоков романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» в современном литературоведческом дискурсе, представив анализ монографии Н.М. Валеева «Борис Пастернак в Чистополе. 1941–1943. К истокам романа “Доктор Живаго”» [13].

В докладе кандидата филологических наук, доцента кафедры лингвистики Ижевского государственного технического университета имени М.Т. Калашникова С.Д. Зливко проводится лингвистический анализ эпистолярного жанра, рассматриваемого как значимый историко-культурный и нравственный компонент в исследовании Н.М. Валеева «Борис Пастернак в Чистополе. 1941–1943. К истокам романа “Доктор Живаго”» [14].

В рамках научной конференции была организована секция, посвящённая роли литературных музеев и музеев-заповедников в современном культурном пространстве. Особое внимание уделялось мемориальному музею Бориса Пастернака в Чистополе, который в 2025 году отметил 35-летие со дня основания. С большим интересом была заслушана презентация новой работы Н.М. Валеева «Мемориальный музей Бориса Пастернака в Чистополе (сквозь призму отзывов гостей)», посвящённой деятельности одного из самых ключевых и привлекающих образовательно-просветительских центров Республики Татарстан, Чистополя [15; с. 6].

В рамках данной статьи хроникального характера не представляется возможным охватить все публикации по указанной тематике. Однако для исследователей, заинтересованных

в углубленном изучении научных аспектов вопроса, рекомендуется обратиться к сборнику материалов Третьих Пастернаковских чтений [16].

Дополнением к научной части конференции стало открытие художественной выставки «Чистопольские мотивы в судьбе и творчестве Б.Л. Пастернака» в живописных произведениях Заслуженного деятеля искусств Республики Татарстан Радика Мингазова. Экспозиция передала авторское художественное осмысление биографии и литературного наследия выдающегося поэта, объединяя исторический контекст с современной визуальной интерпретацией. Данная работа осуществляется под кураторством Н.М. Валеева, выступающего в роли наставника.

Кроме того, была организована важная для понимания контекста романа «Доктор Живаго» поездка в Чистополь, город, приютивший в 1941- 1943 гг. более 200 советских писателей и в их числе Б.Л. Пастернака с семьёй.

Научная и организаторская деятельность Н. М. Валеева, направленная на сохранение и популяризацию памяти Бориса Пастернака, предоставляет возможность академической дискуссии, способствует развитию культурно-туристического потенциала Татарстана, а также международному научному сотрудничеству в области гуманитарных исследований.

Библиографический список

1. Валеев Н.М. Борис Пастернак в Чистополе. 1941–1943. К истокам романа «Доктор Живаго». Казань: Изд-во «Заман», 2024. 416 с.
2. Чистополь литературный. Энциклопедия / авт.-сост. Н.М. Валеев. Казань: Изд-во «Заман», 2017. 560 с.
3. Валеев Н.М. Переломный этап в биографии и творчестве Б.Л. Пастернака: 1941–1943 гг. как период переосмысления жизненных и эстетических ориентиров // Третьи Пастернаковские чтения: Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 135-летию со дня рождения Б.Л. Пастернака (г. Казань, 22-23 октября 2025 г). Казань: Изд-во Академии наук Республики Татарстан, 2025. С. 7-23.
4. Ван Юн. Борис Пастернак в Китае // Третьи Пастернаковские чтения: Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 135-летию со дня рождения Б.Л. Пастернака (г. Казань, 22-23 октября 2025 г). Казань: Изд-во Академии наук Республики Татарстан, 2025. С. 24-33.
5. Есаулов И.А. Как Борис Пастернак в своём романе «Доктор Живаго» сводит счёты с Серебряным веком // Третьи Пастернаковские чтения: Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 135-летию со дня рождения Б.Л. Пастернака (г. Казань, 22-23 октября 2025 г). Казань: Изд-во Академии наук Республики Татарстан, 2025. С. 34-51.
6. Земляник Т.В. Способы представления адресата в русскоязычных эпистолярных текстах Бориса Пастернака // Третьи Пастернаковские чтения: Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 135-летию со дня рождения Б.Л. Пастернака (г. Казань, 22-23 октября 2025 г). Казань: Изд-во Академии наук Республики Татарстан, 2025. С. 107-118.
7. Москалёва А.Е. Драма вещей (о пьесе Б. Пастернака «Этот свет») // Третьи Пастернаковские чтения: Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 135-летию со дня рождения Б.Л. Пастернака (г. Казань, 22-23 октября 2025 г). Казань: Изд-во Академии наук Республики Татарстан, 2025. С.181-190.
8. Сюэ Жаньжань. Особенности звукового повествования в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Третьи Пастернаковские чтения: Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 135-летию со дня рождения Б.Л. Пастернака (г. Казань, 22-23 октября 2025 г). Казань: Изд-во Академии наук Республики Татарстан, 2025. С. 259-269.

9. Кознова А.А. «Прочсть, ответить». Ещё раз о переписке Б.Л. Пастернака с иностранными корреспондентами // Третьи Пастернаковские чтения: Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 135-летию со дня рождения Б.Л. Пастернака (г. Казань, 22-23 октября 2025 г). Казань: Изд-во Академии наук Республики Татарстан, 2025. С.133-142.

10. Скоропадская А.А. «Близнец родной свой лунный стан просыпал»: к вопросу об античных подтекстах ранней лирики Б. Пастернака // Третьи Пастернаковские чтения: Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 135-летию со дня рождения Б.Л. Пастернака (г. Казань, 22-23 октября 2025 г). Казань: Изд-во Академии наук Республики Татарстан, 2025. С. 234-242.

11. Попова Е.А. Влияние творчества Б.Л. Пастернака на национальную персонифику и русский язык // Третьи Пастернаковские чтения: Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 135-летию со дня рождения Б.Л. Пастернака (г. Казань, 22-23 октября 2025 г). Казань: Изд-во Академии наук Республики Татарстан, 2025. С. 208-222.

12. Плеханова Л.П. Чистополь литературный в духовной культуре нашей страны // Третьи Пастернаковские чтения: Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 135-летию со дня рождения Б.Л. Пастернака (г. Казань, 22-23 октября 2025 г). Казань: Изд-во Академии наук Республики Татарстан, 2025. С. 199-207.

13. Гречушкина Н.В. «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака: к истокам романа в контексте современного литературоведения // Третьи Пастернаковские чтения: Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 135-летию со дня рождения Б.Л. Пастернака (г. Казань, 22–23 октября 2025 г). Казань: Изд-во Академии наук Республики Татарстан, 2025. С. 89-96.

14. Зливко С.Д. Бережные чистопольские страницы о Б. Пастернаке (об актуальном звучании исследования Н.М. Валеева) // Третьи Пастернаковские чтения: Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 135-летию со дня рождения Б.Л. Пастернака (г. Казань, 22-23 октября 2025 г). Казань: Изд-во Академии наук Республики Татарстан, 2025. С.119-122.

15. Валеев Н.М. Мемориальный музей Бориса Пастернака в Чистополе (сквозь призму отзывов гостей). Казань: Изд-во Академии наук Республики Татарстан, 2025. 244 с.

16. Третьи Пастернаковские чтения: Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной 135-летию со дня рождения Б.Л. Пастернака (г. Казань, 22-23 октября 2025 г) / Сост.: И.В. Корнилова, М.А. Ахметова. Казань: Изд-во Академии наук Республики Татарстан, 2025. 281 с.

References

1. Valeev N.M. Boris Pasternak in Chistopol. 1941–1943. To the origins of the "Doctor Zhivago" novel. Kazan: "Zaman" publishing house, 2024. 416 p.

2. Literary Chistopol. Encyclopedia /compiled by N.M. Valeev. Kazan: "Zaman" publishing house, 2017. 560 s.

3. Valeev N.M. Turning point in the biography and work of B.L. Pasternak: 1941-1943. as a period of rethinking life and aesthetic guidelines // Third Pasternak readings: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 135th anniversary of the birth of B.L. Pasternak (Kazan, October 22-23, 2025). Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2025. Pp. 7-23.

4. Wang Yong. Boris Pasternak in China // Third Pasternak readings: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 135th anniversary of the birth of B.L. Pasternak (Kazan, October 22-23, 2025). Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2025. Pp. 24-33.

5. Esaulov I.A. How Boris Pasternak in his "Doctor Zhivago" novel settles scores with the Silver Age // Third Pasternak readings: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 135th anniversary of the birth of B.L. Pasternak (Kazan, October 22-23, 2025). Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2025. Pp. 34-51.

6. Zemlyznik T.V. Ways of representing the addressee in Russian-language epistolary texts by Boris Pasternak // Third Pasternak readings: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 135th anniversary of the birth of B.L. Pasternak (Kazan, October 22-23, 2025). Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2025. Pp. 107-118.

7. Moskaleva A.E. Drama of things (about B. Pasternak's "This Light" play) // Third Pasternak readings: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 135th anniversary of the birth of B.L. Pasternak (Kazan, October 22-23, 2025). Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2025. Pp. 181-190.

8. Xue Zhazhan. Features of sound narration in B. Pasternak's "Doctor Zhivago" novel // Third Pasternak readings: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 135th anniversary of the birth of B.L. Pasternak (Kazan, October 22-23, 2025). Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2025. Pp. 259-269.

9. Koznova A.A. "To read, to respond." Once again about the correspondence of B.L. Pasternak with foreign correspondents // Third Pasternak readings: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 135th anniversary of the birth of B.L. Pasternak (Kazan, October 22-23, 2025). Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2025. Pp. 133-142.

10. Skoropadskaya A.A. "My twin spilled his moon stature": to the question of the ancient subtexts of the early lyrics of B. Pasternak // Third Pasternak readings: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 135th anniversary of the birth of B.L. Pasternak (Kazan, October 22-23, 2025). Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2025. Pp. 234-242.

11. Popova E.A. The influence of B.L. Pasternak's work on the national personosphere and the Russian language // Third Pasternak readings: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 135th anniversary of the birth of B.L. Pasternak (Kazan, October 22-23, 2025). Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2025. Pp. 208-222.

12. Plekhanova L.P. Literary Chistopol in the spiritual culture of our country // Third Pasternak readings: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 135th anniversary of the birth of B.L. Pasternak (Kazan, October 22-23, 2025). Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2025. Pp. 199-207.

13. Grechushkina N.V. "Doctor Zhivago" B.L. Pasternak: to the origins of the novel in the context of modern literary studies // Third Pasternak readings: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 135th anniversary of the birth of B.L. Pasternak (Kazan, October 22-23, 2025). Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2025. Pp. 89-96.

14. Zlivko S.D. Careful Chistopol pages about B. Pasternak (about the relevance of the N.M. Valeev's study) // Third Pasternak readings: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 135th anniversary of the birth of B.L. Pasternak (Kazan, October 22-23, 2025). Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2025. Pp. 119-122.

15. Valeev N.M. Boris Pasternak Memorial Museum in Chistopol (through the prism of guest reviews). Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2025. 244 p.

16. Third Pasternak readings: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 135th anniversary of the birth of B.L. Pasternak (Kazan, October 22-23, 2025) / Comp.: I.V. Kornilova, M.A. Akhmetova. Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2025. 281 p.

УДК 81

DOI 10.36622/2587-9510.2025.59.4.023

*Воронежский государственный
технический университет
доктор филологических наук, профессор
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации
Скуридина С.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(920)404-04-48;
e-mail: saskuridina@ya.ru*

*Voronezh State Technical University
Doctor of Philology, professor,
department chairman, the chair of Rus-
sian language and cross-cultural com-
munication,
Skuridina S.A.
Russia, Voronezh, +7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru*

С.А. Скуридина

**НЕНОРМАТИВНАЯ ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА
В ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ**

**(рецензия на монографию В.М. Баранова, В.Е. Замальдинова «Ненормативная лексика
русского языка: юрислингвистический анализ», Москва, 2025)**

S.A. Skuridina

**PROFANITY OF THE RUSSIAN LANGUAGE
IN THE LEGAL LINGUISTIC ASPECT**

**(review of the monograph by V.M. Baranov, V.E. Zamaldinov "Profanity of the Russian
language: a legal linguistic analysis", Moscow, 2025)**

Экология языка – важная составляющая культурного наследия каждого народа. Основными проблемами лингвоэкологии в современном мире являются следующие: снижение уровня владения письменной и устной речью; низкий уровень грамотного использования правил и языковых норм; жаргонизация речи; слова-паразиты и просторечие; незнание семантики слов и бедность тезауруса. Кроме того, негативно влияет на чистоту речи, её эстетику и эмоциональную окраску ненормативная лексика, активно используемая в межличностном общении. Монография В.М. Баранова и В.Е. Замальдинова представляет собой комплексное исследование сниженной лексики и сквернословия в юрислингвистическом аспекте, выполненное на материале художественных и медийных текстов. В работе выявляются функции сниженной лексики, приводится перечень мероприятий, направленных на профилактику распространения ненормативной лексики в профессиональном дискурсе сотрудников органов внутренних дел.

Исследование имеет несомненную актуальность, поскольку в настоящее время ненормативная лексика является крайне востребованной молодежью, что обусловлено переносом общения в сеть, где стираются границы речевой культуры: то, что трудно сказать в личной беседе, легко может быть написано в сообщениях любого мессенджера.

Монография включает три главы, в которых рассматриваются разные вопросы, касающиеся проблемы функционирования ненормативной лексики, причем авторами отмечается, что границы данной группы слов до сих пор не определены, в связи с чем предлагается под ней понимать «слова и выражения, подлежащие исключению из публичного общения (употребления в общественных местах) и медийной коммуникации» [1; с. 3].

В первой главе исследования представлены теоретические основы изучения ненормативной лексики русского языка в юрислингвистическом аспекте: рассматриваются понятия «сниженная лексика», «сквернословие» и выявляется роль юрислингвистики как отрасли прикладной лингвистики, фиксирующей факты употребления ненормативной лексики в разных коммуникативных ситуациях. В первом параграфе авторы представили разные точки зрения исследователей на такое явление, как сниженная лексика (Л.П. Крысина [2], А.И. Матяшевской [3] и др.), в результате чего за основу была принята классификация И.А. Стернина, выделяющего в сниженной лексике следующие разряды: общенациональный сленг, жаргонизмы, просторечие, вульгаризмы [4]. Во втором параграфе рассматривается история возникновения слов, относимых в настоящее время к сниженной лексике, и приводится ссылка на авторитетное мнение Г.Ф. Ковалева, являющегося известным исследователем русского мата, доказавшего с помощью этимологического анализа, что «вся “нехорошая” лексика – исконно родная, славянская, связанная тысячами нитей с общенациональным лексическим богатством всех славянских языков» [5]. Третий параграф первой главы посвящен выявлению роли юрислингвистики, объект которой – взаимодействие языка и права, в решении проблем экологии языка и в организации морально-психологических, культурно-воспитательных мер противодействия распространению инвективной лексики в публичном пространстве.

Во второй главе рассматривается специфика функционирования ненормативной лексики в современных СМИ, поскольку журналисты активно обращаются к сниженной лексике в медийных текстах, что, с одной стороны, позволяет материал сделать более естественным и доступным, с другой – становится причиной размывания границ литературной нормы. Размышляют авторы монографии и о вербальной агрессии, выражаемой сниженной лексикой, в результате чего происходят конфликты, поэтому считают, что «СМИ обязаны учитывать уместность подобных слов в изданиях, соблюдать профессиональную этику и следовать речевым нормам» [1; с. 45]. Второй параграф исследует роль сквернословия в современных СМИ, выделяя эмоционально-катартическую функцию, функцию понижения социального статуса носителя языка, функцию самоуничтожения, аттрактивную функцию и игровую (людскую) функцию.

Третья глава посвящена профилактике распространения ненормативной лексики в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Авторы обращаются к понятию коммуникативной компетентности, рассматриваемому «как система внутренних ресурсов и регуляторов, необходимых для построения эффективной коммуникации в определенном круге ситуаций взаимодействия» [6; с. 54], и призывают сотрудников органов внутренних дел не употреблять ненормативную лексику (например, жаргонные слова), а также диалектные лексемы, иноязычные единицы, слова-паразиты в общественных местах, а для повышения коммуникативной компетентности рекомендуют обращаться к словарям и справочникам русского языка, учиться подбирать синонимы и держать паузу [6; с. 67]. В третьем параграфе описывается языковая политика, включающая в себя такие этапы, как языковое планирование и языковое строительство. Исследователи отмечают, что «языковая политика в Российской Федерации регулируется различными нормативными правовыми актами. В них гарантируются равные права на сохранение и развитие родного языка, прописывается политическое значение языка» [6; с. 74].

Авторов рецензируемой монографии удручает, что несмотря на действующий запрет в Российской Федерации носителям языка использовать ненормативную лексику в общественных местах, СМИ, рекламе, оскорблять религиозные чувства верующих, участников судебного разбирательства, представителя власти, военнослужащего, такие факты фиксируются правоохранительными органами, однако очень мало «случаев привлечения к юридической ответственности сугубо за использование нецензурной лексики. Это связано с недостаточностью точных формулировок в законодательстве, трудностью в разграничении нецензурной лексики как оскорбления и нецензурной лексики как выражения чувств и эмоций, отсутстви-

ем специального словаря скверной лексики» [6; с. 86].

Полагаем, что проведенное В.М. Барановым и В.Е. Замальдиновым исследование определит вектор дальнейшего изучения ненормативной лексики, поскольку сохранение экологии русского языка является приоритетной задачей не только государства, но и каждого носителя языка, независимо от того, является он специалистом-филологом или нет.

Библиографический список

1. Баранов В.М., Замальдинов В.Е. Ненормативная лексика русского языка: юрислингвистический анализ: монография. Москва: Проспект, 2025. 160 с.
2. Крысин Л.П. Современный русский язык: Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: учебное пособие для филологических факультетов университетов и педагогических институтов. М.: Academia, 2007. С. 153.
3. Матяшевская А.И. Сниженная лексика в СМИ: классификация, употребление, этнокультурные различия (на материале российских и британских газет): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2014. С. 3.
4. Стернин И.А. Обыденное языковое сознание и стилистическая дифференциация лексики // Речевое общение. 2012. No 14 (22). С. 92.
5. Ковалев Г. Ф. Русский мат как часть национального достояния // Российский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. №3. С. 181.
6. Дзялошинский И. М. Коммуникативная компетентность: содержание понятия и структурные компоненты // Материалы Вторых социально-экономических библиотечных чтений: сборник докладов, Ханты-Мансийск, 20–21 ноября 2019 г. Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2020. С. 84.

References

1. Baranov V.M., Zamaldinov V.E. Profanity of the Russian language: a legal linguistic analysis: monograph. Moscow: Prospekt, 2025. 160 p.
2. Krysin L.P. Modern Russian language: Lexical semantics. Lexicology. Phraseology. Lexicography: a textbook for philological faculties of universities and pedagogical institutes. Moscow: Academia, 2007. P. 153.
3. Matyashevskaya A.I. Reduced vocabulary in the media: classification, usage, ethnic and cultural differences (based on the material of Russian and British newspapers): abstract of the dissertation of the Candidate of Philology. sciences. Saratov, 2014. p. 3.
4. Sternin I.A. Everyday linguistic consciousness and stylistic differentiation of vocabulary // Speech communication. 2012. No. 14 (22). P. 92.
5. Kovalev G. F. Russian mat as a part of national heritage // Russian Humanitarian Journal. 2021. Vol. 10. No. 3. p. 181.
6. Dzyaloshinsky I. M. Communicative competence: the content of the concept and structural components // Materials of the Second socio-economic library readings: collection of reports, Khanty-Mansiysk, November 20-21, 2019 Chelyabinsk: Chelyabinsk State Institute of Culture, 2020. p. 84.

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2025.59.4.024

*Самарский государственный социально-педагогический университет
кандидат филологических наук,
доцент, заведующий кафедрой дошкольного образования
Гурова И.В.
Россия, г. Самара,
тел.+79093431823
e-mail: gurova@pgsga.ru*

*Samara State University of Social Sciences and Education,
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor, Head of Preschool Education Department
Gurova I.V.
Russia, Samara,
tel.+79093431823
e-mail: gurova@pgsga.ru*

И.В. Гурова

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ СЕМИНАР НАУЧНОЙ ШКОЛЫ
ПРОФЕССОРА Е.П. ИВАНЯНА**

I.V. Gurova

**LINGUISTIC PHENOMENA IN SYNCHRONY AND DIACHRONY: REGIONAL
METHODOLOGICAL SEMINAR OF THE SCIENTIFIC SCHOOL
OF PROFESSOR E.P. IVANYAN**

11 ноября 2025 г. на филологическом факультете Самарского государственного социально-педагогического университета (СГСПУ) состоялся региональный методологический семинар научной школы «Динамические процессы в лексике и грамматике» профессора Елены Павловны Иванян, посвященный обсуждению новых подходов и решений в лингвистической русистике. В семинаре приняли участие преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты СГСПУ, Тольяттинского государственного университета (ТГУ), Самарского филиала Московского городского педагогического университета (СФ МГПУ), филиала ФГКВООУ ВО «Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» Минобороны России в г. Сызрани (ВУНЦ ВВС «ВВА»), Вольского военного орденов Кутузова и Красной Звезды института материального обеспечения (филиала) Военной академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулёва Министерства обороны Российской Федерации (ВВИМО), а также учителя Самарского медико-технического лицея г. Самары (МАОУ СМТЛ г.о. Самара) и Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения Самарской области средняя общеобразовательная школа «Образовательный центр «Южный город»» поселка Придорожный муниципального района Волжский Самарской области (ГБОУ СОШ «ОЦ «Южный город»» пос. Придорожный).

Региональный методологический семинар открылся докладом доктора филологических наук, профессора Е.П. Иванян, в котором были охарактеризованы актуальные формы и каналы научной коммуникации в современной лингвистической русистике, как традиционные, так и цифровые (репозитории, блоги, соцсети, вебинары) форматы обмена научными знаниями, освещены требования к верификации и цитированию. Сделан вывод о необходимости сочетания классических и новых форматов для оптимальной трансляции лингвистических

исследований [1].

Вопрос о выборе термина для обозначения результата инвертирования бинарной оппозиции «столица – провинция» подняла в своем докладе «Особенности рекурсивного воспроизведения семантики провинции: к вопросу о выборе термина» кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологии, лингвоэкспертологии и медиакоммуникаций ТГУ О.Д. Паршина. В основу подобного явления могут быть положены идеи так называемой воображаемой географии. При таком подходе провинция представляет собой не столько историко-географическую территорию, сколько ментальную конструкцию с динамичными, трудно определяемыми границами [2], [3], [4], [5], [6]. В этом случае более общим случаем оппозиции «столица – провинция» можно считать диаду «свой – чужой». Названная оппозиция может быть представлена амбивалентно: а) если точка экспликации находится во втором элементе диады «провинция», происходит инвертирование оппозиции «свой – чужой»: провинция – своя, а столица – чужая; б) если точка экспликации находится в первом элементе диады «столица», возникает следующая инверсия: столица – своя, а провинция – чужая. В языке характер такой инверсии представляет собой рекурсию, которая описывает «топос как место в пространстве и как действующий в данном пространстве способ масштабирования» [7, с.116].

Кандидат филологических наук, заведующий кафедрой дошкольного образования СГСПУ И.В. Гурова представила результаты исследования семантико-словообразовательной категории (ССК) скандальной событийности. Охарактеризована полевая организация ССК и две линии внутритиповой и межтиповой конкуренции словообразовательных типов в её составе. Рассмотренное явление обусловлено особенностями функционирования производных с компонентами *-гейт*, *-ликс*, *-екзит* и *-инг*, а также семантической дифференциацией слов-мотиваторов [8], [9], [10].

В выступлении кандидата филологических наук, доцента кафедры филологии и межкультурной коммуникации СФ МГПУ О.Ю. Лысовой были подняты вопросы семантики и внутренней формы текстовых фразеологизмов в аксиологическом аспекте изучения [11].

Доклад доктора филологических наук, профессора кафедры филологии, лингвоэкспертологии и медиакоммуникаций ТГУ М.Г. Соколовой посвящен изучению словообразовательного потенциала фитонимов в общелитературном русском языке и жаргонном дискурсе. В исследовании доказано, что фитонимы активно участвуют в метафорической деривации, порождая значительное количество образных единиц. Среди выявленных тематических групп метафор фитонимов преобладают номинации человека, его признаков, свойств и деятельности. Наиболее продуктивными оказываются словообразовательные модели глагольных метафор. Обширные словообразовательные гнезда формируют метафоры, образованных от фитонимов, входящих в универсальные концептуальные метафоры (*дерево*, *корень*, *цветок*, *хмель*, *дуб* и др.). Проведенное исследование вносит вклад в описание русской метафорической картины мира, отражающей устойчивые представления русского народа о растительных реалиях [12], [13], [14].

Различные аспекты методики преподавания русского языка в школе и вузе были представлены в выступлениях кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ Н.Д. Осиповой и кандидата филологических наук, учителя русского языка и литературы МАОУ СМТЛ г.о. Самара А.Н. Моргуновой. Так, Н.Д. Осиповой описана технология проведения учебной дискуссии на занятии по дисциплине «Теория языка» в рамках темы «Социальные аспекты языка. Языковая политика». Учебное дискуссионное общение предполагает набор аргументативных высказываний, представляемых обучающимися с целью обсуждения какого-либо спорного вопроса при намерении достичь взаимоприемлемого решения сформулированной проблемы, предусматривает наличие определенных лексических единиц, грамматических и речевых клише и речевых [15, с. 70].

Дискуссия на тему «Нужно ли сохранять и развивать языки малых народов Российской Федерации» ставит целью формирование и развитие у будущих педагогов (учителей русского языка и литературы) национальной и лингвистической идентичности и культуры межнационального общения [16]. Фрагмент практического занятия включен в программу дисциплины «Теория языка. Часть 1» на 1 курсе филологического факультета (направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки), направленность (профиль) «Русский язык» и «Литература»). Работа способствует формированию коммуникативной компетенции студентов при взаимодействии в команде [17], а также навыку ведения аргументированного спора на научную тематику.

А.Н. Моргунова отметила значимость лингвокультурологического аспекта изучения текста в подготовке к ЕГЭ по русскому языку: он акцентирует внимание выпускников на связи языка и культуры, помогая глубже понять авторскую позицию; позволяет выявить культурные доминанты, отражённые в языке. Особое внимание на уроках необходимо уделять словам с культурно-исторической семантикой, отображающим реалии прошлого. Важно уметь определять оценочную лексику, выражающую отношение автора к культурным явлениям и событиям. Обращение к контексту исторической эпохи создания текста позволяет выявить культурные факторы, повлиявшие на автора [18].

В докладах кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка филиала ВУНЦ ВВС «ВВА» в г. Сызрани Н.Н. Немич и аспиранта СГСПУ, преподавателя кафедры русского языка ВВИМО Г.Н. Агровой была поднята проблема вербализации репрезентантов перцептивных модусов, таких как запахи и вкусы. Н.Н. Немич дала краткий анализ различных типов репрезентантов перцептивных модусов с семантикой невыразимого, отметила их структурные особенности. В рамках исследования были предложены стратегии вербализации, включающие метафорические, метонимические и другие конструкции, которые позволяют выразить репрезентанты перцептивных модусов с семантикой невыразимого. В заключение доклада представлены выводы о роли семантики невыразимого в формировании языковой картины мира и возможности расширения выразительных средств языка для выражения сенсорного опыта человека [19], [20], [21].

Г.Н. Агрова охарактеризовала функции групп метафорических выражений, демонстрирующих ольфакторный модус перцепции, относящийся к лексеме *ёлка*, через рассмотрение корреляции между семами *природный* – *рукотворный*, *запах* – *дух*, а также предложила параметры оценки интенсивности последних [22], [23].

В докладе аспиранта СГСПУ М.Р. Мирошниченко рассмотрены варианты постконструкций, типично следующих после омокомплекса «того». Исследователь раскрыл значимость данных конструкций для частеречной квалификации функциональных омонимов. Продемонстрирован алгоритм анализа функциональных омонимов [24], [25].

Аспирант ТГУ Р.С. Давыдова на примере прагматонимов – фиктонимов пищевой промышленности – представила результаты изучения контаминации как одного из способов окказионального словообразования. Выявлены общие тенденции данного способа словообразования, а также его взаимосвязь с другим способом окказионального словообразования – графикацией [26], [27].

Кандидат филологических наук, руководитель кафедры русского языка и литературы, учитель высшей категории ГБОУ СОШ «ОЦ “Южный город”» пос. Придорожный С.И. Симонова осветила специфику средств эвфемизации в художественном творчестве Н.В. Гоголя, сосредоточив внимание на периодах его творчества [см.: 28], системе средств метонимизации заменяющих наименований [см.: 29], показав, что в художественном пространстве мастера слова процесс эвфемизации можно характеризовать как лингвокультурную универсалию, см. об этом подробнее [30], [31], [32], [33].

Предмет исследования соискателя СГСПУ Е.Н. Поляковой – лексикографическое описание слов *бастард* и *батард*. Произведенный автором анализ лексикографических источников конца XVIII в. – начала XX в. позволяет констатировать, что в русском языке фикси-

руются два слова с единой архисемой: *бастард* (германизм) и *батард* (галлицизм). Сосуществование в лексикографии XIX в. вариантов *бастард* и *батард* определяется экстралингвистическими факторами, в частности межкультурными контактами и геополитической ситуацией [34].

В докладе аспиранта, ассистента кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания СГСПУ М.С. Агафонцева была представлена характеристика фразеологизмов, основанных на антифразисе и восходящих по значению к нанесению вреда человеку [35]. Установлено, что нанесение вреда человеку может быть как вербальным, так и физическим, преднамеренным и случайным. В качестве источников языкового материала для исследования выступили словари русского языка, в которых зафиксированы фразеологизмы семантики физического наказания. С помощью Национального корпуса русского языка выявлены примеры употребления указанных фразеологизмов в русском художественном и публицистическом дискурсах; описаны стилистические особенности их употребления [36], [37], [38], [39].

В выступлении аспиранта ТГУ Д.Р. Резникова анализировались причины доминирования прецедентных имён среди других типов прецедентных феноменов (ПФ) в поэзии Т. Кибирова, текстах песен группы «Любэ» и прозе А. В. Кивинова. Исследователь высказал предположение о том, что распространённость прецедентных имен по сравнению с другими типами ПФ обусловлена особенностями человеческого восприятия: имя легко запоминается, вызывает устойчивые ассоциации и быстро включает культурный контекст. Прецедентные имена становятся удобным способом передачи коллективного опыта и культурной памяти [40], [41]. [42].

Доклад старшего преподавателя кафедры филологии, лингвоэкспертологии и медиакоммуникаций ТГУ В.С. Бычковой был посвящен изучению лексико-семантических процессов, определяющих формирование и развитие значений лексемы *провинциал* в русском языке. Проведенный автором анализ позволил выделить проявления семантического дрейфа, диффузии и синкретизма, в результате которых семантическая структура лексемы приобретает многослойный и контекстуально обусловленный характер. Докладчик подчеркнул роль коннотативных компонентов, расширяющих семантический объём и усиливающих аксиологический потенциал слова. Сделан вывод о том, что взаимодействие указанных процессов обеспечивает динамичность и вариативность функционирования номинации *провинциал* [43], [44], [45].

В завершение регионального методологического семинара участники отметили пользу плодотворного научного диалога, дискуссии по теме актуальнейших докладов; полезный, обучающий и профориентационный формат мероприятия.

Библиографический список

1. Иванян Е. П. Научная коммуникация как способ организации и презентации региональной науки в виртуальном пространстве / Е. П. Иванян, Ю. А. Белкина // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15, № 2-4. С. 857-860.
2. Паршина О. Д. Рекурсивная репрезентация семантики столицы в русской языковой картине мира // Языковое сознание. Речевая коммуникация: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти профессора В. Е. Гольдина, Саратов, 14–16 октября 2020 года. Саратов: ИЦ «Наука», 2020. С. 98-101.
3. Паршина О. Д. Русская глубинка: языковая экспликация семантики провинции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 12. С. 3859-3868.
4. Паршина О. Д. Семантические роли номинации «глушь» в категоризации пространства русской провинции // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы XIV Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург,

10 марта 2023 года. Том Выпуск 14. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2023. С. 217-221.

5. Parshina O. D., Gurova I. V., Gudkova S. A. Semantics ambiguity: Russian linguistic world-image for "province" lexical unit // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: Proceedings of the International Conference «Humanity in the Era of Uncertainty» (ICHEU 2021), Samara, 21–23 октября 2021 года. Vol. 119. Samara, 2021. P. 220-227.

6. Иванян Е. П. К вопросу о проприальных единицах Российской провинции // Наука и культура России. 2022. Т. 1. С. 119-122.

7. Тарасенко В. В. Фрактальная семиотика: «слепые пятна», перипетии и узнавания. М.: Ленанд, 2020. 248 с.

8. Гурова И.В. Гейт-производные в медиадискурсе: лингвокреативный аспект // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2018. №2. С.142-148.

9. Гурова И.В. Гейт-производные: заимствованные vs. образованные на русской почве // Балтийский гуманитарный журнал. 2018.Т.7. №3(24). С. 29-31.

10. Гурова И.В. О Брекзите и других «-екзитах» в русском дискурсе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. №8. С. 114-117.

11. Лысова О.Ю. Внутренняя форма фразеологизмов русского языка: семантический аспект. Монография / Под общей редакцией Е.П. Иванян. Самара: издательство «Инсома-пресс», 2023. 192 с.

12. Соколова М. Г. Динамика образа клена в лирике С.А. Есенина: лингвопоэтический аспект // Русистика без границ. 2017. Т. 1. № 4. С. 35-40.

13. Соколова М. Г. Типы семантических преобразований дендронимов в поэтических текстах А.В. Ширяевца / М. Г. Соколова // Филология и человек. 2020. № 2. С. 19-28.

14. Соколова М. Г. Эволюция конститuentов образных полей дендронимов в русской поэзии XVIII-XX веков: системно-функциональный подход. Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2020. 183 с.

15. Дельвиг Н. А., Сокол А. А. Учебная дискуссия как педагогическая технология формирования навыков иноязычной неподготовленной речи студентов-лингвистов // Концепт. 2022. №4. С. 65–78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchebnaya-diskussiya-kak-pedagogicheskaya-tehnologiya-formirovaniya-navykov-inoyazychnoy-nepodgotovlennoy-rechi-studentov> (дата обращения: 05.11.2025).

16. Иванян Е.П., Осипова Н.Д. Мастер-класс «Работаем с виртуальным музеем "Самарская лингвистическая школа": теоретический потенциал воспитательной работы по любви к родному краю и Родине» // Русистика без границ. 2023. №3. С. 137–142.

17. Осипова Н. Д. Лингвистический кружок «Язык и мир» как форма работы в рамках дисциплины «Педагогическая риторика» в вузе // Русистика без границ. 2024. Т. 8. № 1. С. 96–102.

18. Моргунова А.Н. Лингвокультурологический и методический аспекты изучения антонимов в старших классах // Традиции и новаторство в развитии лингвистической и методической мысли. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания Самарского государственного социально-педагогического университета (Самара, 30 октября 2024 г.) / отв. ред. Баженова Т.Е. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2024. С. 400-408.

19. Немич Н. Н. Репрезентация ольфакторной лексики в современном газетном тексте // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2025. № 2(57). С. 200-210.

20. Немич Н. Н. Конституенты семантики невыразимого как маркеры модусов перцепции // Современные тенденции языкового образования: опыт, проблемы, перспективы: Сборник статей участников IV Международной научно-практической конференции, Арза-

мас, 28 марта 2022 года / Науч. редактор Л.Н. Набилкина, отв. редактор Д.Л. Морозов. Арзамас: Арзамасский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 2022. С. 247-251.

21. Немич Н. Н. Репрезентация ольфакторного и вкусового модусов перцепции посредством участия конституентов семантики невыразимого // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2022. № 4(27). С. 95-99.

22. Агрова Г.Н. Ольфакторный модус перцепции в поэзии Ю. Мориц, посвящённый ёлке // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: сб. ст. XVI Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. В.Ф. Киприянова. Владимир, 2025. С. 34–40.

23. Агрова Г. Н. Параллель христианство – язычество в лирике Б. Ахмадулиной, содержащей дендроним *ель* и его дериваты // Семантика. Функционирование. Текст. Межвузовский сборник научных трудов. Киров: ООО Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2025. С. 57 - 64.

24. Мирошниченко М. Р. Актуальные вопросы изучения местоимений и местоименных слов в лингвистической русистике // Наука молодых : Сборник статей участников XVII Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 90-летию педагогического образования в Арзамасе, Арзамас, 20–21 ноября 2024 года. Арзамас: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2025. С. 441-444.

25. Мирошниченко М. Р. Развитие идей В. В. Бабайцевой в изучении функциональных омонимов: современное состояние научной области // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, № 2. С. 470-479.

26. Давыдова Р.С. Тенденции номинации в сфере прагматонимов детского питания Наука молодых: Сборник статей участников XVII Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 90-летию педагогического образования в Арзамасе, Арзамас, 20–21 ноября 2024 года. Арзамас: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2025. С. 426-428.

27. Давыдова Р.С. Графиксация как способ образования прагматонимов – фиктонимов пищевой промышленности // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной конференции. Воронеж, 2025. С. 20-23.

28. Айтасова С. И. Система средств эвфемизации в творчестве Н.В. Гоголя: дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.01 / Айтасова Сания Ибрагимовна; [Место защиты: Сам. гос. ун-т]. Самара, 2013. 191 с.

29. Айтасова С.И. Особенности метонимизации смягчающих наименований в творчестве Н.В. Гоголя // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы. Материалы седьмой международной научно-практической конференции. 2012. С. 19-24.

30. Симонова С.И. Эвфемизация как лингвокультурная универсалия творчества Н.В. Гоголя // Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве. Материалы VI Международной научной конференции. Воронеж., 2025. С. 257-260.

31. Иванян Е. П. Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Иванян. 3-е издание, стереотипное. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «ФЛИНТА», 2021. 461 с.

32. Иванян Е. П. Эвфемизмы русского языка: Спецкурс: учебное пособие / Е. П. Иванян. 4-е издание, стереотипное. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «ФЛИНТА», 2022. 121 с.

33. Иванян Е. П. Многоязычный словарь эвфемизмов туалетной темы / Е. П. Иванян, Х. Кудлинская-Стемпень, И. Н. Никитина. Москва: Флинта, 2013. 167 с.

34. Полякова Е. Н. Лексикографический портрет лексемы *бастард* // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2025. Т. 16. №3. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/07FLSK325.pdf>. (дата обращения: 29.09.2025).
35. Иवानян Е. П. Лексика и фразеология наказания в русском дискурсе: к постановке вопроса // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 4(25). С. 59-62.
36. Агафонцев М. С. Мортальная семантика фразеологизмов нанесения вреда индивидууму в русском дискурсе // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2025. № 1(36). С. 78-83.
37. Агафонцев М. С. Виды переносного значения в основе фразеологизмов семантики физического наказания индивидуума // Русистика без границ. 2025. Т. 9, № 1. С. 15-24.
38. Агафонцев М. С. Характеристика лексики и фразеологии наказания в семейном дискурсе // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2024. Т. 28, № 4. С. 10-19.
39. Агафонцев М. С. Особенности языковой реализации процесса наказания в педагогическом дискурсе // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. № 4(55). С. 37-44.
40. Резников Д. Р. Прецедентные феномены в текстах произведений А.В. Кивинова «Обнесенные ветром» и «Целую, Ларин» // Поволжский педагогический вестник. 2024. Т. 12. № 2(43). С. 87-94.
41. Резников Д. Р. Прецедентные феномены в поэтических текстах группы «Любэ» // Семантика. Функционирование. Текст: Межвузовский сборник научных трудов. Киров: ООО Издательство «Радуга-ПРЕСС», 2024. С. 88-96.
42. Резников Д. Р., Паршина О.Д. Прецедентные имена советских государственных деятелей в поэтических текстах Т. Ю. Кибирова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 12. С. 4289-4296.
43. Бычкова В. С. Аксиологический потенциал номинации «провинциализм»: словообразовательный и прагматический аспекты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 7. С. 2354-2360.
44. Бычкова В. С. Средства интенсификации пейоративной оценки номинации «провинциальчик» // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2024. № 4(55). С. 753-762. DOI 10.34680/2411-7951.2024.4(55).
45. Бычкова В. С. Лексические средства вербализации оценки провинциалки как источник аксиологических характеристик представителя региона // Столица и провинции: взаимоотношение центра и регионов в истории России: Материалы XV Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 15 марта 2024 года. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2024. С. 23-27.

References

1. Ivanyan E. P. Scientific communication as a way of organizing and presenting regional science in virtual space / E. P. Ivanyan, Yu. A. Belkina // Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2013, № 15(2-4), pp. 857-860.
2. Parshina O. D. Recursive representation of the semantics of the capital in the Russian linguistic picture of the world // Language consciousness. Speech communication: Proceedings of the international scientific conference dedicated to the memory of Professor V. E. Goldin, Saratov, October 14-16, 2020. Saratov: Scientific Center "Science". 2020, pp. 98-101.
3. Parshina, O. D. The Russian Outback: A Linguistic Explication of Provincial Semantics // Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2022, 15(12), pp. 3859-3868.
4. Parshina O. D. Semantic Roles of the Nomination "Backwoods" in the Categorization of the Space of the Russian Provinces // Capital and Provinces: The Relationship between the Center and Regions in the History of Russia: Proceedings of the XIV All-Russian Scientific Conference,

St. Petersburg, March 10, 2023. № 14. St. Petersburg: Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2023, pp. 217-221.

5. Parshina O. D., Gurova I. V., Gudkova S. A. Semantics ambiguity: Russian linguistic world-image for the “province” lexical unit // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: Proceedings of the International Conference “Humanity in the Era of Uncertainty” (ICHEU 2021), Samara, October 21-23, 2021. № 119. Samara. 2021, pp. 220-227.

6. Ivanyan E. P. On the issue of proprietary units of the Russian province // Science and Culture of Russia. 2022, 1, pp. 119-122.

7. Tarasenko V. V. Fractal semiotics: “blind spots”, twists and turns, and recognitions. M.: Lenand. 2020, pp. 1-248.

8. Gurova I.V. Gate derivatives in media discourse: the linguacreative aspect // Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of creativity. 2018, 2, pp. 142-148.

9. Gurova I.V. Gate derivatives: borrowed vs. formed on Russian soil // Baltic Journal of the Humanities. 2018, 7(3-24), pp. 29-31.

10. Gurova I.V. On Brexit and other “-exits” in Russian discourse // Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities. 2022, 8, pp. 114-117.

11. Lysova O. Yu. Internal Form of Russian Phraseologisms: Semantic Aspect. Monograph / General editor E. P. Ivanyan. Samara: Insoma-press Publishing House. 2023, pp. 1-192

12. Sokolova M. G. Dynamics of the Maple Image in S. A. Yesenin’s Lyrics: Linguopoetic Aspect // Russian Studies Without Borders. 2017, 1(4), pp. 35-40.

13. Sokolova M. G. Types of Semantic Transformations of Dendronyms in A. V. Shiryayev’s Poetic Texts / M. G. Sokolova // Philology and Human. 2020, 2, pp. 19-28. DOI: 10.14258/filichel(2020)2-02.

14. Sokolova, M. G. Evolution of the constituents of figurative fields of dendronims in Russian poetry of the 18th–20th centuries: a systemic-functional approach. Tolyatti: Tolyatti State University. 2020, pp. 1-183.

15. Delvig, N. A., Sokol, A. A. Educational discussion as a pedagogical technology for developing unprepared foreign language speech skills in linguistics students. Concept. 2022, 4, pp. 65-78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchebnaya-diskussiya-kak-pedagogicheskuyu-tehnologiyu-formirovaniya-navykov-inoyazychnoy-nepodgotovlennoy-rechi-studentov> (date of access: 05.11.2025).

16. Ivanyan E.P., Osipova N.D. Master class “Working with the virtual museum «Samara Linguistic School»: the theoretical potential of educational work on love for the native land and the Motherland” // Russianists without Borders. 2023, 3, pp. 137-142.

17. Osipova N.D. Linguistic circle “Language and the World” as a form of work within the framework of the discipline “Pedagogical Rhetoric” at the university // Russianists without Borders. 2024, 8(1), pp. 96-102.

18. Morgunova A. N. Linguocultural and methodological aspects of studying antonyms in senior grades // Traditions and innovations in the development of linguistic and methodological thought. Proceedings of the International scientific and practical conference dedicated to the 95th anniversary of the Department of Russian Language, Speech Culture and Methods of Teaching them, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, October 30, 2024) / ed. Bazhenova T. E. Samara: Scientific and Technical Center, LLC. 2024, pp. 400-408.

19. Nemich N. N. Representation of olfactory vocabulary in a modern newspaper text // Current issues of modern philology and journalism. 2025, 2(57), pp. 200-210.

20. Nemich N. N. Constituents of the semantics of the inexpressible as markers of modes of perception // Modern trends in language education: experience, problems, prospects: Collection of articles by participants of the IV International Scientific and Practical Conference, Arzamas, March 28, 2022 / Scientific editor L. N. Nabilkina, responsible editor D. L. Morozov. Arzamas: Arzamas branch of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky”. 2022, pp. 247-251.

21. Nemich N. N. Representation of the olfactory and gustatory modes of perception through the participation of constituents of the semantics of the inexpressible // *Bulletin of the Vologda State University. Series: Historical and Philological Sciences*. 2022, 4(27), pp. 95-99.
22. Agrova G. N. Olfactory mode of perception in the poetry of J. Moritz, dedicated to the Christmas tree // *Language categories and units: syntagmatic aspect: collection of articles of the XVI International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of prof. V. F. Kipriyanov. Vladimir*. 2025, pp. 34-40.
23. Agrova G. N. Parallel Christianity – Paganism in the Lyrics of B. Akhmadulina Containing the Dendronim Spruce and Its Derivatives // *Semantics. Functioning. Text. Interuniversity Collection of Scientific Papers*. Kirov: LLC Izdatelstvo Raduga-PRESS. 2025, pp. 57-64.
24. Miroshnichenko M. R. Current Issues in the Study of Pronouns and Pronominal Words in Linguistic Russian Studies // *Science of the Young: Collection of Articles by Participants of the XVII All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 90th Anniversary of Pedagogical Education in Arzamas, Arzamas, November 20–21, 2024*. Arzamas: National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky. 2025, pp. 441-444.
25. Miroshnichenko M. R. Development of V. V. Babaytseva's ideas in the study of functional homonyms: the current state of the scientific field // *Philological sciences. Theoretical and Practical Issues*. 2025, 18(2), pp. 470-479.
26. Davydova R. S. Nomination trends in the field of baby food pragmatonyms. *Science of the Young: Collection of articles by participants of the XVII All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 90th anniversary of pedagogical education in Arzamas, Arzamas, November 20-21, 2024*. Arzamas: National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky. 2025, pp. 426-428.
27. Davydova R.S. Grafixation as a way of forming pragmatonyms – fictonyms of the food industry // *Linguocultural universals in the world space. Proceedings of the VI International Conference*. Voronezh. 2025, pp. 20-23.
28. Aitasova S. I. The system of euphemization means in the works of N.V. Gogol: dis. ... candidate of philological sciences: 10.02.01 / Aitasova Saniya Ibragimovna; [Place of protection: Samara State University]. Samara. 2013, pp. 1-191.
29. Aitasova S.I. Features of metonymization of mitigating names in the works of N.V. Gogol // *Higher humanitarian education of the XXI century: problems and prospects. Proceedings of the Seventh international scientific and practical conference*. 2012, pp. 19-24.
30. Simonova S.I. Euphemization as a linguocultural universal in the works of N.V. Gogol // *Linguocultural universals in the world space. Proceedings of the VI International Scientific Conference*. Voronezh. 2025, pp. 257-260.
31. Ivanyan E.P. Dictionary of euphemisms of the Russian language / E.P. Ivanyan. 3rd edition, stereotypical. Moscow: Limited Liability Company “FLINTA”. 2021, pp.1-461.
32. Ivanyan E.P. Euphemisms of the Russian language: Special course: study guide / E.P. Ivanyan. 4th edition, stereotypical. Moscow: Limited Liability Company “FLINTA”. 2022, pp. 1-121.
33. Ivanyan E. P. Multilingual Dictionary of Toilet-Related Euphemisms / E. P. Ivanyan, H. Kudlinskaya-Stempfen, I. N. Nikitina. Moscow: Limited Liability Company “FLINTA”. 2013, pp. 1-167.
34. Polyakova E. N. Lexicographic Portrait of the Lexeme “Bastard” // *The World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2025, 16(3). URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/07FLSK325.pdf>.
35. Ivanyan E. P. Vocabulary and Phraseology of Punishment in Russian Discourse: Towards the Question // *Baltic Journal of the Humanities*. 2018, 7 (4-25), pp. 59-62.
36. Agafontsev M. S. Mortal Semantics of Phraseologisms Denoting Harm to an Individual in Russian Discourse // *Bulletin of the Vologda State University. Series: Historical and Philological Sciences*. 2025, 1(36), pp. 78-83.

37. Agafontsev M. S. Types of Figurative Meaning at the Basis of Phraseologisms Denoting the Semantics of Physical Punishment of an Individual // *Russian Studies Without Borders*. 2025, 9(1), pp. 15-24.
38. Agafontsev M. S. Characteristics of the Lexicon and Phraseology of Punishment in Family Discourse // *Bulletin of the Southern Federal University. Philological Sciences*. 2024, 28(4), pp. 10-19.
39. Agafontsev M. S. Features of the linguistic implementation of the punishment process in pedagogical discourse // *Current issues of modern philology and journalism*. 2024, 4(55), pp. 37-44.
40. Reznikov D. R. Precedent phenomena in the texts of A. V. Kivinov's works "Windswept" and "Kisses, Larin" // *Volga Region Pedagogical Bulletin*. 2024, 12(2-43), pp.87-94.
41. Reznikov D. R. Precedent phenomena in the poetic texts of the "Lyube" group // *Semantics. Functioning. Text: Interuniversity collection of scientific papers*. Kirov: LLC Izdatelstvo Raduga-PRESS. 2024, pp. 88-96.
42. Reznikov D. R., Parshina O. D. Precedent names of Soviet statesmen in the poetic texts of T. Yu. Kibirova // *Philological sciences. Theoretical and Practical Issues*. 2023, 16(12), pp. 4289-4296.
43. Bychkova V. S. Axiological potential of the nomination "provincial": word-formation and pragmatic aspects // *Philological sciences. Theoretical and Practical Issues*. 2024, 17(7), pp. 2354-2360. DOI: 10.30853/phil20240335.
44. Bychkova V. S. Means of intensifying the pejorative assessment of the nomination "little provincial" // *Scientific Notes of Novgorod State University*. 2024, 4(55), pp. 753-762.
45. Bychkova V. S. Lexical means of verbalizing the assessment of a provincial woman as a source of axiological characteristics of a regional representative // *The capital and the provinces: the relationship between the center and the regions in the history of Russia: Proceedings of the XV All-Russian scientific conference, St. Petersburg, March 15, 2024*. St. Petersburg: Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2024, pp. 23-27.

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;
- 3) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);
- 4) название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 8) библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки** [1; с. 54–67], [2; т. 3, с. 4–6] с указанием страниц. **Сноски не допускаются.**

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в порядке упоминания работ в тексте статьи по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1

Гуманитарный институт филиала
Северного (Арктического) федерального
университета имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск,
тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

*Institute of Humanities of Northern
(Arctic) Federal University named after
M.V. Lomonosov
The department of linguistics
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk,
tel. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег... (200-250 слов).

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, признаки образа, ...

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, ...

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небесполуночной страны* [1]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания его современники и исследователи творчества, в т. ч. Л.Я. Гинзбург [2].

Текст, текст, текст.....

Библиографический список

1. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/> (дата обращения – 15.05.2019).
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.

References

1. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/> (accessed – 15.05.2019).
2. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 4 (59) 2025

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 25.12.2025. Формат 60х84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 20,4. Усл. печ. л. 22,9. Тираж 28 экз. Заказ № 288
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84